

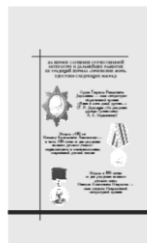
ПРАВОСЛАВИЕ В НАШИХ ДУШАХ

КОВЧЕГ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

**ВСЕРОССИЙСКОГО
ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЖУРНАЛА
«ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»**

ВЫПУСК 8

**ТУЛА
2018**

ББК 84 Р7 (Рос.-Рус.)
К 25

Альманах «Ковчег»: поэзия, проза, публицистика, критика и литературоведение, произведения о детях и для детей.— Тула: Изд-во «Полиграфинвест», 2018.— 330 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ISBN 978-5-7679-2336-6

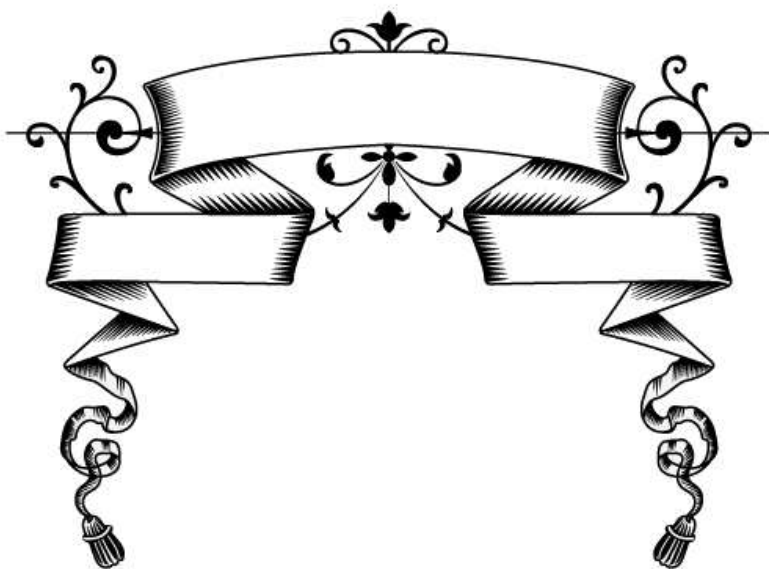
В альманахе «Ковчег» вошли духовные произведения, рассказы и стихотворения, эссе и миниатюры, статьи и воспоминания, родословные, литературоведческие работы и рецензии, а также произведения о детях и для детей для чтения им родителями. Участники альманаха — это и самостоятельные писатели, и профессионалы — члены Союза писателей России, Союза российских писателей и других писательских союзов. Широкий и возрастной диапазон авторов, он охватывает три поколения. В «Ковчеге» представлены авторы из Харькова (Украина), Симферополя (Республика Крым), Армавира Краснодарского края, Сокола Вологодской обл., Брянска, Медвенки Курской обл., Тулы; Алексина, Донского, Архангельского и Михайловки Каменского района и Шекино Тульской обл., Орла, Москвы; Серпухова и Электростали Московской обл., Баку (Азербайджан), Тель-Авива (Израиль), Самары; Тольятти и Похвистнево Самарской обл., Волгоградской обл., Екатеринбурга, Салавата Башкортостана, Нижневартовска Ханты-Мансийского АО, Байконура и Семипалатинска (Казахстан), Ленинск-Кузнецкого Кемеровской обл. и Козьмодемьянска Московской обл. Объединяет же всех — любовь к России, православию, русской культуре и обеспокоенность судьбами страны и народа, будущим наших детей.

Мнение редакционного совета не всегда совпадает с мнениями авторов. За публикуемые в альманахе произведения ответственность несут авторы.

- © Шафран Яков Наумович, идея, составление, 2018
- © Шафран Яков Наумович, Радько Виктория Владимировна оригинал-макет, оформление, 2018
- © Издательство «Полиграфинвест», 2018

ISBN 978-5-7679-2336-6

ДУХОВНАЯ СТРАНИЦА

Юрий БОНДАРЕВ

Бондарев Юрий Васильевич родился 15 марта 1924 г. в городе Орске Оренбургской обл. В 1931 г. вместе с родителями переехал в Москву. Со школьной скамьи был призван в армию и закончил войну командиром артиллерийского орудия. Демобилизовавшись после второго ранения (1945 г.), Бондарев в 1946 г. стал студентом Литературного института имени М. Горького в Москве, где занимался в семинаре К. Г. Паустовского. С 1949 г. в журналах начали появляться первые рассказы Бондарева. Вскоре после окончания в 1951 г. института он был принят в Союз писателей СССР. В 1956 г. увидела свет первая повесть Бондарева — «Юность командиров», — рассказывающая о буднях курсантов артиллерийского училища в конце войны и в мирные дни. Широкую известность писателю принесли две следующие повести — «Батальоны просят огня» (1957 г.) и «Последние залпы» (1959 г.); они явились образцами жанра лирической фронтовой повести. Событием стал и первый роман Бондарева — «Тишина» (1962—1964 гг.). Большой успех имел роман «Горячий снег» (1970 г.), в котором Бондарев вплотную подошел к созданию эпического полотна, хотя действие произведения и ограничено одними сутками и одним событием — боями на подступах к Сталинграду.

В следующих романах — «Берег» (1975 г.), «Выбор» (1980 г.), «Игра» (1985 г.), «Искушение» (1991 г.), «Непротивление» (1994—1995 гг.) — Бондарев обратился к судьбам русской интеллигенции второй половины XX столетия. Бондарев активно выступал как публицист, в 80—90-х гг. он все больше выявлял свою приверженность позиции так называемого патриотического лагеря. Значительное место в творческой биографии Бондарева занимают работы в кино — им созданы киносценарии по многим собственным произведениям, сценарий киноэпопеи «Освобождение» (1970—1972 гг.). С конца 60-х гг. Бондарев занимал руководящие посты в Союзе писателей. Награжден Ленинской премией (1972 г.) и дважды — Государственной премией СССР (1977, 1983 гг.).

ПОИСК ИСТИНЫ* **

Мы говорим, что ныне в мире господствуют точные науки, а биология со своими поразительными открытиями, как известно, — уже «невеста на выданье». Мы знаем многое, и в то же время наше познание об объективной реальности, о человеке в ней — еще лишь шаг к полуоткрытой двери, за которой лежит не один пласт неоткрытых возможностей. Отдавая должное науке, можно сказать, что есть особый инструмент эмоционального познания ценности мира и ценности человека в нем. Этот инструмент — категория эстетическая и моральная — художественное исследование бытия.

В данном случае я имею в виду литературу и в той же мере кинематограф, этот новейший жанр полуторачасового диалога со зрителем, самый популярный в двадцатом веке вид искусства, заметно потеснивший некоторые другие его виды. Как бы ни было слишком решительным подобное утверждение, но это так. И с этим следует считаться. Да, и серьезная литература, и серьезный кинематограф (который становится все более психологическим***) разными средствами достигают высокой степени воздействия на миллионы людей.

А что значит познать? Это значит увериться в чем-то, докопавшись до глубины, за которой лежит пласт следующей неисследованной глубины. <...>

Очень давно известно: существуют в искусстве «что» и «как». Например, говоря о прошлом, мы знаем, что было, но все же не всегда знаем, как было. В литературе и кино важно не только что, но в большей степени как. Сначала что, а потом уже как, почему и зачем (не только что сделал, что сказал, но как сделал, зачем сделал). И это уже вопросы исследования, вопросы открытия общественных явлений, человеческих характеров.

Что и как — столпы содержания и формы. Форма — выявленное содержание. Дом строится не для того, чтобы холодно любоваться линиями карнизов, легким или тяжелым изяществом колонн. Дом строится не для того, чтобы исторгнуть восклицательные знаки у снобов или «философический» зевок у знающего всю архитектуру мира и видевшего все и вон стороннего наблюдателя или скептически настроенного критика. Дом строится для людей. В доме живут люди, он должен быть удобен, прочен. Он не должен ошеломлять, пугать или быть

* Юрий Бондарев. Собрание сочинений в четырех томах. Том второй. М., "Молодая гвардия", 1973.

** Работа «Поиск истины» написана Юрием Васильевичем Бондаревым сорок пять лет тому назад. Однако насколько актуальны для литературы, культуры и жизни темы, поднятые им, насколько они важны и поныне! (прим. гл. редактора)

*** Имеется в виду кинематограф 70-х — 80-х годов (прим. гл. редактора).

рассчитанно модным, с желанием всем понравиться своим фасадом. Как известно, архитектурой дома трудно кого-либо удивить. Инженеры говорят даже, что конфигурации кузовов автомашин, их линии, их формы уже исчерпаны в мировом автомобилестроении. Может быть, это и так. Или же не совсем так. И все-таки, надо полагать, все дело в жильцах дома, в их страстях, форма проявления которых мало изменилась за весь двадцатый век, хотя, скажем, политические страсти по существу своему неизмеримо изменились.

В дискуссиях на Западе мне часто говорили: стоит ли задумываться над смыслом жизни, если человек слаб и одинок, бессилен перед смертью, если он физически исчезает, уходит с земли? Не возникает ли отчаяние и ощущение бессмысленности, чувство отчуждения, разорванности связей?

Мне говорили также, что невозможно понять, куда исчезают человеческое сознание и человеческая память, которые несут в себе колоссальный заряд энергии. Куда и зачем исчезает энергия ненависти или любви, страдания, гнева или огромнейшей потенции творчества?

Но мы живем ожиданием и утверждением жизни. Ожидание — это возможность счастья, вера в облегчение, это первая любовь, которая будет, это вечерняя прохлада после нестерпимого острого зноя, это белое после черного, смех после слез, это тишина после грохота. Ожидание всегда связано с переходом от одного душевного состояния к другому; оно рождает надежду. И мы продолжаем жить, бороться и искать истину, ибо мы живем будущим. Мы живем верой в человеческие возможности и в возможности нашего общества. После того, что западный мир пережил в последние тридцать лет, после всех войн, жестокости, попрания личности и гуманности, после беспредельной разнузданности национализма и низменных инстинктов, крови, которая и сейчас еще льется по вине империализма и реакции на нашей планете, после мучительных поисков и разочарований некоторая часть западного искусства и литературы как бы изверилась в разуме человека, сбила с его головы венец достоинства, высокого духа, видя только вокруг «обесцененность мира», деформацию мыслей и чувств, трагедию послевоенного человеческого отчуждения*. Я имею в виду все современные течения в искусстве, связанные с иррациональностью, индивидуализмом и апокалипсическими настроениями. Я не ставлю себе задачу подробного толкования этого искусства. Моя личная оценка этих модернистских деформаций может быть оценкой, так сказать, однолюба, то есть человека, для которого естественную красоту одной женщины нельзя заменить «иррациональной» красотой другой. Так называемое авангардное искусство я воспринимаю как бессильную

* Все сказанное автором в полной мере относится и ко всему пережитому российским народом в последние тридцать лет его истории (прим. гл. редактора).

форму самозащиты от сложности мира. И я очень сомневаюсь, что иррациональная формула подготовлена поставить диагноз тому или другому явлению в обществе. Деформация может лишь еще больше запутать тонкие нити познания человека. Узел всегда легче затянуть, чем развязать его.

Я же считаю, что литература и кинематограф должны пытаться «развязывать» узлы в пределах возможного и в интересах людей, идущих в первых рядах подлинного социального прогресса. Да, человек — это наделенная сознанием природа, медленно познающая самое себя. Но каждая вещь имеет свою обратную сторону. Каждое познание несет в себе утверждение и отрицание. Познание не может быть нейтральным — ведь вы хотите докопаться до истины. Истина имеет свои моральные измерения, свою объемность. Значит: или, отрицая, утверждать живое, или, утверждая, отрицать мертвое. Зло — это противоположная форма добра. Но порой зло и добро, как сиамские братья, уживаются как бы в единой сущности, мучаясь в противоречиях, но не в силах оторваться друг от друга. Задача <...> искусства исследовать эти явления, ибо мы рассматриваем жизнь в диалектическом ее развитии.

Писатель должен быть действенной памятью своего общества и его душевным опытом.

Искусство — это память народа. Очень многое было бы потеряно в нашем душевном опыте, если бы не были написаны книги, не были созданы фильмы <...> Главное же для писателя и сценариста — объект его наблюдения, объект его исследования — люди, их страсти, их поступки. Люди живут, объединенные в общество. Толчки к творчеству идут извне. Это социальные и моральные импульсы общества.

Мы исповедуем метод социалистического реализма. Я много слышал бранных слов в адрес этого метода на международных дискуссиях и, в свою очередь, защищал то, что исповедую. В этих дискуссиях постоянно улавливается противоречивость, ибо оперирование терминами — это не самое убедительное доказательство. Где же истина? Она, по-видимому, все же в книгах, в их воздействии на человека.

Один из теоретиков французского «нового романа», Ален Роб-Грийе, заявил на дискуссии в Вене, что представители «нового романа» пишут неосознанно, а вся, мол, современная социалистическая литература занята проблемами сугубо утилитарными <...> Однако при этом не было названо ни одной даже плохой нашей книги последних лет. И, как ни странно, не было даже юмора, свойственного французам. И я не особенно удивился бы, если бы к этому были добавлены и проблема поглощения русскими черной икры ложками из деревянных бочек, и проблема медведей на улицах Москвы...

<...> Я ненавижу и в жизни, и в своих книгах несправедливость, ложь, равнодушие, предательство, карьеризм, и я хочу верить, что золотые истины могут победить и побеждают свинцовые инстинкты. И я

ищу в людях активное добро, мужество, товарищество и единение, не умиляясь и не приукрашивая человека, но и не унижая его презрением и жалостью. Я против лучезарного сияния в финалах романов и фильмов, против елочных игрушек в искусстве, ибо в неуверенном умилении вижу желание успокоить человека, надеть на голову его карамельно-розовый венец самодовольства. Нет, надо все время стучаться в его сердце, в его разум. Серьезная книга и серьезный кинематограф должны беспокоить сознание, говорить человеку, что он еще не достиг совершенства, и, отрицая в нем плохое, утверждать светлое начало, заставляя думать о сущности человеческого призвания. Я почти убежден, что художник не должен «решать» проблемы. Может быть, он должен только ставить их, указывать их. Проблемы решаются нашим обществом, а не писателем, ибо, как только художник задается утилитарной целью решить проблему, его герои превращаются в знаки, иллюстрирующие движение идеи. Разумеется же, такие произведения искусства не нужны никому. Книга и кинематограф — не устав, не свод законов, не инструкция, как подобает себя вести, в каких местах подобает курить, ходить или не ходить по газонам, снимать или не снимать галоши и пальто. Искусство — это средство тонкого воздействия на человеческую психику, инструмент истины и нравственности.

От века истина ходила с зажженным фонарем и раздражающим колокольчиком по негостеприимным домам, стучалась в двери и вместо приветствия звучно и как бы некстати говорила на пороге: «Власть имущий и сытый, помни о смерти». Это всегда неприятно напоминало, что человек со своими необузданными страстями, жестокостью, ложью, прелюбодеянием, коварством, жадностью не вечен, а значит, не всесилен, что смысл жизни, нетленность всего сущего — в любви к ближнему своему. Вечные истины черпались из библейских глубин, нарицательный сюжет Иисуса Христа в разных вариантах, с разными оттенками трансформировался в литературе вплоть до золотого ее века — XIX столетия.

Литература послеоктябрьского периода — это качественный скачок, одержимый поиск нового в человеке. Возникла литература *завоевания добра* <...> Если жизнотворность искусства в беспредельной цепи поисков, то вечность искусства — вечность исследования смысла человеческой жизни и цели ее. Жизнь человека — это последовательное приближение к истине, каким бы это движение ни было: мучительно зигзагообразным или круто синусоидным. Нет сомнения, для художника неинтересен удручающий анализ аксиомной прямой — кратчайшего расстояния между двумя точками. Здесь литература бесполезна.

Поэтому лучшие книги послеоктябрьского периода полны борьбы человека, напряженных его усилий, социального столкновения характеров в годы гражданской войны и в новом временном качестве

после ее окончания, поэтому эти книги и трагедийны и вместе с тем оптимистичны, гуманны и вместе с тем мужественно жестки. Они являются собой непреходящие ценности.

<...> Мы не должны во успокоение свое слезно умиляться, то и дело оглядываясь на уже сделанное, ибо и наше время слишком серьезно, слишком ответственно, чтобы быть сентиментальным.

Выражаясь языком технического века, художник как бы напоминает сложнейшую кибернетическую машину, параметры которой исходят от общества и времени. Если бы эта тонкая конструкция могла смеяться и плакать, то есть была бы наделена индивидуальным темпераментом, подобное сравнение могло бы быть точным.

Тут же стоит добавить, что художник — не мессия, не проповедник, а индивидуум, обостренно чувствующий внешние и глубинные проявления окружающей его жизни. Он тщательно и чутко ощущает ту истину, которая кажется ему озаряющей жизненные явления концентрированным лучом правды.

В самом деле, есть ли принципиально новое в нашей прозе, особенно заметное в последние годы?

Да, конечно. Серьезная литература уже полностью перестала заниматься так называемой костюмной частью, броским экстерьером, — поверхностные краски не воспринимаются как искусство. Исчезли пышные неоклассические фасады с порталами и башнями, появился добрый и проникающий скальпель хирурга, рентгеновский аппарат. Но литература пошла вглубь не сама по себе — диктовала жизнь. Наши герои сделали полный вдох и полный выдох. Возросла их самостоятельность. Литература стала пристрастнее исследовать то, что и должна исследовать, — комплекс поступков как импульсов порой непостижимых человеческих эмоций, анализируя в человеке добро и зло, любовь и ненависть, страх и освобождение от страха как проявление самоуважения. Эти категории, слава Богу, перестали быть только назывными, заданными для геометрического разделения персонажей на «положительных» и «отрицательных». Возникла иная измерительная категория: человечность. Следовательно, серьезное искусство стало более глубинным и более осмысленным. Оно ушло от приблизительности, от вязкого и расплывчатого правдоподобия. Оно перешло на сторону большой правды.

Однако не стоило бы преувеличивать собственных заслуг, подобно Золя и французским натуралистам, утверждавшим, что они знают о человеке все. Если мы хотим быть скромными, то должны сказать: «Мы еще знаем о современном человеке мало, но когда-нибудь узнаем все».

Одним из самых неприятных впечатлений в моей жизни была встреча с совершенно реальным персонажем, когда-то наделенным маленькой, но крепкой властью, затем правдой времени лишенным ее.

У него был тускло усмехающийся взгляд человека, который давно узнал о людях все низменно-подлое, достойное презрения и кнута. Я убежден, что серьезная литература не имеет права вставать в позицию изверившегося индивидуума. Писатель может злиться и гневно отрицать мертвое, негодовать и сомневаться в чем-то. Но он лишен права быть озлобленным на человека. Это противопоказано истине. Как и великие гении вечной мысли, художник обязан исповедовать свое святое и непоколебимое, быть трезвым исследователем сложных и противоречивых явлений жизни, как бы ни были горьки порой его соприкосновения с материалом, как бы ни одолевали его иной раз сомнения.

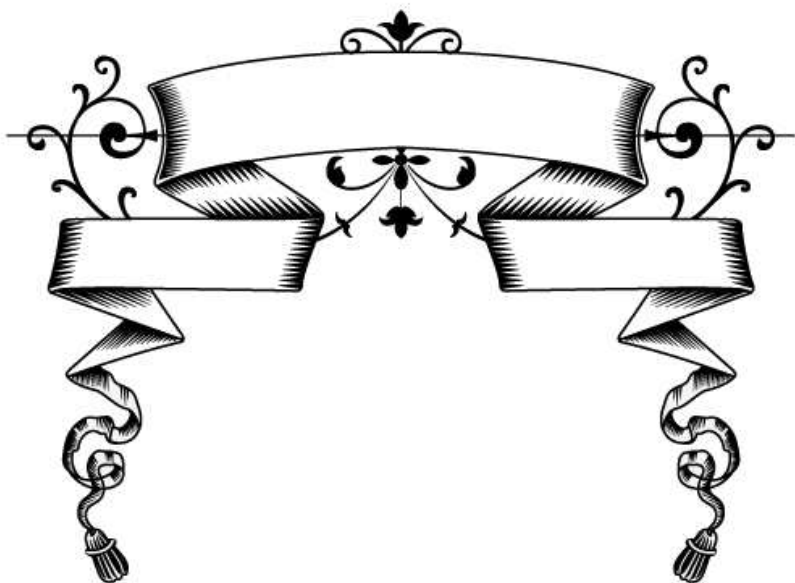
Я уверен в этом еще и потому, что искусству последних лет стала чужда опасная прямолинейность, гладкая, как отполированная поверхность, вызывающая лишь мысль о безмыслии.

Человек — вот вечная, никогда не стареющая, никогда не подверженная никаким изменениям и модам тема. И говорить мы должны об этом. Может ли литература изменить мир? После того, что сказано великими классиками всех эпох о зле, жестокости, зависти, коварстве, прелюбодеянии, предательстве, угнетении человека и т.д., все эти извращения и пороки, казалось бы, должны были полностью исчезнуть с лица земли. Но они не исчезли. Они меняли форму и искусно камуфлировались. В то же время, как бы ни был отвратителен порок, он редко признает себя пороком и всегда готов защищать отвратительную свою сущность, найти оправдание своим поступкам. Почти вся литература критического реализма играла в этом смысле роль предупреждающего знака, но вместе с тем она искала и пути к совершенствованию человеческого общества. <...> Но мы не констатируем факты с холодной беспристрастностью, которая предлагает одну только «позицию» — равнодушие. В потоке жизни мы ищем своего героя, наделенного чувством ответственности.

Художественная литература не может материально изменить мир, но она может изменить отношения людей к собственной жизни и жизни общества. И она как бы постоянно обновляет связь человека с действительностью. Задача нашей литературы необъятно огромна — художественными средствами воспитывать самую высокую человечность.

Но как? Какие здесь использовать средства? На это ответят сами книги.

ПРОЗА

**ЕВГЕНИЯ КУРГАНОВА
ЛАРИСА СЕМЕНИЩЕНКОВА
ГАЛИНА СОЛОНОВА
ЛЯМАН БАГИРОВА
АЛЕКСЕЙ ЯШИН
ГЕННАДИЙ МАРКИН
ГАЛИНА ГЛАДЫШЕВА
ЕВГЕНИЙ СКОБЛОВ
КИРА КРЕСТЬЯНКИНА
РУДОЛЬФ АРТАМОНОВ**

**ОЛЬГА И НАТАЛЬЯ АРТЕМОВЫ
ГАЛИНА МАМЬКО
ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА
СЕРГЕЙ КРЕСТЬЯНКИН
ЯКОВ ШАФРАН
МИЛЕНА СУХОРУКОВА
ГАЛИНА ЗЕЛЕНКИНА
НИКОЛАЙ МАКАРОВ
ТАМАРА ХАРИТОНОВА
АННА ПОНОМАРЕВА**

АННА МАТИНА

Евгения КУРГАНОВА

(г. Москва)

Родилась в Москве, окончила филологический факультет МГПУ им. Ленина по специальности русский язык (литература), долгое время работала в ТАСС. Первые рассказы опубликованы в газете «Московские новости». Печаталась в журнале «Приокские зори», «Московский Парнас», в альманахах «Лесной орех», «Ясноцвет», в болгарской газете «Есенински булевард», в литературном журнале «Страна и мы», в сборнике «Вечерами у балкона». Вышли в свет книги: «Люблю и верю» и «Снежный вальс». Лауреат литературного конкурса «Страницы семейной славы» и Международного фестиваля «Русский лад». Член МГО Союза писателей России.

ТАНГО ОСЕНИ

На дворе сентябрь — первый месяц осени. Дни иногда были жаркими, небо, как летом, ярко голубое, по нему, не торопясь, плыли кучевые облака, а солнце еще долго продолжало светить на небосклоне. Воздух оставался чистым и прозрачным. Эту пору в народе всегда называли бабьим летом. Но с раннего утра все чаще появлялась осенняя дымка, которая к полудню постепенно исчезала. Дул легкий ветерок. Деревья еще стояли зеленые с небольшим коричневым налетом. В это время в лесу особенно тихо. В один из таких дней я с сыном пошла в лес, собирать: грибы, ягоды, орехи. Вот красноголовые подосиновики, а немного подалее от них, в траве, мы нашли белые грибы, здесь же сыроежки, рыжики, под сосной маслята, на поваленном дереве примостилась семейка опят. Невдалеке мы увидели куст калины. На болоте поспевала клюква. Под соснами, которые шумели наверху своими могучими кронами — ковер из ягод брусники. Наполнив корзины грибами и ягодами, мы вышли на опушку леса. Легли на нескошенную траву поляны, от земли веяло увяданием. Но цветы не хотели верить в это. Колокольчики, которые цвели все лето, приветствовали нас своим неслышным перезвоном. Ветерок, перебирая их, играл, как заправский звонарь. Здесь же росли и ромашки. Сын собрал мне букет из полевых цветов, но вставать с травы и идти домой мне не хотелось. Разморило. По небу, среди плывущих облаков, мы увидели летящий журавлиный клин. Они, курлыча, прощались с нами, с летом. Мы помахали им руками. Уже улетели в теплые края стрижи, ласточки, иволги и другие певчие птицы. В дорогу засобирались дикие гуси. С 23 сентября дни становятся все короче и короче.

К концу сентября, в начале октября листья деревьев и кустарников осень раскрасила во все оттенки красочной палитры: красные, желтые, бордовые и оранжевые их цвета радовали глаз. У березы и осины листья золотистые, клен же веселил нас своим разноцветьем, а у дуба — коричневый наряд. Листья березок отражались в зеркале небольшого лесного болотца своими золотистыми монистами. Но уже начался листопад. Пестрый ковер из листьев, шуршащих под ногами, лежал на пожухлой траве. Мы с сыном любили играть с ними, смеясь, подбрасывали вверх, снова и снова наблюдая их полет. Сын предложил пройтись по лесу. Паутина серебристыми нитями протянулась от дерева к дереву, играя и переливаясь под лучами осеннего, не часто появляющегося солнышка, вдалеке были видны красные грозди рябины и калины. Воздух с каждым днем становился все прохладнее. Готовились к зиме и звери. У белки-хозяюшки припасено полное дупло орехов, семян и высушенных грибов, это ее зимние заготовки. А к ноябрю она сменит рыжий летний мех на теплую серую шубку. Осенью, уже с середины сентября, начинается линька у зайцев, а заканчивается она обычно к концу ноября. Если снег в лесу ложился поздно, то зайцу трудно спрятаться от хищников, также как и горностаю и ласке, которые на зиму передеваются в белые платья. Мыши-полевки натаскали в норки мягкого сена, наготовили зерен на зиму. Много сухих листьев принесет в свое логово еж. На этой теплой перине он будет спать до весны. Кабаны старались держаться вместе, подготавливая себе ночлег из опавших листьев, сухих сломанных сучьев. Подросли волчата. Было тихо, только голоса синиц, свиристелей, стук дятла, нарушали покой осеннего леса.

Ближе к ноябрю зачастили мелкие затяжные дожди с холодными ветрами, сильные порывы которых срывали оставшиеся листья с деревьев. Их скрюченный, промокший вид уже ничем не напоминал бальный наряд ранней осени. Под ногами хлопала мокрая жижа, из земли и опавших листьев.

Дни в ноябре чаще всего пасмурные. Четыре часа, а уже опустились ранние сумерки, начало темнеть. Наступила поздняя осень. Солнце появлялось редко и быстро заходило за горизонт. Небо — свинцовое, казалось, что оно готово раздавить своей серой тяжестью все вокруг. Иногда дожди шли со снегом, но снежный покров пока неустойчив. По утрам ранние заморозки, на воде появляется тонкий ледок. Уже прилетели клесты, снегири, чечетки. На рябине мы видели сидящего свиристеля, который спешил поскорее полакомиться ягодами. А вот и сойка, как увидит что-то необычное в лесу, сразу заголосит. Кричала она при всякой опасности, предупреждая о ней лесной мир. Сорока и сойка очень любят поголосить. В ноябре много не погуляешь. Пронизывающий, колючий, косой дождь забивал глаза, лез за воротник, под ногами вязкая сырость. Удручающий вид был у деревь-

ев, которые своими темными, голыми ветвями боролись с холодными порывами ветра. Все в природе исполняло свое последнее осеннее танго. И эта мелодия осени вызывала в моей душе непонятную неподдельную грусть, а также тоску, по ушедшему лету. Природа готовилась к зиме.

Ольга и Наталья АРТЕМОВЫ

(п. Медвенка Курской области)

Ольга Артемова — член СПР. Почетный работник общего образования России. Стихи публиковались в центральных газетах и журналах. Автор 16-ти книг стихов и прозы. Является победителем Всероссийского конкурса «Парус одинокий», посвященного 200-летию со д. р. М. Ю. Лермонтова, и ряда областных творческих конкурсов. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Наталья Артемова — член СПР. Публикуется в ряде центральных газет и журналов. Автор 16 книг стихов и прозы. Победитель Всероссийского конкурса «Парус одинокий», посвященного 200-летию со д. р. М. Ю. Лермонтова, лауреат Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы». Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

СЕРЕБРЯНЫЙ КАРАНДАШИК

Фантастический рассказ

Евгения Павловна заглянула в кабинет — и тяжело вздохнула: опять дежурные сбежали! Класс являл собой картину спешного варварского отступления. Стулья валялись в не живописном порядке, на полу белели выброшенные за ненадобностью шпательки, одноразовые стаканчики, тошнотного вида комочки жвачек. И только под крайней партой что-то призывно, подарочно поблескивало. Евгения Павловна прищурила близорукие глаза и сделала шаг вперед. На полу беспризорно валялся миленький серебристый карандашик, ну, может, сантиметров пять в длину. Женщина осторожно подняла огрызок, приблизила к глазам:

— Какая славная вещичка! Наверно, Милена потеряла. У нее вечно портфель полон канцелярских чудес. Завтра надо отдать. И выговор сделать дежурным. Завтра...

Ах, как же ей все это надоело! Выговоры! Замечания! Агрессивные ответные выпады учеников! И постоянное жгучее ощущение своей несостоятельности.

Усталым шагом учительница плелась домой. Горькое ощущение: она отстала от жизни! — не оставляло и на широких пространствах города. Евгения Павловна шла, опустив нос, точно искала что-то на не по-январскому склизком снегу. Господи Боже! Что она могла найти там? Свою потерянную молодость? Невесть когда ускользнувшее ощущение счастья и веру в собственное бессмертие? Молитвенное преклонение перед делом учителя? Да чепуха все! И не ищет она ничего! Просто ей тошно смотреть на шикарных полураздетых женщин, призывно улыбающихся с рекламных щитов, на обманчиво несчастных нищих... «А, может, они не обманчиво того... несчастны?» — предательски дрогнуло сердце. «Значит, тошнее вдвое!» — мысленно огрызнулась Евгения Павловна и прибавила шага.

Дома она сварила магазинные пельмени и съела этот эрзац-продукт, как обычно, в последние годы, не ощущая ни вкуса, ни удовольствия. Механически помыла посуду. С выпестованной годами покорностью раба извлекла из пакета стопку ученических тетрадей. Раскрыла первую.

«Воображение автора...» — прочитала Евгения Павловна, скрипнула, порылась в сумке в поисках красной ручки... И извлекла на свет Божий неизвестно чей серебряный карандаш. Вздохнула тяжело:

— Собачья работа!

Прямо на тетради вывела кривоватенькую линию. Карандаш удивительно мягко скользил по бумаге, осыпаясь легкой поблескивающей пылью. Евгения Павловна не обращала внимания на кружение серебрянки. Женщина думала. Вспоминала.

Шел 1978 год. Она тогда училась во втором классе. Да. И на углу, возле булочной, увидела потерянного щенка. Что-то такое лохматое-лохматое-лохматое. Шарик! И в этом шарике нос-пуговка и жалобно поблескивавшие глаза: усыновите! Вернее, она не одна увидела это сокровище, а еще — Лена, Света, Таня и Зойка, кажется, была. Но одна Женя посчитала этот шарик за несметное, неоспоримое сокровище и принесла его домой.

Мама всплеснула руками:

— Ой, где ты этого чебурашку взяла? Только не говори, что он наш, а то нас все соседи засмеют.

Женька застыла на пороге, прижимая к белому фартуку грязно-лапый комок. И сердце ее напряженно, с болью билось: тук! тук! тук! А под ее сердцем молоточком стучало сердечко перетрусившего шарика: тук-тук! тук-тук! тук-тук!..

Из соседней комнаты вышел отец, сильный, высокий, широкоплечий. Он собирался на завод во вторую смену. Застегивая рукава серой рубашки, покачал головой:

— Да! Тут не только Тарас Иваныч с Марией Яковлевной обхочутся. Но и терьер их Витязь, и бульдог Паша со второго этажа со смеху умрут!

Мать посмотрела на мужа с укоризной во взоре, и между бровями ее пролегла тонкая жесткая морщинка...

Тяжелая мутная слеза шлепнулась на ученическую тетрадь. Евгения Павловна некрасиво шмыгнула носом. Никогда!.. Никогда ни до, ни после в жизни она не была так счастлива, как в тот день!

— Гав!

Учительница вздрогнула и мотнула головой. Заснула, что ли? Уставилась на тетрадь! О Господи! Как она ее завтра Краснову отдаст?! Прямо под корявым сочинением красуется какой-то лопоухий шарик, помесь дворяжки с чебурашкой. Поспешно учительница потянулась за резинкой...

— Гав! Гав! Гав!..— снова откуда-то из угла раздалось протестующе громкое.

И тут же из соседней квартиры ответило хриплое:

— Совсем обнаглели со своими кобелями! Не дают послушать, как народ в «Пусть говорят» гавкается!

Противный голос соседа привел Евгению Павловну в себя. Она вдруг удивительно ясно поняла: происходящее не сон, не признаки переутомления, а... Ну, точно! Вот оно, чудо, сидит в углу! Лопоухое, жалкое, совсем не похожее на тот чудесный шарик.

— Ты кто? Откуда взялся? Что за новости?

Со странным объектом Евгения Павловна говорила почему-то шепотом. Может, боялась, что тот ответит ей на чистом человеческом: «Привет!» Или еще чего, посногшибательней. Песик и вправду проникновенно принял ее внимание. Встал, неуклюже проковылял к вертящемуся креслу и ткнулся в ногу пристывшей женщины жутко реальным мокрым носом.

Евгения Павловна сползла на пол. Осторожно взяла щенка на руки, и тот с щемящей преданностью зарылся ей в ладони: мол, всю жизнь любить буду; я ведь собака — не человек. Медленно Евгения Павловна провела ласковыми пальцами по шелковистой шерсти.

Откуда-то издали донесся живой голос давно умершего человека — ее отца: «Нет, если этого чебурашку отмыть, получится и ничего... Не крокодил Гена, во всяком случае...»

Учительница вздрогнула. Осторожно сняла с колен щенка. Огляделась близорукими, но удивительно дальнорукими глазами. Она слишком много времени провела в удушающем пространстве школы, где мир вывернут, закручен в спираль, где детские мечты каждый день набухают тугими бутонами, агрессивно стремясь стать реальностью, где насмешка над сказкой скрещивается с маниакальной тягой к фэнтези, где все бессмертно, потому что искренне верят в это. Учителя

заражены всеми ребяческими душевными вирусами. С каким-то покорным спокойствием Евгения Павловна констатировала: серебряный карандаш волшебный! Ну, а если проверить все-таки? Как интересно! Попробовать нарисовать еще что-нибудь! Ну, одну вещицу. Небольшую. Карандаш-то чужой. Его надо будет вернуть. А он вон как быстро стирается.

Легкими движениями прямо здесь же, в ученической тетради для сочинений, Евгения Павловна изобразила нечто отдаленно похожее на интернет-планшет. Провела последнюю линию и жадно пошарила глазами по столу. Ну, где же, где же?.. Да вот же! Последней модели!

— Ха! Ха! Действует! — победно улыбнулась щенку женщина. Схватила в руки дорогую электронную игрушку.— Так. Что бы вы желали посмотреть, моя дорогая? А давайте фильм с Гойко Митичем...

Мгновенно на экране появилось необыкновенно красивое мужественное лицо. Индеец, прижимая к литой бронзовой груди медвежонка, произнес: «Я сын и владелец прерий». Густым ревом медвежонок подтвердил смелое заявление красавца. Тут же опять раздалось протестующее: «Гав! Гав! Гав!» А следом донеслись удары костылем в стену и крики полоумного соседа.

Евгения Павловна тяжело вздохнула. Как же ей надоела эта квартира-клетка! Она всегда мечтала о собственном домике с петуньями в горшках и жарящимися на солнце розами. Но вечное учительское безденежье... Стоп-стоп! А что мешает ей осуществить мечту?

Женщина посадила щенка себе на колени. По-хозяйски взяла в руки серебристый карандашик и... комната закружилась-закружилась-закружилась... Но с еще большей скоростью в голове Евгении Павловны пронеслось: «А почему, собственно, домик? Почему, собственно, одноэтажный? Она что? Не заработала права на нормальную жизнь?!» Не отрывая карандаша от бумаги, учительница пририсовала к начатой конструкции второй этаж. Серебряная пыль мерно осела, открывая подлинную новорусскую красоту.

Евгения Павловна вскочила со стула. При этом лохматый шарик скатился с ее колен с жалобным писком на пол, но женщина не обратила на него внимания. Ошалело она поворачивалась из стороны в сторону. Вот уж когда пришло время не поверить глазам своим. Неужели все это богатство — ее?! Евгения Павловна бросилась из кабинета в коридор, обитый дубом. Что тут у нас? Спальня в вишневых тонах. Спальня в кремовых тонах. Гостиная. Ванная, выложенная розовым мрамором. Кухня с кафелем, воскресающим прелести королевской охоты. Полный воздуха балкон!..

Женщина засмеялась тихонько и тихим осторожным шагом, точно подкрадываясь, вернулась обратно в кабинет. Теперь несколько платьев от-кутюр... Самых-самых...

— И сережки с изумрудом... Я давно хотела... Обязательно с крупным... И кольцо с бриллиантом, чтобы... чтобы...

Внизу раздалось противное щенячье похныкивание, и шарик, виновато отводя глаза, сделал лужу прямо на белоснежном ковре, ворс которого мог запросто посоревноваться по длине с шерстью этого заморыша.

— Что еще за новости? — спросила Евгения Павловна строгим учительским голосом. Шарик испуганно подобрался.

Женщина вздохнула. Ну, ничего не поделаешь! Она же не виновата! Ну, не может же она держать в доме собаку, не приученную к порядку. Придется посадить щенка на цепь. Слава Богу, теперь у нее есть хороший двор. Пространства позволяют, так сказать. И потом... Евгения Павловна покосилась на дурно пахнущую лужу... Нет... Честное слово, ей страшно неудобно! Но она же не может содержать в порядке такую махину одна! Евгения Павловна виновато оглядела просторную комнату. Ей нужна какая-нибудь помощница. Какая-нибудь тетя Маша.

Быстро хозяйка особняка изобразила в тетради женщину скромной и приятной наружности и миленькую будочку. Тут же явилась тетя Маша, взяла под брюшко шарик и унесла его, жалобно скулящего, куда-то. В будку, надо полагать. Евгения Павловна, выполнив свой долг перед живой природой, уже не обращала на эту парочку внимания.

Серебряный карандаш подрагивал в ее тонких нетерпеливых руках. Париж. Она всегда мечтала увидеть Париж. Лувр, Монмартр, приют бессмертных... Боже мой! Боже мой! Все культурные сокровища теперь ее! Весь мир! Все его живые радости!

Серебристый карандашик, как молния, заметался по бумаге. Мелькали желтые пирамиды (совсем не такие гигантские, как грезились в мечтах), венецианские гондолы, развалины Колизея, кровавые плащи тореадоров — и кабаки, кабаки, кабаки... Жирные нувориши, женщины с повадками шлюх, требующие у официантов, чтобы их обслужили, как королев, пьяный угар, оседающий на сердце тяжелой седой пылью...

Какой-то раскрасневшийся боров надсаживает глотку:

— Господа! Выпьем за сильных и богатых, гос-с-спо-да!..

И она сама с бокалом в руке кричит, пытаясь перекрыть ресторанный шум и шум в собственной голове:

— Господа! Господа! Я так счастлива!.. Выпьем за любовь! Господа!..

И мужчина с красивым волевым, но каким-то пустым лицом улыбается Евгении. Его колено больно-сладко давит на ее ногу. Жаркие губы близко-близко:

— Какая красotka!

И пустые глаза смотрят настойчиво-пьяно:

— Не ожидал увидеть здесь такую...

Его дыхание обжигает тонкую шею Евгении. Звонкий противный звонок мобильного. Красивый мгновенно подбирается. Мгновенно трезвеет. Бросает в сторону Евгении с кривой улыбкой:

— Простите. Дела.— И уже в трубку, громко, напористо, жестко:

— Сколько? Да. Продавай всю партию!.. Недовольны? Кто недоволен, увольняй! Я на их место десять новых найду. Распустились! Все. Мне некогда. Официант! Еще десять бутылок «Дома Периньона»!

И опять Евгении — рассеяннo-внимательно:

— Ну, так как? Может, оставим эту теплую компанию?..

И снова она одна в гостинице какого-то немыслимо древнего города... На улице, помнящей конквистадоров... И опять — в кабинете своего источающего великолепный холод особняка.

Светало. И, может, потому что ночь (классическое время чудес) подошла к концу, карандаш не сразу исполнял желание — замедленно, как зависающий компьютер. Да и желания уже не били искрометным пьянящим фонтаном. Евгения Павловна чувствовала себя отупевшей от новых впечатлений. И во рту... стоял странный вкус — то ли прокисшего алкоголя, то ли загустевших слез, то ли жестокого разочарования.

Где-то внизу раздался раздражающий голос тети Маши:

— Ах, шалун! Опять из ошейника выскользнул. И где ты спрятался, чучело несчастное?!

Недовольное сопение в углу комнаты показало, где именно спряталось чучело несчастное. Евгения Павловна повернула голову. Щенок, пахнувший утренним туманом, мял грязными лапами белоснежный ковер. Женщина смотрела на него с заторможенной отупелостью. В голове с натугой проворачивалась невозможная мысль. Кто-то далекий и почти незнакомый сказал весело: «Нет, если этого чебурашку отмыть...» Евгения Павловна вздрогнула и словно проснулась. По лестнице уже шаркали шаги старательной тети Маши, и раздавалось ее предупреждающее побряктывание. Алый диск солнца прорвал синюю линию горизонта...

Евгения Павловна вскочила. Метнулась в угол. Схватила дрожащими руками грязный хныкающий шарик, прижала к белоснежному атласному пеньюару, к самому сердцу. Бросилась к столу. Сжала холодевшими пальцами серебряный карандаш. Совсем истеря. Оста-

лась чуточка — только ноготком зацепиться. Женщина упрямо закусила губу, вывела твердо: «1978 го...» — и на последней букве волшебный карандашik рассыпался серебряной пылью в ее руках. С беспомощностью погибающего Евгения Павловна отчаянней прижала к себе шарик и крепко-крепко зажмурилась...

Лариса СЕМЕНИЩЕНКОВА

(г. Брянск)

Родилась в 1949 г. в пос. Дубровка Брянской обл. Кандидат филологических наук. Автор научных работ по литературному краеведению, соавтор двух учебников по литературе родной Брянщины для студентов и учащихся общеобразовательных школ. Пишет пьесы, рассказы, сказки, сказки, стихи для детей. Автор четырех книг. Лауреат литературных премий. Член СПР, член международной общественной организации «Союз писателей и мастеров искусств», член Союза писателей Союзного государства.

ПРАЗДНИК В ЗАЛЕПЕЕВКЕ

Ивану сильно хотелось выпить. Не сказать чтоб за весь день ему ничего не перепало. Верка-самогонщица утром тайно от Светки, Ивановой жены, налила стопочку в долг, но предупредила, что больше не даст, потому что Светка просила ее не портить праздник. А где еще взять? Иван три месяца уже нигде не работал, а даром, известно, нигде не дают. Сегодня по случаю праздника Светка сама бы выделила на пиво, но с нею у Ивана была не просто ссора, как обычно, а пошло на принцип. На прошлой неделе Светка и ее закадычная подружка Ленка обе разом свалились со скамейки, которую Иван в доброе время поставил около дома. По правде, к нему вообще не могло быть претензий. Скамейка не вечная! Вышел срок — гнилые подпорки не выдержали. Глядеть надо было, куда садиться. Как назло, тогда мимо шел Петрович, которому всегда до всего дело. Мент в отставке — привык распоряжаться. Что-то указывал, пока подружки поправляли скамью, прилаживали больное к здоровому, и сказал вроде того, что им не скамейку, а мужей надо в ремонт отдать, а то, гляди, и крыльцо обвалится... Преметил сбитый порожек! На просьбу Светки все это привести в порядок Иван по привычке решил поторговаться, то есть потребовал магарыч. Светка и пошла на принцип: «За бутылку мне и сосед сделает!» Как отрезала. Ивану только и оставалось сказать: «Проси соседа». А так как Светка, видимо, твердо решила не уступать, Иван был в самом мрачном настроении всю неделю, а сегодня в особенности. К вечеру

уже все мужики пропустили от души — кто водочки, кто самогона — и теперь, которые, как говорится, были еще при своих ногах, стали стягиваться к центральной улице на общее гулянье. Светка пораньше ушла торговать рукодельем. Зимой от нечего делать трудилась, вышивала разные картины: речку, лес, птиц всяких... Как будто этого добра в натуре не хватает! Но, как ни странно, каждый год Светке удавалось продать свои художества, а на вырученные деньги она приносила Ивану, в зависимости от настроения и его поведения, иной раз даже четвертушку. Бывали и на Ивановой улице праздники! Конечно, тогда он еще приносил Светке зарплату, конечно, выпивал реже и матерился только изредка... Что теперь вспоминать. Накрылась его выпивка. До сада Ивана усугублялась тем, что дружба Васку еще вчера отправили к теще в деревню копнить сено. Вот где ему халява! А Иван стоял один у своей калитки и, страдая от злости на всех, глядел на дорогу. «Придумали еще праздник — День Залепеевки! Обхохочешься. Залепили б сперва ямку на дороге, а то сколько раз по пьяному делу об нее спотыкался...» С какой-то тоской поглядел на скамью с гнилыми подпорками, и так захотелось выпить, что даже сдавило горло.

Из дома напротив вышли соседи. Пришлось поздороваться. Про себя Иван прокомментировал: «Вышел петух со своим выводком. Ишь ты, галстуком удавился. А терпит! Курица платком блестит, а дочки — во смех! — с цветными волосами! Ну, точно, вырядились народ потешать. И кудахтают, как куры...» Он еще добавил несколько крепких сравнений, пока соседи не скрылись за поворотом. Тут Иван и проворонил Петровича, который шел с другой стороны улицы и был уже совсем близко. Чтоб с ним не разговаривать, Иван быстро отошел от калитки и, пригнувшись, наудачу сел на скамью. Как говорится, и охнуть не успел. Подпорка подломилась, а Иван кубарем отлетел к изгороди, удерживая в руках сорвавшуюся с гвоздей доску. Он быстро вскочил на ноги. Отметив, что руки-ноги целы, перевел дух и только хотел отшвырнуть доску подальше, как и подоспел Петрович.

— Здорово живешь! — бодро сказал Петрович.

Иван ответил достойно:

— Не жалуюсь.

— А что это ты, — изобразил удивление Петрович, показав глазами на доску в руках Ивана, — никак, ремонтируешь? У тебя, стало быть, как всегда, работа — лучший праздник?

Иван сразу не нашелся, что ответить, но ехидную насмешку бывшего участкового он понял и съязвил, как сумел:

— Для кого — работа, а для мужика — раз плонуть.

И, намекая на преклонный возраст Петровича, добавил:

— Как на пенсию выйду, тогда и буду с бабами в конкурсах соревноваться. Петрович победил в конкурсе на чистоту территории около дома и получил грамоту от уличкома.

— Ну, ну, трудись, — проговорил Петрович и пошел дальше.

— Понял, к чему сказано! — отметил Иван. — Не лезь не в свои дела!

Улица на время опустела. Иван отшвырнул доску к забору и задумался: «Теперь бы в самый раз выпить. Светка, небось, все продала, ушла давно. Может, принесет?..» «Не принесет, — однозначно ответил себе сам. — Светку не переупрямишь». Выхода Иван не видел. «Глухо, как в танке», — сказал он вслух и оглянулся. Со стороны центральной площади доносились звуки музыки. «Что, если, правда, слепить скамью? — в тоске подумал Иван. — Все равно Петровичу уже сказал... Работы всего ничего, на одних полчаса. И новая доска в сарае есть, как раз подойдет, пилить не надо. Стукнуть пару раз молотком. Светка, точно, на пиво даст. Магазин в праздник и ночью не закрывают. Можно будет потребовать и чего-нибудь покрепче, если подойти похорошему, обещание какое-нибудь дать без матерных слов. Сколько раз она уступала! Праздник все-таки! А то получается, что он, Иван, упорствует сам себе во вред. Светке-то от этого одна радость — теперь только и мечтает, чтоб он бросил выпивать. Ишь ты, размечталась!» И Иван уже решил твердо: «Ну, нет. Из принципа напьюсь сегодня, как надо быть».

Он птицей слетал в сарай, принес молоток, гвозди, новенькую доску, еще какие-то бруски и палки и с азартом стал все это прилаживать одно к другому. Скоро на месте обломков семейного равновесия Ивана красовалась новая скамейка, к которой Иван даже приделал спинку, чтоб не пропадали зря деревяшки, которые все равно валялись в сарае без надобности.

Мечта напиться обрела не гнилые, а конкретные, реальные подпорки, такие, что он уже не мог терпеть и ждать, пока Светка вернется домой, а решил скорей удостовериться, что ее продажа шла хорошо. Иван надел чистую рубашу, умылся, пригладил растрепанный чуб и, не спеша, нарочно с равнодушным видом направился туда, где народный праздник был уже в полном разгаре. От поворота слышались веселые голоса, музыка и шум праздничного оживления...

Еще издали он заметил толпу около временной эстрады посередине площади. Не хотелось мелькать в толпе, но обойти не получалось. Хоть слева, хоть справа, а народ везде. «А чего прятаться? — решил Иван. — Кажись, ничего не своровал». И даже нарочно пошел прямо через толпу.

На сцене разыгрывались какие-то призы. По ступенькам лезла толстуха в блестящей юбке, чтобы получить ведро с крышкой. Иван вспомнил, что в прошлом году такое ведро Светка тоже получила в каком-то конкурсе. «Закупили по дешевке пять лет назад, теперь сто лет раздавать будут», — подумал про себя. И тут его как будто пригвоздили к месту. Ведущий вынес небывалый приз — двухлитровую

бутыль «Жигулевского» за семьдесят три рубля пятьдесят копеек, возле которой Иван в магазине глотал слюнки каждый день. Иван замер. Объявляли конкурс. Нужно было всего-ничего сочинить стихотворение про их Залепеевку с условием — участвуют только мужчины. У Ивана сразу выскочило в голове: «В Залепеевке все лето, как грибы, растут поэты». «Не пойдет, — подумал он. — Обидятся еще, что с грибами сравнил». «Обойди хоть всю планету, только тут живут поэты». «Во! Кажись, ничего, в самый раз». Он видел краем глаза, как засуетились разряженные курицы и стали что-то нашептывать на уши своим петухам в галстуках. «Сейчас возьмут», — в панике подумал он. Какая-то сила стала продвигать его ближе к сцене, как будто от этого он получал свой шанс. Он уже стоял впереди всех, а пауза между тем затягивалась. На ум Ивану приходило новое и почему-то все про поэтов: «В мире лучше края нету, тут кругом одни поэты». Он спешно думал: «Говорить или не говорить? А вдруг?» Между тем, прокричав что-то вроде того, что настоящие таланты всегда отличаются скромностью, ведущий спустился по ступенькам вниз с другой стороны от Ивана и стал подносить микрофон то к одному, то к другому. Вот дела! Никто не мог ничего придумать. Тогда ведущий с микрофоном подошел прямо к Ивану, а Иван взял да и сказал: «Обойди хоть всю планету, — здесь всегда живут поэты». «О! — прямо подскочил ведущий. — Прекрасные строчки! Именно здесь, в Залепеевке, так много нераскрытых талантов...» И стал молоть прочую чепуху. Он взлетел на сцену и приглашал Ивана для получения приза. Иван забыл про страх. Он быстро, чтоб никто не обогнал, поднялся, стал рядом с ведущим и протянул руку. Ответил на какие-то вопросы и опомнился только тогда, когда спустился вниз и заметил на себе завистливые взгляды. Иван сообразил, что как-то нехорошо уходить сразу. Для приличия постоял немного и стал потихоньку отходить в сторону, ближе к дороге. Когда объявили другой конкурс, он сначала медленно, а потом, ускоряя шаг, уже направлялся к дому.

Скоро он только что не бежал. Как будто паруса несли Ивана, и он уже не мог остановиться... В голове одна за другой складывались строчки в новые стихи. И как складно получалось! «Светка убирает дом, в доме пыль стоит столбом. Не успеешь вернуться — можно пылью задохнуться». А вот про Верку-самогонщицу: «Верка лучше всех живет — уважает тех, кто пьет!» А ну-ка, про Петровича: «Мент считал свои медали — кабачки в саду украл». Это был намек на то, что в тот день, когда Петровича наградили за чистоту двора, у него в огороде пропали все кабачки и был выдернут лук какого-то особого сорта. «Вот тебе! Медальми сыт не будешь! Лучше б лук караулил». Стихи накатывали ударной волной. Увидав издали родную яму, после дождя превратившуюся в огромную лужу, Иван уже про себя читал: «И в жару, и в холода лужа здесь стоит всегда...»

Парусами вдохновения он чуть было не задел шедшего навстречу местного поэта Пенькова. Тот посторонился и даже с удивлением оглянулся.

Пролетев метров пять мимо Пенькова, Иван вдруг резко сбавил ход, пораженный внезапной мыслью: «Вот кто огребает! Как же я раньше не додумался! Если за две строчки дают целых два литра, то сколько ж это отваливают Пенькову? В каждом номере газеты вся последняя страница занята его стихами. Да! Вот где работа — не бей лежачего! То-то он все на озере сидит, рыбу сторожит. Сочинять-то и там можно, это ж не на тракторе пахать...» У Ивана сложилось сразу: «Если рыба не клюет, он стихи в мешке несет!» То-то Пеньков раздулся, как пузырь... Теперь Иван шел медленно, крепко прижимая к груди свою мечту за семдесят три рубля пятьдесят копеек. Он думал. Сколько времени пропало даром, пока он не ходил на работу. Сколько можно было сочинить! Принести в редакцию, показать. Идти-то всего ничего — за угол завернуть. А что? Может, еще и рады будут, что простые люди приходят, а не одни пеньковские приятели. Газета — для народа! Ну, такие, конечно, не напечатают, а если подумать, постараться... Делать-то все равно нечего! И эти, что сейчас сочинил, надо тоже записать в тетрадку, пусть будут, как записки...

Иван подошел к своей калитке. Окна были темные, значит, Светка еще не пришла. Он открыл калитку, постоял в раздумье. Скамейка белела свежей доской даже в темноте, и Иван осторожно сел посередине. Рядом поставил свой приз, ласково взял бутылку за горлышко. Никто не мешал ему выпить, хоть всю разом. Но Иван задумался. Пересиливало желание похвалиться перед Светкой новой, не начатой бутылкой. Пусть поглядит, что он, когда захочет, сам себе добудет, не дожидаясь ее подачек. А то еще и не поверит. «Ладно, подождем немного, не убудет», — принял решение Иван и опять вернулся к мыслям о стихах. А про что вообще писать? За такие записки, про самогонщицу да Петровича, ясное дело, по макушке не поглядят, еще и по шапке надают. Тут надо про что-то такое... «Ладно, — подловому решил Иван, — завтра прочитаю газету. Про что Пеньков сочиняет». Иван никогда не читал эти страницы. «Охота время тратить на чепуху!» А чепуха-то, оказывается, рублями звенит! Главное — придумать, про что писать... Хорошо, что Светка сохраняла все газеты...

Иван глядел перед собой в темноту, и было ему как-то беспокойно, как будто он решался сейчас отправиться в далекий и незнакомый путь, но позабыл много из того, что пригодится в дороге...

Он сосредоточил взгляд на круглой луне, которая светилась над крышей Федоры, что жила напротив. Она плыла так низко, как будто нарочно хотела заглянуть в Федорину трубу. «Во-во, пусть поглядит, что у бабки в печке к празднику. А то сколько живет, огурцом соседу

не набьется,— подумал Иван. И добавил уже по неопределенному адресу.— Закружили заборы на десять замков, никак не наедятся».

По небу шли облака. Они то и дело наплывали на луну, но она все равно выглядывала, и Иван стал про себя считать, сколько облачин проплывет, пока придет Светка...

О чем-то напоминали Ивану и эта луна, такая близкая, что, кажется, стань на крышу, и можно достать, и звезды, рассыпанные по небу, и облака, плывущие над головой... Точно так было в их деревне, когда во время сенокоса Иван с мужиками ночевал в стогу недалеко от речки... Иван вспомнил почему-то, как один раз все спали, а он не мог заснуть, все глядел на звезды и думал. Потом пошел к речке, сидел на берегу и слушал лягушек... На воде шевелилась лунная дорога, он наблюдал, как золотые полоски расплывались, собирались опять, таяли в воде, набегали одна на другую... Про что он думал тогда?.. Конечно, про Светку. Она оканчивала школу, была отличницей, и Иван еще ни разу к ней не подходил даже на вечерах, а посматривал только издали. Как-то Светка сама что-то у него спросила, а он ей ответил... И про это он сидел и думал, и не мог тогда заснуть...

«Вот про что написать бы стихотворение», — подумалось Ивану. И он напрягся. Стал подыскивать подходящие слова. Казалось, что они летают близко около него, как птицы, почти что задевают крыльями, но поймать их не удавалось. Иван заволновался. Какие-то рифмы получались, но они были смешные, это Иван сразу понимал: «Луна — до дна», «Светка — ветка», «Лягушки — старушки»... Он посмотрел на Луну, как будто она могла ему подсказать, но полуночица явно посмеивалась над ним... «Да...— думал Иван.— Вот и напиши, попробуй...» А про это точно бы напечатали. Он чувствовал это настоящее стихотворение, но оно почему-то никак не выражалось словами...

Иван расстроился. Он даже враждебно поглядел на бутылку «Жигулевского», как будто это она была виновата в том, что Иван не мог сложить ни одной строчки про то, что было самое, может быть, лучшее в его далекой юности. «Пускай,— решил он.— Не все сразу. Надо почитать. Подумать».

Послышались легкие шаги, по которым Иван всегда узнавал Светку. Она подходила к калитке и остановилась, увидев на скамейке Ивана. Ничего не сказав, приблизилась к нему. Перед собой Светка держала ведро с крышкой — мечту всех залепеевских огородниц. Значит, тоже выиграла в конкурсе. Светка, конечно, сразу увидела новую скамью, но ничего не сказала, молча села рядом и поставила ведро около себя. Глянула на бутылку. Иван не стал дожидаться вопроса. «Получил за конкурс. Во — аж два литра! Отметим, что ли? Одному неохота». Светка недоверчиво спросила: «За какой конкурс?» Иван с гордостью ответил: «Придумал стихотворение». «Неужели?» — с откровенной иронией спросила Светка. Иван обиделся: «А забыла, кто в

школе всю газету всегда писал? Между прочим, меня тогда тоже награждали». Это была чистая правда, и Светка промолчала. Может, даже и вспомнила, как Иван подарил ей один раз свое стихотворение. На выпускном вечере он сунул ей в руку помятый клочок бумаги с этим стихотворением, и она взяла... Как будто теперь забыла!

Светлана, молча, пошарила рукой в ведре и достала точно такую же двухлитровую бутылку за семьдесят три рубля пятьдесят копеек. «Все вышивки продала! И первое место дали!» Она поставила бутылку на скамью. Теперь их было две. Иван сразу не нашелся, что сказать, потом догадался: «Петрович про скамейку доложил!» Светка молчала. Теперь можно было идти в дом и праздновать от души, на что Иван имел полное и неопровержимое право. Но почему-то вставать не хотелось. Он заметил, что Светка тоже глядит на Луну, которая уже отчланила от Федориной трубы, стала как будто выше и взяла курс к дому Ивана. Он задумал: «Как скроется за облачину, так и подымусь». А облака, как нарочно, проплывали близко, но будто специально обходили Луну, и она делалась еще ярче и интереснее. «А где наши газеты старые?» — спросил вдруг Иван. Странно, что Светка даже не удивилась вопросу. Она как будто поняла Ивана, даже с какой-то радостью ответила: «За шкафом на кухне». И добавила: «Во вчерашнем номере стихи хорошие напечатаны». «Пеньковские?» — спросил Иван. «Нет, — ответила Светка. — Из области поэт, он на празднике выступал, забыла фамилию». Иван с каким-то тайным беспокойством спросил: «Про что стихи?» «Про разное... — как-то задумчиво произнесла Светлана. — Про жизнь...» «Почитаем», — ответил Иван. Они опять замолчали.

Слова были как будто лишние, потому что первый раз за последние годы многотрудной жизни Светланы и Ивана они сидели рядом на новой скамейке возле их дома, глядели на Луну и вместе думали. И если б кому сказать, то все равно никто б не поверил, что первый раз за весь день Иван почему-то забыл, что еще с утра ему сильно хотелось выпить, а все его внимание сейчас было обращено к большому облаку, ползущему от горизонта. Он не хотел, чтобы это облако закрыло собою ясные звезды. Как будто от этого зависело что-то очень важное в непутевой жизни Ивана.

Галина МАМЫКО

(г. Симферополь, Крым)

Родилась в г. Симферополе в 1958 г. Выпускница Калининградского ГУ. Трудилась в Крыму учителем, журналистом. Автор рассказов и повестей.

ЧУДО СВЯТОГО НИКОЛАЯ

Рассказ

Каждый день у него — плохое настроение. Иван Станиславович Чапрыгин — законопослушный гражданин, человек богатый, владелец сети магазинов здорового питания. На выборах голосует за правящую партию. По утрам занимается на тренажерах и обливается холодной водой. У него и в семье все хорошо. Супруга увлекается фитнесом, кушает натуральное-нерафинированное-органическое, выглядит на десять лет моложе своего возраста. Когда дети просят — соглашается посмотреть внуков. Изредка Иван Станиславович с товарищами вырывается на охоту, а иногда с женой — в театр. Все — как у многих. Нормально и спокойно.

Но вот настроение все хуже. Ему улыбаться не хочется, с друзьями общаться — тоже без прежнего удовольствия. В телевизор по вечерам с тоской смотрит, на курсе доллара перестал реагировать. «Да что ты, в самом деле»,— скажет Алена, но Иван Станиславович только взглянет тяжело и задумчиво на жену и ни слова.

— Может, к психотерапевту? — спросила однажды.

«Все равно. Мне все равно»,— так он подумал, глядя в тарелку со скользким салатом, поковырял, отпил горький кофе, зачем-то фыркнул, сам не понял зачем, поднялся, ушел к окну. Хотел отодвинуть тюль, но получилось, что швырнул вместе со шторой, громыхнул форточкой. Мир с мигающими светляками машин, туманом, вздохами морозящего неба вкатился в него, окутал иным, далеким, зазвучал в сердце чем-то хорошим и тревожным. Ему захотелось чего-то нового, такого же непонятного, как вот это небо перед глазами. А небо уже начинало проясняться после дождя, но все еще что-то падало сверху и шлепало, бежало на землю, отзывалось в деревьях, газонах, крышах какими-то сочными переливами.

Чапрыгин сказал, вглядываясь сквозь дождевые капли в самого себя — дрожащего, мутного, незнакомого, уродливого, плавающего в стеклянной прозрачности:

— Алена. Скучно мне. Жить вот не хочется.

— Значит, к психотерапевту. Удивительно, у тебя нет и намека на лысину, а тебе жить не хочется,— прищурил глаз и показывая голосом, что дурачится, она глядела в аккуратный стриженный затылок мужа.— Надо поднять связи и найти самого лучшего. А перед сном слушать Моцарта с Вивальди.

— Не надо связей. И врачей не надо. И Моцартов с Вивальди...— Тут Иван Станиславович, не желая того, повысил голос и стал говорить громко, и оттого казалось, что он раздражен.— И Репина со Львом Толстым, и Аллу Пугачеву с Дарьей Донцовой... Ни-че-го-не-надо.

Чапрыгин не хотел много говорить, но остановиться не мог («Зачем эта болтливость, зачем я говорю о писателях-музыкантах?» — думал он) и хрустел пальцами, хотя не желал так делать, пристукивал ногой, а жена качала головой. Ему не нравилось, что жена смотрит с сочувствием и качает головой, ему хотелось говорить резко, зло и решительно, чтобы Алена прекратила паясничать, как он считал, и не смотрела на него как на идиота, но сдерживал себя и следом раскаивался в дурных чувствах, и сожалел о своих дурных наклонностях. «Сколько во мне плохого, мерзкого. Я пустой человек»,— думал Иван Станиславович и, испытывая сожаление о себе, все же не хотел верить этим мыслям. Однако убежденность в своей пустоте лишь усиливалась. Ему казалось, что жена глупая, и такие же глупые все, кого он знает, и это ощущение Чапрыгин объяснял тем, что он действительно никчемный, двойственный человек.

Иван Станиславович так и не пошел к психотерапевту, хотя Алена нашла «самого лучшего».

А ей — наврал. Чтобы отцепилась. Сказал — едет к врачу. А попал, сам не знает почему, в церковь. Церковь старинная, она уже давно Ивану Станиславовичу, как он сам это называет, глаза мозолит, из года в год мимо нее на работу и с работы туда-сюда. «И что там люди забыли? И зачем это все?» — такие мысли посещали его, когда наблюдал, как шли прихожане на свои какие-то праздничные службы, а джип поскорее уносил Ивана Станиславовича дальше, дальше... Но теперь он велел водителю притормозить.

«Ну-ка, ну-ка...» — пробормотал сам себе и вошел в храм. Молобен батюшка как раз закончил служить, подал крест народу, все пошло, только на пороге человек стоит, не идет ко кресту. Иерей вопрошительно взглянул, помедлил и ушел в алтарь. Человек огляделся, присел на лавочку. Тихо. В углу, рядом с аналоем, покрытым красивой золотистой тканью, на стене — деревянная табличка. Чапрыгин пригляделся к лазерной гравировке, прочел надпись: «Место для чтения неусыпаемой псалтири». Под табличкой скотчем прикреплен лист с написанным от руки объявлением: «Уважаемые чтецы неусыпаемой

псалтири! Просьба ни на минуту не отвлекаться! Помогите вам Господи!» Девушка в маленькой светлой косынке, в очках, склонилась над старинным фолиантом, до слуха Ивана Станиславовича доносилось: «Услыши, Боже, глас мой, вегда молити ми ся к Тебе, от страха вражия изми душу мою».

Старушки и тетушки неспешно, благоговейно, с отрешенными лицами ходят по храму, от иконы к иконе, пришептывают особые слова, вкладывают в них свои особые, близкие к горнему миру чувства. Чапрыгин с интересом и непонятым восторгом, смешанным с еще более непонятной завистью, наблюдал за странными людьми, которые имеют свои отношения с теми, кого называют небожителями. Он опустил глаза, увидел свои ноги, каменный пол, а что там, дальше, вдруг подумал, ну, там, под ногами и под полом. «Неужели ад?» — пришла мысль. Иван Станиславович дернул плечом, поймал себя на том, что кусает губы, с этой неприятной привычкой борется много лет, но если не кусать губы, тогда тянет грызть ногти. Смотреть вниз не хотелось. Каменный пол напоминал о другом каменном поле, в морге, куда их, студентов мединститута, приводили в далекие-предалекие годы на практику. Выдержать ту, ужасную своим замогильным холодом, практику юноша Чапрыгин так и не смог, и планы стать врачом были навсегда похоронены в том самом морге с каменным полом. Он снял туфли и прилег. Почему бы не прилечь? Тишина, уединение, обрза — все располагает к покою и размышлению о вечном. Иван Станиславович лежал на спине, смотрел вверх, там, под куполом, чья-то кисть изобразила Всевидящее Око. Если есть Всевидящее Око, тогда каждый шаг — под наблюдением, пришла ему такая мысль. Куда ни пойдешь, что ни сделай, а оно всюду. Неужели оно и внутри тебя? Он задумался, а как же тогда жить, ну вот как тогда жить, в самом деле, если оно есть?

«Покрый мя от сонма лукавнующих, от множества делающих неправду», — сказали под табличкой чтецов неусыпаемой псалтири.

Пожилая женщина подошла к лежащему человеку. Чапрыгин закрыл глаза, ему не хотелось видеть кого-то, а тем более слышать, но он услышал. Это было дребезжаще-сострадательное: «Упокой, Боже, душу раба Твоего», и почувствовал, как ткнулись в его лоб.

Он вздохнул. Она сказала: «Ага». Помолчала, раздумывая, сказала нараспев: «С покойником перепутала. Сослепу. Мои извинения. Тут покойника ждут. Отец Андрей отвечать будет». «Не юродствуй. Ну, лежит себе и лежит раб Божий», — сказал кто-то доброжелательно, с улыбкой в голосе. «Да, лежит, это да», — согласилась она в ответ и вновь наклонилась к человеку на скамье. Иван Станиславович нехотя поглядел в ее глаза, увидел в них против своей воли что-то хорошее, а она наморщила желтый корявый нос, мигнула и погладила его по руке: «Во всем промысел Божий. Мало ли, чего в жизни не... Мда».

«Возвеселится праведник о Господе и уповает на Него, и похвалятся вси правии сердцем». Девушка кашлянула и взглянула на Чапрыгина. «Ошибаетесь, я не праведник. Ваш взгляд не по адресу», — он был готов пошутить, как когда-то умел это делать в обществе молодых женщин, пошевелил губами, но говорить не хотелось совсем, даже с девушкой.

Иван Станиславович увидел, как в храм мужики вносят гроб. Из алтаря вышел отец Андрей, откуда-то набежали люди, служитель Божий с ними заговорил, люди молчали и смотрели на батюшку тревожными глазами. Заметно было, как тяжело им думать о смерти, а тем более участвовать в таком скорбном деле, как похороны. Чапрыгин видел накрашенные глаза и нарумяненные щеки. Он подумал, как неуместна вся эта гнусная (так и подумал, именно «гнусная») женская бутафория возле гроба с покойником. А правда, снова подумал Иван Станиславович, зачем на похороны бабы красятся. Да и не только на похороны. Дуры потому что. Других объяснений он не находил. Прислушался к взволнованному разговору. «А вдруг человек в могиле оживет, мало ли, сколько таких случаев известно. Святой отец, благословите со смартфоном хоронить», — молодой мужчина в белых джинсах с модными дырами смотрел на священника умоляющими глазами, прижимая к сердцу руку. Пожилые женщины с траурными шарфиками на пышных прическах возмущались: «Это кощунство!». Тут из гроба зазвучала музыка. «Спят усталые игрушки, книжки спят... Одежда и подушки ждут ребят... Глазки закрывай, баю-бай...» «Безобразие!» — толпа загомонила, обещая скандал. Но смартфон все пел, люди замолчали, слушали. Музыка располагала к приятному настроению. Дородная дама в обтягивающих брючках всхлипнула, громко сказала: «Спи спокойно!» Она вдруг звучно, как-то даже слишком громко («Театрально», — подумал Иван Станиславович) зарыдала, низко поклонилась гробу, непонимающе посмотрела на соскользнувший под ноги черный прозрачный шарфик и подхватила, рыдая, съехавший с головы парик, стала выгирать им растекающуюся по щекам краску с ресниц. («А может, и правда, ей плохо, а я вот дурак. Да. Это я дурак. А не она», — от этой мысли ему стало и грустно, и ненормально весело, и вместе с тем неприятно от самого себя, что он вот смотрит на чужое горе и надмеается*. «Я просто очень плохой человек», — думал Чапрыгин в который раз и понимал, что это правда. И чем больше он называл себя плохим, тем сильнее у него першило в горле и хотелось удариться головой о стенку, или просто пойти к этому гробу и залезть в него, и лежать рядом с тем покойником, и слушать «баю-бай, глазки

* Надмеаться (церк.-слав.) — гордиться, чваниться, зазнаваться, кичиться — см. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. — под. ред. Н. Абрамова, М.: Русские словари, 1999.

закрывавай»). Решили смартфон из гроба не изымать. Иван Станиславович услышал, как семинарист вполголоса сказал подошедшим певчим: «Звонки на девятый и сороковой дни — бесплатно». Те поджали губы, чтобы не смеяться. Кто-то все же хохотнул. На него шикнули. Началось отпевание.

Но вот вновь запело-заиграло, и покойник, наконец, ответил: «Але, хватит трезвонить. Достали. Я третий день как умер». Из гроба показалась рука со смартфоном: «Подтвердите, не верит». «Да-да, папа умер!» — наклонился к руке мужчина с дырчатыми коленями.

Иван Станиславович открыл глаза: ни гроба, ни людей. Значит, я уснул в разгар отпевания, понял он.

Требы завершены, отцу Андрею можно уходить, но в храме на скамье спит человек. Служащие спрашивали у батюшки благословения выпроводить гостя, но получили отказ.

Ждали, когда посетитель проснется. Когда Чапыргин поднялся и стал надевать туфли, к нему подошел отец Андрей.

«И чего им всем от меня надо? Или у меня на лбу что-то написано?» — подумал он без интереса и вспомнил жену с Моцартом и психотерапевтом.

— Какие проблемы, чем могу помочь? — сказал иерей.

А борода у него прямо серебро, и весь он в натуральном сиянии. Сияет радостью, и взгляд — как у отца родного... Не человек, а праздник. Иван Станиславович хотел бы удивиться и не может. Ответил равнодушно, но, неожиданно для себя, искренне, и получилось, что пожаловался, и так вышло это вдруг доверительно, будто в задушевной беседе со старинным приятелем:

— Жить скучно, прямо с души воротит от всего. И вроде для счастья полный комплект, а все не мило.

Священнослужитель кивнул с пониманием.

«Да что он понимает. Ничего не понимает»,— подумал Иван Станиславович и подсадовал на себя. «Зачем я вообще ему душу открыл? Видно, это у попов профессиональное. Психотерапевтов за пояс заткнут».

— А вы знаете такую новость? В Храм Христа Спасителя святыню из Италии привезли, мощи святого Николая, его девятое, из-под самого сердца, ребро, впервые за девятьсот тридцать лет, из итальянского города Бари, из папской базилики! Это сегодня у всех на слуху, настоящее историческое событие,— пресвитер говорил с особым радостным торжеством в голосе, будто это он лично руководил священной церемонией по перенесению мощей.

«И как это люди по любому поводу и без повода радоваться умеют? Вот что такого радостного, что?» — подумал Чапыргин.

— Ну, в новостях мелькало,— ответил с неохотой.— Но да мне-то что, я человек не особо и верующий. Ладно, пошел дальше, извините. Я тут у вас случайно, собственно, знаете ли...

Ему было неловко, что он, солидный, успешный и весьма даже известный в торговых кругах, оказался в таком странном месте, в такой странной компании, стоит вот перед человеком в рясе с крестом на груди, и не просто так, а как школьник, мямлит, сам на себя не похож. И как вообще его сюда занесло? Определенно, не то что-то с ним, все не то... И вон, спина зачесалась, и под мышкой зудит. Таракан заполз, что ли. Что за чертовщина?

— У вас здесь тараканов случайно нет?

Батюшка продолжал с пониманием глядеть на него, но на вопрос про тараканов не ответил.

Иван Станиславович вздохнул:

— Извините.

Он покосился на лики святых и закрыл глаза. Как их много, и все смотрят. Будто видят что-то. Как-то не по себе. Ну да, смотрят именно на него. Что-то вопрошают у его души, и душа дернулась, зашевелилась душа-то, зашевелилась. Значит, что, есть она, а? Но если есть, то как, почему, каким образом? КТО за всем этим?!...

— А святой Николай помогает и неверующим, и верующим. Вы бы сходили к нему, туда, в Храм Христа Спасителя, а? — то ли спросил, то ли приказал отец Андрей.

— Да нет, извините. Это не для меня. До свидания.

— До свидания. И все же советовал бы сходить.

Иван Станиславович вышел в церковный двор. Ноги никуда не хотели. А хотелось прилечь прямо в пыль. И лежать тут до самой смерти. Он глядел на дворника с метлой, глядел на сгорбленных богомолиц с палками, в длинных глухих одеждах. Они, казалось Чапрыгину, парили в блестящих пылинках воздуха, уплывали сквозь шумный город куда-то в свои бесплотные миры, растворялись в благодати церковных молебствий. Старушки были не такие, к каким он привык. В обычной жизни они ему встречались иные. Да. Иные. Ну, там, склочные, завистливые или, там, скупые, ропотницы, им до всего дело, нос суют, как это у них принято. А эти — нет. Эти — нет! Иные! Но почему... Они же никто, пенсионерки, нищенки, убогие, дряхлые! А не убиты горем, не раздавлены тоской. И что самое главное, так это то, что в их лицах Чапрыгин видел счастье. Они показались ему счастливыми. «И, кажется, это действительно так,— с удивлением думал он,— они всем довольны». Будто все у них в этом мире куплено на сто лет вперед. Да, да, эти старушки что-то знают, им что-то открыто. Эк... Вон, кажется, летят, да, точно, уже летят... Летят над всем этим, пошлым, тупым, надоевшим... Над глупостью летят. И все вокруг — все

глупо. И он, Чапыгин, тоже глуп. Вот, стоит, врос в землю, и ни за что ему от земли не оторваться...

«Солнце светит, но зачем оно светит? Зачем вообще все это во-круг? Все равно умрем, и не будет ничего. Ни солнца, ни радости, ни злых старух, ни добрых старушек, ни священника с его сказочно-старинной церковью и верой в Бога», — он все топтался на одном месте и не хотел идти к машине. Алене ответил лишь с третьего раза: «Ну что ты, дорогуша, звонишь и звонишь. Сама знаешь, где я. У твоего врача, куда ты меня записала, тут и сижу. Жду. Сейчас будет принимать», — он поморщился. Все же врать неприятно. И зачем вообще врать? Почему не сказать, как есть, почему не послать супругу с ее докторами к чертям собачьим? Так нет же. Надо врать, надо изворачиваться. Так проще. Да. Так проще. Он много вздыхал, и, вздыхая, велел шоферу ехать к Храму Христа Спасителя.

— Да лучше туда на машине не соваться, Иван Станиславович. Все подступы перекрыты. Людей столько, что и... Ну прям как в Мавзолей в советские времена. Моя сестра вчера отстояла восемь часов. Можете представить?

— Да, да, восемь часов, — повторил Чапыгин. — Ну, тогда к метро. А сам отдыхай. До завтра. Если Алена спросит — скажешь, у врача были.

— Понимаю, Иван Станиславович. Все будет так, как надо.

«Хороший у меня водитель, надо ему премию, что ли», — подумал.

— Вот, детям купи чего-нибудь, — сколько в руку попало, столько и отдал, не считая.

К Храму Христа Спасителя подойти не просто. Людская лента начинается где-то там, за дальними далями, и уходит тоже куда-то очень далеко-предалеко, так далеко, ну прямо в иное измерение, в иную сказку, в ту самую желанную хорошую сказку, в ту райскую, заоблачную жизнь, ради которой все здесь и собрались, думал Иван Станиславович, и об этой сказочной жизни все эти люди пришли молить святого Николая. И очередь растет, увеличивается. Уже, наверное, вся Русь тут — топчется, надеется, ждет. Горят глаза, горят мечты, блуждают улыбки на лицах.

Полицейские, правда, не вписываются в эту божественную идиллию человеческих чаяний и иллюзий. Полицейские возвышаются над людскими потоками, они и внутри них, они всюду, они и здесь, и там, сзади, спереди, вверху, они стоят строго и прямо, грозно и холодно, непоколебимо и мужественно, они молчат. Суровые столбы, недвижимые шлагбаумы, грозные часовые. Их взоры и слух рядом с каждым, их внимание повсюду. Они как напоминание всем этим людям с доверчивыми глазами, этим мечтателям, что сказки рано или поздно заканчиваются, а жизнь остается жизнью. Окидывают пристальными

взорами граждан, нет ли в руках подозрительных предметов, нет ли у кого намерений совершить террористический акт, не подбросил ли кто пакет со смертоносной начинкой. Металлоискатели наготове. Просвечивают, простукивают, прощупывают, слушают и смотрят, читают мысли и видят намерения. Но — стоп. Иван Станиславович понял, что устал от фантазий, и надо перестать думать.

«Да, время сейчас такое», — он снова вздыхает, идет не спеша вдоль металлических ограждений, приглядывается к очереди, присматривается к волонтерам в зеленых куртках, изучает обстановку. Снуют волонтеры на самокатах, они развозят чай и макароны по-флотски другим волонтерам.

Толпа гомонит, молится, шепчет, бормочет, кашляет, чихает, смеется, вздыхает. Он уже не помнит, когда стоял в очередях. Может, и никогда не стоял. Так получалось, что не требовалась ему в очередях быть. Все легко и без проблем получалось. И двери, куда ни пожелаешь, сами открывались. И деньги шли в руки. И жизнь мчала на ковресамолете. Вот и теперь, другие мучаются часами, а он уже решил дело. Перемахнул легко, по-юношески, через ограждение. Лицо уверенное, властное. Плечи широкие, осанка гордая. Костюм добротный. Люди по поводу его неправильного поведения не ропщут. По-христиански не осуждают и по-христиански думают только хорошее о представительном пожилом мужчине, умеющем прыгать как чемпион. Значит, так надо, значит, ему можно. А он приглядел подходящую, скромно одетую, уже почти у самого входа в храм, заглянул в ее отрешенные, скорбные очи в коконе морщин.

— Вы меня не забыли еще? А мне ваше лицо запомнилось. Я тут занимал — вроде бы перед вами. Где-то между этими людьми, да запомнил, за кем именно. Помню даму в полосатом и еще бородача с четками. А?

«Вот зачем врать, зачем», — подумал как-то лениво, но ему все равно. Какая разница, в самом деле. Ну, соврал. И что? Одной ложью больше, одной меньше, нет, в самом деле, ну какая разница. Разве в правде — счастье? И вообще, есть ли оно, это счастье. Он, Чапрыгин Иван Станиславович, на личном опыте знает, что счастья нет нигде и ни у кого. Уж если он, человек богатый, здоровый телом, у которого есть тыл — крепкая семья, не чувствует, что такое счастье, так бедные, нищие, убогие, больные, и подавно. Вместо счастья — разве что пресыщение. Вот и вся жизнь. С такими мыслями встал Иван Станиславович перед скорбной женщиной, и вскоре был уже внутри храма. А чтобы совесть не мучила, взял, и вперед себя благодетельницу пропустил. «Вы, вот что, вы идите, а я после вас, так будет лучше», — сказал ей.

Он смотрел на ее темную косынку, на сутулые плечи, видел, что женщина еще не так уж и стара, но бездолье и, наверное, безденежье, и какие-то свои жизненные проблемы ее сильно удручали и старили. Так

он и продвигался за ней, размышляя о том, почему одним дается в жизни скудость, другим — богатство, а и те, и другие одинаково страдают в жизни, одинаково не имеют счастья и одинаково умирают. «Вы, наверное, несчастны. Но не расстраивайтесь. Я тоже несчастен. По большому счету мы все в этом мире несчастны!» — это Иван Станиславович сказал тихо, наклонившись к уху соседки. Она не ответила, только взглянула через плечо на его красивые кожаные туфли и вздохнула. Больше он ничего не говорил. Они медленно, мелкими шажками, шли вместе с толпой, и он думал о том, что время остановилось, и будет все идти и идти в этой нескончаемой очереди, с одинаковой мыслью о своей доле, с мечтой о лучшем будущем, и так до самого Страшного Суда.

У массивного, восхитительно прекрасного своим благолепием и живописностью, золоченого серебряного ковчега со стеклянной бронированной крышкой стоять не разрешали. Дежурные просили не задерживаться, только приложиться и уходить поскорее своей дорогой, туда, в прежнюю жизнь, к недугам, скорбям, проблемам. И к надежде на скорое исполнение загаданных желаний. Скорбная женщина в последние минуты стала волноваться, шептать, оглядываться. Ей, конечно, думал Иван Станиславович, хочется пересказать всю свою тяжелую жизнь Чудотворцу, она слишком многое хочет сказать, у нее слишком много горя в жизни. Стоптаные туфли, слезинка на щеке... Вот она достала из клеенчатой сумки сложенный вчетверо лист бумаги, приблизилась на цыпочках к ковчегу, наклонилась, прижалась губами, потом лбом, снова губами. Вот она разжала пальцы, и листик упал рядом с ковчегом. Женщина заспешила, нет ее уже, исчезла, растворилась в людской массе.

Ивана Станиславовича сзади подтолкнули — быстрее, ваша очередь. А что сказать? — Не знает. Что ему скучно жить? С таким — к Угоднику? Да и где он, Угодник. Стоит ковчег, говорят, из серебра, а внутри — святыня. Но дальше-то что? Чапрыгин коснулся губами, ощутил прохладу стекла, вот и все, надо уходить. И пронеслась в голове самостоятельная, не запланированная, туча мыслей: «Помоги, святой Николай! Жизнь мне надоела! Что делать? Зачем жить? В чем счастье? Где оно, счастье? Где Он, Бог? Где ты, святой угодник?»

Дежурный кивнул на бумажку под ногами Ивана Станиславовича:

— Поднимите, пожалуйста.

— А если это не мое?

Дежурный дружески улыбнулся Ивану Станиславовичу с таким же пониманием во взгляде, с каким недавно взирал на него в старинной церкви седобородый иерей, и больше не смотрел в его сторону. Чапрыгин поднял бумагу и покорно пошел туда, куда шли все.

Выйдя на воздух, поймал себя на ожидании чуда. И подумал о том, что визит к мощам настроил его на ожидание перемен в жизни. Он даже остановился от этого открытия. Замер и прислушался к себе. Очевидно, да, душа ждала изменений. Пусть не сказку, но чего-то она ждала. Опять же. Где она, душа? Что оно такое — душа? Но определенно, кто-то в нем, внутри, чего-то ждет... И это не разум, расчетливый, обычный, рациональный. Нет. Это иное.

И вместе с тем никаких перемен. Все по-прежнему — скучно, бессмысленно, пусто и глупо. Вот это было и это осталось. Иван Станиславович присел на краешек заполненной людьми скамьи. Другие скамейки тоже заняты людьми, все они тоже из той огромной очереди. А вон там — дымок полевой кухни для людей из очереди. А может уже вся Москва — это одна большая очередь, и люди в домах, на дорогах, в парках... Все ждут своего часа, чтобы испытать судьбу, встать на колени перед Чудотворцем, взмолиться о персональном чуде... Со стороны полевой кухни запах съедобного, горячего, и может, вкусного. Там тоже очередь. Очередь за едой, очередь за счастьем, очередь за надеждой. Чем, интересно, угощают? Пойти, что ли... Представил, как он ест в толпе пластиковой ложкой из пластиковой тарелки солдатскую кашу. Можно бы и улыбнуться по этому поводу, но...

Покрутил в руках бумагу, развернул.

«Помоги, дорогой Николай Угодник. У моей дочери шесть детей. Ждет седьмого. Муж ее разрывается на двух работах. Но денег не хватает. Большая часть средств уходит на оплату съемной трехкомнатной квартиры. Платят хозяевам каждый месяц нешуточные деньги. Стоят они уже несколько лет в очереди для многодетных на получение жилья, но все ни с места. У меня — своя квартира двухкомнатная, но в ней живет мой старший сын с женой и двумя детьми. Попросили меня, это еще когда сын женился, пока побыть на даче. Да и правильно, я и сама думала на дачу перейти. Взрослые дети должны отдельно от родителей жить. На даче летом — можно, а зимой, конечно, холодно. Но я к холоду привычная, не зря у бабушки в Сибири детство провела. Сын мой в церковь не ходит, в Бога не верит. Вот это — беда. И сестру свою, мою младшую дочь, критикует за многодетность. Говорит, зачем нищету плодят. Аборты советует делать. Но Наташа, дочь моя, она молодец, она не хочет детей во чреве убивать. И муж ее, зять мой, так и сказал Сергею, моему старшему сыну: «Мы не хотим за детоубийство на Страшном Суде отвечать». Вот для Наташи, дорогой святой Николай, для нее прошу, помоги ей и ее семье с жильем. Сотвори такое чудо!» С обратной стороны листа были написаны адрес, телефон и имя — Марина Павловна Стропанова.

Иван Станиславович перечитал письмо два раза. Огляделся. Люди кормят голубей. Голуби теснят друг друга, они не знают, что такое очередь. Он втянул ноздрями воздух. Воздух свежий такой...

Или кажется. Да, точно, воздух свежий, резкий, быстрый, наплывает, ударяет, поднимает, разворачивает... Будто с моря. Вот так, в детстве, когда приезжал с родителями на море и бегал по горячему песку, и прыгал с разбега в волны, вот так пахло и ударяло в грудь, в голову, в сердце, и казалось, что это бьет тебя, оглушает и ослепляет то самое счастье, которое, оказывается, есть.

Чапрыгин достал смартфон, набрал номер, указанный в письме. Услышал голос скорбной женщины.

— Марина Павловна. Вы писали святому Николаю. Насчет жилья. Я вам звоню по его поручению, так сказать. Знаете, у меня в Москве пять квартир. А они мне, как вдруг оказалось, и не нужны, вот какое дело. Понимаете, да? У нас с женой дом — не дом, а дворец. У сыновей то же самое. Ну, и так далее. А тут ваше письмо. Ну, так чего тянуть. Надо оформлять дарственные. Для вас предлагаю двухкомнатную, а для вашей дочери многодетной — восьмикомнатную... Нет, не розыгрыш... Я и сам в удивлении. Скажи кто еще вчера, что надумаю так, незнакомым людям, за спасибо, за сумасшествие счел бы... Да как я могу передумать... «Почему-почему»... Чудо, вот почему.

«А хорошо, что Алена не знает», — он вспомнил, как несколько лет назад колебался, говорить или нет жене про то, что к трем, имеющимся у них, по семейной договоренности, в запасе, квартирам прикупил еще парочку. Здравый смысл, как это Иван Станиславович называл, взял верх, и он принял решение новую недвижимость оставить в виде секретной «зачатки» на случай возможного развода с супругой. А такая перспектива как раз намечалась: Иван Станиславович, по его собственному выражению, здорово «втрескался» в одну из молоденьких любовниц. И подумывал оставить семью. Однако, так случилось, его настигла, как Чапрыгин это для себя расценил, расплата свыше, его оставила мужская сила. И кажется — навсегда! Он не хотел в это верить, это казалось для него просто страшным сном. К кому только не обращался, куда только не ездил, какие только отчаянные медицинские ноу-хау на нем не испытывали... Столь неожиданные изменения в его размеренной и благополучной жизни потрясли Ивана Станиславовича настолько, что он впервые задумался, и задумался, можно сказать, всерьез, о том, куда попадает душа грешника после смерти, о существовании кары небесной и неотвратимости Страшного Суда.

Иван Станиславович Чапрыгин домой шел пешком. Шел долго. Проспекты, переходы, скверы, мосты, парковые зоны, ручьи... Весна... Он размахивал руками, жевал травинку, смотрел на небо. Небо мчалось, крутилось, качалось, летело — тучами, птицами, листьями, а ему чудилось, это ветер уносит в новую жизнь души усопших, а вслед им курлыкают смартфоны из гробов. «Звонки на девятый и сороковой дни — бесплатно», — вспомнил он и засмеялся.

Галина СОЛОНОВА

(г. Брянск)

Родилась на Брянщине в 1948г. После окончания педагогического института работала в системе народного образования на разных должностях. Писать начала в зрелом возрасте. 1-й сборник рассказов вышел в 2010, 6-й — в 2017 году. Член Международного Союза писателей и работников искусств. Член ЛитО прозы Брянской областной общественной писательской организации Союза писателей России.

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

(Всем людям колхозного труда посвящаю)

У Виктора Петровича сегодня юбилей. Ему восемьдесят. В стар-ый деревенский дом, где он жил со старшей дочерью Валентиной, приехали родственники: дети, зятья, невестки, внуки, племянники и даже правнучка — почти два десятка. Все они давно горожане.

За праздничным столом было шумно и весело. Юбиляра поздравляли, говорили теплые слова. Торжественные речи постепенно перешли на разговоры о жизни, о политике, о курсе рубля, доллара и евро.

— А что,— громко сказал внук Денис,— не жалеешь, дед, что вся жизнь в деревне прошла? Колхозное дело, не ошибкой ли было?

Все притихли, не желая обидеть старого человека. Взглянул на внука Виктор Петрович, обвел укоризненным взглядом гостей. Встал из-за праздничного стола, подошел к печи, кряхтя, сел на старый табу-рет, прислонился больной спиной к теплым кирпичам.

— Это что ж получается,— с горечью ответил Виктор Петро-вич,— колхозное дело, которому я посвятил всю свою сознательную жизнь,— ошибка?

Кто со страхом, а кто с любопытством смотрели на юбиляра.

— Вспоминаю тот год,— продолжил Виктор Петрович,— когда я окончил сельхозтехникум и с дипломом пришел к председателю кол-хоза.

«Поздравляю, Виктор Петрович! Принимай руководство поле-водческой бригадой. Самое главное — воспитывай у людей чувство ответственности и сознательного отношения к труду»,— пожимая ру-ку, напутствовал меня Иван Васильевич.

Была огромная вера в светлое будущее, желание приблизить его, не жалея сил. И самое большое колхозное богатство — это люди, что жили и работали рядом.

Виктор Петрович призадумался, будто погрузился мыслями в прошлое. Все сидели тихо, ждали.

— Удивительные люди были наши колхозники. Помнится мне,— заговорил вновь Виктор Петрович,— весна шестидесятого с заморозками и тревогами за будущий урожай. Звено Дарьи Митиной готовило к высадке рассаду капусты на поля. Парники — не то, что нынче. Их сооружение было трудоемким делом: в выкопанную яму глубиной около метра погружали деревянный сруб, засыпали в него конский навоз, перегной, землю, а потом только сеяли семена. Всю эту конструкцию укрывали стеклянными рамами да соломенными циновками. Все радовались: удалась рассада, парники площадью сто квадратных метров открыли. А тут заморозки! Полночи укладывали рамы на место да сверху расстилали соломенные циновки. На беду стекло разбилось. Пять квадратных метров рассады с нежными листочками оказались незащищенными. Кто-то из женщин растерялся, а Дарья, недолго думая, джемпер с себя сняла и аккуратно прикрыла рассаду, за ней и подруги последовали».

— И не жалко им было джемперов? — переспросил Денис.— Все-таки, с одеждой в то время было туговато.

— Не жалко,— неожиданно подала голос Мария Семеновна, поправляя яркий платок на голове.— Сама работала в Дарьином звене.

Виктор Петрович благодарно посмотрел на старушку.

— А ты, Валентина,— обратился отец к старшей дочери,— помнишь молоденькую учительницу? Прислали ее к нам из города.

— Клавдию Прокопьевну? Да как ее можно забыть? Хорошенькая такая. Любовались мы ею и по пятам ходили.

— Свеклу убирали вручную. Деревенские-то дети привычные к такому труду, а Клавдия Прокопьевна, вижу, часто на ладошки дует, трясет озябшими руками, морщится, а виду не подает, старается. Подошел к ней, на руки посмотрел, а на ладонях мозоли. Предложил отдохнуть, но она отказалась, шепнула: «Как я потом детям в глаза смотреть буду?» Дождь начал накрапывать. Дождик — не ливень — с поля никто не собирался уходить. Выпряг я (бригадир в колхозе — фигура главная), лошадь из телеги, на которую свеклу сгружали. Домой поскакал. Из нижнего ящика комода схватил перчатки, что жена связала мне из ниток распущенного старого свитера, и назад на бурачное поле. Заставил надеть эти перчатки учительницу. Ее благодарный взгляд никогда не забуду...

А как дружно спасали фруктовый сад на другой год! Яблони, сливы, груши и вишни — все в цвету. Красота неописуемая! Большие надежды на урожай! А тут опять заморозки! Помню, пришли ко мне домой старики — Силантий да Парфен — наш безошибочный прогноз погоды. Доверяли они народным приметам да своим суставам. Одинадцатый час вечера, я только-только домой заявился, один сапог ус-

пел снять. «Беда! Сильные заморозки к утру будут,— с тревогой сообщили старики.— Собирай мужиков, спасать в эту ночь цветущий сад надоть!» Поскакал я на лошадке от хаты к хате с просьбой. А мужики только обрадовались. Работа несложная. Мы ж сырую солому с картофельных буртов собирали и заранее кучками укладывали на широкие междурядья. Поджигали ее по команде с той стороны, откуда ветер дул, чтобы дым окутывал, окуривал, согрел нежные цветки деревьев да тлю и плодоядку уничтожал. Соломку ворошили, задушевные разговоры вели да песни пели, любили мужики такие ночи. Мальчишки тоже прибежали в сад помогать: собирали мелкие сучки, сухие веточки, бросали их в тлеющие костры. Вынимали из-за пазухи припасенные узелочки с едой. Кусочки сала, хлеба нанизывали на прутья и коптили над кострами. Незаметно рассвет наступал.

А рано утром раздавался звон наковальни в кузнице. Кузнец и его помощник, особо почитаемые и уважаемые люди, начинали свою работу раньше всех. Кузнечный звон, будто оркестр, разносил свои звуки по всей округе, оповещая, что жива деревня, не спит, день рабочий снова начинается. И селяне, в том числе и те, кто ночью спасал цветущий сад, спешили на бригадный стан. Наряды получали на работу, проверяли, правильно ли записал учетчик их трудовни, интересовались, кто в передовиках ходит...

Тосю Воробьеву, молоденькую девочку, помнишь ли ты ее, Мария Семеновна? — обратился рассказчик к бывшей колхознице.

— Ну чего ж не помнить? Помню — память ишо не отшибло. К наукам дивчина шибко тянулась. Тося школу окончила, сразу заочно поступила в сельскохозяйственный техникум и работала телятницей. За телятами, как за малыми детьми, ходила. Тетка ей из города шикарный подарок привезла: черную шубку нейлоновую. Все подружки завидовали. В начале зимы на танцы в клуб с ребятами и девушками собралась, да решила, как сердце чуяло, в телятник заглянуть: телочка там была больная. Прибегает, а ворота горят! Ворох соломы рядом лежал, видно, кто-то окуроч неогашенный по неосторожности бросил. Шубку модную Тося скинула, пламя ею сбивала да во все горло кричала, на помощь звала. Прибежала молодежь, спасли телятник. А шубки Тосиной не стало.

— А вот еще случай,— продолжил рассказывать Виктор Петрович.— Был у нас такой конюх, Бобок его все кликали. Лошадей любил без меры. На прогулку и водопой гонял табун мимо копаней. Это ямы, торф для топления там копали. В одну из них и попала старая кобыла по кличке Победа. Конец ноября. Вода вперемешку со снегом в яме, и кобыла бедная в ней по грудь стоит, ногами перебирает, дрожит, видно, свой смертный час чувствует. Мужики собрались, сочувствуют и кобыле, и конюху. А Бобок тем временем притащил несколько веревок, да с разбегу сиганул в яму. Нырнул, пока не просунул кляче под задние и

передние ноги веревки. Концы их мужикам кинул. Кобылу тащили по его команде. Спасли, отогрели и Бобка, и лошадку. Все обошлось. С тех пор стали величать конюха исключительно по имени-отчеству.

— Кремьень, а не люди были,— с гордостью произнес Виктор Петрович.— О каждом поэму можно писать... Вот ты, Танюша,— обратился дед к своей внучке,— в литературном институте учишься. Пиши, пока я еще жив.

Все с любопытством посмотрели на будущую писательницу.

— Не волнуйся, дед, обязательно напишу.

Вдохнул Виктор Петрович и продолжил свой рассказ, довольный тем, что его слушают и ждут продолжения.

— Слово «надо» было выше всего. Работал я уже тогда председателем колхоза. План по сдаче картошки выполнили. Оставшуюся бульбу для посева и продажи весной в бурты собирались закопать. Под вечер звонит секретарь райкома партии: «Петрович, дорогой, выручай, к утру отгрузить нужно сто тонн картофеля для воинских частей: вагоны простаивают. Приказ пришел «сверху». Собрали мои помощники колхозников, смотрят на меня угрюмо: не так-то просто за ночь осилить такую работу. Просьбу им изложил, не постеснялся, в пояс всем поклонился. Поняли меня, никто не ушел спать. Всю ночь работали — отгрузили мы эти сто тонн.

— Да, это правда. Дюжа уважали нашего Пятровича колхозники, — снова подала голос Мария Семеновна.

Виктор Петрович помолчал, взглядываясь в лица присутствующих. «Интерес к моему рассказу еще не угас,— отметил он про себя.— Глаза молодежи любопытством светятся».

— Да чего уж! Было иногда и невмоготу. Помню, непогода часто мешала работе. Картофель надо было срочно убирать, а картофелекопалок не хватало. Подкапывали плугом, собирали вручную под проливным дождем. Иногда и ломами приходилось картошку из мерзлой земли добывать да отправлять на спиртзавод. Но не ныли, не жаловались, работали с энтузиазмом, упорно работали. Не понять, наверно, вам этого.

Виктор Петрович вздохнул, видно, воспоминания тяжелых времен навевали грусть. Но тут же взгляд его прояснился, и он бодрым голосом продолжил рассказ.

— Бывало, рано утречком, в конце августа, чуть рассвет забрезжит, иду по деревне, слышу, как молочные струи о доенки звенят, будто скрипки свои скрипачи настраивают. Это наши бабы коров доят и на выгон их готовят.

У речки на лугу лошади еще отдыхают, пофыркивают, пар из ноздрей пускают, готовятся к тяжелому трудовому дню.

А за деревней — ток с зерном, целая гора, будто из золота. Ночь работала тракторная бригада: комбайны молотили, машинами свозили

готовое зерно. Приляжешь на него, а оно теплом дышит, материнским молоком отдает, чувствуешь себя младенцем на груди у матери. От этой деревенской картины сердце благодарно замирает. Мозолистые руки, тем, кто ночь работал, пожимаю, а у них глаза радостно блестят. Гордость меня распирала за наших людей.

— А ты, внучок, испытывал в своем городе подобные чувства?

Денис переглянулся со своими двоюродными братьями, шумно шмыгнул носом и промолчал.

— И отдыхать, и радоваться, и веселиться тоже умели. Посевные работы заканчивали, уборку урожая завершали — устраивали праздники, «День березки» и «День урожая». В березовой роще накрывали столы с угощением. Старики, взрослые, молодежь, дети — все отдыхали, как одна семья. Пели песни и частушки, танцевали, хороводы водили, на гармошках и баянах играли — талантов всегда хватало. Вон и Семеновна первая певунья на селе была... А давай, соседка, стариной тряхнем.

— А давай, соседка! — задорно отозвалась старушка.

— Тащи, Дениска, гармонь.

Усевшись удобнее, Виктор Петрович прошелся по кнопкам и вопросительно взглянул на Семеновну.

— Ой, цветет калина в поле у ручья, — вдохновенно запела старушка, — парня молодого полюбила я...

Гости подхватили песню, меха старой гармошки широко и раздольно извлекали мелодию. Песню слаженно спели, солистке и гармонисту весело поаплодировали, оживились и вновь к рюмке потянулись. Внучка Татьяна, выждав удачную паузу, громко сказала:

— Дедуля, мне кажется, ты еще не закончил рассказ свой о колхозной жизни, о людях.

Гости снова притихли, и все внимание переключили на юбиляра.

— Рассказывать о колхозной жизни, где часто труд людей был сравним с подвигом и героизмом, можно очень долго. И мы с тобой, внученька, еще об этом поговорим. А сейчас, если вам, дорогие мои родственники (Виктор Петрович сделал паузу и обвел взглядом всех сидящих за столом), я еще не надоел, хочу напоследок высказать свои думы.

— Конечно, дед, мы все тебя слушаем, — поспешно ответил Денис.

— Сельское хозяйство страны держалось на беззаветно преданных колхозу людях. Ценил я их, уважал. С горем и радостью шли ко мне. «Петрович, родной ты наш» — так меня называли. Трудностей хватало, и колхоз объединял людей в одно маленькое государство, сообща решали наши проблемы. Но мы знали, что от нас зависит успех работы, урожай. И у тех, кто работал рядом, коллективное сельское

хозяйство, как и у меня, тоже было делом всей жизни. Нет, не жалею я о прожитых годах в деревне. Верили в политическую идею, поэтому работали, не покладая рук, страну кормили и гордились этим...

Но горько и обидно мне: стояло в нашей деревне когда-то сто десять крепких дворов. Теперь два дома жилых осталось: мой, да Марья Семеновны». (Виктор Петрович кивнул головой в сторону старушки.) И что сейчас по всей стране? Колхозы, совхозы разорены; деревни осиротели, дома опустели; поля заросли бурьяном. Не было бы сейчас этой беды, если бы газовые трубы не за границу, а в деревни прокладывали, дороги и водопроводы строили. Тогда бы и та молоденькая учительница, и вы не убежали бы в город. Знаю: появляются крепкие сельскохозяйственные комплексы, патриотизм объявили национальной политикой. Да маловато его еще. Ваши, молодежь, души, мозги, чем наполнены?

Виктор Петрович многозначительно посмотрел на молодых родственников.

— Только и слышу по телевизору: рубль, доллар, евро, нефть, разборки! А фильмы какие показывают? Грабят, убивают, чужое захватывают!.. Э-эх!» — с горечью махнул рукой Виктор Петрович.

Глаза увлажнились, невольная слеза покатила по щеке. Все молчали, будто в оцепенении, взгляд потупили. А пятилетняя правнучка Настенька взобралась деду на колени и ласково сказала:

— Не плачь, деда. Я люблю тебя.

Людмила АЛТУНИНА

(г. Тула)

Журналист, прозаик, поэт, родилась и выросла в Горном Алтае (ныне Республика Алтай). Окончила факультет журналистики Казанского государственного университета. Около 40 лет — в СМИ: на радио и в печатных, долгие годы — редактор газеты ТулГУ. Написано более 3-х тысяч статей. Автор и соавтор более десятка книг, в т.ч. для детей и о детях. Печатается в журналах, альманахах Тулы, Москвы, Алтая и Зарубежья. Неоднократный победитель ряда литконкурсов. Дважды финалист Всероссийского кинофестиваля короткометражных фильмов «Семья России» («Проза» — 2007, 2013). Награждена грамотами Минобрнауки РФ, Министерства печати и массовых коммуникаций РФ, Министерства культуры РФ, Тульской областной и городской администраций и Дум и другими, а также Почетным знаком «За заслуги перед университетом». Ее имя внесено в «Энциклопедию Тульского государственного университета: 1930—2010 годы». Член Союза

журналистов России, член Академии российской литературы. Ветеран труда.

РОКОВОЙ 37-Й*

Грустная история с розовым чемоданчиком

...Хотя Валя была еще совсем маленькой, но ей хорошо запомнилось, как в 1937 году Валиного отца, Кайгородова Степана Васильевича, взяли, как тогда говорили, по линии НКВД**. Особенно четко врезалось в ее детскую память то, как он уходил с незнакомыми мужчинами, неожиданно разбудившими их семью на рассвете. В руках отец держал фанерный чемоданчик, окрашенный в розовый цвет. Этот чемоданчик Валя считала только своим, потому что в нем держала игрушки — куколки и разноцветные стекляшки от битой посуды. Отец же и подарил ей его, приехав однажды из командировки. Он всегда, возвращаясь откуда-либо из поездок, привозил ей подарки, но этот подарок она считала самым лучшим и любила возиться с ним. Валя очень дорожила чемоданчиком, потому что он ей сильно нравился, и таких вещей больше не было ни у кого в их селе. Папа тогда, шутя, сказал ей, вручая этот чудесный чемоданчик, о котором она даже и не мечтала:

— Ну вот, Валечка, теперь у тебя есть твой собственный чемоданчик. И никто его не заберет у тебя. Храни в нем то, что пожелаешь нужным.

Просыпаясь по утрам, Валя первым делом бежала к своему драгоценному чемоданчику, доставала из него кукол и, приветствуя их, рассаживала по порядку за расставленной кукольной посудой, также извлеченной из чемоданчика, «завтракать», а на ночь непременно убирала все свои игрушки и кукол обратно в чемоданчик, в их «красивый розовый домик», как говорила она, где им уютно и спокойно спать.

Увидев в руках уходившего отца этот свой чемоданчик, она так удивилась тому, что папа, так любивший и баловавший ее, мог его забрать, не сказав ей о том ничего. Ведь он сам же учил ее, что ничего

* Фрагмент повести «Очень жду у окошечка...», написанной по рассказам дочери «врага народа» Валентины Кайгородовой.

** «По линии НКВД» — так закрепилось в народе название печально известной 58-й, самой страшной политической, статьи в бывшем СССР, — арест по статье № 58 Уголовного Кодекса РСФСР: государственные преступления и контрреволюционная деятельность, по обвинению в шпионаже, саботаже, антигосударственной и контрреволюционной и т. п. деятельности. Подавляющее большинство репрессированных с 1921 по 1953 гг. впоследствии было реабилитировано, часть — посмертно. 58-я статья была отменена в 1961 году. НКВД — Народный комиссариат внутренних дел — центральный орган государственного управления Советского государства (РСФСР, СССР) по борьбе с преступностью и поддержанию общественного порядка в 1917—1946 годах, впоследствии переименован в Министерство внутренних дел.

чужого, лично тебе не принадлежащего, нельзя брать без спросу. Валя даже вернулась назад в дом, заглянула за дверь, в сени, где прежде стоял ее чемоданчик и где обычно играла в куклы: а вдруг она ошиблась и у папы другой, точно такой же, как у нее, чемоданчик?! Ведь мог же он тогда купить сразу два чемоданчика — для нее и для себя. Но, к великому ее огорчению, Валя увидела на полу неаккуратную кучку из ее игрушек, кукольных одежек, тряпочек и стекляшек. Девочку это очень обидело, но она тут же решила, что не стоит расстраиваться из-за этого; видно папе очень понадобился чемоданчик, раз взял он его без спросу. К тому же, подумала, папа, скоро вернется и отдаст ей его, но не пустой, а с подарками, и даже он затем, может, и взял его, чтобы положить туда побольше подарков. И с этой радостной мыслью Валя стремглав кинулась назад: а то вдруг не успеет проводить своего любимого папочку, ведь еще даже не наказала ему, как обычно это делалось перед проводами любимого папочки в дальнюю дорогу, что из игрушек ей привезти. Однако вместо возбужденных, оживленно и с шутками разговаривающих между собой людей, какими привыкла она видеть папу в окружении знакомых дядей, нередко сопровождавших его в поездках; маминых наказов, что привезти, как это обычно бывало при отъездах отца, случавшихся довольно часто, Валя увидела в голос плачущую маму. Ее почему-то незнакомые дяденьки не хотели подпускать к папе. А он издали улыбался, но как-то грустно, прощально махал рукой и все повторял:

— Лизонька, родная, только не плачь, пожалуйста... Моей вины нет ни в чем. Советская власть невиновных не сажает: разберутся во всем и отпустят. Я скоро вернусь. Вернусь, вот увидишь... Подожди совсем немного... Береги Валюську. Я вернусь...»

Лицо отца было таким грустным и голос каким-то непривычно глухим и тихим, как будто он заболел. Не понимая, что происходит, Валя кинулась к папе, чтобы поцеловать его на прощание, как привыкла она это делать, но хмурые дяденьки ей не позволили, грубо преградив дорогу. Один из них недоброжелательно и строго сказал:

— Нельзя! Уходи отсюда, девочка!

Другой резко приказал, обращаясь к ее маме:

— Женщина! Заберите ребенка и идите в дом!

Мама отступила на несколько шагов, прижав к себе дочку, но не ушла, повторяя сквозь слезы:

— Степушка, любименький мой, как же так — за что?! Как же так?!

— Ты только не плачь, дорогая моя женушка,— все будет хорошо. Я не виновен и поэтому вернусь! Жди!

— Я знаю, я верю, что ты не виноват, что это — какая-то ошибка, но как же так, Степа?! Как же так?!.. Мы будем ждать тебя! Очень ждать! Возвращайся только!

Впервые слыша такой надрывный родительский разговор, не понимая, о чем он, но почувствовав своим чистым детским сердечком: происходит что-то неестественное, очень горькое, Валечка решила пустить в ход свое испытанное, не раз проверенное средство, всегда действовавшее на горячо любимых маму и папу безотказно — развеселить их, чтобы они начали смеяться. «Да и строгие дяди развеселятся и отпустят папу или ей и маме разрешат подойти к нему», — подумала она и стала, бойко приплясывая, громко петь слышанное от взрослых и казавшееся девочке веселым:

А я Яшу подпояшу своим кьясеньким имнем.

Издали Яшеньку узнаю по имешку своему...

В такие минуты родители всегда весело наблюдали за ней, прихлопывали в ладоши, подпевали, озорно одобряя ее: «Ай да Валюська! Ай да молодец! Ну, прямо артистка!..» Но сейчас мама на нее даже не взглянула, и отец не шагнул ей навстречу, не подхватил на руки, не подбросил высоко над собой, а лишь, оглядываясь на ходу, кивнул головой и подмигнул: держись, мол, доченька, все будет хорошо!

— До свиданья, мой любимый папочка! Возвращайся поскорее, я тебя буду очень-пиочень ждать!..

Больше она никогда его не видела. И таким, издали улыбающимся и подмигивающим ей в предрассветной мгле, он и остался в ее памяти на всю жизнь.

Тогда же ей, девочке трех с половиной лет, еще невозможно было осознать весь трагизм случившегося, а потому, весело подпрыгивая и напевая, она бежала впереди мамы, проводившей их любимого папочку, и ей было непонятно, почему мама продолжает так горько плакать.

— Не плачь, мамочка, папа ведь сходя вейнется и пывезет нам гостинчики, — на ходу утешала Валя, то и дело оборачиваясь, пытаясь заглянуть маме в лицо. — А те дяди не обидят нашего папочку. Он ведь такой хоеший, такой добхий!..

Когда, спустя более шести десятков лет, Валя смотрела фильм Никиты Михалкова «Утомленные солнцем» и увидела эпизод, как маленькая дочка репрессированного генерала, проводив арестованного и увозимого отца, беззаботно бежала к дому, подпрыгивая то на одной, то на другой ножке, она «узнала» в маленькой героине фильма себя и, глядя на экран, также горько плакала, как когда-то плакала ее мама, которой уже давно не было в живых.

...После того, как забрали отца, — а именно так все и говорили полупшепотом: «Забрали» и прибавляли непонятные ее детскому сознанию, незнакомые, но почему-то пугающие слова: «по линии НКВД», — жизнь их с мамой резко изменилась. Валя не знала, что та-

кое — «линия НКВД» и «враг народа», и почему при этих словах люди переходят на шепот, отчего эти слова казались ей еще более зловещными. Однако вопреки ее внутреннему протесту, они накрепко связались в ее подсознании с бесследным исчезновением отца, с той иной жизнью, которая пошла у них с мамой без него, и стали ей просто ненавистны.

В их, раньше всегда многолюдном, доме больше не появлялись гости, не слышалось смеха и шуток. Ее папа был веселый и всегда шутил и со взрослыми, и с детьми. К нему приходили разные люди: и русские, и алтайцы, чтобы посоветоваться, рассказать о своей беде или, наоборот, радости. Он хорошо знал алтайский язык и с алтайцами говорил на их языке, и даже сам ходил к ним в юрты, учил русскому языку, читать и писать. Алтайцы очень уважали и любили Валиного папу. «Урус якши», — говорили они. — «Русский — хороший». Нередко он приносил из какой-нибудь юрты грязного, сопливого ребенка — алтаенка, просил Валину маму искупать малыша, вывести у него вшей; девочкам вплести в косы Валины яркие банты, одеть в ее красивые платьица. Кормили маленького гостя, поили чаем со сладостями, Валя с ним играла. А потом, положив в кулечек ему гостинцев: конфет и печенья, папа, взяв с собой Валю, шел назад в алтайскую юрту. Он отдавал чистого, нарядного ребенка хозяйке и говорил по-алтайски:

— Якши балам. Якши балам (хороший ребенок), — вот, мол, как надо ухаживать за ребенком, каким чистым и нарядным он должен быть.

Хозяйки-алтайки благодарили их, угощали чегенем, сырчиком, толканом со сливочным маслом и лепешками. Папе предлагали выпить араки — алтайской водки из молока, но он отказывался, потому что не употреблял алкоголь.

По ночам огородами пробиралась только мамина подруга, необыкновенно красивая Шура с длинными черными косами, обернутыми в два ряда вокруг головы, с колечками кудрей на лбу. Она не входила в дом, а, пригнувшись, осторожно, словно кошка лапкой, скребла в окно, за которым ее большие темные глаза под черными бровями-дугами казались такими огромно-испуганными, что холодело сердце. Приглушенным быстрым шепотом она всякий раз говорила одно и то же:

— Лиза, умоляю, откажись от него, разведись, а то и тебя с Валечкой заберут, откажись... Говорят, за вами скоро придут, сошлют ведь вас, подумай о ребенке хоть... — и быстро скрывалась в темноте, в картофельной ботве и подсолнухах, удаляясь почти ползком. А мама в ответ лишь медленно мотала головой из стороны в сторону, что означало: «Нет, не откажусь. Ждать буду». Маленькая Валя смутно догадывалась, что слова «откажись», «разведись» имеют какое-то зловещное отношение к ее отцу и не понимала, почему маму просит ее самая

близкая подруга, которая бывала у них в доме, как родная, чуть ли не каждый день, отказаться от ее папы, такого доброго, веселого, надежного. Не понимала она и того, почему папы все нет и нет, а мама все плачет и плачет, ожидая его, а по ночам не спит, а и сидит одетая, в темноте, на кровати, обхватив заряженное ружье. У двери стояли наготове собранный мамой чемодан с железными уголками и дерматиновая черная сумка с их вещичками, хлебом, сырой картошкой и баклажкой воды, как будто они собрались куда-то поехать, но все не едут и не едут. Чувствуя за всем этим что-то очень недоброе, Валя ни о чем не спрашивала маму и даже перестала задавать ей вопросы:

— А когда приедет папа? Почему его так долго нет?

Вскоре вместо отца прислали на его место нового человека, у которого была жена и двое детей — почти ровесники Вали, но им не разрешали с ней играть. Они, две семьи, все вместе несколько дней жили в одном доме, принадлежавшем Валиному папе. Дверей в комнатах не было, их заменяли плюшевые шторы, и Валя видела, как слегка отодвинув штору, новая хозяйка тетя Тася тайком, испуганно наблюдала за ее мамой. А однажды сказала маме, продолжавшей сидеть ночами, опершись на ружье:

— Лиза, я тебя боюсь: вдруг ты сойдешь с ума и убьешь нас. Съехала бы ты куда... Теперь ведь этот дом — наш. Нам его отдали.

— Тася, как же я могу бросить все: Степин склад, там и товара полно, и пушнины?! Он ведь дела не успел передать, а вдруг воры нагрянут, растрата будет, его осудят и посадят. Я до его возвращения охранять буду...

— Жди теперь, поди, и не вернется вовсе! Вон моего на его место прислали. Уполномоченный подьедет скоро, все переписут. Мой и примет дела. А тебя я шибко боюсь, по ночам из-за тебя не спим, ну как тут жить?! И деться некуда — назначили моего...

Услышав этот разговор, Валя натянула на голову одеяло и повзрослому, беззвучно, заплакала, стараясь не всхлипывать. Ей нестерпимо было жалко маму. Ну как можно ее бояться, такую добрую, красивую, молодую, любившую попеть-поплясать, пошутить?! А уж «сойдешь с ума» — никак ей было это непонятно по отношению к ее любимой мамочке. В деревне об одной тете, которую звали Пана-Дурочка говорили: «Сумасшедшая, с ума сошла», но та была такая страшная, косматая, ходила в лохмотьях, грязная и босиком, даже по снегу зимой, и все бормотала что-то непонятное. Когда мальчишки свистели ей вслед, она хватала с дороги камни и комья и кидала в них, громко выкрикивая ругательства и грозя кулаком. А потом шла по селу, ко всем подходила и, размазывая слезы, жаловалась: «Тетенька, а тетенька, чертенята меня обижают, побей их...» Вот ту сумасшедшую Валя и все ребятишки действительно очень боялись и, завидев ее на улице, разбегались по домам и из своих дворов, сквозь тын, издали с

любопытством и страхом наблюдали за ней. Да разве можно сравнивать ту сумасшедшую Пану с ее хорошенькой, всегда нарядно одетой, ласковой мамочкой?!

«ЖИТЬ НАДО ВСЕГДА ЧЕСТНО, ДОЧКА...»

...Только став постарше, Валя все узнала и поняла: папу арестовали, как «врага народа», а они с мамой, так и не отрекшейся от него,— члены его семьи,— значит, тоже «враги», от которых хорошим людям надо держаться подальше: дружить с ними не только не достойно и постыдно, но и опасно. Но почему-то их с мамой так и не сослали, хотя они все время ждали, что за ними вот-вот придут, и были готовы к тому. Однако клеймо — дочь «врага народа»,— будто черной краской или дегтем измазало их с мамой и очень вредило им. Валю не приняли ни в пионеры, ни в комсомол, даже в первом классе, узнав обо всем, от нее отсела на другую парту одноклассница Зина. Зато другая девочка, Зоя, которая даже и близкой подружкой не была, подсела к Вале, сказав, что ей плохо видно и слышно на предпоследней парте, а Валя сидела на второй парте от стола учителя. Действительно ли Зоя села с Валей по той причине, на которую сослалась, или она решила поддержать Валю и показать классу, что та — такая же, как все, а никакой не «враг народа», Валя так и не узнала, но в душе была безмерно благодарна Зое и ближе подружилась с ней. Сколько же слез пролила Валя из-за того, что ее не посчитали быть достойной принятия в пионеры и в комсомол, а ведь она на самом деле так любила свою Родину, свое село и всех, и все вокруг: односельчан, тайгу, поле, реку — все для нее было таким дорогим, таким родным! Во благо этого она готова была и трудиться, и сражаться, и даже, если надо, жизни своей не пожалеть — именно так она чувствовала внутренне, таким было ее мировосприятие. Но другие, те, кто принимал в пионеры и в комсомол, в это ее мировосприятие, видно, не верили, как не поверили и те, другие, в честность и невиновность ее папы, зато сама Валя никогда, ни на грамм не сомневалась в своем отце, потому что знала, каким он был на самом деле.

...Ее отец, Степан Васильевич Кайгородов, был заведующим «СибПушнинной» в высокогорном селе Иня, что в Горном Алтае стоит в красивом месте, на высоком берегу реки Катунь, и где жили они в большом бревенчатом доме. В этом же доме, за стеной их жилых комнат, были магазин и склад пушнины. Хоть Валя и маленькая была, но магазин тот ясно врезался в ее память на всю жизнь. Там было много-много разных красивых тканей: и блестящей, переливающейся парчи, и мягкого, нежного бархата, и тонкого китайского шелка, и разноцвет-

ных шерсти, ситца и сатина. Ткани горкой лежали на широком прилавке, накрученные на большие деревянные катушки, похожие на маленькие юрочки, на которые наматывают швейные нитки, которых, всех цветов, много в шкатулке ее мамы, увлекавшейся шитьем. Девочка любила смотреть, как папа раскатывает эти громадные катушки, со стуком перевертывающиеся на прилавке, и красивая ткань, шурша, ложится изящными волнами на прилавок. Потом папа сосредоточенно, с доброжелательной улыбкой отмеряет отмотанную ткань длинным деревянным метром, а покупательница с интересом рассматривает ее, ощупывая руками и даже к своей щеке зачем-то прикладывает. Маленькой девочке почему-то больше всего запомнились эти громадные катушки ткани, может, потому что она нетерпеливо ждала, когда вся катушка ткани будет распродана, а ей достанется крохотный кусочек — остаток материи, который уже нельзя продать. И тогда папа отдавал своей любимой дочке разноцветные яркие лоскутки — маленькие отрезки тканей с клеймом. Мама шила из них разные красивые одежды для ее кукол, а Валя помогала крутить ручку швейной машинки — так они всегда шили с мамой на пару.

А еще в папином магазине было много разных шоколадных конфет в ярких, красочных обертках. Фантики Валя собирала для кукол, складывая их в коробку от сладостей. Однажды она тихонько, за спиной отца, пробралась к ящикам с конфетами, нагребла их горстями из разных ящиков полный подол и также потихонечку, на цыпочках, хотела проскользнуть мимо отца. Но он ее заметил и остановил. Такого строгого и серьезного его лица, обращенного к ней, она еще ни разу не видела и, наверно, поэтому навсегда запомнила этот эпизод и слова отца, сказанные строго и твердо:

— Разве можно так делать, дочка? Чужое брать нельзя. Это не наши конфеты, а государственные. Мы их можем только продавать и покупать: отдал денежку — получи конфетки. Вернись-ка назад, разложи конфеты обратно по ящикам и больше никогда так не делай. Если захочешь конфет, попроси у меня или у мамы, мы тебе купим. А в магазине без моего ведома никогда ничего не бери и не заходи за прилавок. Ты все поняла?

Валя, вспыхнув, еле сдержалась, чтобы не разреветься во всю головушку; ей было и стыдно, и обидно, но она утвердительно кивнула головой и тихо сказала:

— Прости меня, папочка, я больше никогда так делать не буду...

Выложила конфеты обратно в ящики и, пристыженная, опустив голову, прошла мимо отца, ожидая, что, увидев ее обиженное лицо, он приласкает, подхватит, как обычно, на руки, расцелует и скажет что-нибудь шутивное. Но отец не обратил на нее больше никакого внимания, даже не взглянул в ее сторону, разговаривая с подошедшим поку-

пателем. «Значит,— подумала девочка,— папа решил, что я — плохая и больше не будет со мной дружить, считая не достойной его дружбы». От стыда и обиды Валя убежала в сени, за дверь, в свой кукольный уголок и долго, горько плакала. Горечи ее слезам придавала еще и мысль, что он обо всем расскажет маме и родным, и все будут считать ее воровкой, плохой девочкой. Отец никому ничего не рассказал и ей никогда не напоминал о том эпизоде, за что она была ему очень благодарна в своей детской душе. И однажды уже без всякой обиды она подошла к нему, сидящему со счетами за столом, вскарабкалась на колени, обхватила его щеки своими маленькими ручками и, глядя в глаза, спросила:

— Папа, ты совсем-совсем не сердись на меня за конфеты? Я тогда сделала, как плохая девочка, и, честное слово, я никогда-никогда не возьму ничего чужого. Вот увидишь...

Отец ее крепко-крепко прижал к себе, расцеловал и спокойно ответил:

— Я верю тебе. Запомни, дочурка; жить надо только честно — всегда и во всем!

Он был такой сильный, высокий и мускулистый, с такими большими теплыми руками, и так с ним было надежно, что весь мир вмиг показался маленькой девочке добрым, радостным, щедрым. И ей самой хотелось быть такой же. Отец качал ее на вытянутых руках, и волна счастья и радости охватила все ее существо. Как хорошо! Она спрыгнула на пол и, заливаясь озорным смехом, закружилась, ярким пестрым кругом раздувая вокруг себя юбочку-солнце.

В СЕМЬЕ ПАПЫ СТАРОГО

Однажды утром на пороге их дома появился Валин дедушка Григорий Яковлевич,— папа старый, как называли в Сибири:

— Ну, внуча, собирайтесь: поедете жить к нам. Хватит вам тут одним бедствовать. Будем жить все вместе.

Он разгладил свою внушительную бороду, одобрительно крикнул, хитровато глянув на внучку:

— Вона какая большая ты уже стала — мамкина помощница! Станешь и бабушке помогать: лишние женские руки завсегда в семье сгодятся. Ну как?!

— Да! Да! Папа старый! Поедем! Поедем скорее! — задыхаясь от счастья и радостной перспективы переменить их с мамой тоскливую, тревожную жизнь, воскликнула девочка, кинувшись в объятия гостю, прижалась щекой к его колючей бороде и замерла на миг. Папа старый бережно потерся бородой о нежную щечку внучки,— так он всегда ласкался к ней.

У папы старого была белая борода лопатой, густая и жесткая, усы — в разные стороны, которыми он, играя, щекотал внучку. Он был хозяйственный и строгий; все в доме его слушались и побаивались, а глаза у него были голубые-голубые, с искорками, и Валя знала, что он вообще-то добрый, и очень привязалась к дедушке, а он — к ней.

У них с мамой старой родилось четырнадцать детей, но половина умерли в детстве, а трое сыновей убило на войне, как говорили взрослые. У сгинувших на фронте осталось девять детей, почти все — Валины ровесники. И все жили в дедушкином доме или рядом с ним. Все дети, в том числе и младшие дедушкины сыновья — подростки, дружили между собой. Сообща помогали и по хозяйству: во дворе управляться со скотиной, птицей, прибираться в доме, чтобы содержать его всегда в чистоте и порядке; на покосе, в огороде и на пашне; ходили в лес за грибами, кислицей, малиной, черемухой и смородиной, на гору за ягодами: клубникой, дикими крыжовником, смородиной, ревенем и лечебными травами, в тайгу — за кедровыми орехами, за еловыми и сосновыми шишками для самовара. Находили время и для веселых разнообразных игр; летом купались в реке, возились в песке и гальке, катались на лодках в более спокойных, чем основное стремительное русло, катунских протоках, удили рыбу и неводили.

В домашнем хозяйстве у каждого были свои обязанности: кому воду из реки носить, кому у коров чистить, кому кастрюли, чугуны, да глиняные крынки для молока мыть с богородской травой — чабрецом, чтобы в них дольше молоко не прокисло, кому некрашеные полы голыком с песком драить до желтизны, кому дрова в дом носить для протапливания большой русской печи. Обязанностью Вали, подросткой к тому времени, было: летом следить за цыплятами, утятами и гусятами, чтобы их коршуны не потаскали; зимой — наводить вместе с другими девочками чистоту в доме и до блеска мыть посуду и крынки, чистить песком кастрюли и чугуны.

Русская печь в Сибири, да в большой семье, как и баня,— спасительница-целительница, пользующаяся большим почетом: на ней дети и старики спали, на прогретых, теплых ее кирпичках хворь выгоняли. Ребятишки зимой после беготни на улице отогревались, намочшая от снега или дождя одежда и обувь просушивались. А самое важное: мама старая — главная хозяйка в доме — пекла в печи хлеб, дрожжевой и подовый; разную сдобу: огромные пироги с капустой, рыбой, грибами и сладкие пирожки с сушеными, распаренными и перетертыми с сахаром клубникой, малиной, смородиной; курники с мясом, утятинной, курятиной, шанежки; парила вкусную калину, поедаемую с медом; томила в чугунах щи, кашу, мясо домашнее или дикого тасжного марала (в семье все мужчины еще — и умелые охотники и рыбаки), брюкву и репу, а в большой глиняной крынке — молоко с пеночкой, больше всего нравившееся детворе, сусло на патоке и су-

харницу на сливочном масле; зимой вялила маралье мясо и рыбу; летом сушила грибы и ягоды, подсолнечные семечки, кедровые орехи и нарезанную тонкими длинными пластинами сладчайшую сахарную свеклу, употребляемую с чаем вместо сахара.

...Когда Валя была еще маленькой, из уст кого-то из взрослых в дедушкином доме услышала слово «пропастина», сказанное о протухшем кусочке мяса. Ей это слово почему-то запомнилось, и она нередко употребляла его, по-детски картавя: «Пьяпастина».

— У, пашол, пашол отсюда, дьячун, пьяпастина такая! — махала она прутиком на драчливого петуха.

Взрослые посмеивались, а папа старый в шутку стал называть ее «Пьяпастина». Валечка любила засыпать на его большой, теплой руке, перебирая у него под мышкою волосы, видно, это ее успокаивало и быстро усыпляло. Она называла это на свой детский манер: «Тысь щепать»:

— Пойдем, папа старый, тысь щепать,— приглашала она вечерами деда, захотев спать. И он, заменившей ей отца, покорно шел за своей любимицей.

Днем, приезжая с колхозного поля домой на своем коне по имени Серко, папа старый привязывал его к штакетнику, вынимал изо рта лошади уздечку, поил ее из ведра подогретой на солнце водой,— вспотевшую в жаркий день лошадь нельзя поить холодной водой прямо из колодца — заболеть может,— давал овса или клал перед ней охапку свежего душистого сена: пусть тоже поест и отдохнет, пока хозяин обедает. А потом, зная, что его с нетерпением поджидает внучка, ненадолго ложился,— пока накрывали стол к обеду,— передохнуть у печи, на лежанку, покрытую домотканой дерюжкой (мама старая сама ткала ее на краснах, как и все яркие полосатые половики в доме) со словами:

— Беги скорее ко мне, Пьяпастина, тысь щепать и расстегивал пошире ворот рубахи.

Девочка ложилась на теплую дедушкину руку, перебирала «тысь» и погружалась в свой дневной сон.

...Валя уезжала в семью деда на подводе, сидя на огромном сундуке и с грустью смотрела на свой дом, где они были так счастливы троим, с папой, которого они с мамой так и не дождались. В беде дети быстро взрослеют, и Валя, хотя с ней и не говорили на эту тему, знала, что ее мама не отказалась от отца, не послушала уговоров подруги. Она в душе была за это так благодарна маме, но не знала, как ей сказать об этом, да и не хотела лишний раз ее расстраивать. «Вот вернется папа, а меня с мамой нет...» — с тоской думала девочка, но тут же утешала себя мыслью, что тогда он сразу же поедет к ее папе старому и маме старой в Инегень и найдет их там.

Так они с мамой переехали в Инегень, старейшее в Горном Алтае и красивейшее село, расположенное среди гор по ту сторону стремительной Катунь, в большой дом-связь, в большую, дружную семью Леонтьевых — маминых родителей, чей род был древним, крепким и уважаемым. С ними жили еще Валины дяди-подростки Ваня и Гриша, а позднее, когда началась Великая Отечественная война, и снохи — жены воевавших на фронте троих сыновей — с кучей малолетних детей. И все трудились, по мере сил и возможностей, не покладая рук, и в колхозе, и дома, справляясь с большим хозяйством — пашней, огородом, коровами, телятами, овцами, курами, утками, гусями и пчелами.

На закате солнца, чуть освободившись от колхозных и домашних дел, мама, ничего не говоря, брала Валу за руку, и они долго-долго шли по дороге вдоль темнеющего ельника и бесконечных полей. Девочка понимала: они ходят встречать папу, поэтому при появлении вдали любой мужской фигурки у нее начиналось сильно-сильно биться сердечко. И они с мамой убыстряли шаг, почти бежали, но это был не папа... Так они ходили и летом, и весной, и осенью, и зимой. Они изо дня в день молча, терпеливо ждали папу долгих девять лет, даже когда шла война с немцами и после, но так и не дождались его...

Война принесла в дом папы старого новые трагические потери — трою его сыновей на фронте пропали без вести...

Примеч. авт. Как уже догадался читатель, повесть основана на реальных событиях. Историю своего детства — ребенка «врага народа» — в предвоенное, военное и послевоенное время мне рассказала моя сестра Валентина Степановна Кайгородова (умерла в 2006 году, в Барнауле, где и похоронена). Она была старше меня почти на двадцать лет, родилась у нашей мамы в первом браке. Маминого первого мужа, Кайгородова Степана Васильевича, отца Вали, арестовали в Горном Алтае (ныне Республика Алтай), в июле 1937 года. А в августе, — как узнали мы, спустя много лет (в 1995 году, в ФСБ, в г. Горно-Алтайск), — когда был открыт доступ ко многим, ранее закрытым, документам, — смертный приговор, вынесенный ему «тройкой», был приведен в исполнение, т. е. спустя всего лишь месяц с того момента, как его забрали по линии НКВД. Реабилитирован посмертно. А дома его очень ждали почти десять лет. В 1946 году мама вышла замуж за моего отца Егуекова Дмитрия Алексеевича, в браке с которым у них родилось трое детей.

Ляман БАГИРОВА

(г. Баку, Азербайджан)

Родилась 6 августа 1969 года в Баку. Филолог-русист. Зав. сектором новых книг в отделе Национальной Библиографии Национальной Библиотеки Азербайджана. Публикуется в газетах, альманахах, журналах и в электронном журнале «Школа жизни». Член СП Азербайджана и РСР. Издано 4 книги рассказов. Лауреат конкурса «Белая акация» (2015, номинация «Литература»). Удостоена диплома и премии Посла России в Азербайджане В. Дорохина «За творческий вклад в поддержку и развитие русского языка и литературы в Азербайджане». Лауреат 1-й степени в конкурсе «Русский Гофман» (2017, «Малая проза»). Финалист литературного фестиваля «Центр Европы» (2017, Полоцк). Лауреат 1-й степени Международного литконкурса «Большой финал» (2016—2017, «Малая проза») Финалист конкурса «Славянское братство» (Болгария). Дважды в золотой двадцатке сервера Проза.ру (2014). Автор лит. сайта «Фабула». Рассказ «Попутчик» отмечен в номинации «Триумф короткого сюжета».

ПОПУТЧИК

— Люблю смотреть, как идет дождь. Не летний — тот ненадолго, а настоящий, осенний, затяжной. У него даже звук другой. Глубокий, основательный, и воздух, знаете ли, сырой такой, вкусный. Хорошо в такой дождь сидеть дома сытым, в тепле и смотреть в окно. Мысли хорошие в голову лезут, на душе спокойно. Помните фильм «Дождь смывает все следы»? Вот и мне кажется, что дождь душу лелеет, баюкает. Думаете, наверно, о чем это я? Да я и сам, признаться, не знаю. Просто увидел вас, дождь этот и как-то вспомнилось все.

Вы позволите? Спасибо. Много времени я у вас не займу. Ой, нет, это не в обиду вам, упаси Боже, просто много говорить — только бесов дразнить, а главное упустишь.

Вот вы, видно, жизнь какую-то прожили, знаете, что к чему. Так скажите мне, пожалуйста, почему человек ни родному, ни самому близкому другу не может открыться, а случайному попутчику, вроде вас, открывается, прямо выворачивается весь. Может, потому, что вы, — не обижайтесь только, — как тень на песке, случились в моей жизни, и нет вас. А родной человек или друг — это ведь надолго, может быть, навсегда. Не знаю, только хорошо это или плохо. Да вы сами послушайте.

Было у меня два друга. Имен я их называть не буду, зачем они вам. Пусть будут Брюнет и Шатен. Долго и давно мы дружили, хоть и

разные очень были. Но как там сказано? Вода и камень, лед и пламень. Вот и мы так же. Я по характеру своему взрывной, но отходчивый. Так часто бывает. Шатен — тот ветер. Ветер на голове, ветер — в голове. Вечно нечесаный, помятый, небритый. Мы с Брюнетом его и так, и сяк ругали, даже одежду как-то выгладили, чтобы как человек был, галстуки подобрали. Куда там! На галстуки посмотрел, обрадовался и спрятал куда-то, а может и подарил кому-то. Два дня наглаженный походил, а потом опять в джинсы влез, рубашку какую-то линялую нацепил и смеется. «Мне так удобно,— говорит.— Мужчина должен быть свиреп и неряшлив». Только вот духи хорошие очень любил. Прямо-таки купался в них.

Памяти у него никакой не было. Мог забыть про наши дни рождения, да и свой собственный вряд ли помнил. Мне, во всяком случае, так казалось. Исчезал он внезапно, по неделям пропадал, потом так же внезапно появлялся. Вваливался к нам худой, обросший, голодный. Мама моя кормила его, ахала и называла вечным кочевником. Уверяла, что его срочно женить надо, хотя при таком цыганском характере за него вряд ли кто пойдет. Родители его переживали, конечно, ворчали. А потом махнули рукой. Поди, обуздай ветер, пока он сам не уляжется.

Брюнет,— тот совсем другой. Аккуратный, чистюля, весь такой изящный, высокий. И ходил так тихо, будто боялся потревожить кого-то. Сейчас, конечно, постарел уже, оплыл, шаги тяжелыми стали. Мама моя его обожала, в пример ставила. Да и было за что. Никогда не было, чтобы он пришел без подарка: конфеты или цветы. А по праздникам духи или ее книги любимые. И все так красиво уложено было всегда — в корзинках, коробочках разноцветных. А дни рождения! Боже мой! Помнил дни рождения даже моих племянников. Всегда подарочки, игрушки приносил. А как с мамой разговаривал! Со старыми людьми разговаривать трудно. Для этого терпение нужно. Так вот Брюнета Бог этим терпением одарил. Понимаете, что это такое? Ведь это не просто хлопать глазами и кивать, это слушать и внимать нужно, чтобы человеку приятно было. Старому человеку внимание нужно как кусок хлеба, а может больше него. Не каждый это внимание умеет дать. Я, вот, не могу, например. Стыдно и больно, а не могу, хоть убей. Не мое. А Брюнет умел. Нет, не беспокойтесь. Это я так, задумался. Да, вот.

Знаете, я даже слово себе дал, если когда-нибудь у меня будут сыновья, назову их в честь друзей. В двадцать лет хорошо мечтается.

Брюнет на химика учился. Шатен, черт его знает, то на геолога учился, потом бросил, почему-то в агрономы подался. Одним словом, кочевник, то на земле, то в земле. А я хотел быть скульптором. Не получилось, правда. Это долгая история. Стал чертежником, в конце концов. А так ни одной выставки не пропускал, статуями любовался и,

потихоньку, мечту свою лелеял. Хотел сделать композицию из дерева. Нас троих изобразить. Знал уже, из какого дерева. Три одинаковые статуэтки хотел вырезать, чтобы у каждого из нас была бы такая. Представлялось мне, что Брюнет будет в центре, нас за плечи обнял, а мы по краям. Даже помятые брюки Шатена знал, как передать. Не поверите, а я ведь бредил этой композицией, видел ее наяву, какой она будет.

Ну, так вот. Пока я так мечтал, подобралась ко мне моя болезнь. Не смертельная, слава Богу, но тогда, действительно думали, что конец. Мама черная ходила, седая, сухая как травинка. Лежал я в больнице и дни считал. Из легких у меня какую-то воду откачивали противную, и противно все это вспоминать теперь. Я не свинья, и врачам, что спасли меня, возились со мной, как с растерзанным птенцом,— я благодарен по гроб жизни. Но и сейчас мимо больницы проходить не могу. Путь свой стараюсь изменить. Так уж человек видно устроен, не хочет о тяжелом вспоминать. Благодарность благодарностью, а сердце радостью живет, надеждой.

В один из дней мне совсем худо стало. Знаете, я жизнь хотел с красотой связать, не получилось, а искусство и литературу люблю. Вы скажете, преувеличивает, как эмоциональным натурам положено. Думайте что хотите. Но в тот день я явно почувствовал вкус смерти на губах. Хочу их облизать, а раскрыть не могу. Лицо как в панцире. Потом мама мне сказала, что все время корка у меня на губах была. Толстая, серая. Исхудал я страшно. На щеках борода отросла. Себя я, к счастью, тогда не видел, но по описаниям понял, что был похож на умирающего Белинского. Портрет его был в школьном учебнике.

Мама и Брюнет со мной почти все время были. Ну, мама-то понятно, а Брюнет каждый день сидел и, понимаете, тихо так, настойчиво говорил: «Ты должен поправиться. Ты должен держаться. Ты не имеешь права уходить. У тебя мама. У тебя вся жизнь впереди». И все в таком же духе. Честно сказать, надоедало, я радовался даже, когда врачи приходили и его выгоняли.

Шатен есть шатен. Что с него взять. Раза два появился, какие-то соки принес и потом исчез на неделю. Мама моя на него тогда сильно обиделась.

Ну, значит, в тот день, когда мне совсем худо стало, то...Вы верите в мистику? Что там что-то есть? А я, ей-Богу, не знаю. На пороге, как говорится, стоял, а все равно не знаю. Но страшно не было. Может по молодости, может, не соображал ничего тогда. А сейчас думаю... Кажется, Бродский сказал:

*— Ты боишься смерти? — Нет, это та же тьма,
Но, привыкнув к ней, не различишь в ней стула.*

И вот на этой границе между двумя мирами вдруг всплывает передо мной небритое лицо Шатена, и он шепчет:

— А я тебе тако-ой свитер купил. Краси-вы-й-й!

И щерится во весь рот.

В первую минуту... Нет, в первую минуту я ничего не понял... Во вторую хотел его послать, такое меня зло разобрало. Какой свитер, зачем? Высунул ногу из-под одеяла, хотел его пнуть. А он стоит, рыжий черт, улыбается, и свитер держит в руках. Ярко-зеленый в желтую полоску. В общем, не свитер, а мечта идиота. Промычал я что было силы, чтобы он убирался. Медсестра выставила его, а у меня в ушах его шепот свистящий остался: «Кра-си-вый!!» И вот. Нет, это не понять, это чувствовать надо. Он свитер этот дурацкий купил, не сказал, что купит, что купим, а купил и принес. Значит, ни минуты мысли не допускал, что я не выкарабкаюсь, из живых меня не исключал никогда. И никакие слова, вроде «ты должен», «ты обязан», «ты не имеешь права» не говорил. Просто свитер купил и принес. Получается не то что верил, а не сомневался, что я буду его надевать.

Только не смейтесь надо мной. Я чуть было не заплакал. Мать, Брюнет, сколько они слов мне хороших сказали, сколько за руку держали, а мне так легко от них не становилось. А после свитера этого, поверите, так тепло на душе стало, как только в ясное утро бывает. И есть мне сразу захотелось. Доктора потом говорили — кризис миновал.

В общем, пошел я на поправку с того дня. А когда вышел, наконец, из больницы, дома праздник закатили. Мама расстаралась, Брюнет пришел с ананасами, тосты поднимал за мое здоровье. Шатен пришел с какой-то пальмой в ведре. Сказал, что какой-то очень редкий вид из Африки, пожелал мне здоровья, слопал почти все соленья и ушел. Про свитер, конечно, забыл. Как и про то, что скоро у меня день рождения. Забыл поздравить подлец!

Да, вот так и было. А композицию, кстати, я сделал. Мама потом удивлялась, чего я Шатена в середине поставил. Брюнет высокий. Лучше бы смотрелся. А у меня как-то сама рука легла.

Мы и сейчас дружим. Правда, редко видимся. У Брюнета своя семья, но он по-прежнему не забывает ни одного из наших дней рождений. Шатен все такой же. Жена его не выдержала кочевой жизни, — ушла, а дочка его любит. Вылитый папаша. У меня тоже семья, дочка. С сыновьями что-то не получилось. А так все хорошо. Жизнь идет.

Чувствую, — думаете, зачем я все это вам рассказываю. Да, просто погода такая. Вспоминается все. И жизнь, и борьба за эту жизнь в больнице, и шепот радостный: «Я тебе свитер купил! Кра- си- вый!!!» Поверьте, жить хочется.

Утомил я вас. А дождь все льет. Опять то же стихотворение вспомнилось:

*Город Лондон прекрасен, особенно в дождь. Ни жезль
для него не презрада, ни кепка или корона.
Лишь у тех, кто зонты производит, есть
в этом климате шансы захвата трона.*

Правда, мы не в Лондоне. А хотелось бы побывать. А, спасибо. Не беспокойтесь. Дойду сам. Люблю, знаете ли, прогуляться в дождь перед сном...

Сергей КРЕСТЬЯНКИН

(г. Тула)

Член Союза писателей России и Академии российской литературы. Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, награжден медалью им. конструктора А. Н. Ганичева. Имеет около двух тысяч всевозможных публикаций в тульских, московских и международных газетах, журналах, альманахах и сборниках. Является зав. отделом прозы альманаха «Ковчег». Автор пятнадцати книг художественной прозы.

ВЫБОР

Сашок Федин пил давно, часто и помногу. Начал еще с ПТУ*, куда он попал после восьмого класса ввиду слабой успеваемости в школе. Надоело тянуть лямку, решил получить специальность слесаря и быстрее окунуться во взрослую жизнь. Пусть его одноклассники изучают науки и сидят у родителей на шее, а он будет зарабатывать деньги сам и не просить их у отца с матерью.

А что такое взрослая жизнь в представлении юношей? Конечно же, надо научиться курить. И многие в училище овладели этой пагубной привычкой. А второй этап — это выпивка, к которой так же постепенно пристрастились — сначала пиво, портвейн, а затем и водка. Сашок пил с сокурсниками, чтобы удачно сдать сессию, выпивал после окончания экзаменов, поднимал стакан за день рождения друзей, отмечал с товарищами красные даты календаря.

В 1990 году закончил учиться, получил профессию, но в это время развалили Советский Союз — пошли сокращения, предприятия закрывались. Федин со своей квалификацией не смог никуда устроиться. Пил от непонятности, происходящей в стране. Потом все-таки на-

* Профессиональное техническое училище

шел работу. По традиции обмывал первый рабочий день, после угощал товарищей с первой зарплаты. Когда его через какое-то время уволили — пил с горя и от безысходности. Бывало выпивал со случайными собутыльниками.

Скатывался, как говорится, вниз по наклонной плоскости.

И все-таки Сашок не был алкоголиком. Он не трясся от того, что не заглотнул очередную порцию горячительного и мог спокойно не пить несколько дней, неделю, месяц. А один раз даже на спор продержался целый год. Но потом, правда, сорвался и ушел в запой на несколько дней.

Федин неоднократно менял место работы. В минуты просветления сдал на права, получил водительское удостоверение и долгое время работал водителем. Женился, обзавелся семьей. Двадцать лет пролетели, как один день. Но пить не бросил — пил по-черному, порой до потери памяти. Бывало, очухивался и не понимал, где находится, что с ним происходило вчера, в какой компании обитал. А если с разбитым лицом, то не помнил — подрался с кем-то в очередной раз или лицо само встретилось с асфальтом.

Свой 36-ой день рождения Сашок Федин отмечал у друга на даче, находившейся сразу за городом и до которой ходу было — минут тридцать, если не торопливо. Хотя при таком интенсивном строительстве домов, город стремительно разрастался и лет через пять, скорее всего, поглотит этот дачный кооператив, превратив его в часть своей территории.

Народу на даче собралось много — друзья, товарищи, друзья друзей, хорошие знакомые. Некоторых именинник не знал даже по имени, не говоря о том, что лица были незнакомые. Но дело не в этом. Праздновали шумно — два дня с небольшой передышкой ночью. Вино и водка лились рекой. Повеселились от души — играли в снежки, лепили снеговиков, благо день рождения у Федина приходился на конец января. А зима в этом году выдалась морозная и снежная — снега навалило столько, что тракторы не успевали расчищать основные дороги для транспорта.

После обеда второго дня гулянки Сашок засобирався домой, так как жене обещал к вечеру вернуться. Выпив с друзьями на дорожку и попрощавшись с теми, кто его еще мог воспринимать, виновник торжества нетвердой походкой отправился в путь.

Солнце не было видно — все небо затянули тучи. Не большой ветерок, заигрывая с сыплющимися снежинками, кружил их в танце — начиналась метель.

Сильно болела голова, глаза слипались, хотелось спать, но нужно было идти. Мужчина окинул взглядом то, что раньше называлось дорогой, а в данный момент оказалось сплошь завалено снегом. Понял, что в ближайшее время вряд ли дождется автобуса, так как характер-

ного шума техники, расчищающей завалы, он не услышал. Решил идти напрямик, через поле, чтобы ощутимо сократить свой путь. Поначалу двигался легко — лишь по шиколотку опускаясь в белый пух, но чем дальше углублялся в поле, тем все больше и больше проваливался и в итоге шел по колено в снегу. Пожалел, что пошел напрямую — сложно было передвигаться, но назад не повернул — лень, да и устал. «Зато урожай будет хороший», — глядя на эту белую гладь, подумал «большой специалист по сельскому хозяйству».

Так он и шел — с больной головой, полуприкрытыми глазами и утопая по колено в снегу.

Вскоре Сашок заметил железнодорожный переезд с закрытым шлагбаумом.

Поле закончилось. Он наткнулся на несколько молоденьких березок росших на краю. Остановился отдышаться. До переезда оставалось метров сто. Сумерки сгущались — скоро совсем стемнеет. Слева послышался низкий, словно баритон запел какую-то народную песню, предупреждающий сигнал приближающегося поезда. Федин запрокинул голову назад и с трудом, сквозь опущенные веки посмотрел в направлении, откуда исходил звук. Шел многовагонный товарный состав — именно шел, так как двигался чрезвычайно медленно, словно вышел на прогулку, и ему некуда было спешить.

«Ну, что ж, подожду, пока проедет, — упершись рукой в дерево, подумал путник. — Отдохну немного».

После этого он присел на корточки, закрыл глаза. «Как же грохочет поезд — голова раскалывается. Нет никаких сил — словно гвозди забивают в виски», — это было последнее, о чем Сашок успел подумать. Потом заснул и повалился в сугроб.

«Хорошо лежать на песочке пляжа у моря, подставив свое тело лучам южного солнца. Теплый ветерок поглаживает тебя легким прикосновением и кажется прохладным лишь в момент выхода из воды, пока она полностью не стечет, и окончательно не обсохнешь», — Федин жмурился от яркого света и улыбался.

Вдруг перед лицом мужчины появилась морда крокодила или какого-то чудовища. Пасть открылась, обнажая зубы и клыки, оттуда вывалился язык, и загорающий почувствовал на своей щеке что-то холодное и мокрое. Волосы на его голове зашевелились. «Сейчас меня сожрут!» — с ужасом подумал он, но не смог двинуться с места — все тело сковала паническая судорога.

— Ты чего разлегся? — спросила морда из кошмара. — Тебе плохо или окончательно сдурел?

Сашок хотел ответить, но дыхание в горле перехватило, и он с трудом что-то промычал нечленораздельное.

— Вставай, а то коньки отбросишь. Совсем замерзнешь, — продолжала уговаривать клыкастая пасть и вдруг начала гавкать.

«Какие могут быть коньки на пляже»,— совсем запутался Федин. — «Бред какой-то! Кошмар! Надо бросать пить, а то точно свихнусь».

Его подняли и куда-то повели, после чего он отключился. Еще были всплески воспоминаний, что на пляже его кто-то растирает какими-то мазями, но, наверное, это ему все же приснилось.

Неожиданно Сашок очнулся. Голова разламывалась от боли. Каждое движение давалось с трудом. Было мутно, во рту пересохло, хотелось пить. Как обычно, он не помнил, что с ним произошло и где он находится. Федин лежал на чем-то мягком, его окружал полумрак, только где-то сбоку виднелся отблеск тускло светившей лампочки. Он закашлялся и пошевелился. Свету прибавилось.

— Ну, что, найденыш, очухался? — услышал он голос, и перед глазами возникло женское лицо.

— Тетка, где я? — просипел мужчина.

Женщина усмехнулась:

— Племянничек на мою голову.

Она размотала белый пуховый платок, обмотанный вокруг шеи, сняла фирменную шапку с кокардой и полушубок, после чего ответила:

— Ты на переезде, в сторожке, милоч.

— А что я здесь делаю?

— Ну, сейчас — отогреваешься, отсыпаешься, приходишь в себя, надеюсь. А до этого я тебя нашла на краю поля, возле березок, в сугробе, пьяного, замерзающего. Вернее, даже не я, а Альма-матер тебя нашла.

— Чья мать?

— Да не мать, а Альма-матер, что значит институт, где обучаются умные, сообразительные люди. А у меня собака дюже умная, все понимает — Альмой зовут. Вот она тебя и нашла. Еще бы час-другой и окочурился бы ты окончательно. Я тебя до сторожки сопровождала. Это хорошо еще, что удалось тебя растормошить и поднять — хоть сам ноги передвигал, а то я тебя вряд ли бы дотащила. Так что Альме спасибо скажи.

*Иллюстрация к рассказу художницы
Е. Рамсдорф (Германия)*

Лежащий повернул голову набок и увидел умный внимательный взгляд здесь же сидящего животного. Это была крупная собака рыжей масти с черной спиной, как у овчарок, но таковой не являлась, так как уши ее не торчали, а оказались согнуты наполовину, значит, в роду у нее попадались разные породы — возможно даже дворянги.

— Спасибо, Альма-спасительница.

Собака словно действительно все поняла — гавкнула в ответ.

— Тетка, что-то меня трясет. Мне бы сейчас водки глоток хлебнуть. Есть выпить?

— От чего же. Можно найти, — женщина посмотрела на бутылку, стоящую на столе. — Вот тебя растирала — осталось немного.

Она плеснула слегка в металлическую кружку и сыпанула туда же пару ложек соли, пачка которой находилась здесь же рядышком. Быстро размешала.

— На-ка, выпей.

Мужчина приподнялся с дивана, взял кружку и залпом опрокинул содержимое себе в рот. Сморщился, даже вернее — скривился, и его затрясло так, будто начало выворачивать наизнанку. Тут же стошнило в ведро, которое успела подставить дежурная.

— Тетка, что это? — схватившись одной рукой за голову, а другой за шею, прошептал Федин.

— Это твоя погибель, если не бросишь пить. На. Запей водичкой.

Сашок трясущейся рукой взял протянутый ему граненый стакан, выпил, лег и почти сразу отключился.

Проснулся он через два часа. Открыл глаза, сел на диване. Женщина сидела за маленьким столом под самой лампочкой и читала книгу, подняв ее поближе к глазам.

— Вас как зовут? — мужчина обратился к хозяйке домика.

— Да, тетка и тетка, — усмехнулась дежурная и положила томик Чехова на стол.

— Вы извините — это я спьяну что-то болтал.

— Тамара Ивановна меня зовут.

— А меня — Сашок.

— Что ж так-то? Возраст, небось, под пятьдесят, а все — Сашок?

— Мне на днях тридцать шесть исполнилось. Вот и отмечали.

— Ох, ничего себе, тебя жизнь помотала. А я думала, мы ровесники. Может еще водочки глоток?

— Нет-нет, спасибо. Если можно, лучше чаю.

— Ну, чаю, так чаю. Это и к лучшему.

Они сидели за столиком, пили чай с вишневым вареньем и рассказывали друг другу о своей жизни.

Тамара Ивановна окончила институт, получила высшее образование. Работала на заводе инженером. Вышла замуж, родила двоих детей. После декретных отпусков возвращалось на свое родное предприятие. Потом Союз стал разваливаться, муж потерял работу и не мог никуда устроиться — начал пить, сперва периодически, затем — постоянно. Перед ней был выбор: заняться, так называемым, челночным бизнесом и попробовать поправить свое материальное положение, если, конечно, получится, или остаться на прежнем месте. А куда в таком случае детей девать — на мужа надежда слабая. Пришлось остаться на заводе. Завод хоть и трещал по швам, но продолжал работать и зарплату люди получали. Дети подрастали. Муж находил работу и через некоторое время ее лишался. Потом зарплату начали задерживать, многие уволились в поисках лучшей жизни — уходили в частные фирмы. Тамара Ивановна вновь оказалась перед выбором — уходить к частнику, открывать собственное дело или остаться на предприятии с надеждой, что все еще обернется к лучшему. Но случилось худшее — завод прогорел, муж умер от пьянства. Она едва сводила концы с концами. Пробовала торговать селедкой на рынке, овощами. По специальности устроиться не было возможности. Да никуда почти и не брали — требовались люди молодые до 30 лет, а ей уже было за сорок.

— Вот последние пять лет я и тружусь смотрительницей на железнодорожном переезде. Зарплата хоть и не большая, но платят стабильно, без задержек. И график удобный: сутки отработала — трое дома. Успеваю и отдохнуть, и подработать, и домашние дела сделать, и дети под присмотром. Одна дочка в институте учится, а вторая школу заканчивает.

Так что у людей всегда есть выбор, и у тебя, Сашок, тоже. Подумай об этом. Замерзнуть в сугробе или встать на ноги.

— Спасибо вам, что не дали замерзнуть. Пойду я. Жене обещал быть дома вечером.

— Ступай. Обещания надо выполнять.

Мужчина собрался, потрепал Альму по голове и ушел.

Через несколько дней Федин вновь появился на этом переезде. Он был абсолютно трезвым, принес торт, несколько пакетов с едой, один из которых оказался доверху наполненный костями и мясом — специально для собаки, и бутылку водки.

Тамара Ивановна строго посмотрела на бутылку, и Сашок поспешил объяснить:

— Эти угощения вам в благодарность за спасение, а водка, так, на всякий случай, если вдруг еще кто-нибудь будет замерзать. А пить я бросил. Раз и навсегда. Зарекаться не буду, но больше не тянет.

Алексей ЯШИН

(г. Тула)

Член Союза писателей СССР и России, член Правления Академии российской литературы, главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина художественно-литературного и публицистического журнала «Приокские зори», лауреат многих литературных премий, обладатель многих иных литературных наград, дважды профессор Тульского государственного университета, доктор технических и доктор биологических наук.

С ЛУКОШКОМ ПО ЯГОДЫ И НЕЧТО О РЫБЬЕМ ЖИРЕ

*Какое лето, что за лето!
Да это просто колдовство —
И как, прошу, далось нам это
Так ни с того и ни с сего?
Ф. И. Тютчев*

◆ В конце июля этого года установилась невыносимо жаркая для наших мест погода: ясная, чистая, без намека на дожди. Казалось, даже ночное незаходящее солнце полярного дня согревает холодный край, низко вися над далеким горизонтом.

Семейство Андреевна в этом сезоне ездило в калужскую деревню рано — с конца мая до середины июля. Так график отпусков отшел. А так как до школы оставался еще целый август и неделя оканчивающегося июля, то лето для Николки неимоверно растянулось, особенно-то после калужских впечатлений: жизни в отцовской деревни, где половина жителей — родственники, поездок в Калугу, где несколько крепких домиков в Подзавалье, откуда открывался великолепный вид на пойму реки Яченки и дальний лес, тоже заселяли родственники отца, а главное — купания в полноводной Угре и целодневного загорания на ее песчаных берегах...

Ах, какое выдалось лето!?

С вечера Николка собрался было идти на рыбалку с полночи в присмотренное место на небольшом мыске за зданием маяка, но уже на улице, с удочкой через плечо, был остановлен матерью, шедшей от сарая — ходила кормить коз:

— Давай-ка возвращайся да спать ложись, Федоров моторку дает, завтра на тот берег залива пойдем за черникой и морошкой.

Вот это да! Николка присвистнул, развернулся, отнес удочку в кладовку в маячном доме. Понимая, что заснуть в одиннадцать вечера все равно не удастся, Николка забежал в свою квартиру, взял книжку «Детство в Уржуме» о Сергее Мироновиче Кирове — из числа рекомендованных в школе на летнее чтение (Николке в сентябре предстояло идти в четвертый класс), отрезал от буханки горбушку и еще кусок, положил на них по ломтю вяленой трески и ушел на мостки, полуопоясывающие маячный дом, присел на ступеньки лестницы, ведущей от мостиков вниз, к продуктовому складу, раскрыл книгу и не заметил как пролетела пара часов. Теперь в сон все же потянуло, поднялся и пошел домой.

Вроде только голову на подушку положил, а уже мать трясет за плечо:

— Вставай, Федоров с Седалиным уже моторку к причалу подогнали, Улита с Седалиной нас ждут на улице (Улита — маячное, «заглаза», прозвище Федоровой жены).

Встать с постели, особенно если лег в час ночи, тяжело, когда сам просыпаешься, но если тебя решительно будят, то дело вовсе иное. Словом, через пару минут одетый Николка, жуя на ходу пирог с палтусом, выскочил вслед за матерью из дома. Понятно, что младших она с собой не взяла. И Седалина захватила тоже только старшую Катю.

♦ Большая маячная моторка, на которой обычно ходили в Полярный, а в хорошую летнюю погоду какая-либо из островных семей — в гости на соседний маяк: Седловатый, Ретинское, Палогубский (семья Андреяна уже успела пожить на всех трех), управляемая Седалиным, застучала мотором и, огибая по правому борту северную оконечность острова с высоко стоящим маячным домом и пониже, у основания выдающегося в море зданием маяка, взяла курс на дальний отсюда правый же берег Кольского залива. Снизу, от воды маленькой фигуркой смотрелся Федоров, поднимавшийся от причала по деревянным мостикам к маячному дому. С мостика же маяка пару раз махнул рукой Андреян — его вахта была сегодня дневная.

Седалин, как и положено старшине моторки, сидел на кормовой банке. Под правой рукой у него, прижатая локтем, находилась рукоять (леер по-флотски) руля, а левой он что-то подкручивал в моторе, принайтованном к низкой площадке днища в кормовой части шлюпки, так что Седалину приходилось растопыривать ноги в матросских яловых сапогах справа и слева от размеренно стучащего мотора...

На двух средних банках разместились мать Николки, Улита, Агриппина — жена Седалина с дочерью, а сам Николка занял почетную носовую площадку, свесив с нее ноги, изогнувшись лицом по ходу моторки и опершись правым локтем о борт. Шлюпка шла на набравших оборотах мотора полным ходом, так что нос частенько и вовсе нависал над гладью воды. Николка же с приятностью качался. Хотя и

отмечено, что килевая качка намного неприятнее бортовой, но в здешних местах про морскую болезнь не слышали.

Остров быстро уменьшался, а его очертания сливались со следующим за ним Екатерининским островом, а тот и вовсе со стороны залива неотличим от материкового берега. Николка вновь развернулся по курсу, тем более что курс этот явно пересекал ходко шедший на выход из залива эсминец, а со стороны моря неспешно двигался рыболовецкий сейнер. С военным кораблем не шутят, поэтому, прикинув расстояние и скорости, Седалин сбросил обороты до минимума, нос моторки упал в воду. Через четверть часа всего в паре-тройке кабельтовых невероятно высокий прошел эсминец, подобранный, с изящно изогнутым фаршштеном, с трубами торпедных аппаратов по бокам палубы, со стволами пушек и кассетами установок реактивных снарядов.

— Да-а-а,— протянул Седалин, перекладывая руль и устанавливая шлюпку строго перпендикулярно крутым волнам, шедшим от следа прошедшего эсминца,— хороший флот у нас стал, океанский, а в войну только и были что миноносцы, от царя еще оставшиеся, тральщики минные да фанерные лендлизовские торпедные катера. Но и с ними воевали на славу! На подлодках и держались в основном.

Моторка закачалась на волнах, нос зарывался так сильно, что лицо Николки близко приближалось к волнам, и он чувствовал холод и йодистый запах воды. Однако качание на волнах закончилось, Седалин раскопегарил мотор, шлюпка понеслась, не дожидаясь уже тихоходную рыболовецкую посудину, к приближающемуся высокому скалистому берегу. Но в километре-полуторе от него моторка опять попала по курсу наперерез — на этот раз стае касаток. Если бы Николка не знал, что эти киты-хищники, которые своими полутораметровыми костяными хребтами-пилами перерезают настоящих гигантов-китов, крайне осторожно относятся ко всем другим плавающим на море предметам, то было бы от чего смертельно перепугаться. А рыбины эти, каждая размером с их шлюпку, сверкнув над гладью воды своими светло-синими брюхами по правому борту, с плеском ушли в глубину, и только через несколько минут, уже метрах в ста слева, мелькнули вновь их хвосты. Более их курс до самого берега никто не пересекал.

◆ По мере приближения моторки к берегу Николка недоумевал: куда будем причаливать? — И прямо, и слева, и справа, как виделось, берег бурными отвесными скалами поднимался вверх на сотню с лишним метров, вырастая из воды. И Седалин что-то засомневался, мотор прикрутил до самых малых оборотов, рулем брал вправо-влево, внимательно всматриваясь в отвесные скалы.

— Ага, вспомнил,— обрадовался он и резко взял вправо, а через четверть мили, обогнув выступавшую в залив скалистую косу, ввел моторку в малоприметную, узкую губу все с такими же высокими и

обрывистыми гранитными берегами. Вдобавок губа извивалась почище змеи, Седалин и на самом малом ходу едва успевал переключивать руль, а Николка потерял счет этим изгибам, поэтому ахнул от удивления и восторга, когда за очередным поворотом от моторки вдруг резко убежали вправо и влево неприветливые, дикие скалы, открыв внутренний залив размером с хорошее озеро. Скалы не только ушли по сторонам, но превратились в обычные береговые сопки, очень пологие, поросшие березками, густым кустарником, перемеживаемые полянками, синевшими северным цветком колокольчиком. Местами берег и вовсе был песчаным. Вот в такой песчаный берег и ткнулась носом моторка. Николка выпрыгнул первым, не забыв захватить моток тонкого причального троса.

Когда все выбрались из моторки на гостеприимный берег, Седалин, Николка и женщины, ухватив цепко трос, вытащили шлюпку на песок на полкорпуса. Седалин искал глазами, нашел подходящий камень и, обмотав его, зацепил трос: со здешним приливом, особенно в узкой губе, шутить нельзя.

Николка пока осматривался и с удивлением обнаружил в метрах двадцати от их стоянки что-то похожее на проторенную дорожку, хотя и не очень ухоженную, скорее широкую тропу, извивавшуюся между каменистыми выступами и неподъемными валунами. У воды тропка эта заканчивалась невысоким, естественным каменным приступом-причалом.

— Смотрите, дорога! А куда она идет?

— Вот пойдешь по ней и узнаешь,— заухмылялся Седалин,— ну что ж, заблудиться здесь не заблудишься — хоть на километр, хоть на два поднимайся в гору, все одно залив как на ладони будет. Так что равномерно разбредитесь кто куда, не пугайтесь под ногами, а ягод всем хватит. Пошли!

♦ Черника, любимая северная ягода, росла, конечно, и на их острове, и на соседнем Екатерининском, но у себя ее объедали маячные ребята, Николка тож, солдаты с зенитной батареи и матросы с поста, тогда еще располагавшихся на Большом Оленьем. А на Екатерининском хозяйничали городские — из Полярного. Здесь же заросли ягоды начинались в нескольких метрах от берега. К тому же здесь росла и кустилась костяника, которой на их острове не водилось.

Женщины принялись собирать чернику и костянику прямо от берега, а Николка, взяв свое ведро и грабилку*, пошел исследовать: куда ведет дорога? Дорога же резко взяла в гору, затем через неболь-

* Это то, чем в тех местах собирают чернику, бруснику, клюкву — то есть низкорастущие ягоды; представляет собой кузовок с ручкой сверху, одна боковая стенка которого удалена, а в этом месте в торец дна вставлены металлические прутки с заостренными свободными концами.

шой перевал пошла вниз, но уже в густом кустарнике, выше Николки, так что видел он только тропу перед собой, а перевал позади уже закрывал и залив.

Но закончился и кустарник, а дорога далее спускалась в котловину, посередине которой изумленный Николка увидел... гигантскую бочку высотой с трехэтажный дом и с соответствующим диаметром. Тем не менее это была стократ увеличенная копия обычной бочки, только изогнутые доски ее вытесаны из бревен, а обручи, как рассмотрел подошедший к бочке Николка, сделаны из стальных полос шириной с четверть метра и толщиной в два пальца.

Еще на подходе он начал вертеть носом от странно знакомого липкого запаха, а подняв глаза, увидел над бочкой черную тучу мух, их была тьма, а слитное жужжание напоминало прибой при беспокойном море. Временами подлетали несколько чашек, что-то выхватывали сверху из бочки и уносили в клювах. Запах вблизи оказался невыносимым, тошнотворным. Николка, пока рассматривал чудо-бочку, зажимал нос. Потом и вовсе отошел, все недоумевая: что за черт! Так ничего и не придумав, вернулся на перевал, свернул вправо от дороги, вскоре нашел поросшую черникой поляну и принялся за дело.

Дело спорилось. Через полтора часа, перейдя на третью по счету поляну, Николка заполнил ведро. Судя по солнцу, до общего сбора на берегу оставалось времени достаточно. Оставив ведро на приметном камне посередине поляны, Николка налегке быстро поднялся на сопку, нашел плоский, размером с хороший стол, нагретый солнцем камень, снял телогрейку, вытащив из кармана сверток с едой, расстелил ее и полуприлег. Развернув газету, с аппетитом приступил к обеду, неспешно откусывая от большого ломтя хлеба с копченым салом и вяленой треской.

◆ Чудесную картину видел поуставший от собирания черники Николка со своего теплого камня: прямо под ногами, глубоко внизу высвечивали косые солнечные лучи круглый заливчик с темневшей на песчаной полосе берега моторкой; подняв глаза повыше, за грядой прибрежных сопок он видел Кольский залив во всей его ширине — близко уже к выходу в море, и на противоположном его берегу различил и свой остров, отсюда — сливавшийся с берегом. Даже белое маячное здание крохотно, но четко виднелось. С пару минут, напрягши глаза, Николка всматривался в него — и вот ярко блеснуло — это значит, что несущий дневную вахту его отец задает профилактику вращающемуся маячному фонарю с рубиновыми гранеными стеклами. Тепло стало на душе — как и всякому человеку, наблюдающему за родным домом издалека.

Казалось, что залив в этот летний полуденный час вымер, но вот слева, тихо и крадучись под самым берегом, появилась подлодка; все громче и громче стучал ее дизель; лодка приближалась к траверсу этой

маленькой губы. А навстречу ей, но по середине залива, со стороны моря потянулся здоровенный сухогруз под греческим флагом: явно в Мурманск за аппаративым концентратом — удобрять свои греческие оливки или что там у них растет?

Вот из-за Большого Оленьего, отсюда прикрывавшего выход из Екатерининской гавани Полярного справа и слева, выскочил сторожевик и деловито взял курс вроде как на выход в море, но придерживаясь своего, левого берега. Значит, после прохода Седловатого свернет влево, в бухту Ягельную — на 4-ю точку, где атомные подлодки, только-только появившиеся у нас и американцев, базируются. Много чего знал Николка в свои одиннадцать лет! И в страшном сне ему тогда присниться не могло: пройдет сорок лет, будут у пирсов в Ягельной ржаветь еще оставшиеся на плаву стратегические атомные подлодки, а вся «демократическая общественность» с остервенением станет защищать от трибуналов Северного и Тихоокеанского флотов предателей с погонами капитанов второго ранга...

И синее безоблачное небо (доев, Николка с наслаждением растянулся на телогрейке) не скучало без людей: со стороны Мурманска набирал высоту аэрофлотовский лайнер — в сторону моря, значит, рейс «Москва — Гавана», опять же только что открытый. А вот сразу два дальних бомбардировщика полетели на свое неблизкое дежурство явно с аэродрома Сафоново. Навстречу же им с Рыбачьего неспешно и на малой высоте шел старинный торпедоносец с характерными, одному ему присущими крыльями: в форме двуручной пилы с выгнутой стороной назад.

Устав смотреть на оживленное небо, Николка повернулся на бок, подперев ладонью голову. Здесь его внимание привлекло нечто, а именно белесое пятно метрах в пятидесяти: тонкий слой торфа был содран неведомой силой, а гранитный монолит как теркой алмазной продраян. Поломав голову, Николка таки сообразил, что к чему.

...Прошедшей зимой, прибыв под самый Новый год на каникулы, Николка с удивлением обнаружил: все окна в маячном доме, в солдатской казарме были крест-накрест заклеены полосами бумаги — как в фильмах о войне. Кое-где в маячном доме хозяйки уже успели эти полосы смыть. Здесь Николка вспомнил, что по дороге мать говорила о учебных стрельбах зенитной батареи. Про заклеенные окна она сказать забыла, впрочем, Николка знал, для чего это делается.

— Оглохли мы тут совсем, ведь всю неделю палили: день и ночь!

Тогда Николка сообразил — откуда неслась канонада в последние дни, хорошо слышная и в Полярном.

Вечером отец, пришедший с вахты, рассказал: стреляли не в небо, а плашмя — через залив по безлюдным сопкам на другом берегу. Как пояснил отец, ухмыляясь, стреляли не на меткость, а чтобы солда-

ты не отвыкали от обращения с зенитками, главное — сроки хранения снарядов, чуть ли не с войны, вышли; вот и учение придумали: лучший способ избавиться от них.

Николке стало зябко, он поежился на двадцатиградусной жаре. Здесь это жара.

◆ Задремал незаметно, а проснулся от дальнего хлопка. Открыл глаза и увидел делающего в воздухе дугу зеленую ракету — условный сигнал к общему сбору из ракетницы, захваченной с собой Седалиным.

Николка накинул телогрейку, спустился на полянку, взял свое ведро и тем же путем, мимо гигантской бочки, над которой бесновалась уже целая стая чаек и чириков, вернулся на берег. Пока подтягивались остальные, Седалин объяснил ему: в бочку эту с весны загружают с сотню тонн тресковой печени, что привозят баржой с мурманского рыбокомбината. Все лето печень дает рыбий жир, который вытесняет к верху бочки вытопленные печеночные шкварки, под солнцем образующие корку, по которой дождевая вода стекает на внешние стенки бочки. Осенью приходит другая баржа, с цистерной. Протягивают до бочки шланг, выбивают затычку, вставляют концевик шланга и весь жир скачивают в цистерну. Потом, уже на фабрике, жир очищают и используют на всякие аптечные и иные дела. Такие бочки по многим тихим местам расставлены — подальше от чувствительных носов.

— А почему печенки эти прямо на рыбозаводах не вытапливают, как вот мать ее на сковородке жарит: быстро и без хлопот.

— Э-э-э, это дело тонкое. Здесь процесс идет естественный, поэтому жир сохраняет свои полезные свойства, а только такой для медицины годится. А в печах тоже топят, но — для всяких технических дел. Ну, вот и бабы идут, пора уже, дело к вечеру, а мне в ночную отца твоего менять.

На обратном пути им встретились только неугомонные касатки. На этот раз они шли своим кильватерным строем параллельно с моторкой, потом им это наскучило и они свернули в сторону моря.

Остаток дня Николка провел деятельно, а засыпая в первом часу светлой ночи, подумал: вот почему все дети, он в их числе, в дошкольном возрасте с таким отвращением глотают утреннюю ложку рыбьего жира.

Яков ШАФРАН

(г. Тула)

Член Академии российской литературы, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Лауреат всероссийских литературных премий: «Левша» им. Н. С. Лескова и «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, лауреат премии русских писателей Белоруссии им. Вениамина Блаженного. Заместитель главного редактора — ответственный секретарь всероссийского литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори».

ОПОЛЧЕНЕЦ

Ранним утром стояла неожиданная, столь желанная, после недавнего грохота, тишина. Шел холодный и, как часто все осенние, нудный мелкий дождь. Ожидаемый морозец так и не наступил, не сковал землю, и мокрая почва была вдоль и поперек перепахана техникой, между следов которой чернели отпечатки многочисленных человеческих ног и рытвины с ямами, наполненные водой. Вдали, на юго-западе, часто вспыхивали зарницы, и погромыхивало, и если бы не конец октября, то можно было подумать на дальнюю грозу. Справа и слева от Александра, съездившись, дабы сохранить какое-никакое тепло, сидели люди. А сзади не спал, жил напряженной, совсем не ночной жизнью, город. Луна, с опаской проглядывавшая ночью сквозь разрывы облаков, зашла еще несколько часов тому назад, да и теперь, по эту пору, как и звезды, не была бы видна сквозь плотную пелену туч, затянувших это позднеосеннее черное небо. Ветер, несший в глаза мелкие капли дождя, заставлял щуриться. Над островками пожухлой травы, уже наполовину голые, словно задумавшись, стояли молчаливые и озябшие деревья.

Ночью здесь, в Рогожинском поселке, был кромешный ад: грохотало, сверкало огнем, лилась кровь, здесь на самой окраине города бушевала неистовая стихия тяжелых, жестоких боев. Все это было противно окружающей природе и еще недавно столь мирному городу. Но разве об этом думала оголтелая, зомбированная орда, рвавшаяся к Москве? Неудача их 4-й танковой группы на северо-западе от Москвы заставил 2-ю танковую группу, с юга и юго-запада, всю ночь на 30 октября, продолжать атаки на позиции защитников в надежде овладеть городом, и беспрепятственно двинуться дальше, чтобы замкнуть кольцо вокруг столицы.

Александр прибыл на позиции рабочего полка, недалеко от Орловского шоссе, ранним утром, еще до рассвета, когда бой заканчивался и немцы отходили — отходили! — оставляя после себя горящие танки, разбитые мотоциклы с колясками и множество трупов в залитых кровью грязно-серых шинелях. Он видел, как санитарки выносили с поля боя наших погибших и раненых, в том числе и искалеченных. Ему все это было впервой, потому колотилось молодое сердце, и несколько раз поднималась волна тошноты.

Было затишье. Измученные недавним и суровым видом уцелевшие бойцы, как и он, одетые в рабочую одежду, черные телогрейки и кепки, молча, показали Александру и прибывшим с ним новым ополченцам их места в довольно опустевших окопах. Да и о чем было говорить? — Понятно, что немцы от своего не отступятся. Он устроился, насколько это было возможно, поудобнее и закрыл глаза. Нахлынули воспоминания...

...Вот он идет по улице Демонстрации к себе домой, что у реки Воронки. Начало октября, листва всевозможных желтых, оранжевых, красных и коричневых цветов и оттенков. Вот бы сейчас за мольберт. Александр давно уже в свободное время рисует и пишет красками. Но разве сейчас до этого? Вон и весь пейзаж портят заделанные фанерой и досками окна, рвы и окопы, стоящие то тут, то там зенитки и баррикады. Что же будет дальше?..

Еще в сентябре их Оружейный завод начали эвакуировать под Медногорск Оренбургской области: одни станки разбирали, другие выдвигали через проломы в стенах и краном грузили на железнодорожные платформы. К середине октября цехи были почти пустыми, разоренными, и в его родном — сквозняк и на полу мусор и детали... Шла запись желающих эвакуироваться для работы на новом месте дислокации. А были и такие жители, что, собрав скарб, просто бежали в безопасные места. Но не все оружейники переехали с заводом, некоторые мастера и рабочие остались. Он тоже не уехал, хотя родители умоляли, и начальство настоятельно рекомендовало — броня ведь, золотые руки токаря. На кого он стариков своих бросит? Ведь старшие его братья — командиры, — с семьями жившие в других городах, сейчас на фронте, а их женам с детишками и самим тяжело. Оставшиеся на заводе на немногих, не эвакуированных, станках и кустарном оборудовании, наладили, какое-никакое, производство снарядов, ремонт орудий и винтовок...

Так в размышлениях, одновременно испытывая теплоту к родным местам, Александр не заметил как прошел большую часть пути и почти дошел до дома, когда вдруг подумал, что в любой момент из семейного гнезда, с которым связано столько сердечных воспоминаний, тот может превратиться в ничто, даже развалин не останется.

ся. Вон все чаще надрываются заводские гудки и сирены, извещающая о смертельной опасности, особенно теперь, после взятия немцами Орла. По ночам стреляют зенитки — люди спят, не раздеваясь, и бегут от бомбежек в подвалы и бомбоубежища. Он знал — немцы планировали захват заводов, чтобы наладить свое военное производство и ремонтную базу, и потому практически не бомбили и не обстреливали город из орудий. Но железнодорожные узлы совсем иное дело — отрезать Москву от снабжения для полной блокады было их целью, потому по их району возле Московского вокзала били почти непрерывно. Вот и позавчера бомба в соседний дом попала — хорошо соседи в подвал успели убежать, во дворе долго пылал пожар, но дом Александра не тронуло, только дальние хозяйственные пристройки сгорели.

«Родителей все же нужно куда-нибудь отправить: попросить у начальства переселить их в квартиру недалеко от завода — вон их, сколько пустует, или в деревню, — подумал Александр.— Хорошо было бы в Людмилину, — где мы провели с ней тогда, в июне, один единственный, но волшебный день, — да та уже под немцами. Люда-то и сама уже в городе, учится на медсестру...»

... Воспоминания его прервал шум мотора и лязг металла. Еще не рассвело, но уже на грузовике привезли оружие и боеприпасы. Самым отличившимся в ночных боях вручили винтовки Лебеля и по пять патронов к ним. Он понял, что вооружения не хватает. Получили они на батальон немного патронов для пулеметов Льюиса, привезли, правда, опытную партию экспериментального пистолета-пулемета системы Коровина и немного самозарядных винтовок СВТ, пистолет-пулеметов Шпагина и винтовок Мосина. Не ахти, но связки гранат и бутылки с зажигательной смесью, последовавшие за стрелковым оружием, придали некоторую уверенность. Все стихло, и Александр, поудобнее устроившись в своемокопе, снова ушел в себя.

«Как хорошо, — подумал он тогда, уже подходя к дому, — что Люда здесь, в Туле, далеко от того кошмара». Они встречаются — конечно, не так часто, как хотелось бы. Вот и завтра вновь должны увидеться. Он вспомнил об их самом первом свидании...

... Это было еще в середине июня, за неделю до начала войны. Александр, познакомившись с Людмилой — синеглазой, белокурой и стройной девушкой, приехавшей в Тулу с одноклассниками после выпускного бала, стал переписываться с ней, и вот приехал на выходной в ее деревню с таким красивым названием Березово.

Но не только название, — окрестные пейзажи были великолепны. Красоты природы всегда производили на него как художника не-

изгладимое впечатление. Вот и сейчас, восхищаясь ими, он ощущал в душе тихое счастье.

Казалось, и вся жизнь впереди будет тихой и счастливой. Конечно, он понимал,— это все исходило, прежде всего, от Людмилы. Вернее, и речка, и поле, и лес, и они — парень с девушкой — в той неповторимой светлой стадии зарождающейся любви,— все было составляющими одного единого целого, имени которому он не находил, но ощущал как счастье.

Они бродили по лесным полянам и опушкам, по лугу и травянистым склонам оврагов, собирали землянику и кормили ею друг друга с руки. Лес притягивал их неведомой силой, и они вновь возвращались к нему. Солнце золотом разливалось по соснам. Радуясь ему, многоголовым хором распевали под небом птицы. Был замечательный день середины лета, когда погода устанавливается надолго. Солнце в закат перед таким днем — светлое и приветное, мирно садится в облачко, и с ним погружается за горизонт. Тонкий край такого облачка засверкает расплавленным золотом и медленно погаснет. Но это вечером, а у них впереди был долгий и счастливый день.

Они вышли к реке, на берегу которой, нахохлившись, подобно воробьям сидели с удочками деревенские мальчишки, перешли через мосток на другой берег, прошли по нему за поворот, туда, где, как стройная девушка, росла одинокая молоденькая березка. Мальчишек-рыбаков отсюда не было видно. Они присели на траву, и он нежно поцеловал ее. Волосы Людмилы разметались, подобно молодым колосьям ржи, а глаза радостно, васильками сквозь них, глядели на него... День и вечер превратились в вечность, время, казалось, остановилось для них...

... От воспоминаний его отвлекли сестрички, которые, пользуясь затишьем в боевых действиях, принесли горячую еду. Александр взглянул на часы — премия за ударную работу,— было шесть утра, со времени его прибытия в расположение полка прошло всего двадцать минут. Война войной, а есть хочется: ополченцы застучали ложками, каша — дело доброе, и горячий чай на холоде — подмога солдату...

... Прощаясь, они решили встретиться здесь же в следующее воскресенье. Вернувшись в Тулу, он приготовил краски и мольберт, чтобы взять с собой в деревню и написать портрет Людмилы. Обреть любовь, Саша с первого же рабочего дня активно включился в производство, работал, как говорится, за троих, а самое главное, ощущал Люсю рядом, и душе его от этого было тепло и радостно, как никогда ранее.

Но... их следующему свиданию не суждено было осуществиться. В воскресенье, 22 июня что-то большое черное и жуткое, раскрыв

зубастую плотоядную пасть, стало наползать на страну. Немного позже, когда он прочитал в газетах рассказы чудом спасшихся и переребевших из оккупированных районов в расположение наших частей людей об изуверствах немцев и их, еще более жестоких, ретивых «помощников»: о растерзанных трупах, оскверненных женищинах и девушках, о восьмилетнем мальчике с простреленной головой, о полураздетом старике, заколотом штыком, обуглившимся останках заживо спаленных пленных и раненых красноармейцев, — ужас охватил его. И он понял, насколько великая опасность движется к сердцу страны. Она может отнять у него Люсю, родителей, его заветную мечту — стать художником, его любимый город, его самую лучшую в мире страну, где каждый человек, при желании и труде, мог добиться любого положения.

Саша написал письмо Людмиле, чтобы она отправила родителей, по возможности, куда-нибудь подальше, вглубь страны, а сама пусть приезжает в Тулу. О себе он сообщил кратко — завтра иду в военкомат.

Но в военкомате его заявление не приняли, мол, воевать пока, парень, есть кому, а ты — мастер-оружейник, каких мало — иди, работай. И он работал, работал самоотверженно, порой не выходя из цеха по двенадцать часов, а то и оставаясь ночевать там. Люся, отправив своих родителей к сестре матери в Магнитогорск, уже была в городе. Как он и рекомендовал, она поступила учиться на медсестру в училище, что на улице Менделеевской, и жила в общежитии. Они встречались, когда могли, но не так часто, как хотелось обоим. Саша познакомил Люсю со своими, и они приняли ее, как дочь. Мама очень хотела, чтобы они поженились, отец покашливал при этом, и Александр был с ним одного мнения — после войны!

А чудовище германское продолжало надвигаться. Оставлены Киев, Смоленск, Орел, войска под Брянском и Вязьмой попали в окружение, Москва практически на осадном положении — оставался лишь просвет с юга...

В середине октября было закрыто медучилище и большинство учащихся оказалось в ополчении — сестрами и санитарками. С этого времени Александра не оставляла тяжело мучившая мысль: его Люся уже на фронте, а он в тылу — в безопасности и тепле!

... Вдруг раздались хлопки и за ними — взрывы. Александр понял: это немцы начали артподготовку. Он вжался в мокрую землю. На часах было шесть: «Война по расписанию, — подумал он. — Пунктуальные, изверги!» Вокруг свистели осколки, в окопе осыпалась земля...

... Тогда, в середине октября, когда Саша узнал, что Люся в истребительном батальоне недалеко от Тулы, память его, по своей,

неведомой прихоти, почему-то подняла из глубинных запасников картину, где он в детстве — у бабушки в деревне... И, видимо, из-за остроты впечатлений того летнего дня, детская память сохранила произошедшее тогда до мельчайших подробностей.

С утра небо было покрыто облаками, и парило. Старики говорили — к грозе. Они с братьями гуляли далеко от деревни, за пшеничным полем у реки. Направо темнела роща, налево тянулось ржаное поле, по краям которого было много васильков. Река была довольно извилистой, с красивыми, обильно покрытыми растительностью берегами, за нею — возвышенность с широким лугом на склоне. Солнце то и дело выглядывало из-за облаков, было душно, чувствовалось, что скоро пойдет дождь... Вдруг молния разделила все надвое. И они увидели, как под черной тяжелой тучей на них с ребятами шел пыльный вихрь. Прогрел и раскатился по небу сильный гром. Они побежали, но вихрь настиг их мощным потоком сухой хлесткой земли, сорванными с деревьев и кустов ветками и листьями, клоками травы и всяким мусором. Сразу после этого пошел сильный ливень, и молнии быстрыми белыми лентами непрерывно били из туч, гром гремел так, как будто хотел разрушить все окрест. Дождь сменил крупный град. Они укрылись, добежав до сарая на краю поля, уже почти у самой деревни...

...«А от этой, военной грозы, от этой надвигающейся черной громадной тучи, что нависла над почти всей европейской частью страны, от этого града снарядов и пуль, от этих авиа- и танковых вихрей можно ли укрыться?..— подумал он тогда, в октябре.— Укрыться-то можно, хоть всем, но дальше страны ведь не скроешься, а она перестанет быть, как таковая, вместе с народом — своим дитятей»... «Страшный, злой, коварный и подлый, жестокий, людоедский мир вероломно вторгся в нашу жизнь,— продолжал думать Александр.— На заводе, среди товарищей по работе, и дома изо дня в день мне так спокойно и приятно, а в это время где-то, противостоя, может быть из последних своих сил, в грязи и крови, сражаются такие же, как я, люди — парни и их отцы, моя Люся и чьи-то невесты, сестры и дочери, да вот и мои братья же. А где-то грабят, отбирая последний кусок хлеба, и убивают крестьян, насилюют женщин и детей, морят голодом жителей блокадного Ленинграда оккупанты, надеясь при этом, что воля адского гения покроет все их дела, их не найдут и не осудят, что они станут хозяевами над моим народом в моей стране. Потому я должен пойти туда, в смертельную опасность, в огонь, в грязь и кровь, и биться, биться с этими тварями, преступниками перед родом человеческим, чтобы покарать, хотя бы нескольких из них, помочь очистить нашу землю от них, от их подлости и мерзости!» Александр задрожал всем телом и, судорожно дыша, на ставших вдруг не послушными ногах зашагал взад и вперед

по комнате. Этой навалившейся вдруг слабостью мудрое сердце подсказывало ему, пусть пока не совсем осознанно: даже уничтожая конкретного врага, пусть и изверга, нельзя ненавидеть его душу, тем самым убивая ее. И среди немцев много тех, кого силой, под угрозой наказания и даже смерти их самих или близких заставляли идти на фронт, тех, кто сторонился издевательств над людьми. Когда Саша подумал так, слабость ушла, и осталось только мужество и решимость...

На завтра Александр пошел в партком завода с просьбой отпустить его на фронт. Но ему опять отказали. В истребительный батальон попросился — тоже не взяли: твои руки, мол, нужны на заводе — к тому времени ремонтировали уже и танки... Изредка он встречался с Люсей, когда она приезжала в Тулу за медикаментами

Тяжело было на душе у парня...

26 октября был создан тульский рабочий полк. Формирование его проходило в третьем учебном корпусе Механического института. Он состоял из бойцов всех («И Люсиного!» — понял Саша) истребительных батальонов, отрядов народного ополчения и добровольцев. И Александр не выдержал — «Или возьмите в рабочий полк и — на передовую, или самовольно убегу на фронт! Сил нет — девушка воюет, а я?..» И его взяли. Так он с пополнением 30-го рано утром попал на рубеж обороны...

... Артподготовка в один момент закончилась, но тишина не наступила, и Александр услышал низкий тяжелый гул, а потом увидел танки... Двадцать пять машин и колонны автоматчиков и мотоциклистов двигались на позиции полка. Немцы шли, бравирюя еще прежними удачами, во весь рост и вели отчаянную автоматную стрельбу. Противотанковая батарея, выстрелы которой он с удовлетворением отмечал, была быстро подавлена танковыми орудиями фашистов. Немецкие офицеры, высовываясь из люков, орали: «Партизан, партизан, сдавайся!» Укрывшись в окопах, туляки меткими выстрелами отвечали им. На голову врагов сыпались гранаты, в танки летели бутылки с зажигательной смесью. Сердце Саши, полное ненависти к фашистам, бешено колотилось, удары его гремели в ушах, как барабанный бой. Но в самом шуме сражения и в чувстве опасности было и что-то бодрящее.

Танки приближались. Все громче и громче был слышен их рев и лязг гусениц. Вот один из них уже совсем близко, можно различить его номер на броне; цепляясь за броню, прятались за орудийную башню и прижимались к ней фашистские автоматчики. Из орудия и пулемета башенный стрелок открыл огонь. Как бы чувствуя, что достойного сопротивления оказано не будет, спрыгнув на землю, немцы присоединились к пешим и пошли в атаку. Ближайших туляки расстреляли из

пулемета и полуавтоматов. Александр понял, что если он не уничтожит этот танк, то он пройдет дальше. Бутылки и связки гранат лежали рядом с ним на земле. Вдруг из-за танка застрочил немецкий автомат. Обнаглевший фашист после стрельбы шел рядом с «панцирем», и Саша легко свалил его выстрелом из винтовки. Но танк шел прямо на него.

Волна страха окатила Александра с головы до ног — он почувствовал сильную слабость во всем теле и, одновременно с этим, сильное желание вдавиться, как можно глубже, в землю и закрыть глаза. Однако каким-то шестым чувством Саша ощутил стоящих сзади себя родителей и Люсю, друзей и знакомых по цеху людей, увидел свой дом, ту деревеньку, где он впервые познал тихое, теплое счастье любви, услышал напряженное дыхание города за своей спиной, и глубоким и сильным вздохом загнал страх куда-то под ложечку, где тот сжался в плотный комок, и, не давая ему распусться вновь, он распрямился и метнул бутылку. Та чиркнула по броне и упала на землю. Второй раз — в лобовую часть, это на какое-то время «ослепило» экипаж, и танк остановился. Он воспользовался этим и бросил третью — уже в корму танка, тот загорелся. Саша вылез из окопа и, захватив с собой связки гранат — пять гранат были связаны проволокой так, чтобы рукоятка центральной смотрела в одну сторону, а других — в противоположную, — стал отползать от танка к воронке невдалеке, ибо тот мог взорваться. Но в ту же минуту рядом разорвался снаряд — немцы снова начали обстрел позиций рабочего полка.

Александр почувствовал страшную боль и увидел красные ломотья там, где ноги. И тут услышал жуткий крик рядом. Он старанием повернул голову и увидел гусеницы танка, на которые было намотано что-то розовое... А в его сторону уже двигался другой танк. Напрягая последние силы, Саша откатился в воронку. Когда танк проезжал над ним, он увидел его «брюхо» и, собравшись, когда тот миновал воронку, метнул связку под него.

Взрыв оглушил Александра, но осколки миновали его тело. Танк же загорелся и, проехав по инерции еще метров десять, остановился. Саша услышал частые одиночные выстрелы и понял — это ополченцы расстреляли вылезавших из «панциря» фашистов.

Все произошедшее длилось пару минут, но ему, как в замедленной съемке, это время показалось вечностью. Чудом спасшийся, с раздробленными ногами, он, теряя сознание от сильной боли и большой кровопотери, в последние секунды увидел небо — уже с голубыми просветами, глубокое и отрешенное от всего человеческого, от всего, что происходит здесь... Сквозь уже смежающиеся веки, в полубеспамятстве, он увидел некий приближающийся женский образ, похожий на Люсю. Она исчезла на некоторое время, потом вернулась и стала вытаскивать его... Темнота опустилась на все вокруг...

Место, где он лежал, обстреливалось сильным перекрестным огнем. Но Клавдия — сандружинница полка — заметила Александра и все же подползла к воронке. В это время немец-автоматчик заметил ее и стал стрелять. Тогда она откатилась к бойцу, лежавшему невдалеке. Убедившись, что он мертв, Клавдия, собрав все силы, чтобы защититься, взвалила убитого на себя. Когда стрельба по ней прекратилась — автоматчик подумал, что убита, — она, выждав минуту, снова добралась до воронки и вытащила потерявшего сознание Александра в безопасное место. Предварительно девушки организовали санпункт на земле, расчистив своими руками площадку, обложили ее земляным валом, достали сена, чтобы класть раненых и оказывать помощь...

... Когда Александр на миг очнулся — понял, что находится в госпитальной палате. Однако тут же все поплыло перед его глазами, и он забылся. На сколько времени Саша не знал, но вот сознание снова вернулось к нему, и он увидел, что за окнами уже ночь. Открылась дверь, и кто-то в белом одеянии вошел в помещение. Вначале подумал — Люся в белом халате. Приглядевшись, — а в палате стало заметно светлее, хотя посетитель электричества не включал, — понял — нет, не она.

— Что печалишься? — спросил тот.

— Жить хочу, — откровенно ответил Александр.

— Хочешь жить? А почему?

— Как подумаю, что больше не увижу солнца, звезды, лес, поле, речку, Людмилу свою, не буду писать картины... Эх!.. — голос его прервался, он глубоко вздохнул и заплакал, было, но Светозарный остановил его.

— А если ты будешь жить без ног, каковой покажется тебе жизнь? В радость ли будет тебе природа и Людмила, солнце и звезды? Что ты напишешь, если душа твоя будет озлоблена, ожесточена и полна глубокой обиды на несправедливость мира, который так жестоко обошелся с твоей юностью?

— Пусть без ног, пусть... не обижусь, не помяну никого даже словом плохим, только бы жить и творить радость и красоту!

— Ну, что же, живи. Но помни, что сказал!

Видение исчезло, или Александр очнулся? В палате, кроме спящих соседей, никого не было. Но, казалось, ее наполнял свет. Или это душа Александра успокоилась? Он протянул руку к ногам и ниже колен ощутил пустоту под одеялом...

...Позже, поправившись, Александр узнал, что ни 1 ноября, когда уасток полка начинался от здания Оружейно-технического училища, где располагался его штаб, и простирался по прилегающим к нему улицам, ни 3—4 ноября, когда отражали по три — шесть танковых атак, ни 7 ноября — в объявленный немцами последний срок взя-

тия Тулы — не вышло им взять город! Справедливости ради следует сказать, он понимал — Тулу защищал не только рабочий полк, но и регулярные части Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Однако ополченцы внесли в это дело свой существенный патриотический вклад — было выиграно важное время, необходимое для подхода и развертывания основных подразделений.

Эпилог

В один из солнечных летних дней, на берегу речки, у Березово, если перейти через мосток, у которого, нахохлившись, подобно воробьям, сидели с удочками деревенские мальчишки, и пройти по нему за поворот, туда, где, как стройная женщина, растет одинокая береза, у мольберта стоял высокий мужчина с проседью у висков, одетый в серые просторные брюки и белую рубашку с завернутыми выше локтя рукавами, и держал в руках кисть. Рядом с ним на траве сидела светловолосая с большими, как озера, синими глазами женщина и смотрела то на мужчину, то вдаль, на лес, который писал сейчас художник. Волосы ее разметались, подобно колосьям ржи, и глаза радостно глядели сквозь них на мужчину. Они молчали: он не любил разговаривать во время работы, а она не хотела мешать ему, да и была немногословна, только душой участвуя в творческом процессе. Фигура мужчины была статна и красива, и лишь когда он, подыскивая лучший оттенок, переминался с ноги на ногу, была заметна некоторая неестественность постановки ног. В это послевоенное время такое часто наблюдалось в людях, и можно было догадаться, отчего так происходит... На холсте была видна гладь реки, блестящая, как зеркало, на ярком солнце, просторное желто-зеленое поле и свежий, зеленый еще по времени года, лес, как и в реальности притягивавший к себе неведомой силой. Солнце золотом разливалось по стволам сосен. В центре же картины были изображены обнимающиеся под тонкой березкой молодой статный парень и светловолосая девушка, для которых день, казалось, превратился в вечность, и время остановилось навсегда...

Геннадий МАРКИН

(г. Щекино Тульской области)

Член Союза писателей России, лауреат литературной премии имени Н. С. Лескова «Левша» (2009 г.), заместитель гл. редактора — зав. отделом прозы ордена Г. Р. Державина всероссийского журнала «Приокские зори».

АВАРИЯ

(Глава из повести «Звезда над копром»)

Зима хозяйничала всюю. С самого утра северо-восточный холодный ветер залиывал белые снежные сугробы и сыпал в глаза мелкой россыпью суховато-жесткого снега. Он забивался в складки пальто, лез в мех воротника, пытался заползти под шапку, щекотливо и в то же время колото хлестал по лицу. Иван запахнул пальто, поднял выше воротник и одновременно втянул голову в плечи, натянул шапку на голову. Так ему казалось было теплее, но вскоре мороз вновь стал пробирать его до костей. Поеживаясь, он ускорил шаг, но это не спасало, и он пошел быстрее, почти побежал гонимый ветром. Он шел в расположенный в трех километрах от Озерок поселок Горняцкий на работу; и через четверть часа, был на шахте.

В правлении было тепло. Протопленная за ночь печь пылала жаром, и Иван, не снимая с себя верхней одежды, долго отогревал о горячую печную стену озябшие на морозе руки. Многие инженерно-технические работники были уже на рабочих местах, а из-за того, что среди них было много женщин, комната, своим гудением и разноголосицей, походила на пчелиный улей.

— Что, Ванечка, замерз? — спросила у Ивана сидевшая за письменным столом в углу у самой печки расчетчица Надя, с худощавым бледным лицом, теплыми чуть раскосыми глазами и с модной прической.

— Да, холодновато, — ответил Иван, потирая руки.

— Ничего, ничего, сейчас мы тебя согреем, — засмеялась сидевшая напротив Нади Валя, или как ее все называли — Валечка. Небольшого роста, полненькая девушка, с пухлыми розовыми почти детскими щечками, веснушчатым лицом и большими доверчивыми голубыми глазами с длинными ресницами. Ее пепельные волосы были заплетены в две косички и аккуратно заложены на затылке.

— Опоздала, милочка. Наш Ванечка уже занят. Его сердце принадлежит другой даме, — с ехидством в голосе и с ироничной улыбкой на красивом смуглом лице, постукивая костяшками счетов, произнесла

Галина. Она была миловидной девушкой, как говорили о ней в правлении, то ли молдавских, то ли цыганских кровей, озорная и веселая, никто никогда не знал, какой номер она в любой момент может выкинуть.

— Ветрище на улице, поэтому и холодно. Не было бы ветра, было бы теплее, мягче,— произнес сидевший спиной к Галине Шишкин Николай Борисович, высокого роста, худощавый, с длинными руками и широкими ладонями.

Пятидесятилетний Николай Борисович Шишкин всю свою жизнь отдал горняцкому делу, и проработал на одной и той же шахте не один десяток лет, начиная с проходчика. За многолетний труд и добросовестную работу его на шахте уважали рабочие и ценило начальство, а потому его, не имевшего горняцкого образования, назначили на должность мастера участка. После назначения, Николай Борисович стал редко спускаться в шахту, только по необходимости. Остальное рабочее время он проводил в правлении, переписывая по нескольку раз одни и те же распоряжения, указания или отчеты, тихо дожидаясь пенсии. На самом деле он стал бояться спускаться в шахту, пытаясь скрыть этот свой страх перед коллегами. Дело в том, что Николая Борисовича начали одолевать нехорошие предчувствия, что когда-нибудь он в шахте найдет свою погибель. И это нехорошее предчувствие жило в нем и не покидало его, более того, усиливалось в нем буквально с каждым днем. И из-за этого своего нехорошего предчувствия он немного замкнулся в себе, стал малоразговорчивым, к тому же начал прикладываться к бутылке, которая всегда теперь находилась в его рабочем столе. А на полу рядом с его столом стояла электрическая плитка, на которой всегда находился горячий чайник.

— Иди, Ванька, кипяточку выпей, враз согреешься,— предложил он Ивану.

— Сейчас наш Николай Борисович кипяточку попьет и к обеду будет уже хорош,— вновь заговорила Галина, щелкнув при слове «хорош» щелчком себе по горлу и лукаво прищутив глаза.

— Что ты говоришь? — переспросил Шишкин, развернувшись на стуле к Галине. Он плохо слышал и из-за этого его за глаза обзывали глухим.

— Я говорю: погоды хорошей нет, и мороз крепчает,— ответила ему Галина первое, что пришло ей в голову.

— Почему это нету? Есть и покрепче,— не расслышав Галину, произнес Николай Борисович, после чего достал из стола початую бутылку водки.— Вот... покрепче,— с серьезным видом сказал он, после чего все дружно засмеялись.

В этот момент зазвонил телефон.

— Тихо! Тихо! — обращаясь ко всем и беря в руки телефонную трубку, громко произнесла Валечка.— Алло! Вас слушают! — ответи-

ла она после того, как стих смех.— Шишкин? Конечно на месте, и Петров здесь. Хорошо Пал Палыч, обязательно передам,— проговорила она, кладя трубку на аппарат.— Диспетчер звонил, сказал, что лаву затопило. Велел тебе Ванечка и вам Николай Борисович срочно в шахту спускаться.

— Что там в лаве-то? Ай завалило кого? — с испугом в голосе переспросил Валю не расслышавший ее Шишкин.

— Да не завалило, а затопило,— уточнила она.

— Тьфу ты, глупая девка! А говоришь — завалило! Разве так можно говорить не разобравшись?!

— Да ну вас, Николай Борисович, вам пока объяснишь, сто потов сольешь,— в сердцах воскликнула она.

— Сольешь?! Хм, смотря как лаву затопило, а то и не скоро сольешь,— ухмыльнувшись и со знанием дела, произнес он, и все вновь дружно засмеялись.

— Вам бы все хиханьки да хаханьки... Делом лучше займитесь,— недовольно пробурчал он и, встав из-за стола, направился к выходу.— Пошли, Ванька, переодеваться и в нарядную.

Спустя несколько минут они спустились в шахту и, пройдя по главному штреку, остановились рядом с лавой, где в ожидании начальства в бессилии что-либо сделать, стояла бригада шахтеров и гидрогеолог шахты Денисов Василий Иванович, маленького роста полный сорокалетний мужчина.

— Что там случилось? — спросил у него Иван, указывая в темноту лавы.

— Затопило,— ответил тот и замолчал.

— Пльвун? — вновь задал вопрос Иван.

— Вода,— ответил Денисов и махнул рукой.

— М-да, плохо дело! — произнес Иван, всматриваясь в темноту.— Ну, пошли, поглядим, что там,— проговорил он, обращаясь к Шишкину и Денисову.

Стали медленно пробираться вглубь лавы, осторожно ступая в мутную сырую черноту, но как ни старались цепляться за выступы и горбыли все же начерпали сапогами воды. Вскоре добрались до места аварии. В лаве рокотала и клокотала в прорыве вода. От этого шума Ивану стало казаться, что он находится не в шахте, а в городе под бетонным железнодорожным мостом, по которому стремглав мчится поезд. На некоторое время рокот умолкал, но потом вновь начинался с еще большей силой. Стойки под нажимом кровли трещали и ломались как спички, казалось еще минута-другая и вековая громада породы рухнет, поглотив всех под собой.

— Пойдем отсюда,— с ужасом в голосе прокричал Николай Борисович и рукой указал на пути отхода, но пока они стояли, вода поднялась до того, что уходить пришлось уже по колено в воде. На глав-

ном штреке встретили главного инженера Макарадзе, прозванного шахтерами Макаром.

— Что там? — спросил он у Денисова, но тот вместо ответа только развел руками.— Почему твоя гидрогеолог не докладывает, а только руками разводит?! — вновь задал вопрос Макарадзе со злостью в голосе.

— Лаву затопило, Зураб Виссарионович,— только и смог ответить гидрогеолог.

— Что твоя делает? Если руками разводять, то вода остановит? — вновь задал вопрос Макарадзе недовольным тоном, но Денисов молчал.

— Зураб Виссарионович, вода прибывает. На сборном может песком прихватить механизмы,— с тревогой в голосе произнес Иван.

— А твоя, что думает делать, как механик? Тоже руками разводять? — обращаясь к Ивану, раздражительно спросил главный инженер.

— Чтобы механизмы осмотреть, надо срочно воду начать откачивать,— произнес Иван, не обращая внимания на недовольный тон главного инженера.

Махнув рукой и что-то пробубнив себе под нос, Макарадзе пошел в сторону шурфа. Дал команду дежурной, и клеть понесла его на-гора.

Воду из лавы начали откачивать спустя четверть часа, и откачали к концу рабочей смены, затем больше двух часов очищали от песка механизмы. Полностью устранили аварию к семи часам вечера и, только после этого, выехали на-гора. После душевой, уставшие, но не утратившие силу духа, шахтеры, по распоряжению начальника шахты, собрались в красном уголке; предстояло долгое и серьезное разбирательство по случаю аварии.

Милена СУХОРУКОВА

(г. Армавир Краснодарского края)

17 лет, учащаяся 10 класса лицея № 11 имени В. В. Россохина г. Армавира.

ЗА ЧТО ЖЕНЩИНЫ ЛЮБЯТ ЛЕТЧИКОВ?

С радостью отвечаю на этот вопрос! С радостью, потому что по благословию судьбы являюсь частью жизни родных мне военных летчиков в двух поколениях — прадедушки и дедушки. Прадедушка был командиром запасного аэродрома, а дедушка по совести и чести

нес службу в различных регионах нашей Земли, защищая рубежи своего Отечества.

За что женщины любят летчиков? Могу с уверенностью сказать, что летчики — самые настоящие из настоящих мужчин, то есть мужчины, воплотившие все лучшие качества и достоинства сильной половины человечества.

Каким был командир запасного аэродрома, летчик, офицер — мой прадедушка вне службы?

Вспоминаю, как он, цитируя Василия Теркина (всю поэму знал наизусть): «Ах, яичница — закуска, нет приятней и милей...», с удовольствием мог порадовать себя чарочкой, а затем компанию друзей песней под гитару в собственном исполнении, чтением стихов. Любил развеселить добрым юмором или задорной пляской. Был очень гостеприимным, в высшей степени хлебосольным. Ни тени тщеславия. Воспринимал тщеславие, как неуважение к себе.

Такие они, летчики, умеющие влюблять в себя женщин!

Он никогда, ни на одно мгновение не позволял себе уныния, жалоб на жизнь, тем самым оберегая близких ему людей от волнений и душевной дисгармонии. У него всегда все было замечательно, а мы — представительницы женского пола, независимо от возраста, были для него дорогие девочки.

Жажда жизни, любовь к ней побеждала все его телесные недуги, возвратила в строй после травмы позвоночника, приковавшей его на длительное время к больничной койке.

Такие они летчики, умеющие влюблять в себя женщин!

Я не помню такого дня, когда бы мой прадедушка не общался с книгой. Он мог читать ночи напролет, был прекрасным собеседником.

Находя в нас аудиторию слушателей, без устали, часами рассказывал замечательные истории о своих друзьях летчиках. Некоторые из них продолжали службу в Звездном городке.

Мой прадедушка увлекался мотоспортом, любил пробежаться на лыжах несколько километров, очаровываясь сказкой зимних пейзажей, окунуться в снег после баньки, пригреть котенка на груди. Он стал любимым другом для бездомной собаки. Таким другом, что собака, потеряв его среди живых, нашла среди мертвых и уже не один год часами просиживает у гранитной плиты — у места последнего пристанища летчика, преданного авиации в каждое мгновение своей жизни, летчика до мозга костей. Даже в час своего ухода за грань земного бытия, осознавая это, пел свои любимые авиационные песни и не переставал шутить до последнего вздоха. Тем самым заставил врачей склонить свои сердца перед его внутренней силой и восхититься молодостью и красотой его души.

Еще одним настоящим мужчиной из тех, в кого влюбляются женщины, можно считать моего дедушку — офицера, летчика, кото-

рый отважно служил своей Родине. Помню, что наша последняя встреча после долгой разлуки была именно на аэродроме. Я увидела мужественного, волевого, статного, жизнерадостного летчика, несмотря на то многое, что ему пришлось пережить за время очередной командировки в места боевых действий. Мой дедушка служил в Чехословакии, Афганистане, Югославии, Таджикистане и Чечне. Сложно представить нам, людям, которые не видели войны, каково это — воевать за Родину, жить, пока пуля разрешает.

За что женщины любят летчиков? За то, что летчики, по мужски красноречивые — сдержанные, немногословные, — при этом умеют быть очень убедительными. Мужская сила заключается в умении сдерживать себя.

Летчики — мужчины, которые готовы отдать жизнь, чтобы защитить. Мужчины, в которых мы видим силу. Мужчины, в которых мы уверены. Мужчины, физически подготовленные, смелые, порядочные, щедрые. И, конечно же, мужчины, которые умеют показать, как любят и ценят женщину!

Неизменно любимым тостом за столом летчика принято считать тост за то, чтобы количество взлетов равнялось количеству посадок. При таком равенстве женщина, влюбленная в своего летчика, сможет всегда оставаться счастливой!

Галина ГЛАДЫШЕВА

(г. Похвистнево Самарской области)

Журналист, писатель, автор четырех сборников прозы. Член Союза журналистов России, Союза профессиональных литераторов, руководитель Похвистневского отделения этого союза. Дипломант международных фестивалей «Славянская лира» (2014, 2015 гг.). Победитель международного конкурса «Верен, Отчизна, тебе», победитель областного конкурса «Волжское слово». Награждена медалью за доблестный труд в ознаменование столетия со дня рождения Ленина и знаком 300 лет российской прессы. Заслуженный работник культуры РФ. Почетный гражданин Похвистнеского района Самарской области.

МАРИЙКИНА ЛЮБОВЬ

(рассказ-быль)

В станице часто можно было слышать: опять Жорка куролесит. Не дай Бог под руку попасть. А все началось тогда, когда он, вернувшись из армии, узнал, что Верунька вышла замуж, не дождавшись его. Ну, и с катушек прочь. Женился на одной — характерами не сошлись.

Вторая ушла, поняв, что не любима. Третья заявила: «Руки на себя наложу, если хоть пальцем тронешь». Разошлись.

Пил он «по-черному». Пьянел и так куражился, что вся улица сбегалась его успокаивать. То ли мстил за поруганное чувство, то ли обиды не мог побороть в себе на то, что не его выбрали.

Вскоре я узнала, что он попал в больницу с язвой желудка. Операцию сделали. Плох. Приехала. Вошла в его холостяцкий дом и ужаснулась. Пустота. Шаром покати: ни стола, ни стула. Лишь кровать (старенькая, с погнутыми спинками) покрыта каким-то серым тряпьем.

— Вот так и живу,— увидел он мою растерянность,— помоги мне, а? Ты же знаешь, ну не пропащий я человек...

Он умолк. Долго молчали.

— Решил я попробовать жениться еще раз.

— ?!

— Да. В больнице увидел женщину моих лет. Не красавица. Таких длинных кос, как у Веруньки, нет. Платочек носит. И кажется мне, что в ней мое счастье.

— У тебя дети есть. Как быть с ними?

— Валентина (бывшая жена) нашла себе помоложе мужчину. Сын после нашего развода остался со мной. Дочь ушла к бабушке. С матерью жить они не захотели. Ты не сомневайся, я совладаю с собой. Так идем?

По дороге он говорил не переставая. Вошли в больничный двор, засаженный декоративными кустарниками, с клумбами и ароматом цветущих растений.

Жорка вдруг рассмеялся. Не сарказм, а радость я услышала в этом смехе.

— Ждет ...

— Кто?

— Она, Марийка. Вон видишь, в том окне шторка шевельнулась...

Она вышла к нам. Маленькая, худенькая, словно цыпленок перед ним — высоким. А глаза! Я таких и не видела. Синь бездонная, а в ней боль и радость, надежда и страх. Сердце защемило у меня. Боже, видимо, немало пережить ей пришлось. Он-то хоть понимает это?..

Жорка скороговоркой — в галоп:

— Все. Я решил. Собирайся. Будем жить вместе... — обратился он к женщине.

Ее словно ударили эти слова. Она вытянула руки вперед: «Нет!». И отстранилась от нас.

«Жора! Не гони лошадей!» — промелькнуло в моей голове. Марийка словно угадала мои мысли:

— Не могу. Женщины в палате сказывали, что пьешь ты сильно. Дерешься... Я такого уже насмотрелась...

Ее рассказ был коротким, но тронул до глубины души.

— В годы войны нас, пятнадцатилетних, фашисты угнали в Германию. Девчонок определили не в концлагерь, а в дома зажиточных. Работали. Ишачила я с утра до темной ночи. Спала и ела вместе со свиньями... Красноармейцы освободили. Уже и не надеялась, что домой, на Украину родную попаду. Да только возвращение было горьким и жутким. Братья как-то сторонились меня. Жалели? Наверное, только не было тепла в этой жалости. Однажды услышала, как сосед вслед сказал: «Немецкая подстилка». И я пешком ушла из села. Подалась на Кубань.... Только чиста я, чиста! — зашлась она в плаче.

Я прижала ее к себе ... Эхом войны отозвался ее рассказ. Горячим. Испепеляющим. До звона в ушах и дрожи в ногах.

Молчим. Мы с Жоркой тоже пережили много чего...

Наконец он заговорил. Глухо. Что-то ему мешало подобрать нужные слова. Он все сглатывал слюну.

— Познал и я немецкий плен. В Югославии бежал из концлагеря. В партизанском отряде воевал с фашистами, пока не пришла Советская армия. Судьбы наши похожи. Вот, при ней обещаю: пить брошу. Не обижу. Только поверь ...

И она поверила.

Шли годы. Жора стал замечать, что его Марийка оттаивает. Чаще улыбается. Плечики распрямляются. С соседями подружилась. В их дом чаще стали заглядывать станичники. Жора уволился со старой работы (от соблазна распить с друзьями бутылочку на троих)... Устроился на строительство животноводческих помещений. Стропальщиком. Работа ему нравилась. Как-то сообщил:

— Просили сфотографироваться. На Доску Почета.

Марийка всплеснула руками, кинулась гладить старенькую рубашу. Нет! Достала из своего небольшого сундучка отрез материала, раскроила и сшила ему новую рубашу.

— Так ты и шить умеешь?

— Жизнь научила...

Купили швейную машинку.

Однажды, вернувшись из поездки (строительство вели в соседнем районе), он увидел такую картину: за швейной машинкой сидели жена и его сын Павлик. Марийка ему что-то рассказывает. Тот внимательно слушает. Восьмикласснику все в новинку. Он, увидев отца, воскликнул:

— Смотри, батя, я сам себе брюки сшил! А все Марийка,— добавил, застенчившись.

В груди Жоры стало жарко. Нашла, нашла эта женщина к его сынишке подход. Глядишь, и мамой он ее назовет. Семья.

Только и в его семье не все приняли Марийку. Не сразу сложились отношения Марийки и свекра — старого казака Николая Гри-

горьевича. Шумел на сына. Женщину, которая осветила унылое жильё его сына, просто не замечал. В горячках мог и «неметчиной» попрекнуть. Марийка терпела. Жора защищал ее, как мог, от отцовских нападков.

— Та ты не журишь, коханий!...— переходя на украинский язык, говорила она супругу — все сладится.

Жора любил ее языковую мешанину. Русский и украинский языки весело переплетались, переливались, понимались. От этого на сердце становилось отрадно. Было в этом столько светлости, напевности. Кто не любит на Кубани украинских песен? Не найдете такого. Они иногда вечером усаживались на крыльцо отремонтированного дома и пели: «Посеяла огирочки», «Ой, при лужке, при лужке», «Плы-вэ човин»... На импровизированную спевку и соседи сходились.

Радовались за Жорку. Дом стал полной чашей. Вот уже десять лет прожили они вместе. Чем взяла его Марийка? Полюбила она его, полюбила до самозабвения. Любви не скрывала. Жорка и сам удивлялся тому, что слово свое крепко держал. Жить стало интересно.

Поговаривали старики:

— Все эти годы парень не ходит, а летает. Вновь петь стал. Голос-то природой поставлен. Да все Марийкина любовь ...

А тут, что гром средь ясного неба. Николай Григорьевич стал сдавать. Пошел на прием к врачу. А тот ему...

— Вот что, Николай, тебе бы лечь на обследование ...

Николай Григорьевич подкрутил свои поседевшие усы и, глядя прямо в глаза своему давнему другу, спросил:

— Рак?

Молчание в ответ.

— Понимаю. Ты же не скажешь. Сколько мне осталось жить?..

Никому — ни жене, ни сыну — ничего не сказал. Только шагнул за порог дома Жорки. Марийка что-то стряпала. Вкусно пахло свежее испеченными пирогами. Марийка застыла у плиты. Он опустился на табурет. Долго молчал, свесив свою голову на грудь.

— Ты, Мария, прости меня. Ты же не виновата в том, что германца допустили на свою землю, в том, что они творили здесь. Сколько угнали в рабство ... Я был неправ. Не обижайся.

— Та ни, та вы що, та я не обижаюся,— зачестила Марийка,— та вы отведайте пирога с вишнями. Жора любит их ...

Понял он, что она безмерно любит его сына. А ему большего и не надо ...

Не прошло и года. Жена Николая Григорьевича скоропостижно скончалась, а вскоре и он слег. Болезнь съедала старого казака.

Разговор с мужем был коротким:

— Ты вот шо, Жора, та перенеси батьку к нам. Я доглядать его стану,— сказала Марийка таким тоном, что возражать было бесполезно. Два месяца протянул казак. Умер на руках у Марийки.

На похоронах судачили. Одни осуждали сноху: дескать, ухаживала, забыв, что он унижал ее, а она все простила. Другие завидовали и ее великому терпению, и огромному уважению к родственникам мужа...

Шли годы. Павлик отслужил в армии, женился. Двух деток родили — дочку и сына. Для молодой семьи Марийка тоже незаменимым человеком стала. Во всем помогала. С детьми, словно квочка кудахта-ла.

Семнадцать лет промелькнули, как Мария вошла в дом Георгия. Однако приближающаяся старость уносила силы, сноровку. Здоровье подкосила неожиданная гибель любимого человека. Это случилось на стройке. Возводили летний лагерь для коров.

— Жора, давай панели цепляй,— крикнул крановщик стропальщику,— до обеда перекроем стены ... Тот выполнил приказ.

— Вира!

И вдруг порыв сильного ветра. Рвануло так, что панель резко развернулась на стропах, и Жору придавило к стене. Умер он мгновенно.

Овдовела Марийка.

Сватались к ней. Отказала.

— До гроба буду верна Жоре. Другого такого не будет...

... Станица, расположенная на берегу горной речки, подвергалась наводнениям. Случалось это чаще летом, когда таяли ледники в горах. В тот год частыми были грозы и ливни. И река затопила полстаницы. Саманные строения рассыпались. Камышовые крыши да мебель уплывали вниз по реке.

Ночью в дом к Марийке постучали:

— Баба Маша,— услышала она голос дочери Павла, внучки Жориной,— приютите. Голыми остались. Ели спаслись.

Приютила. Жили дружно.

В очередной свой приезд на Кубань я была у Марийки. Долго беседовали. Только вдруг она сказала:

— Я пиду жить в стардом.

— Что? Разве тебе негде жить? Ведь этот дом Жора завещал тебе!

— Так надо. Ты не сердись, не расстраивайся. Наденька будет третье дите рожать. Я ей помощник сейчас никомушный. А в том доме, люди кажут, дюже гарно ухаживают за стариками. Я хату его внучке подпишу. Это же дедово поместье. Сами купить другое они не осият. Так пусть кохаются здесь его правнуки.

Несколько лет жила она в центре для престарелых. В мир иной ушла с именем Жоры на устах. До гроба осталась ему верна, подарив свою любовь и ему, и людям, окружавшим ее.

Галина ЗЕЛЕНКИНА

(г. Козинск Красноярского края)

Родилась в 1947 г. в г. Бресте Беларусь в офицерской семье. С 1960 г. живет в Сибири, ныне в г. Козинске. Окончила Энергетический факультет Иркутского политехнического института в 1971 г. по специальности «Инженер-электрик». Работала проектировщиком на строительстве Братской, Усть-Илимской и Богучанской ГЭС. С 1997 г. занимается писательским трудом. Автор романов «Убийца неподсуден» — бронзовый лауреат Берлинского конкурса «Лучшая книга 2017», «Звездочет» — серебряный лауреат Берлинского конкурса «Лучшая книга 2014» в номинации «Фантастика» и «Заурияна. Айя. Сказание первое», а также нескольких сборников стихов и детских книг. Книга «Сказки семи озер и Чучулюкины сны» — золотой лауреат Берлинского конкурса «Лучшая книга 2016». Стихи и проза печатались в России, Украине, Германии, Чехии, Канаде, США и Бурятии. Член СПР (МГО) и Петровской академии наук и искусств (секция «Литература»).

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОДАРОК

В ночь перед Рождеством летел над старым городом Ангел Света и любовался украшенной елкой, стоящей на главной площади города, а также освещенными разноцветными гирляндами улицами. Вдруг в одном из не зашторенных окон пятиэтажного дома он увидел фигуру мальчика лет восьми. Тот смотрел на празднично одетых людей, проходящих мимо его дома, и вытирал щеки ладошками.

«Да он плачет!» — подумал ангел и подлетел к освещенному окну третьего этажа, за которым только что видел фигуру плачущего ребенка. Но мальчик вдруг куда-то исчез.

— Это он меня заметил, испугался и спрятался, — вслух громко произнес ангел в надежде, что мальчик его услышит и покажется.

Но мальчик лежал на полу, прижавшись к стене рядом с батареей, и боялся, что его может заметить большая белая птица, за которую он принял летящего ангела.

— Вставай! Я тебя вижу, — приказал ангел мальчику, и тот, повернув голову на звук голоса, увидел неизвестное ему крылатое существо, сидящее в кресле рядом с рождественской елкой.

— А вы кто? — спросил мальчик, поднимаясь с пола.
— Я — Ангел Света, — ответил тот. — А тебя как зовут?
— Меня зовут Костей, а мама почему-то называет меня Костиком, — ответил мальчик и подошел к ангелу поближе.

— Мама тебя очень любит, — с улыбкой произнес ангел. — Я тебя тоже буду называть Костиком.

Мальчик кивнул головой в знак согласия.

Отглядевшись, ангел понял, что мальчик в квартире один-одинешенек.

«Может быть, оттого и плакал», — подумал ангел.

— А где твои родители? — спросил он Костика.

— Мама Настена пошла за пирогом к бабушке Дусе, которая живет на четвертом этаже, а папа сейчас на вахте. Но он часто звонит нам с мамой, чтобы мы не скучали, — ответил Костик и глубоко вздохнул — то ли оттого, что не так часто звонит папа, то ли по другой какой причине.

— А бабушка с дедушкой у тебя есть? — поинтересовался ангел и увидел, как мальчик вздрогнул и втянул голову в плечи.

— Только мамини, — ответил он. — Но сейчас они живут очень далеко.

— В другой стране? — попробовал уточнить ангел.

Но мальчик покачал головой и посмотрел на ангела печальными глазами.

— Нет, — ответил он. — Мама говорила, что они живут сейчас на седьмом небе. А туда дорогу еще не построили.

— А ты их очень любишь? — спросил ангел, заранее зная ответ.

Ведь на то он и ангел, чтобы помогать и оберегать. А для этого надо много чего знать и уметь.

— Раньше, когда я был маленьким, бабушка с дедушкой приезжали ко мне в гости на все праздники и подарки дарили, — ответил Костик и пригласил ангела в свою комнату, чтобы показать ему, какие подарки ему дарили бабушка и дедушка.

Ангел перетрогал все игрушки, которые бабушка и дедушка дарили своему единственному внуку, которого очень любили. До сих пор от их подарков исходило тепло. Так всегда происходит, если подарки дарятся с любовью.

— А если бы сейчас дедушка и бабушка пришли к тебе в гости, ты был бы счастлив? — задал ангел вопрос Костикю.

Мальчик подозрительно взглянул на ангела, пытаясь понять, шутит ли тот или серьезно интересуется. Но ангел был серьезен, и мальчик вдруг поверил ему и почему-то всхлипнул. Две предательские слезинки выкатились из широко распахнутых глаз василькового цвета и скатились вниз по округлым щекам мальчика на льняную рубашку.

— Это было бы самое большое счастье в моей жизни! — воскликнул Костик и с такой верой и надеждой посмотрел на ангела, что тому самому было впору пустить слезу.

Но на всякий случай ангел решил проверить искренность слов мальчика.

— У тебя вон сколько подарков лежит под елкой, да если еще бабушка с дедушкой принесут, то не многовато одному-то будет? — задал он вопрос Костику, пытливо глядя тому в глаза.

— Если ко мне в гости придут бабушка с дедушкой, то их приход и будет для меня самым лучшим подарком, — ответил мальчик. — А эти подарки, что лежат под елкой, я отдам Мише и Анюте, которые живут в соседней квартире.

— И не жалко будет? — спросил ангел, испытующе глядя на Костика.

— Мама говорит, что никогда не надо жалеть то, что даришь от чистого сердца, — ответил мальчик, с удивлением глядя на ангела.

«Ангел, а не понимает, что дружба дороже игрушек», — подумал про себя Костик. Прочитав мысли ребенка, ангел улыбнулся. Было удивительно услышать мудрые слова, произнесенные маленьким мальчиком.

— С кем это ты разговариваешь? — послышался молодой женский голос, и спустя несколько секунд в комнату вошла мама Костика.

Увидев сидящего в кресле ангела, она вздрогнула от неожиданности и чуть не уронила на пол противень со свежее испеченным праздничным пирогом, который держала на вытянутых руках.

— Это Ангел Света, — произнес мальчик, кивком головы указывая на необычного гостя, который, поднявшись с кресла и не подходя к матери Костика, одним движением руки поставил противень с пирогом на журнальный столик.

— А меня все зовут Настенной, — сказала молодая женщина, внимательно разглядывая ангела.

Его фокус с противнем вызвал у нее легкое замешательство. «На проходимца вроде не похож, — подумала она. — Выглядит весьма прилично».

— Мама, ангел нам может подарить большое счастье, — произнес Костик, подойдя к Настене и беря ее за руку.

Затем он повернулся к ангелу: а вдруг тот передумает?

— Правда ведь? — спросил он и, увидев улыбку ангела, улыбнулся в ответ. — Ура! — крикнул мальчик и стал пританцовывать, повторяя: — А у нас будет большое счастье!

— Ну кто же откажется от большого счастья? — этим вопросом Настена попыталась успокоить не в меру возбужденного сына.

— Значит, вы не против встречи со своими родителями? — вопрос ангела несколько шокировал мать Костика.

— Но они же...— хотела было возразить Настена, но прикусила язык, наткнувшись на строгий взгляд Ангела Света.

— Тогда отвернитесь от меня и закройте глаза руками,— попросил ангел, и мать с сыном послушно исполнили его просьбу.

— Настена! Костик! — вдруг послышались знакомые голоса, и мать с сыном, резко обернувшись, увидели две светящиеся фигуры.

— Бабушка! Дедушка! — воскликнул мальчик и от волнения закашлялся.

Он хотел обнять своих любимых бабушку Анну и деда Степана, но, сделав несколько шагов, наткнулся на невидимую преграду.

— Вы можете смотреть на них и разговаривать с ними, но вы не можете их трогать руками, иначе они исчезнут,— пояснил ангел, зачем он установил между родственниками невидимую глазом преграду.

Костик попеременно смотрел на бабушку Аню и деда Степана и думал о том, что ничего нет в мире лучше, чем вот так встретить в ночь перед Рождеством родных тебе людей, которые тебя так сильно и искренне любят, что ты постоянно ощущаешь всей кожей теплоту, словно гладит тебя невидимый кто-то теплыми руками.

— Я горжусь тобой, Костик! — услышал он голос бабушки Ани.— Ты растешь добрым и умным мальчиком.

Костик вздохнул. Ему так хотелось положить голову на колени любимой бабушке, чтобы она своими теплыми и мягкими руками взъерошила его светлые волосы, как делала много лет назад. Мама его тогда называла ежиком, а дед Степан сажал Костика себе на плечи и называл внука великаном.

— Не переживай, дружок! — сказала бабушка Аня, быстро прочитав мысли внука.— Не всегда слова и прикосновения могут говорить о любви. Иногда достаточно взгляда.

— Бабуль, я сегодня такой счастливый, оттого что тебя и дедушку увидел,— произнес Костик и прижался к матери, словно хотел и ей передать частичку своего счастья.

Ангел заметил, как у мальчика засветились от радости глаза, и добрая улыбка скользнула по детским губам.

— А друзья-то есть у тебя? — задал дед Степан вопрос внуку.

— У меня хорошие друзья,— ответил Костик, с улыбкой глядя на деда.— Это Миша и Анюта, которые живут в соседней квартире. Я решил подарить им подарки, что лежат под рождественской елкой. Пусть у моих друзей тоже будет счастье.

— Спасибо тебе, Настена, за хорошее воспитание внука,— обратился к дочери Степан.— И мужу своему, Виктору, передай от нас благодарность. Жаль, что не увиделись. Когда еще доведется...

Но Настена ничего не ответила, а только кивнула головой в ответ. Она словно онемела от увиденного. Костик заметил, что мать очень странно плакала. Глаза у нее как будто бы светились изнутри, и

слезы, сбежавшие по щекам, были не похожи на обычные женские слезы. Они были твердые и сверкали разноцветными искорками.

— Это тебе подарок на Рождество от нас,— произнес Степан.

Услышав эти слова, Настена перестала плакать и попыталась возразить. Но слова словно застряли в горле.

«Странные существа эти люди! — подумал Ангел Света.— Одни больше всего на свете радуются доброте душевной и любви родных и близких им людей, а в то же время другие радуются бездушному богатству».

— Нам пора,— сказал ангел и, взмахнув крыльями, исчез.

Вслед за ним словно растворились в воздухе светящиеся фигуры гостей.

Но Костик не расстроился и не стал плакать, как его мама Настена, собиравшая с пола блестящие бусины.

Он вдруг понял, что самое главное в жизни — чтобы тебя любили и чтобы был кто-то, кого бы ты тоже любил.

И еще он понял, что Ангел Света подарил ему самый дорогой рождественский подарок.

Евгений СКОБЛОВ

(г. Москва)

Прозаик, член МГО СПР, Академии российской литературы. Автор восьми книг прозы. Участник многих периодических литературных изданий, сборников и альманахов. Три книги Евгения Скоблова включены в действующий фонд ФГУ Российская Государственная библиотека. Лауреат литературных премий, дипломант конкурсов МГО СПР.

ОХОТА КРЕПКОЕ 8%

В один из дней сентября, детская мечта одного уже большого, и даже пожилого, дяди все же исполнилась. Мечты иногда сбываются, и те, кто в это верит, могут рассказать тем, кто не верит.

Дядя Боря, Борис Антонович Зацепин, наконец, изыскал средства и купил себе, отложив все самые необходимые покупки на неопределенное время, очень красивый и очень надежный (как уверял парень-продавец в магазине) пневматический пистолет. И хотя это была не самая главная и не единственная его мечта, но мысль об обладании оружием не давала покоя дяде Боре с тех самых времен, когда он был еще просто Борькой и когда во дворе организовывалась игра в войнушку с деревянными автоматами и водяными пистолетами.

Борис Антонович положил пистолет на журнальный столик и долго любовался совершенством своего приобретения. Круто! Вид оружия притягивал и завораживал. Производство Ижевского завода, по виду — почти что легендарный «Макаров»! Борис рассматривал пистолет под разными углами, то отходя от стола, то приближаясь. Читал паспорт-инструкцию, не упуская ни одной мелочи. Брал оружие в руки, целился в хрустальные стаканы и статуэтки в шкафу, засовывал за пояс, вращал на пальце, нюхал, отдающую маслом вороненую сталь. Он долго выбирал место в квартире, где теперь будет храниться его личное оружие. Сервант? Ящик письменного стола? Пожалуй. А может быть, в жестяной коробке из-под чая, в подвесном шкафчике на кухне...

К чему пистолет ему теперь, когда уже пришла не очень веселая пора ежевечерне думать о подогретом кефире и двадцати пяти каплях корвалола на ночь, чтобы уснуть, Бориса пока не заботило. Да мало ли для чего? Мало ли хулиганья по подворотням шатаются! В подъезд ночью страшно зайти (он забыл, что за последние десять лет ночью в подъезде ни разу не бывал). А с этой штучкой, хоть куда! Например, в полицию, для начала, его же надо как-то зарегистрировать. Или не надо?

«Разберемся,— думал Борис.— Продавец сказал, что не надо, а мы все же прокачаем ситуацию, мало ли что. Мало ли где придется его применить!»

В субботу вечером, после просмотра ответственного отборочного футбольного матча под бутылочку, дядя Боря вместе с дядей Сашей — Александром Васильевичем Шепотко, соседом и другом, таким же, как и сам, пенсионером вышли побродить по берегу реки. Они совершали такие прогулки регулярно, когда сидеть и пить дома немного надоедало.

Друзья мирно прогуливались теплым осенним вечером вдоль речки, потягивая свежее и неслабое пиво («Охота крепкое 8%») из банок. С удовольствием обсуждали футбол, болтали о всяких пустяках, посматривали по сторонам, а нет ли случайно поблизости женщин. Не «для познакомиться», конечно, а «для полюбоваться» и «для обсудить». В одном из знакомых мест, у кустов шиповника, им захотелось пописать, что они и сделали. При этом получив удовольствие не меньшее, чем от процесса принятия пива.

Вернулись на тропинку, и Александр Васильевич собирался сказать Борису Антоновичу о том, что как же все-таки здорово вот так, без забот, гулять по вечерам с пивом, им двоим заслуженным людям. Закат, пиво, женщины... Но не успел. Дядя Боря, неожиданно, не говоря ни слова, выхватил из-за ремня свой «Макаров» и, почти не це-

лясь, очень ловко и точно, с одного выстрела повалил ворону, которая гуляла неподалеку, по своим вороньим делам.

Дядя Саша едва успел открыть рот.

— Ну, как? — самодовольно ухмыляясь, спросил дядя Боря. Еще больше чем точный выстрел, ему понравился эффект неожиданности, он специально заранее не рассказывал о своей покупке товарищу.

— Что «как»? — соображая, каким образом следует реагировать на это действие, переспросил дядя Саша.

— Как тебе мой выстрел? Точно в цель, в яблочко! — дядя Боря продолжал улыбаться.— Хорошая штука, да? Смотри...

— Как? Да ты просто лучший стрелок из всех, кого я раньше встречал. Только вот...

— Может быть, и ты хочешь? — перебил его Борис.— На, стреляй, смотри, вон еще одна прилетела! Сейчас она подскочит поближе и... гаши ее! На! Быстрее...

— Зачем ты это сделал, друг? — холодно, глядя прямо в глаза Борису, спросил Александр Васильевич.

Борис застыл, с протянутой рукой с пистолетом. Он хотел что-то сказать, но не получалось, вопрос друга сбил его с толка.

Саша допил пиво и аккуратно поставил банку на землю в сторонку от тропинки.

— Зачем ты убил? — как-то отрешенно, но четко выговаривая каждое слово, повторил он вопрос, посмотрев на подстреленную птицу.— Ведь она же никому не мешала. Она так же, как и ты, была рада этой жизни. Летала, клевала... общалась с родственниками, наконец. До тех пор, пока не появился ты с пистолетом.

Боря, наконец, опомнился.

— Сань, да что ты как маленький? Ворону пожалел! Половина моих ребят стреляют на охоте зверя. Это же наше предназначение: мужчина — охотник, добытчик и все такое прочее...

— «Охота крепкое» лучше, чем твоя охота, если на то пошло! Фотоохота лучше, чем твоя долбанная охота, если на то пошло! И... клал я на твоих ребят, с прибором! — Саша вынул сигарету из пачки и присел на корточки.— Понимаешь, ее ведь больше никогда не будет... А ты не думал, что каждая из них — часть нашего мира? Это же наш мир... Так зачем его убивать? Мы, ты и я, и все, все здесь живем, понимаешь? Иди в тир и там стреляй! Не хочешь?!

Борис молчал, он не знал что говорить. Оправдываться? Искать подходящие к моменту слова?

Саша резко встал:

— Вот что я тебе скажу, Борька! Ты прожил жизнь, и ни хрена не вырос, как был пацаном, злым пацаном, так им и остался. Вот по-

ставь эту банку и стреляй в нее, сколько влезет! Не жалей алюминиевую банку, пустая, она ни к чему. Она — не живая...

И отвернулся.

Борис Антонович немного постоял, потом подошел к другу. Положил руку на плечо.

— Саш... ну ты это. Прости, что так вышло. Просто я давно хотел его иметь. Я думал... Э-э-э... да не плачь, ну фигня. Ворон вон их сколько! Да и что от них толку, только гадят повсюду...

— А ты, значит, купил самопал чтобы очистить мир от говна? Так?! — дядя Саша сорвался на крик, — а ты забыл, что делал только что в кустах? Забыл? Тогда на, стреляй! Стреляй, сволочь! Всех не перестреляешь!

Александр Васильевич широко распахнул куртку и вывалил живот. Из глаз снова потекли слезы.

Борис вдруг почувствовал щемящую боль в груди, потом отпустило. Он протянул свою недопитую банку другу.

— Не строй из себя пленного партизана. На! Отпей, станет легче. Но мешать водку и пиво больше не будем, тебе вредно... Да что уж теперь... У нас сейчас на каждом шагу кого-то убивают, включи вечером «Новости» по телевизору... Любой «ментовский» сериал, любую газету разверни! Чего ты разошелся? Застегнись лучше... и ширинку тоже.

Он снова почувствовал боль в груди.

— Саша, ну прости, — голос его дрогнул, — ну виноват я... Тоже обрадовался, старый дурак...

— Да пошел ты! Жизни осталось всего ничего, а он все стреляет... Лучше б накормил.

Александр Васильевич резко развернулся, и побрел в обратную сторону. Он уже успел отойти на приличное расстояние, и вдруг услышал:

— Саня! Сашок! Смотри!

Дядя Саша обернулся.

Дядя Боря поднял над головой пистолет, помахал им в воздухе, а затем с размаху забросил его в реку.

На самую середину реки.

Николай МАКАРОВ

(г. Тула)

Толстого.

Военный врач ВДВ, гвардии майор медицинской службы, член Тульского общества православных врачей, член Союза писателей России, лауреат литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова и литературной премии Правительства Тульской области имени Л. Н.

ДВАЖДЫ КРАСНОЗВЕЗДНЫЕ* АФГАНЦЫ

КРУТОЙ ХАРАКТЕР

Михин Владимир Петрович, родился 05.10.1951 г. в селе Колыберево Воскресенского района Московской области.

— Приходи на следующий год — зачислим без экзаменов!

Так или примерно так звучал приговор успешно сдавшему вступительные экзамены в Рязанское воздушно-десантное училище Володьке Михину. Мало ли что по физо оценки выше всех остальных, мало ли что по боксу первый взрослый разряд, а на кой ляд тогда буква Закона, где черным по белому написано, что в училище принимаются только лица мужского пола, достижения семнадцатилетнего возраста.

— Подрасти чуток — ждем с распростертыми объятиями.

— Это самое по всей мор... то есть по всему лицу.

Так или примерно так звучал ответ Володьки Михина. Мало ли что до семнадцати лет не хватает каких-то трех-четырёх месяцев, мало ли что за месяц «карантинных» лагерей в Сельцах отсеивается до полусотни хлюпиков и нытиков, а на кой ляд тогда буква Закона, где черным по белому написанное, можно преспокойно обойти или просто не заметить, было бы желание.

Поэтому, с октября шестьдесят восьмого года прошлого века (до этого проходившего, якобы, испытательный срок), Владимир Михин становится полноправным курсантом Рязанского высшего воздушно-десантного командного дважды Краснознаменного училища

* См. материал из Википедии — свободной энциклопедии «Орден Красной Звезды»
https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D1%80%D0%B4%D0%B5%D0%BD_%D0%9A%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D0%97%D0%B2%D0%B5%D0%B7%D0%B4%D1%8B

имени Ленинского Комсомола, окончив которое через четыре года одним из первых в стране получает диплом инженера по эксплуатации бронетанковой техники и распределяется, и распределяется...

Летом семьдесят второго года мы с ним одновременно прибываем для дальнейшего прохождения службы в 51-й гвардейский парашютно-десантный полк: он — командиром гранатометного взвода во 2-й батальон, я — врачом в 1-й батальон.

Из воспоминаний гвардии полковника В. Михина:

...В семьдесят третьем году, заняв пятое место из пятидесяти взводов Московского военного округа на уборке урожая, был представлен к медали ВДНХ, но награду получил кто-то другой. В семьдесят пятом, но уже с должности заместителя командира роты, опять назначают командовать целинным взводом. Пытаюсь отказать, мотивируя предстоящими сватовством-женитьбой: дескать, невеста не будет так долго ждать.

— Значит, она — не жена тебе.

С таким доводом не согласиться было нельзя, но невеста меня все-таки дождалась. За вторую целину, заняв третье место, опять же из пятидесяти взводов, был награжден орденом «Знак Почета».

По приезду с целины, поддавшись уговорам и обещаниям заместителя командира полка по вооружению подполковника Ивана Ивановича Бракоренко, принял должность заместителя по вооружению командира 2-го батальона. Но обещаниям Бракоренко о рекомендации меня для поступления в Академию тыла и транспорта не суждено было сбыться. Нет, упаси Боже, не по его вине.

В феврале-марте семьдесят девятого года наша, 106-я гвардейская воздушно-десантная Краснознаменная ордена Кутузова 2-й степени дивизия, наряду с другими частями и соединениями Советской Армии, нешуточно бряцала оружием (Держава, как-никак!) на советско-китайской границе в Забайкалье, тем самым предотвращая (и предотвратила!!!) вьетнамо-китайскую войну. Если туда вся дивизия — и личный состав, и техника — летела самолетами ВТА, то оттуда техника дивизии на места постоянной дислокации доставлялась железнодорожными эшелонами. С одним таким эшелонем ехал и капитан Михин, в дороге не на шутку простудившись. Диагноз госпитальных врачей звучал жестоко, как приговор дальнейшей военной карьере: «Острый гломерулонефрит». Казалось, детской мечте не суждено было сбыться.

Из воспоминаний гвардии полковника В. Михина:

...Через два месяца интенсивного лечения ко мне в палату «подселяют» пенсионера-полковника (забыл, к сожалению, его фамилию-имя-отчество) и он, узнав о моих стенаниях-недомоганиях, советует в очередной раз сдачи анализов воспользоваться мочой здорового лейтенанта (вон, их сколько, бездельников, мается во дворе). Иначе —

еще месяц лечения, и прощай армия с таким диагнозом: комиссуют подчистую. Дескать, выпишешься, десяток дней проваландаешь на службе, а затем — опять в госпиталь продолжать лечение.

Выписался, прихожу к комбату, тот, внимательно выслушав меня... Не буду повторять его слова (не для книги они), суть которых сводилась к исключительно неповторимой лексике, на которой, по словам Лебеда, не ругаются матом, а разговаривают военные. В конце своей тирады комбат добавил, что если успешно сдам министерскую проверку, то вот тогда-то и решится вопрос о дальнейшем лечении.

Через пару недель после сдачи пресловутой проверки на «хорошо» принес в госпиталь анализы, из которых явствовало, что «курсы комбатовской терапии» пошел мне на пользу: в моче — незначительные изменения. Еще через две недели — моча, как у младенца, чиста, аки слеза. Там и перспектива поступления в Академию нешуточно замаячила.

Проучившись в Академии тыла и транспорта в Ленинграде (1980—1984), майор Михин назначается заместителем по вооружению командира парашютно-десантного полка в Литве, откуда через два года, по замене, становится на аналогичную должность в 357-м гвардейском парашютно-десантном полку 103-й гвардейской воздушно-десантной ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Кутузова 2-й степени дивизии имени 60-летия СССР (Афганистан, Кабул).

Из воспоминаний гвардии полковника В. Михина:

...В Афганистане опять моим начальником становится Иван Иванович Бракоренко, полковник, заместитель командира 103-й дивизии по вооружению. И даже он, зная меня с лейтенантских времен, всегда удивлялся, что количество техники, уходящей на боевые задания, и количество техники, вернувшейся на базу, одно и то же — не как в других частях и подразделениях. Даже участвуя в крупной войсковой операции, полковая техника в количестве 150 единиц полностью возвратилась без потерь. Правда, был подбит один БТР, но, отремонтировав его своими силами, поставили заново в строй.

В восемьдесят седьмом году, после того как были сбиты «стингерами» четыре вертолета, командованием принимается решение о полной эвакуации 2-го батальона из Бамиана. Мне ставится задача, чтобы вся техника и агрегаты были сданы местным «зеленым» под «протокол», но чтобы при этом после нашего отлета ничего не работало.

Руку под козырек: «Есть. Так точно. Не дурак».

В два часа ночи с руководителем полетов прилетаем в Бамиан. За три дня документы приема-сдачи были подписаны. С господствующей высоты сняты последние солдаты: демонстративно среди белого дня загружали ящики из-под боеприпасов, набитые камнями, в машины и обратным рейсом в кузовах незаметно доставляли личный состав.

Двадцать вертолетов за две ночи вывезли две трети батальона. Местные «зеленые» о чем-то догадывались, но мы их успокаивали, говоря, что идут учения у летчиков, идет облет вновь прибывшего пополнения. На третью ночь командование 40-й армии эвакуацию отменяет, мотивируя свой отказ нелетной погодой в Кабуле. Докладываю командиру дивизии, что эту, третью ночь, мы не продержимся — вертолеты каким-то чудом все-таки прилетели.

Перед отлетом мы завели все двигатели: и машины, и броню, и электростанции, предварительно открыв пробки масляных радиаторов. Вдобавок, подожгли все собранные в кучи покрывки, с гаубиц сняли прицельные рамки. Оставили «зеленым», считай, потенциальным басмачам, один металллом. И на последнем вертолете, опять вдвоем с руководителем полетов, улетали на этот раз в Кабул.

После такой успешной операции подполковника Михина оберегали, как зеницу ока, не выпуская за пределы части до самого возвращения в Союз — за ним шла настоящая охота и «зеленых», и басмачей за большую денежную награду.

А ему? Ему — три ордена: «За храбрость» и две Красные Звезды.

После Афганистана, три года прослужив в Болградской дивизии, в девяностом году вернулся на круги своя, то есть вернулся служить в Тулу.

Из воспоминаний гвардии полковника В. Михина:

...В Тулу приехал с понижением (дочери необходимо было продолжать обучение, а в Болграде — ни одного высшего учебного заведения) на должность начальника автомобильной службы дивизии. Прибыв 30 декабря к командиру дивизии генералу Лебедею, несканзанно удивив его предновогодним прибытием, получил разрешение приступить к приему должности 3 января. Через три месяца докладываю ему, что подписывать приемо-сдаточные документы не стану — такого вопиющего бардака, как в автомобильной службе дивизии, за всю свою офицерскую карьеру не встречал. За год привел все в надлежащее состояние и со спокойной совестью уволился из Армии в девяносто шестом году.

По «дембелю» его приглашает друг детства в Курган заместителем в свою фирму. Приехав налегке осмотреться-обтереться, на следующий день безапелляционно назначается исполняющим обязанности директора фирмы, ввиду убийства последнего в долговременный и долгожданный отпуск.

Из воспоминаний гвардии полковника В. Михина:

...Срочно вызываю жену и впрягаюсь в «гражданскую» жизнь. Через полгода приглашают на должность главного инженера по строительству Курганхиммаша, с окладом больше прежнего в три раза, с оплачиваемой заводом квартирой и другими льготами-благами руко-

водящих работников. Еще через полгода назначают на должность заместителя генерального директора завода. За девять лет моего пребывания на этой должности сменилось восемь генеральных директоров.

— И чего опять вернулся в Тулу?

— Не хватало летних каникул, чтобы наиграться-насладиться общением с четырьмя (!!!) внуками-внучками, которые каждое лето приезжали в Курган. Да, и к малой родине поближе, извини за высокопарные слова.

— Правильно — кто воевал, имеет право...

— Само собой, но и дочери помогаю достроить дом...

— Куда же — без этого.

В АФГАН — ЗА БУТЫЛКУ ВОДКИ

Моторин Сергей Георгиевич, родился 03.03.1950 г.

Казалось, о Сергее Моторине я знал, если и не все, то очень многое. Тем более что знаком с ним с 1972 года. Знал, что он мастером спорта по боксу пришел служить в нашу Тульскую 106-ю воздушно-десантную дивизию из далекого Красноярска, где в 1969-м году окончил речное пароходное училище; знал, что он становился чемпионом и призером первенств ВДВ, округа, Вооруженных Сил; знал, что он воспитал и тренировал своих сыновей (старший Алексей — победитель и чемпион многих международных соревнований в боях без правил, младший Виктор — в шестнадцать лет стал мастером спорта по боксу; сейчас оба сына — на тренерской работе, как и их отец); знал, что за Афганистан он награжден двумя орденами Красной Звезды; знал, что он недавно получил звание Народного тренера России; знал, в конце концов, что он профессиональный пчеловод и у него изумительный мед, которым он угощает меня каждый год. Знал...

Оказывается, не все знал.

— Служба моя началась в Витебской 103-й дивизии. И продолжалась ровно два дня — меня и еще четверых сибиряков даже не успели переодеть в военную форму. За эти два дня мне удалось узнать, что в части, куда нас определили, практически не было спортсменов, не то что высокого, но даже среднего уровня. И я приуныл. На третий день прозвучала команда о построении личного состава ростом сто девяносто сантиметров и выше со славянской «мордой лица». Из полутора сотен высококорослых новобранцев отбирали только двадцать пять человек для Тульской 106-й дивизии участвовать в парадах на Красной площади. Я сразу смекнул, что в Тульской дивизии наверняка со спортом дела обстоят намного лучше. Как-никак Тула — недалеко от столицы. И пошел на хитрость. У меня — сто восемьдесят четыре, у моих земляков — на сантиметр выше, на сантиметр ниже. Но нас-то еще не

переодели и мы, «сибирские лапти», были обуты в валенки. По моей команде все пятеро стали пятками на задники валенок и все оказались не только выше ста девяносто сантиметров, но и все оказались в Тульской дивизии.

— Ты стал заниматься настоящим «мордобоем». Да, помню, помню: я с тобой познакомился, когда начинал свою службу в 51-й полку молодым лейтенантом и был врачом на соревнованиях боксеров. А ты в том, семьдесят втором году, был старшиной спортроты и твоему старшему (тогда — единственному) сыну стукнуло годик. Потом ты закончил в Литве школу прапорщиков и пришел продолжать службу на полигон нашей дивизии. И стал разводить пчел. И, якобы гуляючи, закончил заочно коммунально-строительный техникум. И практически был одним из прапорщиков полигонной команды, ежегодно выполняющим программу парашютных прыжков.

— В восемьдесят шестом году,— продолжает приоткрывать мне неизвестные штрихи своей биографии Сергей,— мне пришел вызов для прохождения дальнейшей службы в Чехословакии. Помогли друзья.

— А попал в Афганистан.

— Чтобы попасть в Афганистан мне пришлось напоить своего командира.

— Не понял?

— Не перебивай. Рассказываю по порядку. Вызов в Чехословакию заместитель командира дивизии полковник Кротик — ты его прекрасно знаешь — спрятал в свой сейф. И, когда я его напрямую спросил о том спрятанном вызове, он мне также прямо ответил, что если я буду ерепениться и дальше, то загремлю в Афганистан. Моей реакции он явно не ожидал: «Поеду с удовольствием!». Но и в Афганистан он меня, конечно, не отпустил. Пришлось мне, в бытность Кротика в командировке, напоить начальника полигона, своего командира, чтобы он в полубессознательном состоянии подписал рапорт о направлении меня в Афганистан. Этот рапорт, опять же в отсутствие Кротика, срочно отправили секретной почтой в штаб ВДВ. Когда пришел приказ за подписью командующего, Кротик в ярости орал на моего командира: «С кем ты работать будешь? Единственного непьющего прапорщика самолично лишился». Так 12 февраля восемьдесят седьмого года я оказался в Кабуле, на должности старшины ремонтной роты 350-го, самого воюющего, самого боевого, полка Витебской 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Откуда начинал службу.

— У обывателей бытует мнение, что служба в Афганистане у тыловиков, у ремонтников была «не бей лежачего».

— Абсолютно согласен. Мы и не били лежачего. Ремонтники всегда сопровождали колонны. И если, не дай Бог, «духи» подбивали машины в колонне, то рядом с подбитыми машинами всегда остава-

лись только ремонтники. А колонна уходила дальше, оставляя нас одних с подбитой техникой и непредсказуемостью исхода боя с противником. В шести подобных случаях мне приходилось командовать своими ремонтниками. Не только вытаскивать подбитую технику, но и отбивать атаки душманов. К счастью, в этих шести боях у нас не было двухсотых. За эти вот случаи «не бей лежачего», меня и наградили первым орденом.

— Как у тебя все просто получается: пришел, увидел...

— Конечно, просто. Ротой командовал молодой старший лейтенант, который всецело зависел не только от командиров взводов — прапорщиков и срочников-дембелей, но и откровенно их боялся. Практически не командовал личным составом. Тем более что прапорщики на него постоянно жаловались заместителю командира полка по вооружению, который тоже «гноил» своего ротного. В мое первое афганское утро на подъеме дембеля (так как они считали, что подъем не для них) продолжали валяться в койках. Пришлось самого наглого поднимать рывком из койки, на что он мне опять же нагло заявил: «Прапор, ты что — оборзел совсем?». Дальше он договорить не успел, потому что был моментально впечатан в стену модуля, попутно собирая своим телом все, что находилось на его пути. Потом пошло проще. Каждое утро весь личный состав роты, даже взводные-прапора, до этого зарядкой вообще не занимающиеся, стали бегать кроссы. И попробовал бы кто от меня отстать. Нет, кулакам волю больше не давал. Хватило одного раза. Надо отдать должное тому дембелю — не пожаловался он на меня за рукоприкладство. Хотя взводные на меня и пытались вначале давить и даже жаловались, как и на командира роты. Но заместитель командира полка по вооружению, видя, что в роте постепенно создается нормальная атмосфера, меня не трогал. А после майских праздников...

— И что произошло на эти праздники? — перебиваю его с нетерпением.

— На майские праздники устроили соревнования. В том числе и по перетягиванию каната. Наша рота легко дошла до финала. Ремонтники — народ особенный: к железу, к тяжестим им не привыкать. И чтобы победить нас, собрали сборную полка, которую мы также одолели одним махом. А здесь и бокс подоспел. Водитель командира полка, паренек под два метра и под сто двадцать килограмм, сокрушал всех подряд. Пришлось и мне натянуть перчатки под недоумевающий возглас старшины второй роты Олега Гонцова (да, да, того самого Ганса — создателя и первого руководителя ансамбля «Голубые береты»): «Дед, куда ты лезешь?». После того, как с первых ударов мой соперник был повержен, Гонцов подошел ко мне и попросил о персональных занятиях с ним.

— Второй орден?

— Из ремонтной роты меня перевели на должность командира комендантского взвода...

— Особа, приближенная к телу? — опять перебиваю Сергея.

— Ага, особа. Очень даже приближенная. Около двадцати раз вызывался ходить снайпером в ночные засады и десяток «духов», как минимум, на моем снайперском счету. Еще в одной операции, когда под моим началом было пятнадцать человек, из засады на нас неожиданно напали, и наша группа в неравном бою положила семнадцать «духов». А у нас — пара пустяковых ранений.

— Самое страшное?

— Есть такой перевал рядом с Пакистанской границей — Сату-Кандал. Афганская ДШБ (десантно-штурмовая бригада) этот перевал не могла взять четыре месяца. Бойцы нашего полка овладели этим перевалом за сутки. Впереди моей группы из комендантского взвода шли только пятеро разведчиков. Выбили «духов», закрепились, и по высоте, где находились разведчики, ударила артиллерия наших «зеленых» друзей. Не ожидали они от нас такой прыти и по старой памяти обстреляли позиции противника, которого там уже не было. И мне с моим комендантским взводом пришлось собирать то, что осталось от пятерых разведчиков. Это — очень страшно. Поверь — очень.

— Пятнадцатое февраля?

— В восемьдесят девятом году этот день я встречал в Союзе, в Боровухе, под Витебском. Там же и получил свой второй орден. На следующий год, переведясь в Тулу, уволился в запас старшим прапорщиком.

— Пятнадцатое февраля двадцать лет спустя?

— Ветераны 350-го встречались в Москве, в одном концертном зале. Я немного опоздал. Вхожу в зал. На сцене Олег Гонцов со своим новым ансамблем «Ростов-Дон». Увидя меня, он прерывает песню и по микрофону вызывает меня на сцену: «Дед, быстрее — к нам!». Потом объятия. С бойцами. С офицерами. С генералами. Фотографирование. И обязательный, третий, гост, стоя, не чокаясь.

— За тех, кто не вернулся, кто остался там, за Речкой...

Кира КРЕСТЬЯНКИНА

(г. Тула)

Родилась в г. Туле. Окончила ТГПУ им Л. Н. Толстого. Пишет рассказы и сказки. Неоднократно занимала призовые места в районных и областных конкурсах, как прозаик. Является победителем 2010 и 2011 годов городского конкурса «Ступени» в номинации проза. Печатается в газетах и в журналах: «Приокские зори», «Детский городок», в сборниках «Иван-Озеро» и «Сказки пряничного города», альманахах: «Ковчег», «На крыльях «Пегаса», «Пегасик».

ЛАСТОЧКА

Посвящается ласточке...

Она была маленькой птичкой. Обыкновенной Ласточкой. Тем не менее все вокруг предпочитали летать, поглядывая на нее издали, не снижаясь к ней для обыкновенной птичьей болтовни. Ее нельзя было сходу прочесть, и это не нравилось окружающим.

— Гордичка, — щебетали про нее тут и там.

Да, Ласточка была гордой. Она подчас с недоумением смотрела на суету, в которой пребывали птицы вокруг. Она жила своей жизнью, ни на кого не глядя, ни с кем особенно не общаясь. То место, где она обитала, было довольно шумным, а ей обычно нравилось быть в тишине. Она любила взлетать на крышу самого высокого дома и наблюдать оттуда за людьми: «Куда они спешат? О чем сейчас думают? Чем они занимаются, и нравится ли им это занятие? Кто им встретится на пути? Есть ли у них мечта? И долго ли им ждать ее воплощения?» Все это чрезвычайно интересовало Ласточку. Этим были заполнены часы ее досуга.

Большую же часть времени она служила почтальоном. Да-да, вы разве не знали, что не только голуби бывают почтовыми? Ласточки прекрасно справляются с этой ролью, пробираясь даже самым сложным путем. Преодолевая все преграды, они доставляют письмо в целости и сохранности. Ласточка очень любила это свое занятие, и когда она приносила очередное письмо, то всегда оставалась посмотреть, обрадуется получатель ему или нет. Но, когда человек садился читать свое письмо, она удалялась, ведь нехорошо подсматривать, ведь прочтение письма — дело личное.

Ласточка явно не нравилась своим соседкам. Они не понимали ее стремления разносить почту, а после проводить время в одиночест-

ве. Все эти птицы любили собираться стайкой, чтобы посудачить обо всем на свете и пощеголять своими перышками друг перед другом.

Самым видным в этом обществе был, конечно же, Сокол, но во все не потому, что был невероятно умен, красив или пользовался глубоким уважением среди собиравшихся. Отнюдь. Когда-то он заработал себе определенную репутацию, профессионально занимаясь полетами, сейчас же уже отошел от дел, тем не менее знакомство с ним сулило молодой птичке некоторые перспективы в будущем, поэтому с ним никто не ссорился, и все старались ему угодить.

Однажды в этом обществе оказалась и Ласточка. Сокол сразу ее заметил, таких птиц он еще не встречал и, конечно же, не мог упустить шанс свести знакомство с очаровательной молодой особой.

— Здравствуйте, прелестное создание,— проворковал он, приземляясь рядом с Ласточкой.— Никак вы скучаете, дитя? Могу ли я заинтересовать столь прекрасную птичку своей скромной беседой?

Ласточка страшно испугалась, она не привыкла говорить с незнакомыми, особенно мужчинами.

— Здравствуйте,— захлопала она глазами.— Не стоит беспокоиться. Мне совсем не скучно.

— Ну что же вы, птенчик, не отказывайтесь так скоро, я очень интересный собеседник, знаете ли. Безусловно, это мнение окружающих, а не мое.

Ласточка, к сожалению, совершенно ничего не знала об этом Соколе, о его известности и репутации ухлестывателя за молоденькими птицами. Поэтому через какое-то время таких витиеватых речей, она все же заинтересовалась его словами, так как он очень красноречиво стал рассказывать о полетах, а об этом Ласточка была готова слушать часами.

Сокол же был совсем озадачен тем, что она не имела о нем ни малейшего представления. Он привык, что любая птичка, попадающая в поле его зрения, тут же начинала восхищаться им и его полетами, отчего он непременно задирал клюв все выше. А тут это милое создание, ничего не знающее о нем. Тем не менее это лишь подогрело его интерес и заставило рассказывать о своих полетах как никогда.

Ласточке не очень-то понравилось, как он хвалит сам себя, но она была воспитанной и промолчала, тем более он рассказывал ей о полете, который всегда завораживал ее. Как же ей хотелось и самой уметь так же здорово летать.

Птицы вокруг стали щебетать:

— Ну, надо же, тихоней прикидывалась, вы только посмотрите!

— Точно-точно, такая вся из себя гордячка, а тут с Соколом-то так и воркует, и воркует!

— Это она с виду только такая вся невесомая, а оказалась-то самой обыкновенной. Как перед Соколом стелится...

Конечно же, ничего подобного Ласточка не делала, и она понятия не имела, что о ней судачат прямо за спиной.

Да какое ей дело было до птиц вокруг, когда Сокол предложил ей провести урок полета. Она, немного подумав, согласилась, ведь ей всегда хотелось научиться летать лучше, чем она могла.

Они взмыли в воздух, оставив внизу совсем расчирикавшуюся стаю всех цветов и мастей, объединенных жаждой обсудить неудобную им Ласточку.

— Отлично, милочка, отлично! — говорил Сокол, летя рядом. — А теперь давайте попробуем сделать вот такой вот трюк, — и отклонился в сторону, выполняя совсем несложный элемент полета. Ласточка старалась повторять за своим новоявленным учителем. Так какое-то время продолжалась их тренировка.

— Ну что ж, вы молодец, — сказал Сокол, когда они опустились на землю. — Вы, наверное, устали, я приглашаю вас к себе на ужин. — И он попытался обнять Птицу своими огромными крыльями.

Она встрепенулась и взмыла в воздух, скрываясь от неожиданных крылатых объятий...

— Спасибо, не стоит, — едва дыша, пролепетала Ласточка. — Спасибо за урок, до свидания.

— Ку-у-у-уда! — Сокол ужасно рассердился, что его жертва сорвалась и теперь улепетывает от него со всех крыльев.

Конечно, он непременно догнал бы ее, если бы она не скрылась в расщелине между камней, куда ему со своим ростом было не пробраться.

Задыхаясь от быстрого полета, Ласточка притаилась и стала ждать, когда она сможет покинуть свое убежище и направиться домой. Теперь она понимала, что хищная птица Сокол не по доброте душевной предложила ей урок полета, это была всего лишь уловка. Только что ей пришлось узнать, что далеко не все птицы порядочны, не со всеми можно общаться, ничего не опасаясь. Собственно, она и раньше-то не особенно рвалась заводить с кем-то из птиц дружбу, а уж теперь-то и подавно...

Ласточке понадобилось время, чтобы прийти в себя после случившегося. К счастью, она смогла избежать дальнейшего общения с Соколом, который, конечно же, искал с ней встречи, и был ужасно недоволен ее, как он считал, неблагодарностью.

Позже, ей улыбнулась удача, вскоре она нашла других ласточек, которые стали ей добрыми приятелями. Но теперь она относилась к малознакомым птицам с большей осторожностью, так как была научена одной историей, к счастью, с хорошим концом...

Тамара ХАРИТОНОВА

(г. Брянск)

Харитоновна (Макарченко), родилась в Брянске в 1956 г. Окончила общеобразовательную школу в 1974 г., в этом же году поступила в Калининградский госуниверситет (ныне БФУ им. И. Канта), на биофак. В 1979 г. получила диплом и осталась работать при кафедре, в Научно-исследовательском секторе. Всю сознательную жизнь проработала в высшей школе. Получив диплом магистра психологии, занимается психологической практикой. Пишет прозу, но особенно привлекает жанр исторической прозы.

ОГОНЬ И ВОДА

На Настену Семка засматривался еще с той весны. И что в ней такого было? Росту не сильно высокого. Статная, русая, глаза серые. Коса — ладонью как раз охватишь. Да мало ли таких? Или день такой выдался? Как раз снег стал сходить. Шел Семка кривой, узкой улицей вщижского посада, ноги скользили и разъезжались на ледяной корке, плотницкий инструмент норовил съехать с плеча. Вот тут и увидел, как из-за края обрыва возникает девичья фигура — лицо, обрамленное плотно увязанным платом, плечи, охваченные коромыслом, на котором, как крылья, раскинулись руки, поддерживающие дужки деревянных бадеек, стан в серой свитке... Идет плавно, словно плывет, навстречу ручейкам талой воды — и хоть бы плеснулась вода в бадейках, налитая полно, доверху. Только солнечные зайчики резвились на поверхности чистой, студеной речной воды. Знать, один такой шаловливый зайчик и вспрыгнул, оттолкнувшись от водной глади, да и угодил Семке прямо в очи. Ослеп на миг, застыл с открытым ртом парень... А она — хоть бы что, лишь повела в его сторону серым взглядом, чистым, как речная вода, да проплыла мимо...

После, уже в лето, возвращаясь с работ, увидел ее на крыльчке терема — сверкал над городом полновесный летний ливень, со свеса кровли вода бежала, как из носика рукомоиника, если наклонить его по сильнее, и Настена, смеясь, подставляла белые ладони, плескала в лицо. Знала, что с грозовой воды краса ее не увянет никогда.

А работы в то лето выдалось много — воевода торопил с починкой стен детинца. Грозные вести, как раскаты неведомой, небывалой грозы, доносились с юга, из степей. Не печенег, не половцы, которых не раз воевали славяне, — накатывались из неоглядных степей орды татарские, и не было им, как и степям, их породившим, ни конца,

ни краю. Вел их Бату-каан, Батыга — хан по-русски. Чего ждать от него, никому не ведомо. Да Семка об этом не больно задумывался.

Его дело — махать топором, играть теслом да скобелем, орудовать стругом, ладить рядком тяжеленные дубовые бревна, чтоб стоял детинец вечно.

Сказывают, татары эти самые на низеньких косматых лошадках скачут. Разве лошадка татарская на такую стену запрыгнет? Или сам татарин? Тоже, видать, не богатырь ростом. Семка усмехался про себя, глядя вниз с высоты городской стены. Свежий, пахнувший сосновой смолой ветер, налетая, трепал густые, с рыжиной, семкины кудри, светло-карие глаза вспыхивали огнем. Гора крутая, высокая над Десной светлой — ни кустика, ни деревца на ней, попробуй взберись, да еще саженой на пять крепостная стена, да еще выше — угловые вежи! Сила неодолимая!

Мастер-городник самолично присматривал за работами, наставлял, как ладить срубы, ставить их впритык друг к другу, чтобы прясла выходили ровными и мощными, как заполнять их камнями и землей изнутри и снаружи, как возводить вежи, чтобы выступали за стену, чтоб удобно с них было бить врага через бойницы — стрельницы. А сверху еще надо и кровлю соорудить — и над башнями, и над стенами — и воинов защитит, и саму стену от дождя и града, от сырости и гнили.

Порой взглянуть на работы приезжал на высоком, сером в яблоках жеребце сам князь. Хмурясь озабоченно, избегал по шаткой лестнице на стену, взглядывал вдаль, кидал взгляд вниз, к подножию горы, трогал рукой дубовые, плотно пригнанные плахи — и лицо светлело, кивал головой, говорил о чем-то с городником, вспрыгивал на коня — только пыль вихрилась под копытами. «Ну, куда там татарам с их лошаденками!» — думалось Семке.

Когда ладил Семка с другими работниками крышу той вежи, что стояла прямо над деснянским обрывом, не часто отрывал взгляд от своего топора — и дело не ждало и, главное, когда глядывался в задесенье, дыханье замирало у него в груди, а за спиной будто крылья вырастали. И вот словно не на башне сидит Семка, а летит, летит над сияющими речными разливами, над озером, над золотоствольным сосновым бором на дальнем, невысоком песчаном берегу и дальше, дальше в безбрежную синь лесную... Не для полетов позвал его на стену мастер-городник, отец Настены.

Только к исходу зимы наместился Семка поговорить с мастером о Настене. Тот не сказал ни да, ни нет, пригладил бороду, усмехаясь чему-то: «Там видно будет». И с той поры исподволь, но пристально приглядывался к Семке — работник хороший. Дело так и горит в руках, да молод, незнатен. Семья небогатая. Да и не к спеху. Настене всего шестнадцать. Там видно будет.

Ну и увидели по весне... Как раз перед ледоходом, когда ждал пробудившийся от сурового зимнего сна город разлива реки, подхлынули под самые городские стены воды черные, безбрежные, батыева орда. И была их тьма-тьмушая. Лошаденки ровно такие, о каких говорила молва — низенькие и косматые, да не знала молва и знать не могла, что на тех лошаденках привезут с собой татары стенобитные машины — пороки, и будут тяжелые каменя-валуны бить с размаху в плотно спряженные стены детинца, и дрогнут вечные стены. На стенах сражались все. И воины княжеской дружины — священными мечами, и посадские — с луками и стрелами, с засапожными ножами, с косами, насаженными вдоль дровца, с рогатинами.

Вшиж продержался седмицу. На восьмой день ворвались в детинец озверелые вконец от упорного сопротивления жителей орды, и в рукопашной резне погибло все население богатого торгового города, данника далекого стольного Киева-града. Как это все случилось, Семка не видел. Был он на стене у самых ворот городских, и один из первых ворвавшихся врагов огрел его по голове татарским шокпаром — померк свет в глазах, и подумать ничего не успел. Да и не думается ничего воину в разгар жестокой сечи...

Очнулся Семка от нестерпимого жара. Вначале пришла мысль неожиданная: «Неужто так много успел нагрешить за жизнь свою короткую, что напрямик в ад угодил?» Приоткрыл глаза — и не понял, на земле он или в преисподней.

Лежал-то на земле, только не сырой, а горячий, и справа и слева, и вверху — сплошные стены огня. Тогда вспомнил — татары! Где же они? Отбились!?

Горел детинец несокрушимый, и огненной стеной преграждал врагам путь дальше, во глубину русской земли. А по обе стороны детинца огненные крылья раскинул горящий посад — как богатырь, пораженный в самое сердце, раскинул могучие руки — не пушу! Убитый, горящий — не пушу!

Вторая мысль семкина была — Настена. Найти! Живую или сраженную, но найти. Семке показалось, что он резво вскочил с каляной земли, на самом деле встал медленно, шатаясь, держась обеими руками за разбитую голову, где кровь запеклась на опаленных кудрях.

Кажется, видел, еще, как на стене стоял — мелькал где-то поблизости ее синий сарафан. И точно — вот она, чуть виднеется подол из-под тел — своих и татарских. Откуда сила взялась — отвалил всех, подхватил на руки — и прочь из детинца, через горящие ворота, локтем прикрывая лицо, чтоб только глаза не повредило. Вырвался наружу — и осел на землю у крепостного рва. Недостало сил. Опустил Настену на свои колени, правой рукой нашарил кем-то брошенную рогатину — защищаться до последнего, пока мочи хватит. Взглянул — и застыл, с рогатиной в деснице, другой рукой прижимая к себе Настену.

Орда утекала прочь. Черные волны отхлынули от разоренного города, в котором не осталось тех, кого можно взять в полон и не осталось ничего, что можно унести с собой.

От горячей стены детинца до речного обрыва, на месте посада лежало мертвое поле, вытопанное копытами, изрытое пороками, усеянное черепками, разбитыми плинфами, обломками дерева, стрелами, обрывками одежды. Заваленное убитыми, вперемешку защитниками и нападавшими. Рыжее от впитавшейся крови.

А снизу, с реки, слышался сквозь рев и треск пламени грохот льдин тронувшейся наконец Десны. И затопил разлив пространство до самого горизонта, ибо деснянские воды сливались с водами озера Бечина, и не было воде ни конца, ни краю. И вся орда татарская была малой шепоткой соли, растворившейся бы в этой стихии без следа.

Это все Семка осознал потом, а пока все смотрел вслед утекающей орде бездумно, крепко прижимая к себе Настену и даже не ведая, жива ли она. Вдруг почувствовал — будто шевельнулась. Посмотрел — а она голову извернула, как могла, и тоже глядит вслед орде. С высоты крепостного вала получается, вроде как сверху вниз глядит. Огнем полыхнула радость в семкиной груди. Вскочил, по-прежнему прижимая к себе Настену, и закричал вслед орде, потрясая рогами: «А, спужались! А не замай, не замай!».

Сил не стало, опустился на землю и задумался. Надо было копать землянку, выхаживать Настену.

Весна шла. Надо было пахать и сеять.

Рудольф АРТАМОНОВ

(г. Москва)

Окончил 2-й Московский медицинский институт им. Н. И. Пирогова в 1961 г. Врач-педиатр. Доктор медицинских наук, профессор кафедры педиатрии РНИМУ им. Н. И. Пирогова. Член Союза журналистов г. Москвы. Пишет прозу. Публикуется в журнале «Приокские зори» с 2007 г. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н.С. Лескова.

ТЮТЮЛЯ

Мы сидели на открытой веранде кафе и предавались воспоминаниям. Все располагало к такому занятию — теплый осенний вечер, тихий парк, еле слышная музыка, доносившаяся из невидимого за деревьями репродуктора. Перебирали в памяти студенческую жизнь, однокашников, увлечения, романы.

— Недавно вспомнил Олю Тихомирову. Ты помнишь ее? Она пришла в нашу группу на 2-м курсе после академотпуска по болезни. Провинциалочка. Из Великих Луг. Ты слышал про такой городок? Я нет. Тихая, скромная. Коса на голове колечком.

— Помню, конечно. Не похожа была на наших девчонок. Отличница, зубрилка. Всегда все знала. Шла на красный диплом. Всей группой за нее переживали. Схватила трояк на гигиене... Не получила.

— Для нее это был удар. Мама с папой учителя. Золотая медаль. Гордость семьи... И синенький диплом врача, без триумфального возвращения в родительский дом.

— Она считала себя дурнушкой. Это по всему было видно. Не кокетничала, глазки не строила. Серая мышь, одним ловом. Но что-то в ней было привлекательным. Сейчас, как пожившие мужчины, мы с тобой можем сказать, что в женственности, самом ценном, на мой взгляд, в женщине, ей было не отказать.

— Мне кажется, у тебя с ней был роман.

— Так, ничего особенного. Встречались. Уж очень скромная была. Недотрога. Первый поцелуй восприняла как событие чрезвычайной важности. С испугом. На выпускном вечере обещался звонить. Так и не позвонил, не до того было. Женился. И она не позвонила.

Мы пили пиво и медленно вели этот разговор. Наверное, теплый осенний вечер и тихая музыка располагали к воспоминаниям. За плечами у нас было полсотни лет после института, и прошлое, пережитое вместе в далекой молодости, казалось романтичным и было нам обоим дорого.

— На 25 лет мы собрались у Алины Матвеенко. Приехали Сашка Тарасов из Рыбинска, Игорь Фомин. После института пошел в военные. Толя Нейман с Томкой, они поженились на шестом курсе. И Оля Тихомирова была. Тютюля наша. Кто ее так прозвал, не помню, кажется, Сашка Тарасов, балагур и выдумщик всяких прозвищ. Уж очень она скромная и тихая была. Ты не приехал.

— Не помню почему.

— Мне показалось, что она расстроилась, что тебя нет.

— Она позвонила мне от Алины. Спросила, почему не пришел. Все расспрашивала, как живу, чем занимаюсь. В ее голосе и интонации была твердость, уверенность в себе, чего раньше за ней не замечал. Не робкая застенчивая Тютюля с тихим голосом, какой была в те годы, а зрелая женщина.

— Ты правильно заметил. Она рассказала в тот раз, что распустилась в маленький городок, в участковую больницу. Работа та еще была! Приходилось обслуживать всю округу, все деревни и деревеньки вокруг. Ты можешь себе представить Тютюлю верхом на лошади?! Скакала по деревням. Сама запрягала лошадь в телегу. Операции кое-какие делала сама. Лечила, как говорят, и стара, и млада. Сделали

главврачом. Депутатом у себя в городке стала. Кто бы мог подумать такое про нашу Тютюлю. Вышла замуж за тракториста... нет, комбайнера, Героя Труда. Родила пятерых детей. Вот так... А ты с красным дипломом всю жизнь проработал в поликлинике, рецепты, да бюллетени выписывал. Ладно, не обижайся. Я тоже мало чего достиг.

Темнело. Становилось прохладно. Допили свой кофе.

Идя домой, вспомнил, как недавно на 50 лет окончания института собрались у Алины. Меня никто не узнал, так изменился. Я тоже не всех узнал. С Юлей Дюковой встретились у подъезда Алинина дома. Стоит полная седовласая женщина. В домофон говорю — это я, называюсь. В лифте поднимаемся и вместе подходим к одной и той же двери. Только в квартире узнаем друг друга.

Все уже в сборе. Расселись за столом. Стол накрывали вскладчину, каждый принес, что Алина просила — вино, закуски, сладкое. Начинаем узнавать друг друга. Пятьдесят лет прошло. Кто-то уже лысый, кто-то бороду, как я, отрастил. Умерла Аллочка Родэ, умер Витка Плющев. Помянули. Потом стали говорить о себе. Сашка Тарасов, наш балагур и душа компании, стал главным врачом больницы у себя в Рыбинске. Теперь на пенсии. Игорь Фомин дослужился до полковника медицинской службы. Толстый, веснушки на лице как были, так и остались. Нейманы поработали за границей и приобрели машину. Всегда хотели красиво жить.

Рядом с ними сидела женщина наших лет, которую не сразу узнал. Щеки иссечены мелкими морщинами, как бы обветренное, смуглое лицо. Короткая стрижка седеющих волос. Она часто посматривала в мою сторону, как бы приглашая меня узнать ее. Смотреть пристально через стол было неловко. Время от времени посматривал на нее, все больше угадывая, что это она, Тютюля. Она тоже рассказывала о себе, что я уже знал от приятеля, с которым только что сидел в кафе. Уже дважды бабушка. Заслуженным врачом стала.

Сидели долго. Рассматривали фотографии студенческих лет, теперешних, которые захватили с собой, своих детей и внуков. Даже пели давнишние песни, которые теперь уже не поют.

Стали собираться. Сашка Тарасов и Игорь Фомин заночуют у Алины, завтра уедут к себе. В тесной прихожей столпились, стали прощаться.

Тютюля порывисто подошла. Обняла, на секунду прильнула ко мне и отошла, отвернувшись.

Все понимали, что в будущем таких встреч уже не будет. Некому будет встречаться.

Анна ПОНОМАРЕВА

(г. Тула)

Ученица 10 А класса ЦО 45. В 2017г. избрана президентом 1 корпуса ЦО 45. Серьезно занимается спортом, имеет многочисленные награды по дзюдо. Является неоднократным победителем международных, всероссийских, областных, городских конкурсов современного дизайна и моды (номинации — «Театр моды»). А также — призером городского литературного конкурса. Собирается поступать в Тульский университет на факультет журналистики.

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

На часах было пятнадцать минут первого, когда прозвенел звонок на урок. С аппетитными булочками в руках ребята разбежались по кабинетам. 5А класс, заслуживший себе славу самого хулиганистого и недружного класса, отправился на урок географии.

Ученики зашли в кабинет, в который раз разглядывая большие и маленькие глобусы, политические и географические карты, портреты великих первооткрывателей, размещенных прямо над доской. Все сели на свои места, начался урок.

Как и всегда Кристина Агилеровна начала урок с проверки домашнего задания.

На этот раз не повезло оказаться у доски Ваньке Незнанову (говорящая фамилия, правда?)

«Ваня, покрути глобус и найди мне Северный полюс!»

Раз, два, три и наш «отличник» ткнул пальцем в глобус, правда, далеко не туда, куда нужно.

«ВОТ ЭТО ДА!» — завопил весь класс, когда мгновенно нашел себя на тропическом острове, посреди огромного океана. Резко куда-то пропала Кристина Агилеровна! Незнанов с глобусом стоял по колено в воде. Кстати, глаза его чем-то напоминали тот самый глобус, были такими же круглыми.

Самые отчаянные хулиганы кинулись плавать, девчонки ринулись рассматривать фауну острова, как вдруг далеко в небе раздались оглушительные раскаты грома! Раскат, еще раскат! Бам! Гром и молния!

«Ванька, ну что ты стал как камень, крути скорее глобус!»

Раз, два, три... Каким-то волшебным образом весь класс перенесся в другое место! Удивительно, это явно было не наше время!

Ребят занесло в первобытное общество! Одноклассники сразу привлекли внимание австралопитеков.

Хорошо, что в классе были смышленные мальчишки, которые поняли: чтобы сегодня не стать обедом, нужно удивить новых «приятелей»!

«Ой, что же делать!?» — взывала Машка Плаксина.

«Петров! Ну что ты стоишь? Доставай свою зажигалку, показывай фокусы с огнем!» — это уже были слова отличницы Катьки Умномыслевой.

Чик, чик, огонь! Обезьяноподобные люди, мягко, скажем, испугались, упали в ноги все как один и приняли Петрова за Бога!

Хорошо, что не успели утащить куда-нибудь! Ванька отчаянно крутил глобус. Раз, два, три...

«Брр, холодно» — все хором заныли. Ну, наконец-то наш Незнанов нашел на глобусе Северный полюс! Кругом все бело-о-о-е, такое красивое все!

Дети начали прыгать, чтобы совсем не замерзнуть, как вдруг кто-то заорал: «Смотрите, медведь!» И вправду, если приглядеться, можно было увидеть, как покидает сугроб, такой же белый, словно снег, мишка. «Рычит! Голодный, наверно!» — сказал главный гурман — любитель бутербродов, именно с докторской колбасой — Колька Пухлич.

Колька — большой души человек, достал из рюкзака 3 бутерброда и кинул в сторону медведя, а тем временем Незнанов снова крутанул глобус. В этот раз попал куда надо, по крайней мере, куда хотелось ребятам! Все дети оказались в классе, сами не поняли, что произошло! Но необычное путешествие сделало свое дело: класс недружных мальчишек и девчонок превратился в единую команду друзей — одноклассников.

«Вставай, солнышко» — сказала мама, нежно дотронувшись до моей щеки.

Вот такие удивительные сны мне снятся!

Анна МАРТИНА

(г. Серпухов Московской области)

1992-го г. р. Училась в Протвинском лицее №2. В 2007 г. окончила Протвинскую городскую художественную школу. В 2014 г. окончила Серпуховский филиал РГСУ по специальности «Специалист по социальной работе». Пишет стихи и прозу с 2007 г. 1 место в номинации «Проза» и 2 место в номинации «Поэзия» в открытом конкурсе ЛитО «Клио» г. Серпухова (2015). Член Московского Совета ЛитО при СПР (2016). Победитель в конкурсе Моссовета ЛитО в номинации

«Дебют» (2016). Публикуется в коллективных сборниках и газете «Серпуховские Вести».

Ветер скользил, приминая травы, срывая лепестки с полевых цветов, сладких, пахнувших медом на весь луг — запах их летел в лицо. Трепетали ветки от порывов лихого, юркого карпатского ветра, вольно и смело было ему здесь дышать, снуя по извилистым тропам гор, взмывая к вершинам, скользя по соломе крыш и играя с хвостами собак и кошек. Вольно было ему, и эту волю хотел вместить себе в грудь Радугу, но ей было тесно, как в клетке птице с большими крыльями — не взмахнуть, не повернуться, не сделать вдоха. Летел и летел он сам, будто пытаясь лошадь загнать, будто пытаясь захлебнуться этим яростным потоком воздуха, но куда было бежать, этот мир обступил его со всех сторон. Также бежал он яростно, с вынутыми саблями из ножен, бежал через пламя, сжирающее жизнь на земле, стрекочущее пламя победы и походных костров. Листья в лицо, пропитанные румынским духом, когда с турецкими отрядами устроили привал. Зачем же он вернулся? Зачем нужно обнажать мечи и рваться в бой, зачем чужой смертью пытаться купить возвращение на родную землю? Его имя ему дано, чтобы нести радость, чтобы рассветные шелка несли танцы, а не вспыхивали огнем, чтобы крики сопровождали полные кубки, а не были от боли, чтобы праздничные ленты вились в волосах, а не были лентами крови, пропитывающими землю. Его противостояния не имели конца — с врагами султана, с братом и, прежде всего — с самим собой. Он то протягивал руку, то боялся сделать это, изрезана была душа на полосы, и всякий раз новыми. Куда же теперь бежать, если никого нет больше за спиной, если раздроблена его родина на осколки, если он сам как оторванный осколок катится по землям. Оставлена теплая солнцем прогретая земля, заснувшие, будто от чар, сады султана, которыми владеет теперь лишь он один. Оставлена его братом наполненная сладким воздухом и ветрами румынская земля. Не схватить ничьей руки, не сжать, не крикнуть — голос, будто булькнувший в жиже болотной, не достигнет ничего. Уйти, убежать, взлететь за крыши и достать холодных лоскутов облаков, но только не владеть одному этой давящей грудью свободой, сопровождающейся цокотом копыт без конца. Желание создать союз с тем, кто стал властелином стольких событий его жизни, желание быть благодарным тому, кто в этой незнакомой стране оказался ближе всех — так или иначе, желание снова оказаться рядом с тем, кто с ним одной крови, даже пусть это поле битвы. А добившись трона, почувствовать себя битым стеклом под подошвой, разрушенным храмом, опустевшим до дна сосудом. Сколько трав мягких, вод бурных и ветров — сотни воздушных потоков, с которыми сросся он, но никак не мог вместить в себя. Как

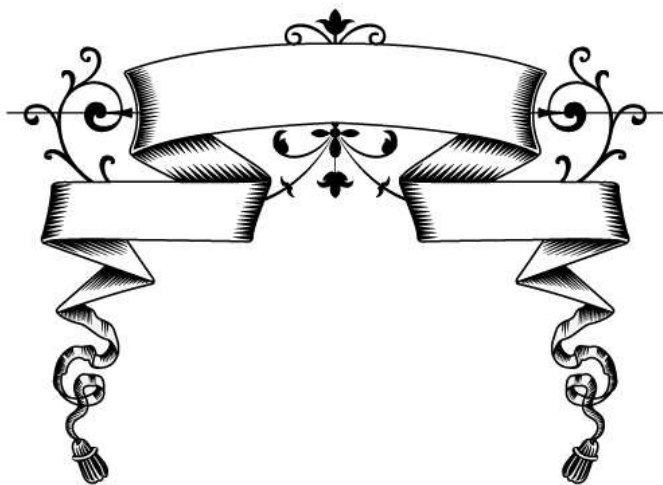
много для его груди, для мечущегося сердца, для души, которая никогда не закончит своих поисков и сражений.

Запахавшись от езды, Раду остановился возле реки и спрыгнул с коня. Пошатываясь, подошел к кромке воды, упал на колени, пытаясь отдышаться. Зачерпнув ладонями воды, умылся, несколько капель попали на грудь, будто мурашки пробежали. Воспоминания кружились, будто снова и снова пороха им подсыпали. Где он пытался решить правильно, где был страх, где каприз, где своеволие, а где желание мира. Миллионы секунд будут снова и снова проходить, пройдет боль, сомнение и агония, прах сравняется с землей, кто скажет тогда — насколько поступки его были верны, насколько суждения правы? Как сумеешь справиться с вверенными жизнями, с хитросплетениями политики, с отношениями с людьми, когда не можешь привести в порядок собственную душу? Почему не было на его руках старшего брата, когда тот умирал? Почему не было прощения другого, когда он принял иной путь, когда Турция пропитала его своим душистым ароматом? Почему за каждый шаг было столько расплаты, как будто он по проволоке шагает, а оступись — понесет тебя ветер, свободный ветер румынской земли, вьющийся между дорог-цепочек на горах. Как он хотел быть столь же свободен, взмыть к солнцу, чтобы видеть все, что так дорого сердцу, быть ближе к теплу, что обнимет его за плечи, и самому светить, нести радость и больше никогда — кровь. А ему снова нужно взять в руки меч. Идти и сражаться — с союзником или противником? Так сильно перемешано, перепутано.

Встав с колен, Раду всмотрелся в безбрежные зеленые холмы, утопающие в пухлых холмах небесных. Нет, нельзя ему сдать сейчас. Пусть льется кровь, пусть лакает ее земля, но отступать, отрекаться от себя — было бы еще большей подлостью, чем прочие. Смелости немного недостает, но ничего. Через миллионы троп и дорог ветер прищпорит ее, как снова касающиеся каблучки боков коня, и несется, вьется за плечами плащ его воспоминаний, и груди мало — нестерпимо мало для воздуха.

ПОЭЗИЯ

ОЛЕСЯ МАМАТКУЛОВА
ЕВГЕНИЙ ЩЕПЕЛЕНКО
ВАЛЕРИЙ АКИМОВ
ВЛАДИМИР РЕЗЦОВ
СЕРГЕЙ ФИЛИППОВ
ВАЛЕРИЙ САВОСТЬЯНОВ
ДМИТРИЙ ФИЛИППЕНКО
ВЯЧЕСЛАВ АЛТУНИН
ГАЛИНА ЛЯЛИНА
ОЛЬГА ОСЕНСКАЯ
ОЛЬГА БОРИСОВА
ОЛЬГА БЛОХИНА
ОЛЬГА НОЗДРИНА
ЕЛЕНА ПОЛЕТАЕВА
ВИКТОРИЯ ТКАЧ
ИРИНА НИКОЛЬСКАЯ
АННА МАРТИНА
ОЛЕГ ПАНТЮХИН
ИРИНА МАЦНЕВА
ГАЛИНА ЗЕЛЕНКИНА
ТАТЬЯНА ЮРКОВА
ЕЛЕНА САПРОНОВА
ВИКТОР МЫЗНИКОВ
ЕЛЕНА ГАДЕНОВА
СТАНИСЛАВ ВОРОНЦОВ
АНАСТАСИЯ СИЗОВА

СЕРГЕЙ НИКУЛОВ
СВЕТЛАНА МАКАШОВА
НАТАЛЬЯ ШЕСТАКОВА
ТАТЬЯНА АНАНЬИНА
ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН
РОМАН ГОРОДЮК
ЕВГЕНИЙ БРАВЕРМАН
ИГОРЬ МЕЛЬНИКОВ
НАТАЛЬЯ АРТЕМОВА
ЕЛИЗАВЕТА БАРАНОВА
ОЛЬГА БУГРИМОВА
ЮРИЙ МАРТИШИН
ОЛЬГА ВИТАЛЕ
СЕРГЕЙ ШИЛКИН
НИНА НИКИТЕНКО
ЛЮДМИЛА ПЕНЬКОВА
ЛЮДМИЛА СЕНИНА
НИКОЛАЙ ТИМОХИН
ОЛЬГА АРТЕМОВА
ВАЛЕРИЙ ВИНОГРАДОВ
НАТАЛИЯ СИЛАЕВА
ЛЮБОВЬ САМОЙЛЕНКО
КАНАТ КАНАКА
ЮЛИЯ КОЛОБКОВА
ДМИТРИЙ БЛИЗНЮК
АННА БАРСОВА

Олеся МАМАТКУЛОВА

(г. Алексин Тульской обл.)

*Преподаватель биологии.
Автор трех сборников
схотворений. Член СПР.
Член тульского областного
музейно-литературного
объединения в Доме-музее В. В. Вере-
саева «Муза» (руководитель Виктория
Ткач).*

ИЗ ЦИКЛА «АНАПА»

От московского блеклого лета,
Как из мрачной темницы, сбегу!
На морском золотом берегу
Обрету рай, ветрами воспетый.
Вот он мир, мной до боли желанный,
Где поддавшись смятению чувств,
С головой, не боясь, окунусь
В колыбель голубого лимана.
В эту мягкость лазурной постели,
Где, как в нежных ладонях твоих,
Буду таять, покада не стих
Шум волны, что сродни птичьей трели.
Буду грезить о том, что возможно
В том краю, где забыт календарь,
Где не страшен промозглый январь,
Ощущая тепло тонкой кожей.
Понимая, миг счастья не вечен,
Прошепчу ему пылко: «Люблю...».
Окропит ярких радуг салют
Сотней брызг мои смуглые плечи!

Вечер над взморьем промок до нитки,
Теплым глинтвейном разлился закат.
Хочется верить: смогу привыкнуть
К счастью, что трудно порой
отыскать.
Трется щекой о ладони ветер,
Ластятся волны щенками у ног.
Нет, не вернусь, ни за что на свете
В мир, что от вьюг и метелей
продрог.
Так хорошо и легко до дрожи!
Шепчет о чем-то кудрявый самшит.
Кажется, будет сейчас возможно
Мне рассекретить все тайны души.

Кажется, в руки слетятся звезды,
Стаями птиц упорхнув с высоты.
Станет понятно: совсем не поздно
Сделать реальностью сны и мечты.
Знаю, что чудо случится вскоре,
Мается грудь от нахлынувших чувств.
Солнечный край, голубое море!
Здесь навсегда я остаться хочу!

В бесприютной ночи невесомые,
синие звезды.
Отголоском далеких времен
растревожен прибой.
Мир бездонных глубин и бескрайних
просторов не познан.
Ах, как хочется чувствовать вечно
волну под рукой!
Ах, как хочется верить в счастливое,
светлое завтра,
Ощущая родство двух чужих
неприкаянных душ.
Не грустить об ушедшем, о том,
что исчезло внезапно,
Растворяясь в осенней простуде
и холоде луж.
Ах, как хочется ждать и надеяться
сердцем на чудо.
Застелив тонким кружевом рифм
предначертанный путь,
Осторожно ступать, видя символы-
знаки повсюду,
Не спеша, раскрывая любви
потаянную суть.
Растворяясь в мечте,
забываясь свободой, как ветер,
За спиной ощущая два крепких,
широких крыла.
Отрекаясь от глухих обид и пустых
междометий,
Ненадолго забыть про земные
заботы-дела.
Что должно, то придет, через годы,
а может быть вскоре.
Шепчет мягко прилив, мне пытаясь
о главном сказать.
А пока: только звезды, высокие
звезды и море.
И дрожит, не пролившись, соленая
капля-слеза...

Загадаю желанье! И сбудется!
Неприменно! Сомнения нет!
Мне волна, говорливая спутница,
Сокровенный раскроет секрет!
Ветер косы растреплет смолыстые.
Прошлых дней позабыв череду,
Я к воде на короткую исповедь
Потихоньку сегодня приду.
Ранним утром, у самого берега,
Окунусь в розоватость зари.
Все святое природе доверив, я
Ощущаю сиянье внутри!
Надышусь настоящим воздухом,
И у кромки бурливой реки
Светозарные, нежные лотосы
Мне протянут свои лепестки.
Их коснусь осторожно и вкрадчиво,
Отдавая души теплоту.
Станет чистой вода и прозрачною,
Мне в подарок исполнив мечту!

Сергей НИКУЛОВ

(г. Тула)

Родился в с. Морозовы Борки Сапожковского р-на Рязанской обл. С 1979 г., после службы в армии, проживает в г. Туле, работает токарем на заводе. Член православных клубов «Ковчег» и «Родник», литобъединения «Пегас». Печатается в журнале «Приокские зори» и альманахах Тулы. Автор сборника стихов «Радуясь жизни».

СВИДАНИЕ СО СТАРОСТЬЮ

Что весной, что знойным летом
Мне — забот невпроворот.
День-деньской заполнен светом.
Летом — старость не придет.
Белых мух пригонит ветер.
У ненастья за спиной,
Старость только в зимний вечер
Сможет встретиться со мной.
К непогоде ломают кости,
Тьма густеет за окном...
В поздний час незваной гостьей
Постучится старость в дом.

Дверь открою ей, привечу.
В горнице зажжется свет.
(Хоть признаться — мне от встречи
Радости особой нет.)
«Как нашла мой дом в потемках?
Видно, не жалела ног?
Проходи, снимай котомку,
Ставь свой посох в уголок».
В печке щелкают поленья.
(Я тепло живому рад.)
«Чаю Вам, мадам? Варенья?
Есть и сахар-рафинад.
А давай-ка перед чаем
Мы покрепче что-нибудь...
Много пить не заставляю —
Для сугрева, по чуть-чуть».
(Крепче с возрастом хмельное —
Честно надобно признаться.)
Сразу станем мы былое,
Вехи жизни вспоминать.
Сдвину брови для порядка:
«Струн души моей не тронь!»
Развернет меха трехрядка —
Сладкозвучная гармонь.
Заглядится хмурый вечер,
Улыбнется во весь рот,
Как расправит старость плечи
Да лебедушкой пройдет!
Прочь умчатся Зло и Лихо!
В просветленной тишине
Вдруг, зардевшись, гостя тихо
На ушко прошепчет мне:
«Вот уважил! Вечер — чудо!
Так смогла я отдохнуть!..
Молодым побудь покуда.
Загляну... Когда-нибудь».

ГОВОРЯТ,— ТЫ СТАЛ СЕНТИМЕНТАЛЬНОЙ...

Говорят,— ты стал sentimentalней,
Ты грустишь от трелей соловья
И тоскуешь по деревне дальней,
Где осталась молодость твоя.
Отшумела бурным половодьем,
Расплескала брызги вешних сил...
Белый конь усталые поводья
На закате в травы уронил.
С неба месяц смотрит крутогого,
Ночь простерла мягкие крыла,
И под ними спряталась дорога,
Что когда-то в город увела.

Только сердце в поле задержалось:
Край рязанский, первая любовь!
Сколько б весен мимо
не промчалось —
Воскрешает память вновь и вновь:
Светлый день по-деревенски звонок
В переливах радостных ручья,
На лугу резвится жеребенок...
Может — это молодость твоя?

СЛОВО О СЛОВЕ

*В начале было Слово,
и Слово было у Бога,
и Слово было Бог.*
1.Иоанн.1, 1—2

Средь мрака космоса пустого
Явилось света торжество.
В начале мира было Слово,
Все зародилось от него.

Всеvyšний людям дал скрижали,
Вложив всю мудрость жизни в них.
Тысячелетья миновали.
Во что мы превратили их?!

Как деградировали сами?!
Мораль сегодня какова?!
Мы «мелем», «чешем» языками.
Не молвим — мы плюем слова.

И, сквернословия повсеместно,
Подчас бездумно, так грешим!
Калечит души смрад словесный.
Как встанем пред Творцом своим?!

А ведь бывало на Руси —
За Слово — жизнью отвечали.
Преданья древние спрости —
Честь на бесчестье не меняли.

Без дела — Слова не реки,
Закон карал за пустословье:
Палач клещами языки
Рвал, не взирая на сословья.

Слова-вериги тяжелы,
И Власть пророков не терпела.
Мели дороги кандалы,
А Слово — над челом горело.

Вершило и судьбу страны:
«Быть или не быть?» — звучит
не ново.
Случалось, что пожар войны
Смирало, укрощало Слово.

Не просто звуковой набор,
На слух приятный и не очень...
Звучит беспочвенный укор,
И светлый день — чернее ночи.

А в клевете — содержит яд,
Страшней оружия любого.
Всю жизнь сердца кровоточат —
Настолько больно ранит Слово.

А может — душу исцелить,
Раскрасить мир в цветные краски,
Детишкам малым подарить
Незабываемые сказки.

Словечко, легкое, как пух,
Удачно пущенное встречно,
В лоб наглецу бьет, как обух,
Лишает хама дара речи.

Ведь не бывает Слов пустых
И не имеющих значенья.
От них — и малых, и больших —
Зависимо эпох течение.

По воле Слова мы живем,
Летят, вращаются светила.
Заложена незримо в нем
Галактик жизненная сила.

Дано лишь Слову вечно быть
Незыблемым среди круговерти:
И низвергать, и возносить,
И именам дарить бессмертье.

Года безбожия пройдут,
Вернемся мы к истокам снова.
Пелены с глаз людских спадут,
Воскреснет Истинное Слово

И принесет спасенье нам.
Подобием дождя живого
На язвы грешных душ бальзам
Прольет Раскаяния Слово.

ОЖИДАНИЕ

Хоть земля еще одета
В снежный панцирь (тяжек плен!),
Вижу явные приметы
Предстоящих перемен:

Серый мох на старой крыше
Изумрудом отдает,
С каждым днем все выше, выше,
Выше солнышка полет!

Пусть грозят ненастьем тучи,
Знаю — скоро, вздыбив лед,
Речка на плечах могучих
Зиму в море унесет.

И на сердце все приятней,
И встаю я «с той ноги».
Над соседской голубятней
«Режут» голуби круги.

Сам, как голубь — окрыленный,
Светлой улицей иду.
Без ума в весну влюбленный,
Я любви ответной жду.

Евгений ЩЕПЕЛЕНКО

(г. Самара)

Родился 15 февраля 1958 года в Белгородской обл. Детство и юность прошли на Кольском полуострове в городе Мурманске. Окончил Самарский государственный аэрокосмический университет им. академика С. П. Королева. Член литературно-творческого объединения «Лира» (г. Самара). Публиковался в журнале «Русское эхо», альманахах и коллективных сборниках. Лауреат 3-го международного поэтического конкурса «Рифмованный мир». Победитель конкурсов — Весна 2016 «Поэтическая радуга», «Поэзия как образ жизни», Осень 2016 «Поэтическая радуга». Автор книги стихов «Я пережил...». Член Российского Союза профессиональных литераторов.

БАБКА

Бабка, божий одуванчик,
В старом тереме живет.
Сквозь окошко рыжий зайчик
По щеке ее плывет.
Бабка молча, одиноко
Пьет просроченный кефир.
Сквозь глазницы старых окон
Смотрит бабушка на мир.
За окном гуляет мальчик,
Птичка песенки поет,
Шаловливый рыжий зайчик
Им покоя не дает.

СЕВЕРНЫЕ СНЫ

На сопках северных широт,
В глубинах северных морей,
Душа мальчишечья живет,
В краю наивных лопарей*.

Она витает в облаках,
И над вершинами Хибин
Она на маминых руках
Летит в молочный магазин.

Ей снятся северные сны:
В лохматых чумах** топят снег,
Гуляют в тундре пацаны
И ловят рыбу в руслах рек.

Душа мечтает и поет
И снова хочет кем-то стать.
Вы не увидите ее —
Душе положено летать.

БЛАГОДАТЬ

Под еловым одеялом,
Под покровом темноты
Путник прячется усталый
От дорожной суеты,

Спит домашнее подворье,
Не горит огонь в печах,

* Лопари (саамы) — малочисленный финно-угорский народ; коренной народ Северной Европы.

** Чум — конический шалаш из жердей, покрываемый оленьими шкурами.

Вдалеке высокогорье
Небо держит на плечах,

За стеной чеканным шагом
Ходят старые часы,
Горизонт алеет стягом
Ярко-красной полосой,

Ткет фату Весне-невесте
Паутиновая рать.
В позабытом Богом месте —
Неземная благодать!

ТЬМА ТАРАКАНЬЯ

*«... Как глубоко заронилось
в славянскую природу то,
что скользнуло только по
природе других народов...»
Н. В. Гоголь «Мертвые души»*

Ну куда ты, больной и убогий,
В эту тьму тараканью бредешь?
Там забытые Богом дороги,
Да жирует тифозная вошь,
Там помещик Савелий в кафтане
Ходит важно, как лапчатый гусь,
Там карась, запеченный в сметане,
Там гуляет немытая Русь.
Дворней выкрашен в серую краску
У помещика Саввы забор,
Сочиняет ревизскую сказку,
Его верный приказчик Егор,
Бьет ленивый помещик баклуши,
Крепостные боленют и мрут,
За бесценнок, умершие души,
Покупают мошенник и плут.
А в губернии, розовый чепчик
Примеряет мадам, не спеша,
Да какой-то мышинный жеребчик
На балу выдает антраша.
Мчится тройка по пыльной дороге,
Заедает крестьянина вошь,
Ну куда ты, больной и убогий,
В эту тьму тараканью бредешь?

ЖИЗНЬ

Жизнь, лошадкой черно-белой
Проскаккала по двору.
Доверяю я всецело
Лишь бумаге и перу.
Рифмы ждут под одеялом,
В лунных сумерках ночных,

И довольствуются малым,
На простыночках льняных.

ВАЛЕНСИЯ

Где-то город мечты — Валенсия,
Никогда его не увижу.
У меня небольшая пенсия,
А вчера заработал грыжу.

Вечерами, одевши валенки,
Я иду наблюдать кометы.
Я не то, чтобы очень старенький,
Просто нехорошо одетый.

А вчера, мне приснилась бабочка,
Вида редкого — махаона,
И еще шерстяные тапочки,
И со звездочками погоньи.

Будто шел я травой некошеной,
Через матушку Русь-державу.
И везде был я гость непрошенный,
И одет был не по уставу.

ОТЧЕГО

Тучи осенью серой плесенью
Околесено разрастаются.
Отчего-то мне так не весело,
Отчего-то мне не мечтается.

Мысли дерзкие, мысли скромные
Не живут во мне, не рождаются,
Лезут змеями в щель укромную,
В темноте сидят мысли, маются.

За порог ступлю, всюду месиво,
Краски темные грязью плещутся,
Оплеуху осень отвесила
И ведет себя, как помещица.

Светлана МАКАШОВА

(г. Самара)

Родилась в г. Самара. Специалист Центра по мониторингу загрязнения окружающей среды. Автор сборника стихотворений.

Печатается в коллективных сборниках, альманахах и в журналах, размещает стихи на сайтах. Лауреат и призёр областных и международных конкурсов. Член Российского союза профессиональных литераторов.

СПЛИН

Разгоняю удушливый сплин —
Это тоже подобно искусству.
Назови мне сто тысяч причин,
Отчего так изменчивы чувства?
Изливая души звукоряд,
Я сквозь ноты судьбу свою вижу.
Назови мне две сотни преград,
Отчего мы не можем быть ближе!
В серых толпах безликих людей
Песня эхом в безумие канет.
Назови мне десяток идей,
Почему наш рассвет не настанет?
Я гитарною плачу струной,
Но обид в своем сердце не прячу,
Ведь достаточно только одной,
Чтобы в жизни все стало иначе.

КОКТЕЙЛЬ

Судьба готовила коктейль:
Немного лжи, немного фальши,
Немой вопрос: «А что же дальше?»,
Влюбленный ласковый апрель,
Как парус в помощь кораблю —
Летящий бег по зову сердца,
Пуд соли и шепотка перца,
Дыханье нежное: «Люблю...»,
Эмоций взрыв — через края,
По капле — страх, мечта, свобода,
И ложка дегтя в бочке меда,
И лести кисло-сладкий яд...
Колочей ревности репей,
Крупница нездоровой кармы...

Судьба — не самый лучший бармен,
Что намешала, то и пей.

ГОРОД

Сквозь проемы замочных скважин
Демонстрируя жизни шоу,
Перманентно обезображен,
С ненавидящей плотью душою,
Весь растрескан, кусками выбит,
Обнажен, как Атлант, по поясу,
Сед, всклокочен и гладко выбрит —
Всеми проклятый мегаполис —
Город мой, ты вздыхаешь тяжело,
Пишешь трепетно мемуары,
Распускаешь весной ромашки
Между плитками тротуара
И, слезами питая реки,
Вверх возносишь стальные крылья.
Город мой, ты в душе навеки.
Мне б твоей надышаться пылью.

ПРОЩАЙ*

Прощай, малыш. По гребням облаков
Лежит твой путь к затерянному краю.
Тебе сейчас свободно и легко
Над жаркими просторами Синая.
На серый Питер рухнул небосвод.
Фатально. Не шадя и не жалея...
А светлых душ воздушный хоровод
Все выше... и прозрачней...
и светлее...
Ты знаешь, а у нас опять дожди
Роняют слезы на прощальной тризне.
Мы встретимся, ты только подожди,
Через каких-то там моих полжизни,
Где мне судьба в рассветные часы,
Как брошенному псу на дне колодца,
На привязи у взлетной полосы
Ждать самолет, который не вернется.

* На гибель самолета А321 над Синайским полуостровом

КОНКУР

Взмах приветствия. Всякий раз
Неизвестно, как ляжет карта.
Колокольчика дробный глас
Возвещает начало старта.
Сердце громко стучит в груди,
И волнения дрожь — по коже.
Эх, каурый, не подведи,
Мы прорвемся вперед, мы сможем!
Старт. Отмашка. Отсчет секунд.
Вен пульсация. Мышц работа.
Пусть коварен и вязок грунт,
И глаза застилают потом,
Но, рукою сжимая грудь
И пространство шагами мера,
Шепчет тренер: «Еще чуть-чуть!
Ну, ребятушки, я в вас верю!»
Не смиряя страстей порыв,
Заставляя дыханье сбиться,
Над препятствием воспарив,
Мы с каурым подобны птицам.
Пыль столбами из-под копыт.
В ожиданьи лихой развязки
Конь и всадник — как монолит,
Двое в прочной упругой связке.
Вновь финальный грядет этап.
На исходе и сил резервы.
Тот, кто духом и телом слаб,
Никогда не домчится первым.
Вот и финиш. Опущен флаг.
Шум. Овации. Крики. Стоны.
Нет сомнений, что только так
И рождаются чемпионы!

Валерий АКИМОВ

(г. Нижневартовск
Ханты-Мансийского АО)

Родился в 1949 г. в г. Новомосковске Тульской обл. Службу по призыву с 1969 г. по 1972 г. проходил в погранвойсках на Финской границе. После окончания МХТИ им. Д. И. Менделеева в 1978 г. приехал в Нижневартовск и работает здесь в нефтепереработке. «Почетный нефтяник». Стихи пишет с детства. Среди главных тем его творчества — возрождение традиций православия, сохранение исторической памяти и чувств патриотизма в человеке.

ДЕДОВ НАКАЗ

Внучок, и ты с рожденья — часть
Семейных, нашенских традиций
И должен, радостью лучась,
Своей фамилией гордиться.
Пусть нет в ней шелеста знамен,
Да все равно тебе по силе
Носить с достоинством ее,
Как все Акимовы носили!

РАССТАВАНИЕ

С годами бывшее все ближе
И думы о нем не прогнать.
Что больше я их не увижу,
Не знал и не мог бы узнать.
Сыновнее сердце смолчало,
И душу я им не открыл,
Когда на ступенях вокзала
Минуты в часах торопил.
Глядело с небес мирозданье
И были в огнях поезда,
Когда к нам пришло расставанье,
Не думалось, что навсегда.
И вот нет ни папы, ни мамы,
Им дома меня не встречать.
Лишь ночь — та приходит упрямо...
Ах, если бы снова начать!

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Весной ненастных дней калейдоскоп
Доводит наши души до смятения,
И по телам — от холода озноб:
Опять на День Победы нет цветения

И, кажется, не кончится зима.
И мысль сама приходит по наитию:
Не оттого ль печалит радость май,
Что с каждым годом
меньше победителей?

В честь их я встал в почетный
караул.
Все празднично: и люди, и селения.
Погибших и умерших помянул,
Но, даже, спирт не дал увеселения.

ГЕРОИ

На праздник дома вновь не усидели,
Гражданский долг сумел их обязать.
Идут еще, но, правда, еле-еле,
А мне нельзя о павших не сказать:
И дяде благодарен я, и деду,
И Бог простил им, отпустив грехи.
Они отдали жизни за победу,
Чтоб я на русском смог писать стихи!

ИКОНЫ

Старинный мастер голову закружит,
Ты, как на жизнь, на это посмотри:
Здесь человек, но не каков снаружи,
А неизвестный, тот, что изнутри.
И не с небес те лики на иконах —
Земные лица, светлые глаза:
Кричат зрочки, но не услышать
стона...
Нам столько силы в этих образах!

ИСКУССТВО ЖИТЬ

Считай лишь благодати,
Несчастья позабудь.
Чтоб ни было, все кстати,
Всегда спокойным будь.

Пусть жизнь закружит вальсом
И забурлит ключом,
Судьбе не поддавайся
И не пасуй ни в чем.

И никому не выдай
Кипения в крови...
Живи и не завидуй,
Живи себе, живи!

АЛОЭ

Пока весь в оттенках зеленый,
До ста мне расти и расти.
Живу я, мечтой окрыленный,
И верю, что буду цвести!

Несу терпеливо идею,
Порою тяжел этот груз:
Целительной силой владею,
А очень несладок на вкус!

Всегда в ожиданье свиданья
Ловлю из окна каждый луч,
Живу, неручное созданье,
С добром к миру, хоть и колюч!

Наталья ШЕСТАКОВА

(г. Брянск)

1958 г. рождения. Кандидат филологических наук, доцент. Член Брянского областного литературного объединения (Брянское отделение СПР). Автор сборника стихотворений «Время липового цвета» (2016). Дипломант Международного литературного конкурса «Небесный город» (номинация «Поэзия НЕБЕСНОГО ГОРОДА (стихотворения)» (2016).

ПЯТЬ ДВОРОВ...

Кагит время-колесница:
Вечер — утро, утро — вечер,
Не бежит, а лихо мчится
По дороге бесконечной.

То с горы, а то на горку —
Успевай считать минуты —
Выбирает время зорко
Магистральные маршруты,

По лесной тропе, по полю
Спотыкаться не желает:
Объезжает стороной
Пять дворов и три сарая,

Где под куполом небесным
Травы водят хороводы,
В летнем воздухе чудесно
Пахнет клевером и медом

И, недвижна и упруга,
На кривых плетнях повиснув,
Тишина по всей округе
Стонет комариным пискком.

А зимою — свет в окошках,
Как в музее на картине,
Золотые искры-крошки
Рассыпает ночью синей.

Снегом девственным искрятся
Покосившиеся крыши,
А из труб дымки клубятся —
Видно, как избенки дышат.
...
Время катится беспечно,
Автотрассы выбирая,
И никак не канут в вечность
Пять дворов и три сарая...

ЧЕТЫРЕ КОШКИ

Черная кошка на белом снегу
Лапкой снежинки тихонько
считает —
Теплые летние дни вспоминает
Черная кошка на белом снегу.
Рыжая кошка на синем снегу
Ночью играет в снежки с чудесами,
Сны новогодние ловит усами
Рыжая кошка на синем снегу.
Белая кошка сиреневый снег
С улицы в дом принесет
в одночасье —
В доме тот снег превращается
в счастье.
Белая кошка — сиреневый снег.
Пестрая кошка в пушистом снегу,
Принарядившись в цветные сапожки,
Топчет к тебе меж сугробов
дорожку —
Пестрая кошка в пушистом снегу...

БЕРЕЗОВАЯ РОЩА

Возле озера в солнечных блестках,
Меж холмов и зеленых полей
На пригорке собрались березки
У родной деревеньки моей.

Все дела неотложные бросив,
Чтобы в сердце покоя обрести,
Еду к роще березовой в гости
Разговор задушевный вести.

Откровенно признаюсь в ошибках,
И она успокоит без слов
Удивительно теплой улыбкой
И прохладой белых стволов...

Утро будет ли, полдень иль вечер,
И березки уже много лет
Мне платочками машут при встрече,
А когда уезжаю — вослед.

КОЛОКОЛЬЧИКИ

Природу пробудив от медленного сна,
Наполнив воздух щебетом и звоном,
Развесит колокольчики весна
По тонким колоколенкам зеленым.

И высоко в небесной синеве
Поет-щебечет жаворонок звонкий,
А в чистом поле в мягкой мураве
Звенят звоночки синие тихонько.

Их песенка проста и хороша.
Мелодию той песни тихой может
Услышать только чистая душа
В родном краю весенним днем
погожим.

Ввысь, к небу от земли, летит:
«Дин-дон...»,
И растворяется в бескрайней сини
Тех колокольчиков неслышный звон
И светлый колокольный звон России.

ОДУВАНЧИКИ

В весенней разноцветной акварели
Бывает время дивное, когда
Повсюду одуванчики желтеют
Сплошным ковром по клумбам
и садам.

Цыплятками танцуют по газонам
Пушистые веселые цветы,
Под радостные птичьи перезвоны,
В сиянье теплой майской красоты.

Веснушками просыпались
вдоль зданий,
По паркам, по обочинам дорог,
И даже удостоен их вниманьем
Забывтый самый дальний уголок.

Глазки золотые на светило
Взирают с обожанием немым.
И улыбается с небес Ярило
Своим отображениям земным.

ОСЕНЬ В ОВСТУГЕ

Есть в осени первоначальной...

Ф. И. Тютчев

Природа осени начальной
Неизъяснимо хороша.
Старинный Овстуг.
Весь хрустальный
День угасает не спеша.

Поля просторны и пустынные,
Затихли птичьи голоса,
И только шепот «Эрнестина...»
Звучит чуть слышно в небесах.

В усадьбе — осень. Дарит щедро
Лазурь и тишь ее рука,
А крылья мельницы под ветром
Неспешно машут влед векам...

Владимир РЕЗЦОВ

(г. Тула)

*Лауреат всероссийской
литературной премии
«Левша» им. Н. С. Лескова.
Зав. отделом поэзии все-
российского литера-
турно-художественного и публицисти-
ческого журнала «Приокские зори»,
член Союза писателей и переводчиков
при МГО СПР.*

СОНЕТ №6

Ты, что дороже жизни мне была,
Ты, что давала пыльные обеты,
Зачем в мужа немилую взяла?!
Кольцо на палец, как петля, надето...

Пью за тебя, продажная любовь,
Хотя скрывать приходится тошноту!
От омерзенья стынет в жилах кровь,—
Я лишний гость на свадьбе
по расчету!

Предавшая подруга!.. Бог с тобой...
Уйду с дороги, зла не пожелаю,
Хоть не смогу забыть измены той,
Кого любил, а ныне презираю!..

Но на обмане сам себя ловлю:
Я презираю ту, кого люблю...

СОНЕТ №7

Меркурию предался Гименей.
Там, где поэтов участь незавидна,
На ярмарке, где продают людей,
Мать торговала дочерью бесстыдно.

И покоряясь темным силам зла,
Святую страсть легко назвав
причудой,
Богатого невеста предпочла,
Стократ благословленная Иудой.

Бумажный век любовь поработил,
Все растоптал; и в нарушение правил
Орел над страшной бездной гордо
взмыл,
Но исполинских крыльев
не расправил...

То был не сон. То было наяву.
Зачем родился я? Зачем живу?

СОНЕТ №8

Когда утратишь то, что не имел,
Не растекайся мыслию по древу;
Вчерашним днем не будь излишне
смел,
Не предавайся суетному гневу;

От горечи и боли — не кричи,
Хотя б имел ты веские причины;
Чужого состраданья не ищи,—
В безмолвии достоинство мужчины!

Судьбы неблагоприятный поворот
Переживем,— не вешаться же сдуру!
Ничто не вечно. Даже боль пройдет,
И станет ясным то, что было хмуро.

Не погибай, судьбу свою кляня!
Слова любви — пустая болтовня...

СОНЕТ №9

Ленивопраздным сытнй стол
дарован.
Алкаш бездонной глоткой наделен.
Распутник грешной плотью
очарован,
И, блуд творя, отнюдь не любит он.

О чем бишь я? В чем сущность
размышлений?
Не в том ли, что порой последний жлоб
Обласкан среди вздохов умилений;
Везет ему, хотя и не должно б?

С чего бы так ему мирволит небо
Униженным тудягам вопреки?
Что, создан мир неправде
на потребу?
А мы-то — в Бога верим, дураки!

Разгадка где? Трудна сия шарада.
А быть, как он... Спаси, Господь!
Не надо!

СОНЕТ №10

Кривляясь обезьяной там и тут,
Рисуясь всюду таким павлином,
Юля пред сильным, слабого сожрут.
Что предьявить еще они могли нам?

Кому какое дело, если я
Отказываю им в рукопожатье,
Великодушно не зову в друзья,
Приятельски не распахну объятья?

Им без меня повсюду благодать:
За ними жизнь и будущее тоже;
Для них сотворена, ни дать ни взять,
Юдоль земная... даже рай, похоже!

...Любимый берег. В небе облака.
Я б знать хотел, куда течет река...

Татьяна АНАНЬИНА

(г. Москва)

По профессии — лингвист. Работала преподавателем английского языка в военной академии, переводчиком. Член СПР и Союза журналистов России. Публикуется в газетах, журналах, литературно-художественных альманахах и в Антологии современной лирики. В 2012 г. была отмечена Благодарностью Министерства культуры РФ за успехи в творческой и профессиональной деятельности, а также несколькими медалями и Почетными знаками СП РФ. Обладатель Гран-При Московского фестиваля искусств «Вдохновение» и пятикратный дипломант конкурса МГО СП РФ «Галерея избранного стихотворения».

ЧАСЫ СЧАСТЬЯ

Не пытаюсь вернуть,
Не гляжу тебе влед...
Нам нельзя развернуть
Ход ошибок и бед.

И нельзя удержать
Силой счастья часы.
Беспощадна судьба.
Хоть кричи, хоть проси!

Я не сплю. Я в ночи
Заклинаю тебя:
Все пойми, все прости,
Если любишь меня.

Ты не мог разлюбить
И разрушить мечты!
Почему все забыть
Так торопишься ты?

Ведь придет в жизни день,
И настанет тот час,
Ты захочешь вернуть
Свет любви моих глаз!

Но... нельзя повернуть
В жизни счастья часы —
Наше время ушло,
Хоть моли, хоть проси!

БЕЗ ТЕБЯ

В этом шумном, огромном городе,
Где так много живет людей,
Мне — безлюдье при всем народе,
Без тебя и любви твоей.

Пусть над городом страшный ливень,
Без тебя он — лишь сушь и жара.
Пусть от зноя асфальт к шинам
липнет,
Без тебя и в зной — холода!
Пусть весною забрызганы улицы —
Вижу осень, как в сентябре.
Люди летом в Москве любят —
Для меня же январь на дворе!

Говорят, велика столица...
Без тебя — и столица мала!
Без тебя, дорогой, и Жар-птица
Мне бы счастье здесь дать не смогла!

ВСТРЕЧИ

Ты спрашиваешь: «Вспоминала?».
А мне не надо вспоминать:
Я помнила! Хоть было мало
Тех встреч — по пальцам сосчитать.
И в каждой — все наполовину,
И радость с грустью не разнять,
И ощущение лавины —
Ни отступить, ни устоять!
Сумбуриность встреч терзает снова
И недосказанность твоя.
Но ты зовешь... И вновь готова
Лететь к тебе душа моя!

ДВОЕ

Волна и берег. Берег и Волна.
И чайка в небе реет над водою.
И в этом мире так же мы с тобою —
Волна и берег, берег и волна.

Сосна и ветер. Ветер и сосна.
Мы связаны с тобой одной судьбою,
Хоть что-то разделяет нас с тобою, —
Сосна и ветер, ветер и сосна.

Душа и сердце. Сердце и душа.
Я знаю, есть барьер неодолимый,
И все же мы с тобой неразделимы! —
Душа и сердце, сердце и душа.

НЕЗДЕШНЯЯ АКВАРЕЛЬ

Солнце купается в волнах деревьев,
Светятся кроны и режет глаза.
Ну, а вдали, в золотом оперенье
Туча чернеет — идет к нам гроза!

Струи прольются, уляжется ветер.
Вновь жемчугами блеснут облака.
Воздух душистый пленит
разноцветьем.
Капля сверкнет вдруг в оправе
цветка.

Сергей ФИЛИППОВ

(г. Москва)

Член литстудии «Вешня-
ки». Стихи публиковались
в журналах «Дальний Вос-
ток», «Подъем», «Голос
эпохи», «Неман», «Си-
бирские огни», «Северо-Муйские огни»,
«Огни над Бией» и др.

Мы на природу выезжали.
В лес заходили. Неспроста,
Целенаправленно искали
В нем земляничные места.
Там ползали на четвереньках,
Обшарив все от сих до сих,
И набирали помаленьку
Одно лукошко на троих.
Играла земляника с нами
В довольно странную игру,
Ведь, как любые горожане,
Мы были ей не по нутру.
То появлялась земляника,
То исчезала вдруг опять,
Сначала отыщи поди-ка,
Потом попробуй-ка сорвать.
Так, собирая понемножку,
Мы выходили все втроем
Из леса с маленьким лукошком,
Искусанные комарьем.
И те забавные походы
За земляничкой в ранний час
Нас убеждали, что природа
Так просто ничего не даст.

Старушка с маленькой иконкой,
Ладошку выставив вперед,
Стоит на улице в стороне
И милость просит круглый год.
Уже совсем-совсем немного
Осталось бабушке до ста.
Стоит и просит, ради Бога
Иисуса нашего Христа.
Миная бабу, шагом скорым
Идет с десяток человек,
В Москву приехавших на форум:
«Россия XXI век».
Где все галдеть неделю будут
И повторять: «В конце концов!
Пора подумать и о людях
И повернуться к ним лицом».

Жизнь разделила нынче многих.
Как нелегко сегодня им,
Всем слабым, сырым и убогим,
Несчастливым, нищим и больным.
Кто доведен до иступления,
И можно лишь предполагать,
Что был момент — и их рожденья
На свет ждала с любовью мать.
Всем сломленным душой и телом,
Отчаявшимся потому,
Что в новой жизни нету дела
До них буквально никому.
Тому, кто терпит каждодневно
Лишь унижение и страх,
Но в Царстве Божьем будет первым
Когда-нибудь на небесах.

Был сад и поздняя весна,
Вторая половина мая.
И серебристая сосна,
На солнце, словно золотая.
Вдоль сада высился забор,
Чуть ниже протекала речка.
Казалось, счастье с этих пор
Со мной останется навечно.
И нет нигде ни бурь, ни гроз,
Ни нищеты, ни униженья,
Ни боли и ни чьих-то слез,
Ни старости, ни отгорженья.

Валерий ХОДУЛИН

(г. Тула)

Родился 17.08.1937 г. в Туле. Поэт, литератор, редактор. Из потомственных рабочих. Окончил школу оружейного мастерства, работал гравером на ТОЗ. В 1956—1958 гг. проходил срочную службу на крейсере «Аврора». В 1965 г. с отличием окончил Литинститут им. А. М. Горького. С 1965 по 1978 г. работал старшим редактором в Приок. кн. изд.-ве. Член СП СССР (1972). В 1978—1985 и 1989—1990 гг. был ответст. секретарем Тульской организации СП РСФСР. В 1992 г. стал председателем президиума Совета Тулоблтоделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. В настоящее время работает нач. пресс-центра Косогорского металлургического завода. «Заслуженный работник культуры РФ» (1995), «Почетный гражданин города-героя Тулы» (2005). Член-корр. Петровской академии наук и искусств. Лауреат многих литпремий и конкурсов, в т. ч. Всероссийского фестиваля авторской песни. Награжден 65 грамотами, дипломами и благодарственными письмами. Имеет благодарность Верховного ВС РФ В. В. Путина и медаль «За службу на Северном Кавказе». Член Союза десантников России, Всероссийской ветеранской организации «Боевое братство».

ГЛЕБ ИВАНОВИЧ УСПЕНСКИЙ — РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Он писал о жизни деревенской,
Он писал о жизни городской.
Наш писатель русский —
Глеб Успенский —
И на эту жизнь глядел с тоской.
Жизнь ему подламывала крылья,
Издевалась над его судьбой.
И везде — чиновничье засилье:
Взятки, вымогательство, разбой.
Проникал везде пытливым оком,
И, куда б ни обращал свой взор,
Всюду видел тысячи пороков,
Улиц Растеряевых позор.
Говорят, что вот теперь настало
Время, о котором он мечтал.
Раньше вся страна его читала.
А сегодня кто его читал?

То рассказ, то очерки. то повесть,
Где герой терзался и стонал.
Разоренье и больная совесть —
Вот его естественный финал.
Жизнь он завершил в больничных
стенах,
Но, каким бы ни был он больным,
Все равно он выше современных,
Жирных и смеющихся над ним.

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ — РУССКИЙ ПОЭТ

Вот здесь стояла старая скамья.
Вот здесь сидел он, рифму подбирая.
«Уж вечер... Облаков померкнули края,
Последний луч зари на башнях
умирает».
Спускалась ночь с привольных
окских круч
И растекалась, черная, повсюду.
Он хрупок был, как тот последний луч,
Пробившийся сквозь облачную
грудю.
Уйдет Жуковский, временем влеком,
В другую жизнь,
И прошлый мир растает.
Он Пушкина своим учеником
Торжественно и скромно почитает.
Друг друга всей душой боготворя,
Воспев в стихах родимый край
отцовский,
Живут в России два богатыря,
Два русских солнца —
Пушкин и Жуковский.

Не снижая значения традиций,
Говорю откровенно, как есть:
Оружейником надо родиться,
Это очень высокая честь.
Мастера, чудодеи металла,
В труд вникают душой и умом.
Как хороших поэтов, их мало
В человеческом море большом.
Но кого же назвать, если спросят?
Кто в легендах прописан давно?
Есть Левша. Рядом — Токарев,
Мосин,
Почукаев, Иван Щербино.

Мы, конечно, других не забыли,
Не кривя понапрасну душой.
Три — четыре десятка фамилий —
Не ахти какой выбор большой.
Эти люди в руках своих держат
Драгоценную творчества нить.
Их не надо ни холить, ни нежить,
Мастеров надо просто ценить.
Чудеса им подвластны на свете.
Их стараниями сказка жива.
Ведь они, а не кто-то, в ответе
За судьбу и расцвет мастерства.
Им не только дано отличиться,
Им в мальчишках таланты искать...
Оружейником надо родиться.
А потом еще долго трудиться,
Чтобы признанным мастером стать.

Валерий САВОСТЬЯНОВ

(г. Тула)

Род. 02.09.1949 в д. Сергиевское Болоховского (ныне Киреевского) р-на Тул. обл. Член СПР и Междунар. Гильдии писателей. Автор 11 книг и многих публикаций в российских и зарубежных изданиях. Лауреат многих литпремий, фестивалей, конкурсов. «Русский крест» — в списке лучших произведений русской литературы (2014) (дипломы 2-х международных конкурсов, Берлин и Лейпциг, 2015 и диплом Южно-Уральской лит. премии «За глубокое осмысление памяти Победы» (Челябинск, 2015).

КРЕМЛЬ — БОГАТЫРЬ

Пять веков над милою сторонкой
Огненные сполохи зари —
То сошлись померяться силенкой
Над рекой Упой богатыри.
И один, в насмешке рот ощеря,
Молвил, опираясь на копьё:
«Мальчик, я бессмертнее Кощея,
Ибо Время — имечко мое!..»
Но второй ответил:
«Верю в Чудо:
Не склонится Чудо пред копьём!
Тульский счит я,

Тульская кольчуга,
Тула-мать зовет меня Кремлем.
Отчей славе, подвигом добытой,
Пусть же в храме ставится свеча!
Даже по колену в землю вбитый —
И теперь не опущу меча.
Ибо нужно Богу, чтоб не пленной
Над родным нетленным очагом
Хоть одна склонялась во Вселенной
Мать, не оскверненная врагом!..»

Роман ГОРОДЮК

(г. Серпухов
Московской области)

1997 г.р. В 2014 г. окончил 11 классов (МОУ «СОШ №6»). В настоящем обучается в Серпуховском отделении МАИ, на факультете информатики и прикладной математики. Пишет на темы любви, городскую и социально-философскую лирики. В 2015 году занял 2 место в номинации «Поэзия» в открытом конкурсе литературного объединения «Клио». Член Московского Совета ЛитО при СП РФ (2016), имеет публикации в сборнике МС «Созвучье» за 2016—2017 гг., в газете «Серпуховские Вести».

НАС ГОРОД ЖДЕТ

Все меняется, как и мы, и наши взгляды

Нас город ждет, наполнен пылью
И сотней бешеных дорог.
Обрывки строк наполнив жизнью,
Мы вновь ступаем за порог.
За облаками солнце светит,
Не теплый выдался денек.
Листы газет поднимет ветер,
Их унесет холодный рок.
И музыка нам греет душу.
Вновь дождь ударит по щеке.
И разлетятся брызги лужи,
Ударив грязью по мечте.
Мы улыбнемся как обычно —
Понятно все и так, без слов.
Так и живем среди двуличных,
Пока бежит по венам кровь.

— Но как дела? — Да все отлично,
Учеба, институт, друзья,
Молчим о многом неприличном,
Пока нас дома ждет семья.
А мы бежим, пока способны,
Как гномы мелочью звеня,
И, залетая в поезд скорый,
Находим место у окна.
И вот теперь уже на стеклах,
Погода слезы отразит.
И в этих дряхленьких вагонах
Куда-то молодость бежит..
Но мы вернемся, это точно,
По шпалам хоть пойдем пешком,
Вернуться нам придется срочно,
Хоть поседевшим стариком.
Но город стал уже другим,
Хоть те же лужи и газеты.
Мы потеряли этот мир,
В погоне, в километры.

Дмитрий ФИЛИППЕНКО

(г. Ленинск-Кузнецкий)

Родился в 1983 г. в г. Ленинске-Кузнецком Кемеровской обл. Стихи пишет с 15 лет. Публиковался во многих журналах и газетах, в том числе и в «Литературной газете». Гл. редактор литературного альманаха «Образ». Автор трех книг стихотворений: «На ладонях березовых рук», «Небо на подоконнике», «На побережье пульса». Член СПР.

МАТЧ ЧЕРНОГОРИЯ — РОССИЯ

За каждый фэйер нужно отвечать,
Когда в Европе холодно и плохо.
Погасла черногорская свеча
На стадионе, где скрипит эпоха.
Назад нельзя, пробито колесо.
И разве жизнь дешевле всех трофеев?
Еще чуть-чуть и, не дай Бог, в висок!
Тогда б за всех ответил Акинфеев.
Такой футбол — ненужная игра.
И исправлять его никто не хочет.
Останется нам черная гора
Из околوفутбольных многоточий.

ОБЛЕПИХА

На улице Тихой троих застрелили.
Попрятались кошки, собаки не выли,
Все мирные жители спали
в квартирах,
Когда убивали семью ювелира.
Убийцы сбежали, никто не услышал.
А в доме покойников плакали мыши.
В соседнем дворе расцвела облепиха.
На улице Тихой по-прежнему тихо.

Когда на землю падал первый снег,
Такой же теплый, как твои ресницы,
Рассвет-мальчишка первым
покраснел,
Когда смотрел в твои глаза царицы.
Ты красотой очаровала всех,
В своих руках тебя качает осень.
Пролился радугой твой
разноцветный смех,
Осенней свежестью заманивают
косы.

Как хорошо, что яркая душа
Дана тебе за любящее сердце!
Ты не боишься сделать первый шаг.
Ты женщина, в глазах которой —
детство.

Купались в озере у парка.
Ты мне шептала: «Не балуй!»
Но помнит каждая байдарка
В воде прозрачный поцелуй.
Расстались в солнечном апреле,
Любви не знали никогда.
Ну, а она такая прелесть
С начинкой горькою стыда.
Когда ко мне приедешь снова,
Разлуки лопнет тетива,
Распустятся фонтаны слова.
Ну, не любовь, а фестиваль!

СЛЕЗЫ ЛИСТЬЕВ

Ненавижу я запах осени!
В теплых листьях асфальт уснул...
Мы друг друга нечаянно бросили —
Подвели молодую весну.

Нас она повенчала — и верила,
Что любовь поселилась у нас.

Не нашли мы общего берега,
И смеется над нами луна.

Я один посреди грустной осени.
Знаю, плачешь в слепой темноте...
Золотисто нежною россыпью
Слезы листьев дрожат в пустоте.

ДЕРЕВНЯ ДЕТСТВА

Я приехал в деревню свою,
Чтобы детство увидеть далекое.
Снова плечи целует июль,
Задышали свободой легкие.

Прикоснулся я к чистой траве,
Отогрел возле озера душу —
Я б остался в березах навеки,
Птичью музыку сердцем слушаю.

А когда приползет темнота,
Сяду я на скамейку у тополя...
Деревенская спит красота,
И название ей — Протопопово.

Евгений БРАВЕРМАН

(г. Тель-Авив, Израиль)

Родился в 1948 г. в небольшом шахтерском городке, что на окраине Донбасса. Там же провел детские и юношеские годы. Служил на Дальнем Востоке. Жил и работал на Самотлоре, на Тюменском Севере, в нефтегазовом комплексе в городе Нижневартовск Ханты-Мансийского автономного округа. Инженер-электрик. С 1999 года живет в Израиле. Автор шести поэтических сборников. Участник многочисленных коллективных литературных альманахов России, Израйля, Грузии и Германии. Член Международной Гильдии Писателей и Союза писателей Израйля. Издавался в переводах на немецкий язык в коллективном сборнике современных русскоязычных писателей «Fur dich» (издательство STELLA — Германия). Дипломант международного литературного конкурса «Барабан Страдивари».

ПРЕЖНЯЯ ЖИЗНЬ

Прежняя жизнь — мандариновый запах,
Утренник в детском саду,
Снег, что искрился на елочных лапах,
Смех на замерзшем пруду.

Прежняя жизнь — это школьные годы,
Сдоба, пломбир, лимонад,
Гордо дымящие в небо заводы
И первомайский парад.

Прежняя жизнь — это шум
новостроек —
БАМ, Самотлор, Уренгой,
Запах тайги и огни землероек,
Факелы над буровой.

Прежняя жизнь — наш Союз
нерушимый,
Дружбы народов страна,
Улица, дом и поселок любимый —
В сердце моем навсегда.

Жаль мне то время, что кануло в Лету,
Жаль мне погибших в бою,
Жаль их потомков, что бродят
по свету,
Бросив Отчизну свою.

Жаль, что и я среди этих потомков
Счастье ищу вдалеке...
Посох все тот же и та же котомка
В старческой, бледной руке.

УСЛАДА ГЛАЗ МОИХ...

Жене

Услада глаз моих печальных,
Подруга юности моей,
Улыбку губ твоих миндальных
Я помню вплоть до этих дней.

Я помню девичьи косички,
Пальто под голубым песком,
Дугою брови и реснички,
И вой метели за окном.

И ночь у детской колыбели,
Сынишки первые шаги,
И песни, что с друзьями пели,
Смыкая шествия ряды...

Сегодня ты совсем иная,
И я, наверное, другой.
Любовь, тихонько угасая,
Нам дарит дружбу и покой.

Сегодня все, что мы любили,
Песком Синайским замело...
Неужто мы на свете жили?
Неужто все уже прошло?..

ГОРОД ДЕТСТВА

Я не был давно в старом городе
детства,
Где степи кругом и ставки
по соседству,
Где, словно бы сфинксы, стоят
терриконы,
Где плачут частенько шахтерские жены.
Я в городе этом родился и рос,
В нем много исчезло мальчишеских
грез.

Теперь вот и я, в одеянии старом,
Ищу здесь бывшее, но, видимо, даром,
Здесь все обветшало — постройки
и лица,
Лишь пух тополиный все так же
кружится.
Я дряхлый, как сквер, где с любимой
гулял,
Я юность свою в этом сквере искал.

Но я не нашел ни ворот, ни забора,
Изломаны лавки рукой мародера,
Загажены тропы, разбросаны урны,
Здесь вам не помогут
сандалии-котурны.
Лишь только деревья, как прежде стоят,
На всех молчаливо с укором глядят.

И я вдруг подумал, что я может тоже
На эти деревья немного похожий,
Что канула жизнь в ненасытную
Лету,
Откуда возврата в грядущее нету...
Зачем я приехал в свой город
родной?
Ведь нам не войти дважды в реку
с водой!

СРЕДЬ ЗИМНЕЙ СТУЖИ!

Был вечер призрачен и тих,
Но канул в Лету.
Единым стали мы на миг
Лучом и светом.

Вдвоем летим мы в тишине
В объятиях нежных.
Лишь только тени на земле
В узорах снежных.

Мерцают звезды, как всегда,
Не зная злости,
И бледноликая луна
Зовет нас в гости.

Спешим мы следом за луной
К любовной сказке.
И дарят боги нам с тобой
Земные ласки.

И нет счастливые, чем мы,
На целом свете —
Мы вдалеке, на полпути
К другой планете.

Любовь все крепче, все сильней,
И звуки глуше...
О, как прекрасен мир страстей
Средь зимней стужи!

Вячеслав АЛТУНИН

(г. Тула)

Журналист, поэт, прозаик. Родился в д. Песковатое Белевского района Тульской области, в семье сельских учителей. Окончил среднюю школу в г. Белеве, а затем — историко-филологический факультет КГУ. Почти сорок лет работал в газетах Тульской обл. Многие годы занимался освещением АПК. Стихи пишет и печатается с 14 лет. Автор 4-х сборников. Соавтор нескольких книг, публикуется в альманахах и сборниках. Лауреат литературной премии СПР «Бежин луг» им. И. С. Тургенева. Дипломант конкурса ЦФО «Потенциал России». Член СПР и Союза журналистов России.

СИРЕНЕВЫЕ СТРУНЫ Из вокального цикла

ВАЛЬС С ДОЖДЕМ

Ах, как лето прошло, как оно незаметно
Промелькнуло, в осенние выси уйдя!
Но, послушай, звучит в исполнении ветра
Вальс на струнах дождя!
Это память ведет по забытому следу
В тот блистающий лес, в озаренные дни...
О, давай в этот час мы с тобой
напоследок
Потанцуем одни.
Для чего вспоминать те рассветы
и даты?
За окном осыпается вымокший сад.
Для чего вспоминать, как любили
когда-то
Сто столетий назад?!
Угасают глаза, изменяются лица,
И метель налетает, сердца холода...
Только в душах у нас все звучит,
все кружится
Вальс на струнах дождя.
Вальс на струнах дождя!

ЗАПИСКА

Расставание близко.
Может, в снег, может, в дождь...
Напиши мне записку
Перед тем, как уйдешь.
Напиши о разлуке,
Напиши о судьбе.
Горьких слов этих звуки
Сохраню я в себе.
Будет ярко сиянье
Новых дней, новых встреч,
Но хочу расставанье,
Расставанье сберечь.
И хоть мне уж не двадцать,
И хоть сердце — в снегу,
Но с тобою расстаться
До конца не смогу.
Пусть и тучи так низко,
Пусть и холод, и дождь,—
Напиши мне записку
Перед тем, как уйдешь!

КОЛОКОЛА

Гуси кричат на пруду.
Сыплется лиственный прах.
Ветер полощет звезду
В синих и стылых водах.

Дым с огородов ползет.
Лето сжигают дотла.
А с потемневших высот —
Колокола!

Колокола журавлей,
Колокола над былым,
Над запустеньем полей,
Благословением им!

Колокола над рекой
И над деревней родной,
И над безвестной судьбой,
И над осеннею мглой,

И над святою землей,
И над угожьями зла,
И над погибшей душой —
Колокола...
Колокола.

СОКРУШЕНИЕ КРЫШ

Сокрушение крыш, преломление линий
В этом пасмурном, в этом холодном
окне.
Друг мой, осенью росной, осенью синей
Лица — листьями, листьями мне.

Это дымная осень струит свои сети,
А истаявший день бесприютен
и сед...
Это гомон прощаний на стыллом
рассвете,
Это все — улетающим вслед!
В росах — зрелость рябин, в росах —
инья колкость.
Багровеет шиповник. Даль пахнет
жнивьем.
И неведомо где, и неведомо сколько
Мы в такие минуты на свете живем...

СВЕЧЕНИЕ ВЕЩЕЙ

Неяркий день. Свечение вещей.
И глушь небес, обрушенных

на крыши.
Я одинок. Затерян. Я — ничей.
Береза у окна — собора выше.

У осени — иконописный лик.
И словно зерна вызрели — мысли.
Открылся мир, задыхался и велик,
Открылись дали, города и выси...

Все облеклось значеньем мировым:
И лист багряный на скамье,
в беседе,
И жесткий шелест смерзшейся травы,
И птица одинокая, и ветки.

ПРАЗДНИК

Возьми осенние цветы —
Все, что осталось нам от лета.
Давай бокал мы выпьем этот
За нашу юность и мечты.
Мы — беглецы: хотя б на час,
Покуда вещи не очнулись,
Пока в пустыне темных улиц
Фонарь последний не погас,
Пока не выпито вино
Пока не облетела с кленов
Листва, — есть время у влюбленных.
А дальше? Дальше — все равно.
Что делать? Быт уж наш таков:
Настанет день, нагрянут толки
И ссоры из-за пустяков,
И сплетен нанесут в кошелке.
Не будет ведь иных отрад,
Чем это грустное веселье
И синих праздников осенних
Прощальный, горький аромат!

Игорь МЕЛЬНИКОВ

(г. Тула)

*Родился в Туле. Имеет два
в/о. Член Союза писателей
и переводчиков при МГО
СПР. Соучредитель библиотечно-литературного
объединения «Лад» при ТОУНБ и участ-
ник литературно-музыкальной студии
«Вега». Лауреат Всероссийской лите-
ратурной премии «Левша» им. Н. С.
Лескова (поэзия, 2014 г.). В 2015 г. на-*

гражден медалью «60 лет МГО СПР». Дипломант городского литературного турнира «Венок Пушкину» (1999 г.). Автор 4-х сборников стихов. Публикуется в журналах и альманахах Тулы, Москвы, Омска и Санкт-Петербурга.

Ветер, слякоть, табачный дым...
Ряд осенний ассоциаций.
Чтоб на милость тоске не сдаться,
Будь хоть кошкой своей любим.
Дождь снаружи и снег внутри.
Позолоту сменяет серость.
Тут не мудрость нужна, а смелость!
Зазевался — и ты старик.

Ты в ботинках, полных снега,
Побежал навстречу дню.
Безлошадная телега
Ищет старую лыжню.
Занесло селенье наше,
Стало чисто и бело.
В печке пламя славно пляшет,
Продуцируя тепло.
На снегу любимой имя
Можно смело выводить.
Но сегодняшние зимы
Разве с прежними сравнить?!
Раньше снег — так уж по крышу!
Раньше лучше, чем сейчас!
Но влюбленный что-то пишет,
Значит снега в самый раз!

Не завидуй чужой юности.
Не грусти о чужой старости.
Пошути над своей глупостью.
Повздыхай о своей странности.
Ты давно по земле странствуешь.
Приумножил запас прочности.
Много видел, слышал разное,
Только лучше узнать хочется
Белый свет и его стороны.
Ты идешь, а в душе — Родина!
И пускай, лапотки стоптаны,
Значит много дорог пройдено.
И вполне по плечу трудности,
Перековывай их в радости.
...Не завидуй чужой юности.
Не грусти о чужой старости.

РЫБКА

Сегодня льет, как из ведра.
А ты, отважной шустрой рыбкой,
По лужам носишься с утра.
Не за наживой, за наживкой.
Ошибки учат всех и тот,
Кто на крючок легко попался,
Всегда бы думал наперед,
Когда бы он в живых остался.
Но остальным его пример
Поможет выполнить задачу.
Так сделай выводы, топ чеф.
Не жди халявы и подачек.
Взмахни рукой, затем другой.
Минуя омуты и мели,
Плыви, свободно и легко,
За хлебом, будто в высшей цели.

Галина ЛЯЛИНА

(г. Донской, Тульской области)

Родилась в г. Донской Тульской обл. Член Академии российской литературы (староста тульской группы) и СПР. Внештатный корреспондент «Донской газеты». Член Новомосковского ЛИТО и Тульского православного клуба «Ковчег». Печатается в коллективных сборниках и альманахах. Автор 6-ти книг стихов. Дипломант и лауреат многих конкурсов. Лауреат Тульской литпремии им. Я. Смеякова (2013 г.).

И НЕ ГАСНЕТ ОСЕНИ КОСТЕР

Говорят, что осень за порогом.
Говорят — несет она дожди.
Говорят — в ней радости не много.
Ну, а я скажу ей — заходи...
Вот она предстала как царица.
Так хочу тот образ сохранить.
На одежде царской серебрится
Паутинки тоненькая нить.
Пролетает в небе пичья стая,
Унося на крыльях чью-то грусть.
Осень, осень, здравствуй, золотая.
Твои краски помню наизусть.
В цвет огня окрашенные листья

Несказанно радуют мой взор.
И горят рябиновые кисти,
И не гаснет осени костер.

ЗОВЕТ К СЕБЕ ОСЕННИЙ ЛЕС

Как хороша лазурь небес
В начале сентября.
Зовет к себе осенний лес
И, видимо, не зря.
Там под раскидистой сосной,
Сомкнувшись в тесный ряд,
В траве, пока еще густой,
Живет семья маслят.
Укрылся насыпью листья
Толстенный боровик.
Готов снять шляпу с головы —
К галантности привык.
Вот на опушке полукруг
Молоденьких опять.
В них любопытство, не испуг —
Во все глаза глядят.
Вдруг... Что такое, что за скрип?...
Скрипучая ольха...
Под ней красавец-моховик
Среди густого мха.

ОСЕНЬ. УТРО

Осень. Утро. Пали росы
Жемчугами на луга.
И туман прилег без спроса
На речные берега.
Яркость луга побледнела.
На ковре его цветном
Лишь ромашки в желто-белом
И цикорий — в голубом.
Высоко над кромкой рощи
Журавлей летящих клин.
Ветер неба синь полощет
Над просторами равнин.
Осень. Утро. Пали росы
Жемчугами на траву.
Солнце щурится раскосю,
Красит золотом листву.
Осень. Утро.

Наталья АРТЕМОВА

(п. Медвенка Курской обл.)

Здесь все святое. Даже эти стены.
Войди, не бойся. Вот, где я жила.
Здесь столько пыли, даже запах тлена
И бабочки погибшей два крыла.

Резная тень от клена золотого
Веселую не вяжет кутерьму.
Когда-то я любила здесь другого,
Когда-то сердце верило всему.

А где поля, туман сходилась белый,
И, если очень, очень рано встать,
Шум поездов, далекий и несмелый,
Сквозь кромку дня могла я услышать.

И вот тогда, в негромкий час рассвета,
Такой же зыбкий, как весной река,
Я имена любимые поэтов,
Как ветер, отпускала в облака.

Когда-то я легко ушла отсюда
В большую жизнь исканий и растрат,
А время для меня хранило чудо —
Забывтый дом и поседевший сад.

Потому ли, что родина это...
Или здесь и впрямь хорошо?
Вдохновенно, победного цвета
Там, над ивами, солнце взошло.

И легко так, и преданно дышится
Влажным травам и робкой реке,
Что невиданной в мире
Бессмыслицей
Вдруг почувствуешь жизнь вдалеке.

Запах горькой сирени и ладана,
Мокрых листьев и тающий гром,
И я знаю, что больше не надо мне
Возвращаться в остывший ваш дом.

Возвращаться туда — словно
в небось,
Где всегда вспоминали весной
Деревенское вечное небо
И деревья над талой водой.

Но теперь все сбываются сроки.
Снова время мечты и тепла.
Я приду по размытой дороге
К берегам, от которых ушла.

А я еще узнаю счастье,
Оно еще придет в мой дом
С зеленым ветром, ветром
странствий,
С июньским грозовым дождем.
Не то, которого хотела
Я в юности, как вспышка звезд.
Оно войдет ко мне несмело
И принесет малины горсть.
И принесет мне кисть лопина,
А вечером накроет стол
И всех, кого я так любила,
Накормит пищею простой.
И снова будем мы смеяться,
И вздрагивать, просыпав соль,
И вкусной будет нам казаться
Рябая жесткая фасоль.
А счастье будет улыбаться
И что-то лопотать свое,
Что соль проспана на счастье,
Что мы б пропали без него.

Ольга ОСЕНСКАЯ

(г. Тула)

Автор 4-х сборников стихов, экономист, педагог-психолог. Член Союза писателей и переводчиков, член Чеховского общества при СПР, награждена медалью А. П. Чехова. Член Регионального общественного фонда содействия развитию современной поэзии «Светоч». Публикуется в коллективных сборниках Санкт-Петербурга, Москвы, Воронежа и Новомосковска. Член литклуба «Ковчег» при Тульской Духовной семинарии. Участник ряда международных фестивалей. Стихи переведены на многие языки.

ПОКА ЕЩЕ

Пока еще сердечко бьется в нас,
пока еще искрится в нас душа,
Молю я Господа — не дай,
чтобы угас

в нас этот дар. Что ждет на небесах?
Никто не знает, что там впереди:
Надежда, что душа жива всегда.
Пребудет наверху... не на года,
Лишь оглянувшись — что там
позади... осталось...

МАНТИЯ

Звучит красиво — мантия Земли...
И что под ней сокрыто?
Может, истина,
Что схоронилась глубоко... Вдали,
Быть может, затаилась тихой
пристанью —
С названьем сострадания Сердоболь,
Где память сердца Валаамской
звонницей
Живет внутри и, может, до сих пор
Болит душа, страдая от бессонницы.
Да что гадать... сокрытый в ней
не счесть —
И прячутся они средь строк
под хартией.
И сквозь года, спасти желая честь,
Пилат скрывает лик под алой
мантией.

И ГРУСТЬ НАЙДЕТ ПОЛ- СОТНИ ОПРАВДАНИЙ

Под сводами цветущего каштана
Сквозит чуть уловимый аромат.
Под звуки птиц неведомых, не рьяно,
Не надоедливо, мелодии звучат.
То радость жизни!
Солнцем насладиться,
И, чуть жеманясь, ветерок шуршит...
Не здесь ли суждено мне вновь
влюбиться?
Душа проснулась. Ласково манит.
Проснись и оживи свою пустыню.
Впусти дожди и ласковость мечты.
Позволь ты сердцу, спящему доньне,
Раскрыть все тайны, где ее черты
Достигнуть можно. Откровенность,
впрочем,
Еще не есть предел. И суета
Пусть суетой останется. А очи
Лучатся счастьем. В Мире доброта
Все порождает: и тепло, и страсти...
И нежность, с чем поспорит лишь

глупец.
О, Господи, еще прошу я счастья.
Прошу любви и ласки. Где конец
Безумств людских и трепетных
желаний?
Среди весенних красок и соцветий?
И грусть найдет полсотни
оправданий
Для всех поступков, радостью
ответит...

Елизавета БАРАНОВА

(г. Тула)

Баранова (Весина) Елизавета Михайловна родилась в Туле. Кандидат технических наук, доцент ТулГУ. Работает на кафедре «Информационная безопасность». Сфера деятельности — автоматизация технологических процессов производств. Имеет многочисленные научные публикации, патенты на изобретения и на полезные модели. Стихи пишет с детства. Тематика — пейзажная, любовная, философская, духовная и гражданская. Пишет поэмы, сонеты и прозу. Является автором романа «Гармонические колебания». Автор трех книг. Публикуется в журналах и альманахах Тулы, Твери, Москвы, Московской обл. и Санкт-Петербурга. Победитель различных поэтических конкурсов. Член СПР. Награждена медалью им. М. Ю. Лермонтова и медалью, выпущенной к 60-летию МГО СПР.

Не успеет и птица вспорхнуть,
Не успеет и месяц родиться,
Как цыган обменяет доху
На цветную рубаху из ситца.

Околдует пчелу медонос,—
И работа заспорится бодро.
Молоком белогрудых берез
Спозаранку наполнятся ведра.

Вольным — воля.
Пленным — силок.
Жить свободно — не значит жить бедно.
Продремавшее зиму село
По тропинке поднимется в небо.

Не почувствует прелесть свобод
Только самый заядлый острожник.
И опять вдоль обочин пойдет
По цыганским следам подорожник.

Всей воды не испить.
Все пути
Не измерить одним километром.
И бродячая песня слетит
С губ, до боли целованных ветром.

Хорошо, если вам довелось
Не болеть
и не ведать убытка.
...И покатится вниз — под откос —
Беспольная летом кибитка.

Пусть останется секретом
Затянувшаяся осень —
Это время без начала,
Этот временный итог,
Бывший много раз воспетым
Неприсутствующим гостем —
Тем, которого встретила
Я у трех цветных дорог.

У дороги белой-белой
Я ждала его недолго —
От заката до момента
Восхождения двух лун.
И звалась дорога — Верой,
И метался ветер волком,
И дрожала я от ветра,
Пока ветер не уснул.

Там, где рос густой и нежный,
Цвета ярко-голубого
Судьбоносный подорожник,
Я еще останусь, ведь
Называется Надеждой
Эта длинная дорога —
Здесь почти что невозможно,
Ожидая, умереть.

А вдоль розовой долины
Я гулять не перестала,—
Здесь могу я и воскреснуть

И пропасть среди костров
Польхающей калины
И сплетений краснотала.
Эта розовая местность
Называется Любовь.

Никогда не рассекречу
Мной придуманное имя
Одинокого скитальца,
Чьих мелодий — нет светлей.
Нарисую нашу встречу
На косых полотнах ливней
И развешу их на пальцах
Отшумевших тополей.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

В городском переулке
Поселилась зима, —
Три младенчика в люльке,
И сама — «зелена», —
Первый — ветер дворовый,
А второй — снегопад,
Третий — месяц,
который
От рожденья рогат.

Так ли Богу угодно? —
День и ночь напролет
Плачет ветер голодный —
Спать зиме не даст.
Разгулялся, помимо,
Снегопад — не унять.
От того что наивна,
Не справляется мать.

Только месяц-младенец
Улыбается — пьет
Молоко от медведиц
И густой звездный мед.
С виду будто чертенок —
Все повадки чертят,
Да из рваных пеленок
Дужки рожек торчат.

У кормилиц медвежьих
Лапы очень сильны.
Месяц глазки как смежит —
Видит сладкие сны.
Спи и ветер дворовый,
Спи и ты — снегопад.
Спит лишь месяц,
который
От рожденья — рогат.

В душах — дрогнувших — трепет,
Нянчит зиму народ:
«Дай, немного окрепнет,
Сил зима наберет, —
Дел неконченных — ворох
Там, где сразу растят
Трех детей,
из которых
Самый младший — рогат».

...Юность с детством — соседи,
Мудрость с делом — друзья...
Песню звонкую спеть бы
Только ночью — нельзя, —
Спит и ветер дворовый,
Спит и он — снегопад,
Зрит лишь месяц,
который
От рожденья рогат.

Ольга БОРИСОВА

(г. Самара)

Поэт, переводчик. Автор 4-х поэтических сборников. Переводит с французского, болгарского, английского, финского и чешского языков. Победитель и призер международных поэтических конкурсов и фестивалей. Лауреат премии «Славянские традиции». Удостоена почетного знака «Писательское Братство», стипендиат Минкультуры РФ, с присвоением звания «Мастер». Неоднократно побеждала в конкурсах переводов с болгарского и французского языков. Публикуется в российских и зарубежных журналах. Стихи переведены на иностранные языки. Член Российского Союза профессиональных литераторов (руководитель Самарской региональной организации), гл. редактор альманаха «Параллели». Член ЛИТО «Точки» (Совет по поэзии СПР).

КАРА-ТОБЕ*

Идем мы степью без дороги,
Шумят о чем-то ковыли.
О травы путаются ноги,
Дорожный плащ в седой пыли.
Мой проводник (он местный житель),
Суровый, видимо, старик,
Останков крепости хранитель,
Здесь в тайны прошлого проник.
И он поведал мне секреты,
Что отыскал в слоях земли:
«И мы исчезнем в водах Леты,
Как и других они смели...».
А вот и скифское селенье.
Ступени, замок, задний двор.
Пустые сакли в отдаленье
Увидел мой пытливый взор.
В них жизнь текла в былое время,
Огонь искрился в очагах...
И выносило стойко племя
Осаду пришлого врага.
И сквозь века я слышу стоны,
И свисты стрел, и грозный рев...
И вдовый плач... И крик вороны
На месте гибельных боев.
Здесь каждый камень у порога
Обтесан сотнями сапог.
И нам поведал бы о многом,
Когда б слова изречь он мог.
Брожу по тропкам городища,
Он столько видел за века...
И по останкам пепелища
Течет-течет времен река.

ХАЧКАРЫ

Хачкар — это не просто крест из камня, это крест в камне.

Кружева на камне,
крест посередине —
Символ вечной жизни, веры
торжество.
В Ереване стелы создают поныне,
И резцом ваяет зодчий волшебство.
Это часть культуры древнего народа.
На обжитых землях —
верный оберег.
От нечистой силы для спасенья рода

И во славу жизни ставил человек.
Прикасаюсь к камню, в символах
колонна.
Мастер ее высек высшим силам
в дар.
Приложусь к кресту я и склонюсь
в поклоне,
Сердце покори́л мне старенький
хачкар.

Ольга БУГРИМОВА

(г. Тула)

*Член Союза писателей
России, член Академии рос-
сийской литературы*

СЕРЕБРЯНАЯ ЛИРА

А. К. Толстому посвящается...

ДУЭТ

*А маска веселая тайну
Скрывала, душевную боль...
Спасти от юдоли* печальной...
Он взял на себя эту роль.*

Ее он встретил среди бала
На маскараде. А потом
Она его очаровала
Чудесным пеньем и умом.
Сладкоголосая сирена
Вмиг в свои сети увлекла.
И в грезах сладостного плена
Душа и пела, и цвела.
Софи была как свежий ветер,
Как дождик теплый за окном.
Он, не боясь ни мать, ни сплетен,
Привел ее хозяйкой в дом.
Ему казалось: ангел рядом
Дает возможность жить и петь.
Под умным и печальным взглядом
Он может все преодолеть.
Ни в чем не ведая предела,
Сжигал себя в огне любви.
Кровь молодецкая кипела,
Страстями пылкими обвив.
Дарованное свыше чувство

* Юдоль — мир горя, забот и сует.

* Кара-Тобе («черный холм», тюрк.)

Испепеляло без огня.
 И он, в поэзии искусный,
 Заставил Лиру петь, звеня.
 Он — Стримон^{**}, а она —
 Эвтерпа^{***} ...
 Он — голубь, а она — свирель.
 В любви он вдохновеннее черпал,
 Сентиментальный Менестрель^{****} .
 Неиссякаемый источник
 Романтики и красоты,
 Он видел в каждой новой строчке,
 Как воплощение мечты.
 Исполнил свой порыв душевный
 Любимый на Руси поэт.
 И в вязи слов его волшебных,
 Прекрасный слышится дуэт.

ОСЕННЯЯ НОЧЬ В УСАДЬ- БЕ А. К. ТОЛСТОГО

Еще стесняясь, бабье лето,
 Пытается вступить в права.
 Клубы туманного рассвета
 Скрывают рощи и дома.
 Деревья в красоте нетканой
 Сплели невиданный узор.
 От живописи перевозданной
 Не отведешь в восторге взор.
 Подобно юркому ужонку,
 Бежит Рожок среди полей.
 Он обрामил свою сторонку
 Холодным кружевом ключей.
 И зябкой поступью прохлады
 Шагает средь лесных дорог.
 Вдыхая сонную усадлу,
 Спокойно дышит Красный Рог.
 Спят голуби на колокольне,
 Притихла заросль ивняка.
 И аист, птицы нет достойней,
 Ждет восточку издалека.
 Чуть слышно, с неба льются звуки —
 То клин гусей собрался вдали.
 Напоминающая о разлуке,
 Уносят в теплый край печаль.
 Тиха, нежна пора ночная.

^{**} Стримон — речной бог, супруг Эвтерпы.
 От их союза появился на свет сын Рес,
 трагически погибший у стен Трои от руки
 жестокого Диомеда.

^{***} Эвтерпа (Евтерпа) — муза лирической
 поэзии.

^{****} Менестрель — певец, музыкант, актер.

Земля замедлила свой бег...
 О, Брянский край! Краса земная!
 Душа твоя чиста, как снег!

ПРАЗДНИК СОЛНЦА

Глухая синева рассвета
 Едва раскрасила восток.
 И лужа, чуть ледком одета,
 Открыла грязевой подтек.
 Ледок звенел, дробясь на части,
 И пахло жухлою травой.
 Стряхнувшись от дремотной власти,
 Рябина сыпала листвою.
 Как бы стесняясь, мутный месяц
 В тумане света не давал.
 Он, одинокий, низко свесясь,
 Вдруг разгораясь, потухал.
 Но вот пробился лучик солнца,
 Туман рассеялся в лугах.
 И лужи — мутные оконца,
 Терялись в светлых облаках.
 Багровым светом запылали
 Стволы белеющих берез.
 С лугов под солнцем исчезали
 Разбросанные капли слез.
 И небо чистое, густое,
 В Рожок упало невзначай.
 Кипрей в безветренном покое
 Весь засветился, как свеча.
 А свежий воздух сам врывался,
 Бодря и заряжая грудь.
 День в праздник Солнца
 превращался,
 Прогнав таинственную грусть.

Ольга БЛОХИНА

(г. Тула)

Член литобъединения «Ра-
 дуга». Печаталась в сбор-
 никах «Дом Радуги», «Огни
 Гавани» (выпуск 25, гор.
 Санкт-Петербург), «Плав-
 ская осень» (2015), в газете «Тульская
 правда» от 01 марта 2017 г.

Современная речь... столько
 фальши...
 Поэтичности вовсе не стало.
 — Ох, влюбилась! — сказали бы

раньше,
А теперь говорят — «запала».

Точно клавиши у рояля
На высокой шемящей ноте,
Или скрипка дрожит печально,
Замирая в свободном полете.

Фразы-пинники ходят по свету,
Щеголяя пустыми словами.
Как же можно «запасть» на поэта,
Да еще с такими глазами...

Если двое друг к другу припали
Всеми мыслями, плотью и кровью,
Говорят, они «приторчали»,
А потом «заялись любовью».

А любовь — это что? — разве гаммы,
Макраме или бальные танцы?!
Судьбы мира, житейские драмы,
Как же можно этим «заяться»

На досуге под телевизор
Или даже грубей — в подъезде?!
Нет, по-моему, слово «близость» —
Просто, ясно и значит — вместе.

Ведь любовь налетит, как ветер,
И уйдет, как всегда, некстати .
Тонны грязи лежат на планете.
Люди, люди, а может быть, хватит!

Кто-то русский язык нарушил,
Чтоб прекрасное стало короче.
Время, правда, калечит души,
Только тем, кто этого хочет.

ОТВЕТ ОДНОМУ ПОЭТУ

Стихи — не ребус, не кроссворд,
в том нет сомненья, —
От всей души скажу: — Поэт мой
дорогой,
Не забывай, что над строкою
размышленья
Полезны всем, не только грешным нам
с тобой.
Возьми такой пример: у Пушкина
читаешь:
«Дианы грудь, ланиты Флоры
и т.д. . . .»
Ты молодец, когда все это
понимашь,

А если, скажем, не всегда и не везде?
Выходит так: не понимая чтись
поэта?

А может, лучше заглянуть в словарь
стократ,
На непонятное пролить побольше света,
Чем принимать на веру мертвый
постулат.

В поэме «Черный человек» писал
Есенин
Совсем непросто о страданиях своих.
Ты убежден, что Пастернак, конечно,
гений,
Но непонятен — у него заумный стих.
Мне очень жаль, что у тебя «не та
программа»,
При этом можно до сих пор не знать
того,
Как высоко ценил Есенин
Мандельштама,
Как отзывался он о творчестве его.
Смири гордыню, наберись чуток
терпенья
И поразмысли над строкою не спеша.
Стихи — не ребус, не кроссворд —
в том нет сомненья,
Ведь кроме мысли в них
присутствует душа.

О любви слагают стансы и сонеты.
Композиторы, художники, поэты
Гениальные творения веками
Приносили в вечный дар прекрасной
даме.
А стрела любви, подхваченная
ветром,
Зацепив не обязательно поэта,
Все вокруг наполнит радостью
и светом.
Человек уподобляется поэту,
Даже если никогда не пишет стансы,
Не ваяет и не создает романсы.
Состояние любви сродни полету,
И не в тягость даже черная работа,
Когда любящие рядом, близко-близко,
То сердца их согревает Божья искра,
Если только быт и прочие напасти
Искру эту мимоходом не загасят.
Без любви такая скука на планете,
И вообще не интересно жить
на свете,
Даже в наше время ржавчины и лажы
Если очень ждать — она придет
однажды.

Юрий МАРТИШИН

(г. Электросталь, Московской области)

Родился в 1963 г. в гор. Электросталь Московской области. Окончил Московское медучилище №7. Член СПР, награжден литературной медалью «Ивана Бунина». Удостоен звания «Почетный писатель Москвы» (2017). Призер литературного конкурса «Край ты мой родной» («Мосприрода», 2015). Автор 5-ти книг стихотворений (2004—2017 гг.).

Я ТЕБЯ НЕ ЗАБЫЛ

Сушит солнце немое пространство,
Выжимая ручьи из снегов.
И чернеет земное убранство,
Выгесняя холодный покров.
Я тебя не забыл, ноет рана
В переливах весеннего дня.
Ты из прошлого, словно с экрана,
Ненавидишь и любишь меня.
Знаю, я был неправ — это верно,
И не ведал, что ох как нужна.
А теперь на душе очень скверно,
Когда на небе светит луна.
Яркий свет обрамляет дорогу.
Трели птиц забавляют с утра.
Эх, достану из сердца тревогу,
Пусть ее раскидают ветра.

СЛЕЗЫ

Как одиноко жить в огромном мире,
Поняв, что ты не ходишь по земле.
Метаться по бесчувственной
квартире
И слышать крик часов в крошечной
мгле.
Мне кажется, ночами над землей
Ты носишься кометой в небесах.
А звезды, расступаясь пред тобою,
Блестят, как слезы, на моих глазах.
Кругом чужая жизнь, чужие лица.
Бреду среди них в нервной суете.
А с неба дождь из серого корытца
Купает фото на твоём кресте.

ПРОСТИ

Было все: невкусные котлеты,
Борщ, салат из свежих овощей.
Были споры, ссоры и советы.
Не хватало денег и вещей.

Жизнь катилась узенькой дорожкой,
Оставляя годы по пути.
Ты была мегерой, хитрой кошкой.
Я кричал: «Уйди». Потом: «Прости».

Дети говорили: мы не пара.
Разводили нас по многу раз.
Вновь звонила, что за божья кара.
Возвращался, помню, как сейчас.

Ты была наивной и больною,
Думала, что любят и таких.
Я был возмущен своей судьбою
И другой писал любовный стих.

Время рассудило нас жестоко.
От разлучницы простыл и след.
Я хочу к тебе, мне одиноко.
Но тебя уже на свете нет.

В крестиках, в венках твоя могила.
Кладбище на поле, лес кругом.
Перед смертью ты меня простила,
Отлетая в небо мотыльком.

Ольга НОЗДРИНА

(г. Тула)

Родилась в Тульской обл., в п. Первомайский Шекинского р-на в 1961 г. Стихи пишет с детства. Это пейзажная, любовная, религиозная и пр. лирика. При содействии друзей был выпущен сборник «Территория откровения» (2011). Участница областного музейно-литературного объединения «Муза» при Доме-музее В. В. Вересаева.

Что-то рвется душа
И томится, и стонет.
Потянулась рука
За свечою к иконе.

Зажигаю свечу
(Хорошо, что осталась),
Сжечь тревогу хочу,
Что мне в душу закралась.
Помоги нам так жить
Как учил Ты когда-то.
И прощать. И любить.
И не требовать платы...
Догорает свеча,
Очищая мне душу.
Буду просто молчать,
Тишину не нарушив,
Буду верить и ждать.
И откроется дверца,
И войдет благодать
В истомленное сердце.

ОДА ВЕСНЕ

Ну разве можно не любить весну?
Так надоели снежные оковы
Земле и нам, в холодном том плену
Так хочется тепла и света снова.
Какое солнце дарит нам весна!
Слепящее, расплескивая злато,
Из всех времен в году она одна
Палитрой красок ярких так богата.
Не наглядеться в неба синеву!
Щебечут весело и звонко птицы!
И звездочки, упавшие в траву,
Ковром из лютиков сумели
притвориться.
И все вокруг — куда не оглянись —
Такую жажду жизни источает!
Вдыхаешь и вдыхаешь эту жизнь,
И чувствуешь, как на душе легчает.

Ольга ВИТАЛЕ

(г. Тула)

Елена Плотникова (псевдоним — Ольга Витале), родилась в 1970 г. в Туле. Здесь же окончила колледж культуры и искусства. Выступала в составе ансамбля гитаристов при Тул. Доме учителя и как автор-исполнитель на концертных площадках. Лауреат Фестиваля самодеятельной песни. Преподает в муз. школе «Виртуозы» по классу гитары. Печаталась в сборниках и альманахах ЛитО Тулы. Творческая страница <http://www.stihi.ru/avtor/schtrauh>

Елене Фроловой — певице, композитору, поэту... Таланту.

Не как пришлый, не как избранник
Загляну я в твою юдоль,
Как усталый, безмолвный странник...
Отдохнуть у тебя позволю;
Средь скитаний в земле изгнанья
Угадать голос твой в тиши,
Замереть в глубине молчанья
На пороге твоей души.

Елена ПОЛЕТАЕВА

(г. Самара)

Член Российского союза профессиональных литераторов, член Российского Авторского общества. Лауреат многих поэтических и песенных конкурсов. Диплом победителя в международном конкурсе «Средь моря зла есть вещей островок...» в номинации песня. Работы опубликованы в двадцати коллективных сборниках, а также в журналах и альманахах. На ее стихи написано более пятидесяти песен. В 2015 г. издан авторский сборник стихов «Древо жизни».

ЭТИ ЗВЕЗДНЫЕ НОЧИ

В этом мире нетленном,
Средь кружения лет,
По просторам Вселенной
Разливается свет.
Эти звездные ночи —
Неба вечный каприз.
И звезда, путь закончив,
Вдруг срывается вниз.
И ночью порою
Завершится полет,
Вся сгорев над землею,
Вновь она не взойдет.
Оборвется скольженье,
Растворяясь во мгле.
Будем это мгновенье
Помнить мы на земле.

ЦВЕТНОЙ СОН

Мне однажды сон приснится
Удивительно цветной:
Стану я крылатой птицей
Разновидности земной,
До свиданья, до свиданья!
Буду верить в чудеса.
Улечу я белой ранью
В голубые небеса.
Где же ты, моя дорога?
На мгновение покажись!
Для меня ты значишь много,
Если снова тянет высь.

Сергей ШИЛКИН

(г. Салават, Башкортостан)

Родился в 1954 г. в г. Салавате. Окончил Технологический институт им. Ленсовета в г. Ленинграде.

Публиковался во многих журналах и альманахах. Дипломант II международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии «Ак Торна», обладатель спецнаграды — «Диплома минкульты Казахстана» за перевод казахских поэтов, финалист VI Респуб. конкурса поэтического перевода (Уфа, 2014), лауреат премии литжурнала «Сура» («Поэзия», 2013), победитель конкурса «Лучшее стихотворение 2012 г.» (еженедельник «Истоки»), шорт-лист VII Респуб. конкурса поэтического перевода им. Марселя Гафурова (2015, Уфа) и др.

УЛУГБЕК

Над ямой всплыло облако-тюрбан,
Эпох прошедших звук дошел до уха.
В лучах зари — как огненный
тюльпан —
Дрожит флюид разбуженного духа...
Над ним летали раньше стерхи, но...
Теперь здесь в прах размолотые квадраты.
Я вижу, словно в стереокино,
Прошедшего разрозненные кадры.
Когда века достигли середин,
Устав от мук безудержного бега —
В стране, где жил пройдоха
Насреддин,

Взошла звезда эмира Улугбека.
В руках он держит жезл и калам,
В зиндане мирно спят топор и плаха.
В его лице обрел седой Ислам
Слугу и сына вечного Аллаха.
Властитель дум, поэт и звездочет,
Ходжа и маг восточного глагола —
Познал при жизни славу и почет
Великий внук великого Могола.
С молодых ногтей до белой бороды
Он время жизни посвящал, с лихвою,
Тому, чтоб вникнуть в сущность
доброты
И в тайны звезд над спящею Хивую.
Но вдруг мятеж. Секира и кинжал
Обагрены и души нищих ржавы.
Как в балагане кукловод, держал —
Перевернув вверх дном, судьбу
державы —
Один из сыновей в руках событий нить.
Чего творит, не понимая толком,
Отдал приказ отца скорей казнить.
Распорядившись так сыновним
долгом...
Зажатые у Вечности в тисках,
На дне воронки древнего раскопа,
Среди пустыни в выжженных песках
Лежат руины башен телескопа...

ЯНВАРЬ

Скуп нынче холодом январь,
И не пылает киноварь
Залетных снегирей.
Зато — и это не слова —
На крыше белая сова,
Заблудшая скорей,
Чем прилетевшая «спецом».
Не инкрустирован резцом
Пока ледка кристалл.
Погода — только заболеть.
Кружится, шкура гололедь,
Колючих звезд фристайл.
Я сел финансово на мель.
Выходит новогодний хмель.
В графине скис крышон.
Тошнит от запаха сардин
И едкой горечи «Jardin» —
Вновь кофе пережжен.
А завтра снова торжество —
Вселенский праздник — Рождество.
В тот день Господь пришел.
От Магадана до Пинег
Покроет тихо землю снег...
И будет хорошо!

Виктория ТКАЧ

(Тула)

Поэт, переводчик. Стихотворения переведены на польский и французский языки. Заведующая Домом-музеем В. В. Вересаева. Руководитель областного музейно-литературного объединения «Муза» при Доме-музее В. В. Вересаева. Член Союза российских писателей. Автор 8 сборников стихотворений. Пишет эссе, верлибры, трехстишия. Переводит произведения французских поэтов-символистов (П. Верлена, Ф. Жамма, О. де Любич Милоша, Э. Верхарна, Ж. Кокто и др.) Произведения публиковались в литературных изданиях Тульской области, Тулы, Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда, Люблина (Польша). Лауреат литературной премии «Золотое перо Тулы» (2009г.). Дипломант Международного конкурса «Цветаевская осень» (2011), ряда других литературных конкурсов Тулы, Москвы, Подмосковья. Награждена памятной медалью «Год Литературы». За особый вклад в книжное дело» (2016) Занимается активной редакторской и просветительской деятельностью.

«Хлеб — дар Божий...»

Пахнет хлебом в восемь утра
На окраине шумного города.
Жизнь земная очень стара,
Но старается выглядеть молодо

В мелочах, что из века в век
Вдоль пути растут мать-и-мачехой —
Потому городской человек
Улыбается хлебному запаху

И спешит по утрам дышать,
Подчиняясь закону сложному
И не ведая, что душа
Сил вкусила от дара Божьего.

Кажется: вечер похож на каменю
С профилем женским на фоне заката.
Облако легко и зыбко белеет
Между деревьев осенне крылатых.

Кажется: близко. Но так недоступна
Тайна, прикрытая вечною далью.
Листьями бьются мысли
простудные —
Те, что скользят по небесной эмали,

Чтобы понять, ощутить на мгновенье
Всю красоту и покой уходящий.
...Кажется: вечер похож на каменю
С профилем матери, тихо
скорбящей...

И стали цветы плодами,
И небо — предельно звонким.
Над синими куполами
Трель птицы, как смех ребенка.

Не осень — начало веры.
Листва в желтизне старений
Полетом не смерть измерит,
А будущее рожденье.

И силы придут, и сроки,
И жизнь опять повторится.
И только, по-детски тонко,
Смеется на небе птица...

Мне не прожить за пять минут
Чужое слово «неизбежность»,
Когда растают и умрут
Во рту крупинки ягод снежных.

Их сок — вода. И холод — вкус.
И льдинки, ломкие, до хруста,
К зубам прижмутся. Я боюсь
Познать жестокое искусство:

Уйти, растаять без следа.
Где пять минут? Где пять столетий?
По каплям горькая вода
Чернит мне губы. Ягод этих

Уже и нет. И память — сок,
Что выпит и согрет в гортани.
Все неизбежно: я — росток,
Который завтра вкусом станет.

И лишь сейчас, в короткий миг,
Во мне сплетаются в единство
Ушедший мир, что был велик,
И жизнь, как осознание смысла.

Нина НИКИТЕНКО

(г. Алексин, Тульской области)

Родилась в 1950 г. Окончила Физико-технический факультет Томского ГУ, по специальности: «Прикладная математика.

Механика». Работала программистом в АХК и налоговой инспекции в Алексине с 1973 г., с 2005 г. — на пенсии. Печатается в альманахах «АЛЛО» и «На крыльях Пегаса».

ЖИЗНЕННАЯ СИЛА

Какая жажда жизни, ее сила! —
Растение пробилось сквозь асфальт.
Природа это чудо сотворила:
Ведь для роста преграда —
как базальт.

Представишь как столь нежное
созданье
Стремится на свободу из темниц,
Какое для него тут испытанье —
Поймешь его всю стойкость
без границ.

Невольно испытываешь уваженье.
Неустранимость эта как бальзам.
Борьба за жизнь, за солнце
и спасенье.
Вот бы такое мужество и нам!..

Ирина НИКОЛЬСКАЯ

(г. Алексин,
Тульской области)

К ГОСПОДУ...

Поверив в собственные силы,
Искала Истину в себе.
Искала Правду я. Просила...
А Правда только лишь в Тебе.
Споткнулась. Очень больно было...
Но Заповедь спасла Твоя.
«Любите ближнего,— гласила
Она,— как самого себя».
И в этом я нашла Спасенье.
И ожила от Доброты!
Познала я, как воскресенье,
Что свет и благо — это Ты!
Закон Твой вечный и предивный.
В нем — Сила и Любовь Твоя!
Заботливый и Терпеливый,
Спаситель Ты, а не судья!

К ТЕБЕ, ГОСПОДИ...

Задавили проблемы страшные.
Стала силы печаль забирать.
На меня — неразумную, страстную
Поднялась вся злодейская рать.
Без Тебя я, мой Боже, не выстою.
Обращаюсь к Тебе с мольбой.
Ты пролей свою Силу Высшую
На судьбу мою и на боль.
Чтоб печаль моя растворилась.
Злая боль поскорее ушла.
Чтоб любовь от Тебя и милость
Я в себе для других нашла.

Людмила ПЕНЬКОВА

(г. Тула)

Автор 2-х поэтических книг. Публикуется в сборниках Регионального Общественного Фонда содействия и развития современной поэзии «Светоч» (Москва) и в альманахе «Ковчег». Член Российского союза писателей.

ВЕЧЕРОК ВЕСЕННИЙ

Подружился ветер с белою сиренью,
А тебя я встретил вечерком
весенним.

Вечерок, не вечер — утренние зори,
Солнечные свечи с ароматом моря.
Я тебя увидел, я очаровался!
Звездопадом в сердце вечерок
остался.

Ты мне отвечала магией рассвета,
Стоя у причала ласкового лета.
Вечерок увлекся, отодвинул ночку.
Музыкой наполнил для любимой
строчки.

Расписал сердечко акварелью
Счастья!

Вечерок весенний —
от Амура снасти.

ЛЕТЕЛИ АНГЕЛЫ ДОЖДЯ

Летели ангелы дождя
Хрустальной россыпью с небес.
По нотам радуги, блестя,
Играло солнце блуз чудес.
Цвела черемуха отрадой,
И ветер птицею парил,
А ты своим небесным взглядом
Нежнее слов мне говорил.

И ЧТО В ТЕБЕ НАШЛА Я

И что в тебе нашла я
Однажды, в бабье лето?
Сто раз с тобой цвела я
И столько ж — пустоцвета.
Сто раз горела страстью,

Была счастливиц круче.
Сто раз меняла снасти
Для усмиренья тучи.
Сто раз тебя любила
И столько ж забывала!
Но так хорош ты, милый,
Что все начну сначала!

Анна МАРТИНА

(г. Серпухов
Московской области)

БЛАГОГОВЕНЬЕ

Был ветер, что касался крыш,
Был воздух, сладостью наполнен,
И солнца луч касался ниш,
И лес, теплом его напоен.
В полях цветы благоухали,
Бежали в небе облака,
В неведомые мчались дали,
Лишь я не мчался никуда.
Как дивно создала природа,
Как созерцать отрадно мне!
Что в голове за ногой нога
Струятся, льются к вышине.
И в тот момент благоговенья
Я ясно понял, для чего
Дана мне жизнью сила пеня —
Я создан в мире для него.

Людмила СЕНИНА

(г. Тула)

Родилась 30.09.1961 г. в г. Алексине Тульской обл. Педагог, поэтесса. В 1980 г. окончила Тульское педагогическое училище № 1, в 1985 — исторический факультет Тульского госпединститута (ныне ТулПИ-ГУ). Преподает историю в ЦО № 42 г. Тулы. Стихи и песни на ее стихи опубликованы в нескольких поэтических и песенных сборниках. Музыка песен написана ее супругом композитором Сергеем Сениным.

Плохо *всем* нам бывает порою.
Плохо так, что хоть вой, хоть кричи.
И подушка бывает сырою
От страданий, излитых в ночи.
Будто солнце светить перестало:
Мрак в душе и сжимает в груди,
Шум и гул в голове беспрестанно
И вопрос: «Что еще впереди?..»
Но иссохнут однажды все слезы,
Лишь останутся боли следы,
Как проходят все бури и грозы,
Наполняя водою пруды.
И проклонется снова подснежник,
И распустятся снова сады,
И останется с нами надежда:
«Будет радость, не будет беды!»

Я ТОБОЮ, МОСКВА, ВОСХИЩАЮСЬ

Невозможно в тебя не влюбиться,
Даже если увидел лишь раз.
Ты, Москва, всем столицам —
столица,
Своим обlikом радуешь глаз!
Ты величьем своим поражаешь,
Не хватает дыханья в груди,
И с тобой вновь и вновь проживаешь,
Что осталось давно позади.
Кремль Московский — здесь сердце
России —
И стоять ему тысячи лет.
И не сыщется в мире той силы,
Чтоб могла поразить его, нет!
Храм Покровский — как символ
единства
Всех народов Великой страны.
А народ наш не терпит бесчинства,
И с позором бежали пань!
А в Филях — Триумфальная арка:
Если б знал Бонапарт наперед
До чего же в Москве будет «жарко»,
Вряд ли б стал городить огород!
У Кремлевской стены есть могила.
Там горит, пламенее Огонь.
Сколько жизней война погубила...
Тлен, ты память об этом не тронь!
Я тобою, Москва, восхищаюсь:
Хороши твои парки, мосты...
Ароматом твоим упиваюсь
И запомнить хочу все черты!

Я не буду ловить птицу счастья,
Подружились мы с нею давно.
В мою душу влетела однажды,
И цветным стало жизни кино.

Ей в душе моей вовсе не тесно.
Для нее там поют соловьи.
Песни те и нежны, и прелестны.
Песни те о красивой любви!

Мне для милой подруги не жалко
Сладких зерен добра — все бери!
И в душе, нараспашку открытой,
Долго-долго со мною живи!

Олег ПАНТЮХИН

(г. Щекино Тульской области)

Член СПР, член редколлегии всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Директор издательства ТулГУ. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, член Президиума Правления Тульского отделения Общества русской словесности.

ОЖИДАНИЕ

В ожидании мая природа живет.
В ожидании ночи тебя не хватает.
В ожидании встреч ощущаю полет.
В ожиданье друг друга сердца
замирают.
Ожиданье объятия после разлук,
Ожидание радости нежной улыбки,
Ожидание губ, ожидание рук,
Ожидание чистой от счастья
слезинки.
Ожидание света, и душ торжество,
Ожиданье мечтаний, манящее новью.
Ожиданье мгновения лишь одного,
Что зовется взаимной и вечной
любовью ...

Нет на свете мечты лучше той,
Что манит в синюю даль.
Нет надежды без веры святой,
Что разгонит любую печаль.

Электронную книгу открой —
В ней не слышится шелест страниц.
Но зовет и зовет за собой
Крик на юг улетающих птиц.
Всякий здесь человек одинок
На огромной планете Земля.
Хорошо, если есть уголок,
Где всегда ждут и любят тебя.

Николай ТИМОХИН

(г. Семипалатинск, Казахстан)

*Поэт, писатель
журналист*

Вновь просыпаюсь «сам не свой»,
От мыслей некуда бежать.
Их в голове — пчелиный рой,
И до утра не спать, опять.

Они кружат, как будто птицы,
И мне покоя не дают.
Хоть на минуту бы забыться,
И для души найти приют.

Мой мозг в плену воспоминаний.
Они, как пули, ранят, жгут.
Мне видится все, как в тумане,
И словно шею давит жгут.

Но хочется легко вдохнуть,
Тоску прогнав подальше, прочь.
И с гордостью расправить грудь,
Преодолев, как в схватке, ночь.

Тебе судить меня, мой милый —
Лишь только время тратить зря.
Побереги себя и силы
Для случая иного. Я
Не виновата пред тобою.
Так жизнь у нас сложилась вдруг.
Ты увлекаешься другою,
И у меня есть новый друг.
А годы наши — как мгновенья,
Летели, словно птицы в даль,
Забудь о них без сожаленья,
Оставь обиды и печаль
В прошедшем дне.

И будь мужчиной,
Уверенно смотри вперед.
Нет наказания без причины.
Награда за мученья ждет
Того, кто выстрадал немало,
Но верил до конца в успех.
И время, может быть, настало
Нам отказаться от утех
И посмотреть на жизнь иначе...
А я тебя за все простила.
Ты тоже стань душой богаче —
Не осуждай меня, мой милый.

Ты так красива и умна
И, кажется, пришла из сказки.
Из моего, быть может, сна,
Что на цвета богат и краски.

В тебе я вижу отраженье
Луны и солнца, и рассвета.
Ты мне приносишь вдохновенье,
И на душе тепло как летом

Становится зимой в ненастье.
Ты — мой любимый света лучик,
Который мне приносит счастье
И разгоняет в небе тучи.

Ты так красива и умна,
Что, кажется, пришла из сказки.
Иль воплотилась в жизнь из сна
В котором были страсть и ласки.

Ирина МАЦНЕВА

(с. Архангельское
Тульской области)

*Родилась 2.09.1965 г. в
Каменском р-не Тул. обл.
Образование: среднее про-
фессиональное — менед-
жер культурно-информа-
ционного центра, теледиктор и высшее
инженерно-технологическое. Переква-
лификация — преподаватель живописи,
музыкальный руководитель детского
сада. Основные направления творчест-
ва — исследовательское краеведение,
поэзия, музыкальная композиция на
стихи тульских поэтов. Главная тема
краеведения — Каменское Красиво-*

чье Тульского края. Стихи и музыку как единое целое с исследовательским краеведением начала писать с 30 лет. С 2001 года выступает как автор — исполнитель песен на стихи тульских поэтов. Пишет юмористические рассказы и стихотворения для детей. Публикуется с 1996 года. Обладатель «Гран При» фестиваля авторской патриотической песни «Хомьяковские Поляны — 2007» (Тула). Песня «Ветеран» на стихи М. Добролежи — Дипломант всероссийского конкурса «Милосердие Белых ночей — 2002» в Санкт-Петербурге. С 1995 года — основатель и руководитель творческого объединения «Каменка», объединившего поэтов, публицистов, краеведов, художников и музыкантов Каменского района Тульской области. Руководитель юношеского творческого объединения «Отчизны Рать» Первомайского кадетского корпуса МЧС России (2004—2007гг.). Директор музея обороны города Тулы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (2008—2009гг.). С 2009 г. — член Тульского областного молодежного поискового центра «Искатель», с 2012 г. — руководитель поискового отряда «Священное войско» Каменского р-на Тульской обл. Преподаватель детской музыкальной школы по классу «Живопись», преподаватель Воскресней школы при Храме Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных в с. Архангельском, музыкальный руководитель детского сада.

ВОСХОД

Нет, не мое, и впрямь — не от меня,
 Но, выполняя Высшее вельенье,
 Иду, надежду трепетно храня,
 Творя душой и разумом моленье.
 Земля-кормилица, рососою одаря
 Хлеба и травы чудом озаренья,
 Баюкает, колено преклоня,
 Свое дитя и свой венец творенья.
 Небесная мелодия звучит,
 Рождая в памяти мотивы откровенья.
 Летит звезда, и жизнь моя летит...
 В душе нет зла, нет слез
 и нет сомненья!

МОЛИТВА ПОКАЯНИЯ

Прости, о Боже, я молю — прости
 За взлет души, прорвавшейся сквозь
 пламя,
 За взмах мечты, растоптанной
 ногами ...
 Прости, Господь, в слезах молю —
 прости!
 Поддержку дай на жизненном пути,
 Тепла души и чистоты сердечной!
 Дай света луч сквозь сумрак
 бесконечный,
 От злоязычников, прошу, убереги.
 И милости своей не умали
 За ту любовь, что нас спасает вечно!
 Как дни летят, как время
 скоротечно...
 Прими и за отчаянье прости.

Ольга АРТЕМОВА

(п. Медвенка Курской области)

Ничего с собою не возьмешь:
 Ни побед, ни опыта, ни дома,
 Ни любви, что ранила, как нож,
 Ни благословенной жути грома.
 Но копишь, копишь истергтый грош
 С самоотречением святого,
 Будто ты не навсегда уйдешь —
 Просто выйдешь на часок
 к знакомым.
 И тобою возведенный рай,
 И тебе назначенные муки
 Не промолвят горестно «прощай»,
 Не пожмут совсем другие руки.

Бархатцы пахнут школой.
 Юностью пахнет сирень.
 Весь в повиликe веселой
 Солнцем пропах плетень.
 Дал аромат шиповник
 Ливня струям тугим.
 Флоксов задумчивый сольник
 Просит: давай погрузим!
 Воздух пропитан густо
 Счастьем, любовью, мечтой...

Как обновляет чувства
Этот волшебный настой!
Пусть на одно лишь мгновенье
Вместо духов и тоски
Вдруг закружат, как спасенье,
Давних надежд лепестки.

Галина ЗЕЛЕНКИНА

(г. Кординск
Красноярского края)

НА ГОРЕ ЦЕРКВУШКА

На горе церквушка —
Купол золотой.
Робкая макушка
Держит крест святой.
Старец богомольный,
Неказист на вид,
Звонком колокольным
С Богом говорит.

Я СУДЬБУ ПОПРОШУ

Я судьбу попрошу
Подарить мне огня,
Среди сотен дорог
Отыскать верный путь.
И пока я дышу,
Память сердца храня,
Пусть хранит меня Бог
И еще кто-нибудь.
Я судьбу попрошу,
Пусть продлит мои дни,
Пусть пурпурный закат
Не угонет в ночи.
И пока я дышу,
Душу, ангел, храни
И не жги по любви
Поминальной свечи.
Я судьбу попрошу
Разрешить мне пройти
По ажурным мостам
Семицветного дня.
И пока я дышу,
Мне б хотелось найти,
Нежность первой любви,
Что ушла от меня.

Валерий ВИНОГРАДОВ

(г. Алексин Тульской
области)

Член Союза писателей
России. Автор четырех
авторских сборников сти-
хов.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Россия — гордая держава,
Россия — матушка моя,
Хранительница ратной славы,
Огнем крещенная земля.

Досталось в годы лихолетья.
Враг был коварен и силен,
Каралось все тогда лишь смертью —
Неисчислим войны урон.

И уводили в небо души,
Неслась кровавая волна,
Русь сыновей теряла лучших —
За наше счастье та цена!

Но память всех их сохранила,
Знамен победно льется шелк,
И будто с нами это было —
Идет в прорыв Бессмертный полк!

* * *

Вот и кончилось лето,
День идет на закат,
Но не все еще спето,
Не остыл теплый взгляд.

Доброту дарит сердце,
Не погашен огонь,
У костра, чтоб согреться,
Протяни лишь ладонь.

Закружилось все в вальсе,
Гонит осень листву,
Тяжело расставаться
Мне с тобой наяву.

Облака уплывают,
Мрак снимая с души.
Что же сердце страдает
В наступившей тиши?

Болью горло сдавило,
И умолкли шаги.
Как давно это было —
Память мне помоги!

Нелегка пусть разлука,
Только я сохранию
В затихающих звуках
Тех, которых люблю!

ВАЛЕРИЮ ХОДУЛИНУ 80!

Большой талант, талант от Бога,
Успехов жизненных залог.
Ведущая вперед дорога,
Поэзии высокий слог.

Волна стихов и книг громада,
Волнующий сердца порыв,
Волшебных слов души услада,
К великим подвигам призыв.

Кипит энергия взрывная,
Рождает новые стихи,
Над каждой строчкой восклицая,
Гордятся Вами земляки.

Так пусть Господь умножит силы,
Творите дальше верный путь,
Не все покорены вершины
Еще есть время вдаль взглянуть!

Татьяна ЮРКОВА

(г. Тула)

Филолог, психолог, работала в русских школах Австрии и Румынии, преподавала русский язык и литературу в педагогическом колледже. Автор и ведущий психологических тренингов и обучающих мастер-классов. Участник обл. МЛО «Муза» при Доме-музее В.В. Вересаева.

Стихи, как сны, порой ко мне
приходят,
И остается только форму им придать,
Как дождь, они прольются
и наполнят,
По форме — дождь, по духу —

благодарь
Небесная... и в тело облекая
Неизъяснимого и неземного суть,
Стихами я того
напоминаю,
Кто из меня на мир решил взглянуть.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Говорят, что в России снега, холода
и морок,
и свинцового неба безжизненный
тусклый свет
и что письма читает мой
равнодушный полковник,
опираясь одною ногой на Сибирь,
а другой на Тибет.
Я в Россию вернусь ранним утром, по
белому снегу,
отыщу над замерзшей рекою
родимый погост,
и в Великий покой опущу свою соль и
пепел,
и бездонное море всполохов
огненных звезд.
А весной река подо льдом
неожиданно вздрогнет,
перезвон колокольный ворвется
в застывший лес,
и ослепнет от света писем моих
полковник
(говорят, что в России это —
Благая Весть).

Наталья СИЛАЕВА

(г. Серпухов
Московской области)

1989-го года рождения, творческий псевдонимом «Натали». Творчеством занимается с 2005 г. Имеет многочисленные грамоты и дипломы. Автор 2-х сборников стихотворений (2009, 2010 гг.). Публикуется в коллективных сборниках, альманахах, журнале для детей, газете «Серпуховские вести» и других регио-

нальных СМИ. Член Моссовета ЛитО при СПР. Инициатор и создатель молодежного литературного объединения г. Серпухова «Клио» (2010), руководителем которого сейчас и является. Дважды получила стипендию Губернатора Московской области молодым талантливым авторам (2014 и 2016 гг.), на которую совместно с участниками литературного объединения «Клио» издана книга «Когда Литература Искренность Отражает...» (часть 1) и сборник художественных произведений для детей от 6 до 12 лет. В 2017 г. Натали присудили стипендию Главы городского округа Серпухов.

Я повесила душу сушиться
После стирки... весной... на балкон.
Кто-то кажет: «А что за вещца?
Да ее пора выбросить вон!»

Нет, идите своєю дорогой.
Все равно внутри вас пустота.
Не считайте меня слишком строгой:
Не понять вам меня никогда!

Я и сердце в бинты заматаю —
Пусть подлечится и заживет.
Я для солнца окно открываю —
Пусть в капель превратиться
весь лед.

Пусть и жизнь обновится сначала:
Новый год, новый день, новый лист...
И я душу не зря постирала:
К счастью путь обещающе чист!

Елена САПРОНОВА

(дер. Михайловка
Каменского района Тульской области)

1971-го года рождения. Техник-технолог, инженер. Окончила Московскую государственную технологическую академию. Работает в исполнительных органах местного самоуправления более 20 лет. Председатель общественного Совета женщин Каменского района более 5 лет. Работает в группе комиссии по делам несовершеннолетних. Состоит в Тульской областной общественной организации содействия ветеранам ВЛКСМ, объединила 27 ветеранов комсомольцев, с которыми находится в тесном контакте. Награждена Почетной грамотой министерства образования и культуры Тульской области, юбилейной медалью «300-летие начала государственного оружейного производства в городе Туле», Благодарственным письмом губернатора Тульской области (2014) и медалью «Трудовая доблесть» III степени.

ПРОМЕТЕЙ

Сидели два Бога, вели разговор
О мире людей и мире Богов:
«Зачем нам заботы всех этих людей?
Им мало всегда, что не дай!
Хоть убей!
Сегодня дай это, а завтра дай то!
Сегодня дай шубу, но завтра —
пальто!

Бывает им жарко — ты тут же дай
холод.
Им сытно — жиреют? — И что?
Нужен голод?
Когда слишком мирно — нужна
война,
Нам ни к чему эта их кутерьма!»

«Зачем, Прометей, ты летишь к ним,
глупец?!
Тебя ожидает печальный конец.
Они ведь добра и не помнят, пойми!
Постой, успокойся, и пыл свой уйми.

Не рвись же ты к людям, останься
здесь!

Тебя покарает всевидящий Зевс.

Забудь ты о людях! Живут

и живут...»

— Нет! Не могу! Они меня ждут.

Любовь САМОЙЛЕНКО

(г. Тула)

Родилась в г. Днепродзержинске. Член ЛитО НЛО (г. Новомосковск), «Пегас» и православного клуба «Ковчег» (Тула), «СВЕТОЧ» — общественного фонда (Москва). Член Российского Межрегионального Союза писателей и Академии русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина (С.-Петербург). Член Чеховского общества при СПР. Лауреат Тульской областной премии им. Ярослава Смелякова. Награждена памятными медалями. Публикуется в журналах, альманахах и сборниках. Автор 13 книг.

СЕНТИМЕНТАЛЬНОСТЬ

На подоконнике цветок —

Расцвел в начале мая.

Любуясь, глажу лепесток,

Рассветы с ним встречая.

Сентиментален стал мой мир.

Быть может, это годы?!

Коль так волнует дождь-кумир,

Цветов лаская всходы.

Вот и весенний ветерок

Здоровается утром...

Он ветки вербы

в ранний срок

Обсыпал перламутром.

Сентиментален стал мой мир.

Быть может, это годы?!

Но так волнует дождь-кумир,

Цветов лаская всходы.

Виктор МЫЗНИКОВ

(г. Тула)

Родился в г. Москве, в семье военнослужащего в 1939 г. Вместе с семьей переехал в Тулу. В 1962 г. окончил Тульский Механический институт (ныне ТулГУ) по специальности «Системы автоматического управления летательными аппаратами» и в 1972 г. — Московский центральный институт повышения квалификации руководящих работников и специалистов народного хозяйства в области патентной работы. Инженер, изобретатель, имеет более 170 патентов и авторских свидетельств, половина которых была использована в оборонной промышленности. Долгие годы работал на оборонных предприятиях Тулы: КБП, ОКБА (ЗАО «Спецприбор»), в Тульском территориальном центре Академии инженерных наук. Академик Международной Академии авторов научных открытий и изобретений, отмечен ведомственными наградами. Имеет почетное звание «Изобретатель СССР». Награжден одноименным нагрудным знаком, медалью имени А. С. Попова. В настоящее время работает в ЗАО «Спецприбор». Участвует в разработке специальной техники. Член творческого объединения православных писателей «Родник» при храме во имя Прп. Сергия Радонежского, член поэтического клуба «Лирик», участник Тульской общественной организации «Духовное соборное движение». Стихи пишет около 20 лет. Дипломант I-го и 2-го епархиальных конкурсов художественного чтения «В начале было Слово» (2013, 2015), дипломант межрегионального поэтического конкурса «Стойкость. Мужество. Преодоление» (г. Калуга, 2014), дипломант конкурса самодельных авторов-исполнителей «Тульская душа» (2016).

ВРЕМЯ

Смотрю на небо в бесконечность,
Простор бескраен и велик,
В просторе растворилась вечность,
В ней жизнь моя — лишь краткий миг.

Беспечно жил я в мире тленном,
Дар Божий — время — не ценил,
На то, что истинно бесценно,
Внимания не обратил.

Так редко вспоминал о Боге,
Что предстоит ответить мне
В свой срок Всевышнему в Чертоге,
За все, что сделал на земле.

Помочь или осудить стремился?
Мамоне или Творцу служил?
Что для души своей добился?
Добра или зла плоды взрастил?

Все понял поздно, к сожаленью,
И о душе не вспоминал,
В пустых забавах, развлеченьях,
Бездарно время промотал.

Свои потери подытожу,
Себя за трату лет виню,
И, как шагреневую кожу,
Остаток времени ценю.

Давно пора стать безупречным,
Мамоне перестать служить,
Подумать, наконец, о вечном,
Грехи пред Богом замолить.

Прощенье попросить с надеждой,
Встать в покаянье у креста,
Душа чтоб в световых одеждах
Пришла к обителю Христа.

ЛЮБОВЬ И ОПОРА

Дорог я много исходил,
Судьбу напрасно беспокоя,
Искал и все не находил
Любви, блаженства и покоя.

Душа мятежная моя
В бесплодных поисках устала
И, тягость больше не тая,
Успокоенья ожидала.

Луч солнца возвестил рассвет.
Длань Господа души коснулась,
Зажгла в ней негасимый свет.
В сиянии душа проснулась.

Вот так начался новый день.
Душа, как солнышко, светилась.
И Божьей благодати сень
Над головою проявилась.

Словами трудно рассказать,
Какая радость охватила.
Что значит Божья благодать! —
Восторг, покой, защита, сила.

О чем могу еще мечтать?
Любая по плечу дорога,
Когда с тобою благодать,
Когда в душе частица Бога.

С тех пор я в радости хожу,
В себе несу свет по простору
И только в Боге нахожу
Любовь, блаженство и опору.

Канат КАНАКА

(г. Байконур, Казахстан)

Канат Кулахметов, 32 года. По профессии — инженер-эксперт. Публиковался во многих журналах и альманахах. Дипломант «Русской речи — 2015». Участник Тринадцатого форума молодых писателей России и стран СНГ в Москве (2013).

Прносятся, как кони — поезда,
стуча по рельсам. Поезда, как кони,
прносятся... В какие города
торопятся товарные вагоны?

На небе чайка белая летит
и мимо пролетает над вокзалом.
Куда вдут железные пути,
в какие городишки Казахстана?

Ах, поезда, наверное, везут
мою печаль и грусть, твою улыбку...
Из гордости тебе не позволю!
Из гордости ты не ответишь
в трубку!

Елена ГАДЕНОВА

(г. Тула)

Член Союза российских писателей. Автор сборника рассказов «Ночь на Петров день» (2000) и ряда поэтических сборников. Пишет стихи на социальную и гражданскую темы, прозу, а также публицистику. Произведения автора публикуются в периодической печати и литературных изданиях Тулы и области. Принимает самое активное участие в творческой жизни города: выступает в Доме-музее В. В. Вересаева, на Яснополянских и Хомяковских чтениях, писательских семинарах и других мероприятиях.

Из цикла
«В ЛУЧАХ СОЛНЦА»

МОЯ РОДИНА

И вновь пришла
Весна!
О, сколько о ней
Сказано.
Прохладой новизны
Близка.
Я с ней навеки
Связана
Божественностью
Возрождения,
Когда природа
Оживает вдруг.
Я чувствую, как
Дарит
Солнце миру
Откровение,
Освежая радостью
Все вокруг.
Что дорого мне,
Люди, небо, улицу,
Огромный город,
Двор с проросшего
Травой,
Снега серого
Последний ворох,
Что исчезает
Талую водой.
Видеть, как почки

Набухают
Алмазами на
Ветках хрупких,
Щебечут птицы,
Звонко распевают,
Прилетев издалека,
С небес как будто.
От красоты
Пьянящей
Апрель ликует,
Волшебство весеннее
Вдыхая,
Какое счастье,
Что живу я в Туле
Все так же,
Никуда не уезжая.
Любовью и мечтами
Преисполнена,
Благодарностью
За то, что я живу
С тобою, моя Русь,
Моя святая Родина,
Что всей душой
Тебе рождением
Своим служу!

Юлия КОЛОБКОВА

(с. Архангельское, Каменского района
Тульской области)

Родилась в 1981 г. в Тульской области в с. Архангельское. Окончила Тульский гос. пед. университет им. Л. Н. Толстого. Стихи пишет с юношеского возраста. Печатается в коллективных сборниках.

Много по жизни встречала людей,
Честно скажу вам, много...
С кем-то крутила-вертела порой
Жизненная дорога!

Кто-то из жизни моей убывал,
Кого-то отсеяло время...
А кто-то в душе моей посадил
Дружбы, крепчайшей, семя!

Кто-то завидовал, кто-то судил,
Другие учить пытались!
С кем-то же мы, на всю долгую жизнь,
Друзьями большими остались!

В жизни идти тяжело без плеча...
Скажу это я вам точно!
Друга еще тяжелее найти,
Чтоб дружба была ваша прочной!

Но если тебе повезло на пути,
Тогда, как поется в песне:
Можешь ты смело по жизни идти,
Ведь ты не один, вы вместе!

Станислав ВОРОНЦОВ

(г. Серпухов
Московской области)

1986-го г. р. В 2005 г. окончил в г. Серпухов техникум по специальности «Программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем», в 2010 г. окончил Московский авиационный институт по специальности «Комплексная защита объектов информатизации». Член молодежного литературного объединения «Клио» (г. Серпухов) и МосСовета Литобъединений. Публикуется в альманахах, коллективных сборниках и в газете «Серпуховские вести».

Возьми в свои пальцы мои пальцы
И покажи, как линию уверенной
вести.

Мы — два воображаемых скитальца,
Пришедших к общим точкам
реального пути.

Я в слове — власть и боль познал
томами,
А как ты держишь жизнь в штрихе,
твой мир не понимал.
Пустая белизна страниц — годами
между нами,
Я без тебя был слеп, ты без меня —
нема.

В движениях оживают застывшие
мгновенья
От мастерства руки, от ловкости
кисти.

Ты даришь миру плоскому слои
воображенья,
Курсивы затираешь, что паре
не снести.

Вдвоем мы нестандартнее,
чем мысли одиночки,
Нежизненны настолько, что верим
и верны.

Как прежде, ты наброски ценишь,
я чту многоточья
В границах стертых, скомканных
и околземных.

Дмитрий БЛИЗНЮК

(г. Харьков, Украина)

Литератор из Харькова,
1979 г. р. Окончил Харьковский национальный педагогический университет им. Г. С. Сковороды (ХНПУ).

Работает предпринимателем. Имеет многочисленные публикации в периодике, коллективных сборниках и Интернете, в том числе в журналах: «Сибирские Огни», «Новая Юность», «Невский альманах», «Дальний Восток», «Приокские зори», в газете «День литературы» и других. Публикуется и на английском языке: «Dream catcher» №34 (UK), «Reflections» №100 (UK), «The Best of Kindness 2017» (USA), «The Ilanot Review» (Israel), «River Poets Journal» (USA), «The Courtship of Winds» (USA), «In Layman's Terms» (USA). Лауреат нескольких международных конкурсов, в частности: «Согласование времен» 2012, «Кубок мира по Русской поэзии» 2013, 2015, «Чемпионат мира по Русской поэзии» 2014, 2015, 2016, 2017, Финалист конкурса «Открытая Евразия 2016» и других.

АНТИМОТЫЛЕК

Тьма сгущалась нанаскосок,
будто кто-то играл капричио
Паганини на скрипке
без струн, без лакированных хрящей,
без рук и без смычка — на одном

вибрирующем сгустке теней.
 И хотелось подойти к раскрытому окну
 и выхватить голыми руками кусок
 синего неба,
 ослепительного, остывающего.
 Антивечер.
 Антимотылек летит на свет
 антисвечи,
 в комнатах все вывернуто наизнанку:
 вывернуты зеркала — внутренности
 зеркального карпа.
 Шторы, будто кони, пьют
 светящуюся пыль у сонного водопада,
 и так тихо, что скулящий звук
 телевизора этажом ниже
 просачивается сквозь тишину —
 звуковой кровью
 сквозь бетонные распаренные бинты.

Анастасия СИЗОВА

(г. Тула)

*Родилась в г. Туле в 1995 г.
 После окончания ТулГУ
 работает в Центральном
 Конструкторском Бюро
 Аппаратостроения инже-
 нером-конструктором. Является уча-
 стницей областного музейно-
 литературного объединения «Муза»
 при Доме-музее В. В. Вересаева (руко-
 водитель — В. Ю. Ткач — член СРП).
 Публикуется в студенческих журналах,
 альманахах и коллективных сборниках.
 Победитель конкурса Моссовета Ли-
 тО в номинации «Дебют», победитель
 областного поэтического онлайн-кон-
 курса «Ваше слово» в номинации «Пей-
 зажная лирика».*

Ближе людей — бумага
 И грифель карандаша.
 Решиться писать — отвага,
 И пишешь, еле дыша.
 Шагаешь слева направо,
 Листами тихо шурша.
 Решиться писать — забава,
 Которую просит душа.

Мне порой не хватает отца:
 Его крепких и сильных рук
 И улыбки смешной в пол-лица,
 И на лбу трех морщинок-дуг.
 Его кроны размашистых плеч,
 Угловатых слегка на вид,
 Что скрывали меня от невзгод,
 От различных людских обид.
 Вечеров у костра на даче,
 Где баллады свои играл,
 Его фраз: «Давай, на удачу!»,
 Когда змея со мной пускал.
 И, конечно же, глаз-чайнок,
 Что на солнце меняли цвет.
 Нет в прихожей мужских ботинок,
 И отца рядом больше нет.

Родиться важно настоящей,
 Все ожидания превзойти,
 Стать яркой, искренней, творящей,
 Улыбку с гордостью нести.
 Успехов, цели добиваться,
 День ото дня только расти,
 Чтоб не звучало слово «сдаться»
 На протяжении пути.

Собрать бы все хорошее
 В один большой раздел
 И сделать легкой ношею
 Лет прожитых задел.
 Собрать бы все хорошее
 В единый интервал,
 А временем поросшее —
 На памяти вокзал,
 Куда уйдут роскошные
 Воспоминанья лет.
 Собрать бы все хорошее,
 А, может, его нет?

По серому морю печали
 Неспешно плывут корабли
 В еще неоткрытые дали
 Неведомой новой земли,

Где небо светлее лазури,
 Озера сочной бирюзы,
 Дома из беже и глазури,
 А гнев лишь мерило грозы.

Там радуга — мост через реку,
А пудра — тончайший туман,
Там воздух из редких молекул —
Они поглощают обман.

То место зовется мечтою,
Фантазией кличут порой,
Бывать, говорят, там не стоит,
Быть может, часок иль другой.

И в мрачные дни, что печальны,
В ту гавань свой курс корабли
Вновь держат по глади хрустальной,
Чтоб мысли приют обрели.

Анна БАРСОВА

(г. Екатеринбург)

*Анна Барсова (Анна Барсе-
гян) — поэт, прозаик, пе-
реводчик, литературовед.
Член Союза Российских
писателей, Академии Рос-
сийской литературы. Обладатель На-
циональной литературной премии «Зо-
лотое перо Руси», премии мэра города
Набережные Челны. За верное служе-
ние отечественной литературе нара-
ждена литературными орденами и
медалями: А. Грибоедова, С. Есенина, В.
Шекспира, М. Джалиля. Дипломант
российских фестивалей и конкурсов.*

ИЗ ЦИКЛА «УРАЛ»

Зима, зима недалека,
Глаза озер уже смыкает.
И время тает на века
И ничего нам не прощает!

Спит Чусовая, не грустит,
Ей все одно здесь: километры
И скалы, что один гранит,
И песни жалиющие ветра!

Здесь все родное, все свое:
Земля, Урал и сосны-стражи...
Как хорошо, что забытые
Дарует все и песню скажет!

Что на всере китайском —
сосны в синем небе тают,
и мороз плывет по кругу...
Я надена с перепуту

шапку, синюю толстовку,—
одним словом, всю обновку!
И пойду искать стихи
у Исети у реки!

Привет гарцюющим коням!
Привет, Исеть, капель и вьюга!
Зиме, конечно, не отдам
Я солнца солнечную фугу!

Ее оставлю только Вам,
Вам подарю охапки солнца,
Чтобы Урал поверил снам,
Чтоб выпил счастье до донца!!!

Усталость: ломит плечи
и голова болит.
На улице под вечер
мелодия звучит.

Пойду под звуки вальса
тихонько поброжу,
хоть не станцюю танца,
но весело хожу!

Играй, играй, пластинка,
и песня поплыла...
«Дунайский вальс» — картинка
той жизни, что ушла!

А голос тот из детства,
из детства моего —
отцовское наследство...
На сердце так легко!

На стыке Азии с Европой
Лежит седой Урал.
Не Одиссея Пенелопой*
В веках он просиял.

* Пенелопа — жена Одиссея, прославив-
шаяся верностью своему супругу во время
его двадцатилетнего отсутствия.

Он был и есть могуч и светел,
В веках свой нрав ковал...
И, как давно Бажов заметил,
Он сказом, сказкой стал!

Народ здесь крепкий, словно горы,
Суровый, как зима,
И изумрудом светят взоры,
И горы — закрома!

Он стал опорой всей державы,
Опорой и стеной...
Урал великий, Урал бравый,
Урал мастеровой!

Что есть для нас Расея, Русь,
Россия?!
Поля, хлеба и мокрое жнивье!
Мы столько трав в лугах ее косили,
Мы сердцем приросли к лесам ее!

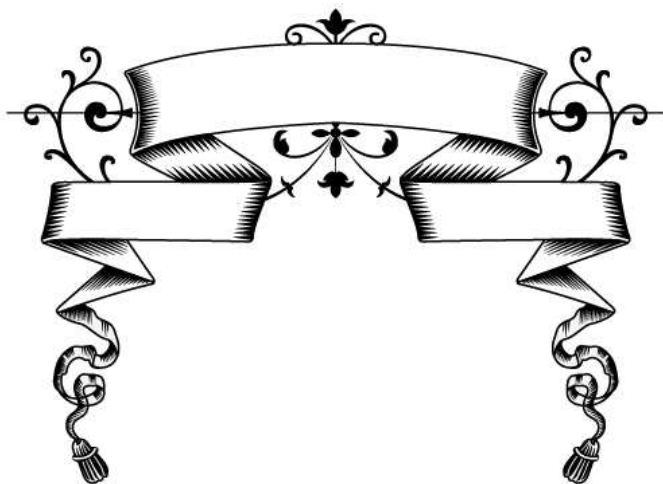
Что есть для нас Расея, Русь,
Россия?!
Морей и рек великих караван.
Здесь горы — кладези,
и здесь вития**
Не гнет пред барами свой **гордый** стан!

Что есть для нас Расея, Русь,
Россия?!
История безмерной глубины...
Здесь наши души тают в небе синем,
Здесь наши пращурьы погребены!

** Устар., книжн. красноречивый человек,
оратор

ЛИТЕРАТУРОВОЗДАНИЕ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА РЕЦЕНЗИИ

ВАЛЕРИЙ МАСЛОВ
СЕРГЕЙ ОДИНОКОВ
ЕВГЕНИЙ ТРЕЩЕВ

АЛЛА НОВИКОВА-СТРОГАНОВА
РУДОЛЬФ АРТАМОНОВ
ОЛЬГА ПОНОМАРЕВА-ШАХОВСКАЯ

Валерий МАСЛОВ

(г. Тула)

ГЛЕБ УСПЕНСКИЙ И ТУЛА

Валерий Яковлевич Маслов родился 6 ноября 1943 г. в г. Донском Тульской обл. Окончил с отличием Мичуринский плодоовощной техникум и Московскую сельскохозяйственную академию им. Тимирязева. Затем получил еще два высших образования: в Высшей партийной школе при ЦК КПСС и на Высших офицерских курсах «Выстрел». Служил в ракетных войсках Советской армии, майор запаса. Работал в Тульской области: управляющим совхоза «Красный богатырь», спецкорром газеты «Коммунар», в облисполкоме и администрации области. Первый руководитель пресс-службы администрации области и пресс-секретарь губернатора, создатель и бессменный руководитель Дома творчества и Фонда поддержки творческой интеллигенции. Член Союза писателей СССР с мая 1991 года. Членский билет подписал и вручил ему легендарный поэт Сергей Михалков. Член Союза журналистов СССР с 1976 года. Заместитель председателя правления Тульского регионального отделения Союза писателей России. Председатель Межрегионального Союза писателей, член Международного Литфонда, избирался членом Исполкома Международного сообщества писательских Союзов. Заслуженный работник культуры РФ, награжден медалью Ордена «За заслуги перед Отечеством», медалями «XX лет Победы в Великой отечественной войне 1941—1945 гг.», «Ветеран труда», «Двести лет МВД России» и другими. Отмечен и многими литературными медалями и литературными премиями. Имя В. Маслова занесено в Тульский Библиографический словарь. Является автором более 30 книг, которые вышли тиражом свыше миллиона экземпляров в России, на Украине, в Грузии, Сербии, Черногории, переведены на иностранные языки.

В Туле, в которой родился, жил и творил известный русский писатель Глеб Иванович Успенский, сохранилось немало памятных мест, связанных с его именем. Каждый раз, когда я захожу в кафедральный Всехсвятский собор, существовавший еще во времена писателя, непременно посещаю и расположенный недалеко отсюда, на улице Тургеневской, дом номер 57. Сама судьба распорядилась так, чтобы вокруг этого дома отца писателя Ивана Яковлевича образовался целый сонм улиц с литературными названиями (Пушкинская, Гоголевская, Тургеневская, Жуковского, Льва Толстого, Глеба Успенского).

Недалеко отсюда, в самом центре города, в сплетении многочисленных улиц старинной застройки, есть еще одно строение, связанное с памятью писателя. В доме № 37 по улице Жуковского,— доме деда Успенского,— в основном и прошли детские годы автора знаменитых «Нравов Растеряевой улицы».

Характерно, что прототип Растеряевой улицы — «Староникитская», за годы советской власти побывавшая улицей имени пославшего на смерть последнего русского царя Якова Свердлова,— и поныне сохранила дореволюционные постройки.

Но вернемся к автору целого цикла очерков о нравах жителей дореволюционной Тулы и не только. В советский период о нем писали не иначе, как о писателе-демократе. Еще бы: он, подобно Белинскому и Добролюбову, обличал мрачный быт и жестокие нравы людей дореволюционной России, в которой, по мнению литературных критиков СССР, просто не могло быть ничего хорошего и позитивного. Недавно я заново перечитал этот цикл очерков Глеба Успенского и удивился, до чего же неприглядную картину он изображает в них о Туле, населявшем ее рабочем люде, да и о прочих сословиях, проживающих в этом, далеко не самом худшем городе царской России. Сплошная запойная пьянка, драки, битье жен, сквернословие и прочие нравственные язвы так оплели жителей Растеряевой улицы, что нет в их жизни никакого просвета. Добавьте к этому жуткую нищету, непролазную грязь и пыль на улицах, сплошные покосившиеся хибары,— и неискушенному читателю и впрямь покажется, что в той Туле жили одни монстры. Я обратил внимание на одну деталь в этих бытописаниях Успенского: даже яблони в садах Растеряевой улицы и те были кривыми, хотя по законам природы им положено иметь стройный ствол и пушистую крону. Какой там луч света в темном царстве! У писателя нет даже просвета в изображении крошечной мглы позора, разврата и беспробудного пьянства жителей уездного города Т., погрязших в обмане, стяжательстве и беспросветной тоске.

Но где же природная смекалка русского человека, его светлая душа, традиционное хлебосольство и гостеприимство? Где хоть какой-нибудь романтический Манилов или, пусть и скаредная, но не забывшая накормить незваного гостя, Коробочка?

Главный герой «Нравов...» Прохор Порфирыч (заметим, по Успенскому,— человек грамотный, образованный) изъясняется таким тарбарским языком, что понять смысл его высказываний порой нет никакой возможности. Под стать ему разговаривают и другие герои повествования.

Видимо, поэтому в Тульском биографическом словаре (Т. «Пересвет», 1996), «Нравы Растеряевой улицы» скромно называются публицистическим словом «очерк», а не литературным термином «рассказ» или «повесть». Возможно, не случайно он не поставлен в один

ряд не только с таким гигантом писательской мысли, как наш земляк Лев Толстой, но и с В. В. Вересаевым и другими современниками. В его произведениях мы не обнаружим таких, ярко выписанных, образов и характеров, какими насыщены сочинения перечисленных авторов. Язык героев схоластичен, малопонятен. Мне кажется, что Глеб Успенский — это, в первую очередь, публицист, который написал немало хороших очерков.

Возможно, еще и по этой причине, в Туле, в сквере у начала описанной им Растеряевой (Староникитской) улицы более двадцати лет простоял закладной камень, обозначающий место будущего монумента писателя, хотя память о Викентии Вересаеве и Льве Толстом была давно увековечена прекрасными памятниками. И только в 2016 году, в канун 120-летия со дня рождения Глеба Успенского, там был возведен прекрасный памятник писателю, автором и меценатом которого стал знаменитый скульптор Зураб Церетели. Именно он ваял этот великолепный памятник Глебу Успенскому и подарил его городу.

Конечно, дело здесь не только в том, что Успенский не оставил после себя произведений крупных литературных форм — таких, как роман или повесть. Известно, что критика в адрес писателя высказывалась и за перехлест в изображении не только нравов городского захолустья, но и деревни, крестьян, других обитателей России. После публикации цикла очерков Успенского «Из деревенского дневника», Плеханов раскритиковал их, а редколлегия журнала «Отечественные записки» выговаривал за публикацию этого произведения. Другая современница писателя Вера Фигнер при личной встрече бросила ему упрек: «Зачем рисовать деревню такими красками, что никому в нее забраться не захочется и всякий постарается от нее подальше». Либеральные же народники на страницах «Недели» прямо обвинили Глеба Успенского в клевете на народ и в измене народу.

Не щадил наш земляк и интеллигенцию. В письме к Н. К. Михайловскому 14 марта 1876 года, объясняя свой уход с очередной должности, он пишет: «Место... я должен был бросить, и как ни скверно это в материальном отношении, решительно не раскаиваюсь: подлые концессионеры глотают миллионы во имя разных шарлатанских проектов,— а во сколько же раз подлее интеллигенция, которая не за миллионы, за два двугривенных осуществляет эти проекты на деле...?»

Возможно, такая литературная характеристика нашего знаменитого земляка будет встречена с негодованием частью литературной общественности. Поэтому хочу сразу оговориться: это мое сугубо личное мнение, которое сложилось после нового, внимательного прочтения трудов Глеба Успенского.

Впрочем, Успенский интересен современным читателям не только как бытописатель. В ситуации, когда у родственного нам сла-

вянского государства Сербии насильно отняли провинцию Косово, особо показателен его очерк «Письма из Сербии», написанный в 1876 году. В то время сотни и тысячи добровольцев из России прибыли в эту страну, чтобы защитить ее от турецкого порабощения. И уже тогда писатель подметил одну справедливую особенность: зажиточную, чистую, привольную жизнь тех, кого, жертвуя собой, ехали защищать нищие русские.

«Бродя по улицам Пешта, устраивающегося жить совершенно по-европейски, позволяющего себе даже во внешнем убранстве улиц чисто парижскую роскошь, я тысячу раз невольно спрашивал себя: неужели, правда, что на эти широкие, асфальтовые тротуары каждый божий день железная дорога высаживает тысячи простых русских людей, добровольно отдающих свою голову за угнетенного?»

Да, отдавали. Жертвовали последним. Выручали братьев-славян. И вот, через столетие, ситуация в благополучной, с прекрасными климатическими условиями, с благоустроенными дорогами и вымытыми шампунем тротуарами стране вновь обострилась. И вновь, как и тогда, Россия чуть ли не в одиночку отстаивает право Сербии на Косово.

А уж так ли эта, исконно сербская, территория нужна самим сербам? Глядя, какого президента они выбирают, как рвутся в Евро-союз, отнявший у них это Косово, начинаешь сомневаться. На двух стульях, как известно, усидеть невозможно. Пора бы нашим братьям определиться, чего им больше хочется: конституции или севрюжины с хреном. И России надо научиться сначала заботиться о своих интересах, а потом уже защищать чужое желание жить еще лучше.

Впрочем, это лирическое отступление на современную тему, на чутье настоящего писателя Глеба Успенского, который много десятилетий назад так верно понял и обрисовал ситуацию, что его творение сверхсовременно и сейчас. Перечитай, уважаемый читатель, «Письма из Сербии» Глеба Успенского, и ты откроешь для себя не только много нового, но и поймешь, как оценивать современные события.

Однако вернемся к теме этого очерка — описанию жизни творчества писателя в Туле. Отец будущего литератора Иван Яковлевич Успенский был сыном дьякона, окончил Тульскую духовную семинарию, но не стал священником, а получил место столоначальника палаты государственных имуществ. Таким образом, детские годы Успенского прошли в чиновничьей среде, что, видимо, и определило его первые жизненные наблюдения.

Так, в своем произведении «Разоренье», Успенский рассказал о трагической судьбе сына деда Михаила Глебовича Соколова, который рано умер из-за «насильственной ломки своих интересов». «С детских лет Ваня не был похож на то, что его окружало,— описывает Успенский в этом рассказе жизнь прототипа своего родственника.— Словно

испугавшись того буйства и произвола, которые царили в его семье, он как будто бы отвернулся от всех, притаился и пошел своей дорогой».

Затем писатель расскажет о чиновничьих семьях, в которых «взяточничество, казнокрадство... считалось настоящим делом жизни» (чем не слепок с жизни современного чиновничества, которое увязло в коррупции и воровстве?).

Правда, уже здесь проявляется свойство Глеба Успенского доводить черты характеров героев своих произведений до гротеска и искажения: «Все это были только обыкновенные чиновники с зелеными, непривлекательными лицами, с потухшими глазами, сгорбленными спинами». Здесь так и просится вставить цитату из какого-нибудь издания советского периода, расхваливающего писателя-демократа, вроде: «Будущий писатель увидел в родном городе картины, типичные для крепостнической России». Да и сам писатель пишет в своих воспоминаниях: «Вся моя жизнь, вся обстановка моей личной жизни лет до 20-ти, обрекла меня на полное затмение ума, полную погибель, глубочайшую дикость понятий, неразвитость и вообще отдаляла от жизни белого света на неизмеримое расстояние» (собр. соч.: в 9 т. М., 1955, т. 2, с. 46).

Может быть, именно отсюда истоки мрачного мировоззрения писателя, изображение окружающей действительности, в основном, в негативном свете? Ведь были и иные примеры в те времена: в сотнях произведений были описаны лучшие качества русского народа: доброта, гостеприимство, высокая нравственность и духовность. Были, есть и будут в русской литературе такие примеры жизни нашего народа, в том числе и туляков, в какие бы времена это ни происходило. Ведь любознательный от природы Глеб стал рано читать книги, уже в раннем детстве знал все сказки Пушкина.

Возможно, на такое мировоззрение писателя повлияли и многочисленные трудности, с которыми столкнулась семья. Ему пришлось, не доучившись, бросить Московский университет. В 1864 году умирает, не дожив до пенсии, отец. Как старший из детей, Глеб вынужден заботиться о материальном положении матери, трех братьев и четырех сестер.

Но ведь первый очерк Успенского «Михалыч», появившийся в 1862 году, о старике-приживальщике, пронизан теплым авторским чувством, светлый и прозрачный по манере повествования. Именно эти качества произведения, его простота и задушевность, привлекли к нему внимание Льва Толстого, опубликовавшего очерк в приложении к журналу «Ясная поляна». «Очень даровитым писателем» назвал тогда молодого Успенского и Н.А. Некрасов. Но вот в 1866 году появляются «Нравы Растеряевой улицы», и оценки нового произведения писателя становятся иными. Пролетарский писатель Максим Горький подчеркивал «социальную ценность» этой повести. В советский пери-

од оценки стали еще жестче и прямолинейнее, в полном соответствии с идеологией правящей партии: «гневное обличение «растеряевщины», «неприкрашенная правдивость», «истинное художественное воссоздание действительности».

«В г. Т. существует Растеряева улица.

Принадлежа к числу захолустий, она обладает и всеми особенностями местностей такого рода, то есть множеством всего покосившегося, полуразвалившегося или развалившегося совсем. Эту картину дополняют ужасы осенней грязи, ужасы темных осенних ночей, оглашаемых сиротливыми криками «караул!» и всеобщая бедность, у которой с незапамятных времен томится убогая сторона».

Написано талантливо, хлестко, прекрасным литературным языком. Только вот «ужасы» людей, живущих здесь, в его произведениях оказались непреходящи, а устранение их представлено безнадежным и бесперспективным делом. А ведь сам Успенский в своей «Автобиографии» (журнал «Русское богатство», 1902, IV) пишет: «Несомненно, народ этот был душевный, добрый и глубоко талантливый...». Правда, до конца осознать эту истину ему, видимо, мешала природная ипохондрия, хотя современники пишут о нем, как о человеке необыкновенного обаяния, рассказывают о его темно-карих глазах, отражавших бесконечную доброту, о ласковой, застенчивой улыбке, об оригинальной, с юмором речи.

Да и другие литераторы, описывающие Тулу тех времен, все же находят в «растеряевцах» хорошие черты. Например, о них пишет этнограф Д. Успенский, участвующий в переписи населения Тулы в 1897 году, в рукописи своих воспоминаний, хранящейся в Тульском краеведческом музее. Автор, как и Глеб Успенский, описывает домики с покосившимися крышами, в которых целые семьи умирают от голода. Но, наряду с «темным горем жизни», он увидел здесь и высокие нравственные качества трудовых людей, их тягу к знаниям, к образованию. Он рассказывает о слесаре, который «самоучкой выучился грамоте», о гармонщике, тратящем «значительную часть своего заработка на книги и проводящем за чтением все свободное время». Он не увидел «никакой особенной дикости и грубости», о которых так много пишет в своих «Нравах...» Глеб Успенский. Годом раньше, в 1896 году, в Туле вышла книжка М. Северной «Ольгушка из Подьяческой», где она пишет, что была «часто поражена, встречая рядом с грубостью, подчас даже дикостью нравов, примеры самой высокой нравственности» обычных тульских ремесленников, мастеровых, приказчиков, горничных. А ведь это были те же люди с Растеряевой улицы, которых Успенский так гротескно описал в своем произведении.

Писатель никогда, даже в годы высоких литературных заработков, не жил богато, так как совершенно не умел даже на короткое время сохранить у себя заработанные деньги. Он постоянно оставался без

копейки, жил в обычных для него долгах и нужде, был вынужден браться за любую работу, лишь бы заработать хоть немного денег. Например, в Тульском государственном архиве сохранилось прошение бывшего студента, в котором Успенский просит директора училищ Тульской губернии о месте простого учителя. Но даже в захолустном в то время Ефремовском уезде ему отказали.

В 1883 году сорокалетний Успенский пишет Е.С. Некрасовой: «Со мной какое-то необычайное нервное расстройство, чего никогда не бывало,— право я иногда думаю, как бы мне не сойти с ума. Что-то вообще со мной ужасно худо, необычайно худо, смертно». В начале 90-х годов у Глеба Ивановича было обнаружено тяжелое душевное заболевание. В течение десятилетия он находился на лечении в разных психиатрических больницах. В 1902 году писатель умер от паралича сердца и был похоронен на Литературных мостках на Волковском кладбище в Петербурге.

Я не собираюсь оценивать творчество этого талантливого писателя, тем более что оно огромно. Только одно Полное собрание сочинений Глеба Успенского, выпущенное в 1949 году Академией наук СССР, насчитывает 14 томов. Несомненно, что его произведения отразили существенные стороны жизни за большой исторический период, поставили актуальные общественные вопросы, отличаются большим разнообразием тем, идей и образов. Глеб Успенский — новатор жанров, мастер в использовании неисчерпаемых богатств русского языка.

И все же, в той же «Автобиографии», он, например, так отзывается о своих братьях-писателях, среди которых в ту пору были Лев Толстой, Достоевский, Чехов и многие другие гениальные авторы: «Не было у них читателя, они писали не известно для кого и хвалили только друг друга...».

Человек всегда хочет позитива, солнечных дней, радости в жизни. Как бы он ни был ничтожен и безграмотен, как бы ни одолевала его «питейная болезнь» и другие слабости и пороки, он способен к возрождению, к стремлению стать лучше. И я верю в то хорошее, доброе, вечное, что заложено в Человеке от природы. Иначе не имеет смысла не только работать и созидать, но и жить.

Алла **НОВИКОВА-СТРОГАНОВА**

(г. Орел)

Доктор филологических наук, член Союза писателей России, профессор.

«У ЛЮБВИ ЕСТЬ СЛОВА»

(памяти Афанасия Фета)

«Шепот, робкое дыханье, трели соловья...», «Сияла ночь, луной был полон сад...», «На заре ты ее не буди...», «Я пришел к тебе с приветом...», «Уж верба вся пушистая...», «Зреет рожь над жаркой нивой...», «Это утро, радость эта...»...

Стихи живут, дышат, благоухают, переливаются радужным полноцветьем, трепещут, как взволнованное сердце.

*Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна.*

*Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.*
(«Чудная картина...», <1842>)

Как знакомо, как близко русскому сердцу, как тепло на душе. И все это — Афанасий Афанасиевич Фет (1820—1892).

За краткой, как сдержанный вздох, фамилией Фет — много неразгаданных тайн: загадки его рождения и происхождения, любви и трагической гибели его возлюбленной, секрет неизменного чувства к ней до последних дней жизни поэта.

На его могиле в селе Клейменово Орловской области значится фамилия Фет-Шеншин. Двойная фамилия, двойственная жизнь, раздвоившаяся судьба: автор поэтических шедевров и помещик, рачительный хозяин нескольких имений; бедняк и богач; безродный иностранец-разночинец и знатный русский дворянин; проникновенный лирик и уездный мировой судья; влюбленный, до конца дней своих сердцем преданный погибшей от любви к нему девушке, и муж своей супруги в безлюбном браке. И все это — тоже Фет.

Как писал Алексей Жемчужников в стихотворении на смерть поэта:

*Искупают прозу Шеншина
Стихи пленительные Фета.* («Памяти Шеншина-Фета», 1892)

Когда Фету было под семьдесят и, говоря его же словами, уже светили «вечерние огни», родилось это потрясающее признание:

*Нет, я не изменил. До старости глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей любви,
И старый яд цепей, отрадный и жестокой,
Еще горит в моей крови.
Хоть память и твердит, что между нас могила,
Хоть каждый день бреду томительно к другой,—
Не в силах верить я, чтоб ты меня забыла,
Когда ты здесь, передо мной.* («Нет, я не изменил...», 1887).

Этим стихам более 125 лет, но до сих пор они изумляют поэтическим выражением неувядающей, по-юношески пламенной силы любви, преодолевающей все, что может разъединить людей,— время и саму смерть.

Обращаясь к давно ушедшей из жизни возлюбленной, как к живой, поэт утверждает:

*Ты душою младенческой все поняла,
Что мне высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь без тебя суждено мне влачить,
Но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить.* («Alter ego», 1878)

Это строки из стихотворения «Alter ego», что в переводе с латыни означает «второе я». Так древние римляне называли самых дорогих и близких им людей. Своим «вторым я», своей «второй половиной» — как говорят в русском народе — Фет считал девушку, которую встретил и потерял еще в годы своей молодости, но не смог забыть и «до старости глубокой»:

*Та трава, что вдали, на могиле твоей,
Здесь, на сердце, чем старе оно, тем свежей* («Alter ego»)

«Жизнь моя,— признавался поэт,— самый сложный роман».

*Видений пестрых вереница
Встает, усталый теша взгляд,*

*И неразгаданные лица
Из непла серого глядят...* («У камина», 1856)

Художественная образность стихотворения «У камина» очень характерна для фетовской лирики. Поэта мистически завораживал открытый огонь, будь то пылающий камин, раскаленная печь, полыхающий костер, дрожащее пламя свечи, трепетное мерцание лампы, жгучий луч солнца или замирающий огонек:

*Тускнеют угли. В полумраке
Прозрачный вьется огонек.
Так плещет на багряном маке
Крылом лазурный мотылек.*

Почему же снова и снова до последних мгновений жизни и поэтического творчества Фета притягивали, не отпускали, мотивы и образы, связанные с огнем? Не вызвала ли их трагическая кончина его возлюбленной, которая сгорела заживо,— жизнь свою возложила на огненный жертвенник любви?

*Встает ласкательно
и дружно
Былое счастье и печаль,
И лжет душа, что ей
не нужно
Всего, чего глубоко жаль.*

На исходе было палящее, испепеляющее лето 1848 года. Афанасий Фет служил в кирасирском полку, расквартированном на границе Киевской и Херсонской губерний. Военное окружение, жизнь среди «скалозубов и виев» в украинской степной глуши тяготили поэта: «лезут разные гоголевские Вии на глаза, да еще нужно улыбаться».

Однообразие служебных будней скрашивало только знакомство с местными помещиками — потомками поляков и австро-венгерских сербов, поселившихся в Малороссии еще в XVIII веке — в царствование Екатерины II. Образованные дворяне знали Фета не только как офицера, но и ценили как поэта. Его приглашали на балы и любительские спектакли. Позднее он вспоминал: «Такое настойчивое приглашение не могло не быть лестно для заброшенного в дальний край одинокого бедного юноши». Одиночество Фета вскоре было нарушено.

В гостеприимном богатом доме бывшего офицера Орденского полка М. И. Петковича давали бал. Легкие светлые стайки барышень, вальсирующих с офицерами, порхали по залу. В больших зеркалах дрожали огоньки свечей, таинственно искрились и мерцали драгоцен-

ные уборы дам. И вдруг — будто вспышка молнии сверкнула: невдалеке от танцующих Фет заметил стройную девушку, которая выделялась среди других особенно яркой южнославянской красотой, высоким ростом, природной грацией. Сквозь смуглую кожу просвечивал нежный румянец, необычайна была роскошь ее черных с иссиня-сизым отливом волос. Сдержанная, строгая, она не принимала участия в шумном веселье бала, напоминала чем-то пушкинскую Татьяну:

*Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.*

Впоследствии, деликатно оберегая память о доверившейся ему девушке, делая неприкосновенной тайной само ее имя, Фет в своих воспоминаниях дал ей фамилию героини «Евгения Онегина» — Ларина. И придумал другое имя — Елена, m-lle Helen. «Душа моя замирала при мысли, что может возникнуть какой-нибудь неуместный разговор об особе, защищать которую я не мог, не ставя ее в ничем не заслуженный неблагоприятный свет», — вспоминал поэт. «Мадемуазель Элен» в действительности звали Марией Лазич.

При первой встрече Фет с замирающим сердцем попросил представить его незнакомке, поразившей поэтическое воображение. Отныне, как идеальной прекрасной даме для рыцаря, как Беатриче для Данте, Лауре для Петрарки, «смуглой леди» для Шекспира, Марии Лазич предстояло стать единственной героиней фетовской любовной лирики. Год за годом, до глубокой старости, до самой смерти посвящал он ей сияющее созвездие своих дивных стихов.

*Где ты? Ужель, ошеломленный,
Вокруг не видя ничего,*

*Застывший, вьюгой убеленный,
Стучусь у сердца твоего?..*

(«Прости!..», 1888)

Мария была племянницей М. И. Петковича, дочерью отставного кавалерийского генерала сербского происхождения К. Лазича — сподвижника Суворова и Багратиона. Отставной генерал был небогат и обременен семейством. Мария — его дочь — была бесприданницей, разделявшей все хозяйственные хлопоты и воспитательные заботы отца. К моменту знакомства с Фетом ей было 24 года, ему — 28 лет. Поэт безошибочно признал в ней родственную душу. «Я ждал женщины, которая поймет меня, — и дождался ее», — писал он своему другу

Ивану Петровичу Борисову, с которым вместе провел детство в Орловской губернии.

Девушка была великолепно образованной, литературно и музыкально одаренной. «Поэзия и музыка не только родственны, но нераздельны», — считал Фет. Мария Лазич вполне разделяла его убеждения. Оказалось, что она еще с ранней юности полюбила фетовские стихи, знала их все наизусть. Фет, вспоминая первые моменты общения с Лазич, писал: «Ничто не сближает так, как искусство, вообще — поэзия в широком смысле слова. Такое задушевное сближение само по себе поэзия. Люди становятся чутки и понимают то, для полного объяснения чего никаких слов недостаточно».

Однажды, сидя в гостиной у Марии, поэт перелистывал ее альбом. В то время все барышни и дамы имели подобные альбомы: записывали в них любимые стихи, помещали рисунки, просили писать и рисовать своих подруг и знакомых.

Изящное стихотворение оставил уже семидесятилетний Фет в альбоме Н. Я. Полонской — дочери своего друга-поэта Я. П. Полонского:

*Стихи мои в ряду других
Прочтут ли бархатные глазки,
Но появиться рад мой стих
Там, где кругом цветы и краски.
Желать вам счастья я готов,
Но в чем придет оно, не знаю;
Ни юных роз, ни мотыльков,
Хоть им дивлюсь, не поучаю.*
(«В альбом Н. Я. Полонской», 20 июня 1890)

И в девичьем альбоме Марии было все как обычно. Но вдруг одна необыкновенная страница приковала внимание Фета: он прочел прощальные слова, увидел нотные знаки и под ними подпись — Ференц Лист.

Знаменитый композитор и пианист гастролировал в России ровно за год до встречи Марии с Фетом — летом и осенью 1847 года. Побывал Лист и в Елисаветграде, где познакомился с Марией Лазич. Она не пропускала его концертов, он бывал у нее в гостях, слушал игру девушки на рояле и высоко оценил ее замечательные способности к музыке. Вспыхнуло ли между ними взаимное чувство, или запись, которую Ференц Лист оставил в альбоме Марии перед отъездом, была просто знаком дружеской симпатии? Кто узнает, кто скажет? Однако нельзя было не заметить, что в словах прощания сквозила неподдельная боль предстоящей разлуки, а мелодия «необыкновенной задушев-

ной красоты», сочиненная композитором для Марии, дышала страстью и нежностью.

Возможно, Фет ощутил укол ревности, но болезненное чувство прошло, когда он услышал музыку Листа в исполнении своей возлюбленной. «Мне отрадно было узнать, что <...> Лист умел оценить ее виртуозность и поэтическое настроение. <...> Сколько раз я просил Елену повторить для меня на рояле эту удивительную фразу!» — вспоминал поэт. Этой мелодией, встречей и прощанием Марии Лазич и Ференца Листа навеяны фетовские стихи, которые раздвигают границы поэзии и переходят в область музыки, в миры запредельные:

*Какие-то носятся звуки
И льнут к моему изголовью.
Полны они томной разлуки,
Дрожат небывалой любовью.
Казалось бы, что ж? Отзвучала
Последняя нежная ласка,
По улице пыль пробежала,
Почтовая скрылась коляска...
И только... Но песня разлуки
Несбыточной дразнит любовью,
И носятся светлые звуки
И льнут к моему изголовью.
(«Какие-то носятся звуки...», <1853>)*

Главным «полем сближения», по признанию Фета, послужила для молодых людей французская писательница Жорж Санд, в романах которой были показаны «совершенно новые, небывалые отношения влюбленных»: «Изложение личных впечатлений при прочтении каждого нового ее романа приводило к взаимной проверке ощущений и к нескончаемым их объяснениям. Только после некоторого продолжительного знакомства с m-lle Hellene, как я ее называл, я узнал, что она почти с детства любила мои стихотворения. Не подлежало сомнению, что она давно поняла задушевный трепет, с каким я вступал в симпатичную ее атмосферу...»

За вечер молодые люди не успевали надышаться, наглядеться друг на друга, наговориться и засиживались вдвоем далеко за полночь: «Бывало, все разойдутся по своим местам, и время уже за полночь, а мы при тусклом свете цветного фонаря продолжаем сидеть в алькове на диване. Никогда мы не проговаривались о наших взаимных чувствах».

*От огней, от толпы беспощадной
Незаметно бежали мы прочь;*

*Лишь вдвоем мы в тени здесь
прохладной,
Третья с нами — лазурная ночь.
Сердце робкое бьется тревожно,
Жаждет счастье и дать,
и хранить;
От людей утаиться возможно,
Но от звезд ничего не сокрыть.
И безмолвна, кротка, серебриста
Эта полночь за дымкой сквозной,
Видит только что вечно и чисто,
Что навеяно ею самой.
(«От огней, от толпы беспощадной...», 1889)*

Мария не уставала благодарить Бога за посланную ей встречу с Фетом. И все же не понимала, отчего утонченный поэт, университетски образованный человек выбрал военную службу, которая, как догадывалась девушка, была для него столь обременительна. Возможно, она прямо спросила об этом Фета. А он, греясь у камина в ненастный вечер, поежился, точно от холода, и ответил не сразу.

В самом деле, такой вопрос мог бы задеть поэта за живое, затронуть самое важное в его судьбе и потребовать сокровенных признаний. Может быть, эти признания были сделаны, и Фет, преодолевая страдание, поведал девушке непростую, во многом загадочную, романтическую и в то же время мучительную историю своей семьи, во круг которой гнездились столько легенд, домыслов, слухов.

Его мать — молоденькая миловидная немка Шарлотта Фет (Foeth) — сначала проживала в Дармштадте и была замужем за чиновником городского суда Иоганном-Петером Фетом. Супруги имели годовалую дочь Каролину, но Шарлотта не чувствовала себя счастливой в браке. Муж обращался с ней грубо, предпочитал проводить время за кружкой пива с приятелями, а не у семейного очага. Ее душа томилась и ждала избавления. И вот в начале 1820 года появился он — чужестранец, обходительный богатый русский дворянин Афанасий Неофитович Шеншин. Потомок древнего прославленного рода, ведущего свою историю с XV столетия, мценский помещик и уездный предводитель дворянства, бывший офицер, участник боевых действий против Наполеона, он приехал поправить здоровье в Германию на воды. Дармштадская гостиница оказалась переполненной, и ее хозяин поместил нового постояльца в доме своего соседа — Карла Беккера, отца Шарлотты Фет.

И пусть знатный русский дворянин был более чем двадцатью годами старше, она увидела в нем своего героя, о котором грезила еще в девических мечтах. Вспышка страсти опалила, ослепила обоих: два-

дцатидвухлетняя Шарлотта забыла об обязанностях матери и жены и сбежала в Россию со своим новым почти пятидесятилетним возлюбленным, оставив маленькую дочь на попечение Фету. К тому времени Шарлотта уже ждала второго ребенка, но не догадывалась, что в будущем причинит столько страданий своему еще не родившемуся сыну.

Похищая чужую жену из Германии, Афанасий Шеншин оставил ее отцу письмо с просьбой простить и благословить их союз. Карл Беккер благословения не дал. В Орловскую губернию — в неизвестный дотеле немцу городок Мценск — полетел ответ, полный упреков и угроз: тайно бежавшие из Германии любовники совершили проступок, «который запрещают законы Божеские и человеческие, а христианская религия полагает в числе величайших грехов».

В Мценском уезде в имении Шеншина Новоселки у Шарлотты Фет родился сын, который был крещен по православному обряду и записан в метрической книге под именем Афанасий Шеншин. Лишь спустя два года после его рождения Шарлотта приняла православие, была наречена Елизаветой Петровной и повенчана с Афанасием Неофитовичем Шеншиным. Тот был для Фета на редкость заботливым отцом. Елизавета Петровна Шеншина писала брату в Германию, что муж так относится к маленькому Афанасию, что «никто не заметит, что это не кровный его ребенок».

И вдруг разразился гром среди ясного неба. Орловское епархиальное начальство, обнаружив, что мальчик был рожден до брака А. Н. Шеншина, постановило, что «означенного Афанасия сыном господина ротмистра Шеншина признать невозможно». Так, в 14 лет подросток стал отверженным, незаконнорожденным. Будущий поэт узнал, что отныне он не полноправный русский дворянин и не может называться Шеншиным, а должен носить фамилию человека, которого никогда в жизни не видел, и именоваться Афанасием Фетом «родом из иностранцев». С потерей знатного дворянского имени были утрачены все права состояния, наследования имущества и земли. Наступила социальная и имущественная неопределенность. В университете он числился как «студент из иностранцев». Даже подпись его стала такой: «К сему руку приложил иностранец Фет». Поэту Я. П. Полонскому — своему приятелю с университетских лет — Фет с горечью говорил: «Я два раза в жизни терял свое состояние, потерял даже имя, что дороже всякого состояния».

После окончания словесного отделения философского факультета Московского университета Фет блистательно начал свое поэтическое поприще. Он имел успех в литературных кругах, однако определенного места в обществе по-прежнему не было. Дворянский титул в те годы могла ему вернуть только военная служба: права потомственного дворянства давал первый обер-офицерский чин. И Фет принял решение поступить в кирасирский полк: на офицерский чин можно

было рассчитывать уже через полгода службы. В 1847 году по окончании университета поэт писал своему другу литератору Аполлону Григорьеву: «Ты звал меня часто в Петербург. Спрашивается, зачем? Затем, чтобы заниматься литературой? Не могу ни так, ни сяк — я человек без состояния и значения — мне нужно и то и другое, а на той дороге, которую я себе готовлю, будет, может быть, и то и другое. А поэзия? Да что же может мешать мне служить моему искусству, служить свободно и разумно?»

Но судьба словно насмеялась над ним. Император Николай I вскоре издал указ, согласно которому стать потомственным дворянином можно было, лишь дослужившись до старшего офицерского звания. Едва Фет приближался к заветной цели, новые царские указы повышали планку для получения дворянства. Для поэта это означало, что служить в армии и ждать ему придется еще лет 15—20.

Обо всем этом, наверное, он мог с затаенной болью говорить в тот далекий зимний вечер, сидя у огонька со своей возлюбленной.

*Шумела полночная вьюга
В лесной и глухой стороне.
Мы сели с ней друг подле друга,
Валежник свистал на огне.
И наших двух теней громады
Лежали на красном полу,
А в сердце ни искры отрады,
И нечем прогнать эту мглу!
Березы скрипят за стеною,
Сук ели трещит смоляной...
О друг мой, скажи, что с тобою?
Я знаю давно, что со мной!*
(«Шумела полночная вьюга...», <1842>)

Смутное предчувствие беды, мысль об отсутствии средств у них обоих омрачали влюбленность Фета. Его бедность доходила до такой степени, что поэт признавался: «Я очень хорошо знал, что в обществе невозможно появиться в мундире из толстого сукна. На вопрос мой, сколько будет стоить пара, портной запросил семьдесят рублей, тогда как у меня в кармане не было и семи».

Не зная, как ему поступить, и в надежде на дружеский совет Фет шлет письмо за письмом в мценское село Фатьяново другу своего детства Борисову: «Я встретил девушку — прекрасного дома и образования, я не искал ее, она — меня, но судьба... И мы узнали, что были бы очень счастливы после разных житейских бурь, если бы могли жить мирно <...> но для этого надобно как-либо и где-либо... Мои средства тебе известны, она тоже ничего не имеет». С другом поэт

всецело откровенен и искренен: «Я <...> встретил существо, которое люблю — и, что еще, глубоко уважаю <...> Но у ней ничего и у меня ничего — вот тема, которую я развиваю и вследствие которой я ни с места...»

Однако, как утопающий хватается за соломинку, поэт все еще надеялся, что брак можно будет устроить, если материальную поддержку окажут родные: «не могу выбросить из рук последнюю доску надежды и отдать жизнь без борьбы. Если я получал бы от брата <...> тысячу рублей в год, да от сестры — пятьсот, то я бы мог как-нибудь существовать». Финансовой помощи не последовало, дружеские советы также были бессильны: «Будь ты мудрейший от Соломона,— пишет Фет Борису, — то и тогда ничего для меня не придумаешь».

Шаткие отношения раскачивались, захватывая дух, от отчаяния к надежде. То взмывали к небесам, то срывались в бездну, словно на опасных качелях.

*И опять в полусвете ночном
Средь веревок, натянутых туго,
На доске этой шаткой вдвоем
Мы стоим и бросаем друг друга.
И чем ближе в вершине лесной,
Чем страшнее стоять
и держаться,
Тем охотней взлетать
над землей
И одним к небесам
приближаться.
Правда, это игра, и притом
Может выйти игра роковая,
Но и жизнью играть нам
вдвоем —
Это счастье, моя дорогая!
(«На качелях», 1890)*

Пролетели почти два года со дня знакомства Марии Лазич и Фета. На него привыкли смотреть как на жениха, а предложения руки и сердца все не было. Поползли сплетни и слухи, кривотолки и недоумения. Родственники девушки пытались выслушать Фета объяснить по поводу его намерений в отношениях с Марией. Перед отправкой в военный поход поэт снова пишет в Орловскую губернию другу: «Эх, Ваня! Пойду в поход — себя не жаль, потому что черт же во мне, а жаль прекрасного создания... Ваня, плохо, голубчик! Дальше этого восклицания пойти не умею».

Отчаявшись, Фет решился «разом сжечь корабли взаимных надежд»: «Я ясно понимаю, что жениться офицеру, получающему 300 руб., без дому, на девушке без состояния значит необдуманно и недобросовестно брать на себя клятвенное обещание, которого не в состоянии выполнить»; «я собрался с духом и высказал громко свои мысли касательно того, насколько считал для себя брак невозможным и эгоистичным». Помертвевшая от этих холодных рассудочных слов Мария ничего возразить не смогла.

*Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок,
Пред скамьей ты чертила блестящий песок,
Я мечтам золотым отдавался вполне,—
Ничего ты на все не ответила мне.
Я давно угадал, что мы сердцем родня,
Что ты счастье свое отдала за меня,
Я рвался, я твердил о не нашей вине,—
Ничего ты на все не ответила мне.
Я молил, повторял, что нельзя нам любить,
Что минувшие дни мы должны позабыть,
Что в грядущем цветут все права красоты,—
Мне и тут ничего не ответила ты.
(«Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок...», <1885>)*

Такая же щемящая, безнадежная боль, льдистый холодок сквозь сердце — в фетовских прощальных стихах.

*Прости! Во мгле воспоминанья
Все вечер помню я один,—
Тебя одну среди молчанья
И твой пылающий камин. <...>*

*Что за раздумие у цели?
Куда безумство завлекло?
В какие дебри и метели
Я уносил твоё тепло? («Прости!», 1888)*

«Я не женюсь на Лазич,— категорически заявляет Фет в письме к Борисову от 1 июля 1850 года,— и она это знает, а между тем умоляет не прерывать наших отношений, она передо мной — чище снега. Прервать — не деликатно и не прервать — не деликатно <...> Этот несчастный гордиев узел любви, который чем более распутываю, тем туже затягиваю, а разрубить мечом — не имею духа и сил... Знаешь, втянулся в службу, а другое все только томит, как кошмар».

Но даже в самых страшных снах Фет не мог предположить, что это было только преддверие кошмара. Он резал по живому, сжигал все мосты, когда решился на окончательный разрыв с Марией. Встречи прекратились. Ее мольбы в письмах оставались без ответа.

Наступила весна 1850 года. Вновь расцветала и пробуждалась к жизни природа. Как писал Тургенев, впоследствии — сосед по имению и близкий друг Фета: «Опять повеяло с неба сияющим счастьем весны; опять улыбнулась она земле и людям; опять под ее лаской все зацвело, полюбило и запело».

Но Мария Лазич, покинутая любимым, ощущала себя словно в ледяной пустыне. Где искать человеческого тепла и участия? Как согреться в пронизывающем душу мертвящем холоде? Может быть, долго, не отрываясь, смотрела она, как теплится огонек лампы. Трепетные бабочки слетались на пламя и, опалив живой бархат крыльев, обгоревшие, падали замертво вниз...

А что, если бы и ей разом прекратить все страдания?.. Открытый огонь перекинулся на белое кисейное платье Марии, языки пламени побежали вверх к ее распущенным смоляным волосам. Охваченная пламенем, она выбежала из комнаты в сад и под струей свежего воздуха мгновенно превратилась в пылающий живой факел. Сгорая, она кричала: «Au nom du ciel sauvez les lettres!» («Во имя Неба спасите письма!»). Еще четверо суток длились ее мучения, но всякая медицинская помощь была напрасной. «Можно ли на кресте страдать более, чем я?» — шелестели ее обгоревшие губы. И перед самой смертью Мария успела прошептать последние слова, во многом загадочные, но в них она посылала прощение любимому человеку: «Он не виноват,— а я...».

Фет, потрясенный этим трагическим известием, не простил себя до конца своих дней: «Я виноват; я не взял в расчет женской природы и полагал, что сердце женщины, так ясно понимающей неумолимые условия жизни, способно покориться обстоятельствам. Не думаю, чтобы самая томительная скорбь в настоящем давала нам право идти к неизбежному горю всей остальной жизни».

Страницы милые опять персты раскрыли;

Я снова умилен и трепетать готов,

Чтоб ветер иль рука чужая не сронили

Засохших, одному мне ведомых цветов.

<...>

Но ими дорожит мое воспоминанье;

Без них все прошлое — один жестокий бред,

Без них — один укор, без них — одно терзанье,

И нет прощенья, и примиренья нет!

(«Страницы милые опять персты раскрыли», 1884)

*С опочившей я глаз был не в силах отвесть —
Всю погасшую тайну хотел я прочесть.
И лица твоего мне простили ль черты? —
Ничего, ничего не ответила ты!*
(«Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок...», <1885>)

Фет стал прославленным поэтом. Планируя дальнейшую жизнь: «Итак, мой идеальный мир разрушен давно. Что ж прикажете делать. Служить вечным адъютантом — хуже самого худа — ищущую хозяйку, с которой буду жить, не понимая друг друга», — он вышел в отставку, так и не дослужившись до желанного дворянства, и женился на богатой купеческой дочери с большим приданым — Марии Петровне Боткиной. Она была не очень молодой и не очень красивой, также пережила в юности тяжелый роман.

Устроилась материальная сторона жизни: «Тогда я был бедняком-офицером, полковым адъютантом, а теперь, слава Богу, орловский, курский и воронежский помещик, коннозаводчик и живу в прекрасном имении с великолепной усадьбой и парком. Все это приобрел усиленным трудом, а не мошенничеством, и на этот счет я покоен». В Мценском уезде Орловской губернии Фет был избран мировым судьей и десять лет старался по-христиански вершить чужие судьбы, будучи убежденным, что «Христианство является, бесспорно, высшим выражением человеческой нравственности и основано на трех главных деятелях: вере, надежде и любви. Первыми двумя оно обладает наравне с прочими религиями. Нет религии без веры и надежды; зато любовь — исключительный дар христианства, и только ею Галилеянин победил весь мир».

Наконец, в 1873 году Фет получил долгожданное дворянство, право носить фамилию Шеншин, все сословные привилегии. Государь позволил ему принять «фамилию ротмистра Афанасия Неофитовича Шеншина и вступить во все права и преимущества его по роду и наследию».

Но в поэзии он остался Фетом. В сердце прожившего жизнь поэта, не угасая более четырех десятилетий, жарко пылал огонь его юношеской любви. Образ любимой девушки продолжал жить в сердце и памяти, воскресал перед глазами точно въявь:

*Вчера я шел по зале освещенной,
Где так давно встречались мы
с тобой.
Ты здесь опять! Безмолвный
и смущенный,
Невольно я поникнул головой.
И в темноте тревожного*

*сознанья
Былые дни я различал едва,
Когда шептал безумные желанья
И говорил безумные слова.
Знакомыми напевами томимый,
Стою. В глазах движенье
и цветы —
И кажется, летя под звук
любимый,
Ты прошептала кротко:
«Что же ты?»
И звуки те ж, и те ж
благоуханья,
И чувствую — пылает голова,
И я шепчу безумные желанья
И лепечу безумные слова.
(«Вчера я шел по зале освещенной...», <1858>)*

И в преклонном возрасте Фет продолжал создавать шедевры любовной лирики потрясающей глубины и силы чувства. Я. П. Полонский писал 25 октября 1890 года семидесятилетнему поэту: «Что ты за существо — не постигаю, ну, скажи ради Бога и всех ангелов Его <...> откуда у тебя берутся такие елейно-чистые, такие возвышенно-идеальные, такие юношески-благоговейные стихотворения, как «Упреком, жалостью внушенным...» Я по своей натуре более идеалист и даже фантазер, чем ты, но разве я или мое нутро может создать такой гимн неземной красоте, да еще в старости!..».

Такие же «юношески-благоговейные стихотворения» рождались у Фета в последний год его жизни: «стихи, написанные им в 1892 году, в благоуханности и свежести не уступают прежним: фетовский гений сохранил свой первозданный блеск до последнего вздоха», — так современник поэта Б. А. Садовский выразил всеобщее изумление поздней лирикой Фета.

*Точно в нежном дыханье травы и цветов
С ароматом знакомым доносится зов,
И как будто вот-вот кто-то милый опять
О восторге свиданья готов прошептать.
(«Ночь лазурная смотрит на скошенный луг...», 12 июня 1892)*

Незадолго до смерти — выхода в последние двери — в преддверии Божьего суда, Афанасий Фет писал, обращаясь к Марии Лазич — своему «второму я»:

*У любви есть слова, те слова не умрут.
Нас с тобой ожидает особенный суд;
Он сумеет нас сразу в толпе различить,
И мы вместе придем, нас нельзя разлучить!* («Alter ego»)

К жизни, любви и творчеству поэта нельзя подходить с обывательскими земными мерками. Примем во внимание лесковское размышление о «высокой правде» Божьего суда: «совершится над всяким усопшим суд нелицеприятный и праведный, по такой высокой правде, о которой мы при здешнем разуме понятия не имеем».

А мы, сегодняшние читатели, воздадим Афанасию Афанасиевичу Фету нашу благодарную память за воспетую в его поэзии песнь вечной любви и нетленной красоты.

*Я знаю, иногда в апреле
Зима неожиданно набежит,
И дуновение метели
Колочим снегом закружит.
Но миг один — и солнцем вешним
Согреет юные поля,
И счастьем светлым и нездешним
Дохнет воскресшая земля.*
(«Когда смущенный умолкаю...», 26 марта 1892)

Сергей ОДИНОКОВ

(г. Тула)

Выпускник театрального отделения Тульского областного колледжа культуры и искусства, а также факультета русской филологии и документоведения Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого; артист Тульской областной филармонии им. И. А. Михайловского. Публикуется в журналах, коллективных сборниках, альманахах и газетах.

КОМЕДИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО «ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ»: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ, ЖАНРОВЫЕ И ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ*

«Плоды просвещения» — одно из наиболее известных драматических произведений Л. Н. Толстого (наряду с драмами «Власть тьмы» и «Живой труп»), единственная крупная оконченная комедия автора, написанная в 1890 г. Действие пьесы происходит в богатом доме Леонида Федоровича Звездинцева — отставного поручика конной гвардии, помещика, увлекающегося спиритизмом. К нему приходят мужики из Курской губернии, желающие купить землю: год назад барин дал согласие на ее продажу в рассрочку. Крестьяне составили документ и собрали часть денег. Звездинцев же ответил им, что теперь не согласен принимать деньги в рассрочку и потребовал уплаты всей суммы. Мужики стали упрашивать его соблюсти установленные ранее условия. Леонид Федорович, чтобы принять верное для себя решение, проводит спиритический сеанс и после «общения с духами» отказывается крестьянам. Тогда горничная Таня решает помочь им, использовав увлечение хозяина спиритизмом против него: узнав, что для совершения сделки необходима подпись Звездинцева, она вечером того же дня пробирается в гостиную, где проходит очередной сеанс, и подбрасывает на стол документ. Леонид Федорович трактует это как волю сверхъестественных сил и подписывает его. В результате дворяне оказываются жертвой своего увлечения, легко позволяя горничной обмануть себя.

* Материал впервые опубликован в журнале «Филологические науки. Вопросы теории и практики». Тамбов: Грамота, 2016. № 4 (58): в 3-х ч. Ч. 2. С. 135-139. ISSN 1997-2911. (Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/4-2/38.html). В настоящем издании в статью внесены уточнения и дополнения.

В том, что пьеса, написанная много лет назад, является актуальной для современного зрителя, во многом заслуга режиссеров, сумевших найти общий язык с новой аудиторией, обнаружить «болевые точки» нынешнего общества и отразить параллели между проблемами, существовавшими ранее и затронутыми автором в своей пьесе, и проблемами новой эпохи. В настоящее время комедия «Плоды просвещения», изобилующая французской речью и тематически тесно связанная с набравшим популярность во второй половине XIX в. спиритизмом и отношениями между барями и крестьянами после отмены крепостного права, во многом утратила свою остроту и социальную значимость. Однако это не мешает режиссерам вновь возвращаться к толстовской пьесе, о чем свидетельствует постановка «Плодов просвещения» в 2015 г. на сцене театра им. В. В. Маяковского режиссера М. Карбаускиса, посвященная памяти П. Н. Фоменко. В связи с этим не теряют актуальности и вопросы языка, стиля и жанровых особенностей комедии.

Как справедливо отмечает В. В. Основин, «авторские определения жанра драматических произведений часто не согласовывались с их объективной жанровой природой» [3, с. 164]. Так, А. П. Чехов, написав пьесу «Три сестры», изначально считал, что сочинил «веселую комедию», однако после прочтения пьесы актерам Московского Художественного театра в октябре 1900 г. убедился, что это не так. Свои же пьесы «Чайка» и «Вишневый сад» драматург назвал просто комедиями, в то время как объективно данные пьесы имеют сложную жанровую структуру и специфическое для автора сочетание лирических и драматических мотивов, что позволяет исследователям и режиссерам широко трактовать жанровое определение данных пьес и рассматривать их и как комедии, и как драмы. Толстой, как и Чехов, назвал свою пьесу «Плоды просвещения» просто комедией. Однако такое определение жанра является довольно широким и общим: за огромную историю своего существования драматургическое искусство, постоянно видоизменяясь и совершенствуясь, обрело огромное количество жанровых разновидностей. Внутри основных драматургических жанров — трагедии, комедии и драмы — появились свои *жанровые формы*. Так, среди комедийных пьес по характеру комического начала и эстетической направленности обнаружили такие жанровые формы, как комедия характеров (нравов, типов), комедия положений, интриги, лирическая («романтическая») комедия, комедия-буффонида, сатирическая комедия и др. На стыке «веселого» и «грустного» появилась трагикомедия — особая жанровая форма, «где смех, вызываемый пороками и недостатками, пронизан острым сознанием несовершенств жизни и человека» [5, с. 142].

Сложность в определении жанра литературного произведения заключается также в том, что в разные исторические периоды в само

понятие *жанр* вкладывалось различное содержание. Драматические произведения античных авторов и драматургов иных эпох, хотя и могут иметь одинаковое жанровое наименование (например, *трагедии* Эсхила, Шекспира, Пушкина; *комедии* Аристофана, Мольера, Гоголя и др.), по своей жанровой структуре могут быть совершенно непохожими друг на друга. Преломляясь через индивидуальное авторское сознание и вбирая в себя противоречия той или иной эпохи, пьесы одних и тех же жанров становятся порой настолько различными, что их жанровая общность вызывает сомнения.

Необходимо также отметить, что любое жанровое деление пьес по тем или иным признакам является условным, поскольку многие драматические произведения сочетают в себе черты, присущие различным их типам. Поэтому часто бывает довольно сложно отнести ту или иную пьесу к какой-либо одной конкретной жанровой разновидности. «Жанровая форма,— отмечает В. В. Основин,— указывает лишь на какую-то одну характерную особенность произведения: так, например, бытовая драма может поднимать и целый комплекс сложных исторических, философских, психологических проблем, может быть по своему характеру и романтической, и лирической и т. д. Но все же каждая жанровая форма неповторима в своем художественно-эстетическом качестве» [3, с. 163].

В чем же особенности комедии «Плоды просвещения» в жанровом отношении? Черты каких жанровых форм можно в ней обнаружить? Для определения жанрового своеобразия комедии, прежде всего, обратим внимание на тип драматургического конфликта. В своей пьесе автор сталкивает между собой интересы двух сторон: крестьянской и дворянской. После отмены крепостного права в 1861 г. крестьяне получили гражданские права и личную свободу. Однако на деле их положение не сильно изменилось: земля по-прежнему оставалась в собственности помещика, и «вчерашние рабы», перешедшие в положение временнообязанных, вынуждены были, как и раньше, отбывать установленные законом повинности — барщину и оброк. Такое положение дел было вполне выгодно для представителей высшего сословия. Чтобы стать по-настоящему свободными, нужно было выкупать у помещика землю. Однако на подобные сделки владельцы земель, подобно Л. Ф. Звездинцеву, шли неохотно. «Далеко не все крестьяне могли внести сразу всю сумму для выкупа, в чем были заинтересованы помещики. Крестьяне получали от правительства выкупную сумму, но погашать ее они должны были в течение 49 лет ежегодно по 6 %. Поэтому крестьяне часто были вынуждены отказываться от той земли, которую они по условиям реформы имели право получить» [4]. Однако отказываться от земли герои комедии не собираются. 2-й мужик, когда барин Л. Ф. Звездинцев говорит, что теперь продавать ему стало «неудобно», с отчаянием произносит: «Нам без этой земли надо

жизни решиться» [10, с. 116], а 3-й мужик не устает повторять: «...земля малая, не то что скотину,— куренка, скажем, и того выпустить некуда» [Там же]. Отказ барина продавать землю воспринимается героями как приговор. Неслучайно В. В. Основин, говоря о жанровом многообразии драматических произведений Л. Н. Толстого, отмечает, что «специфика драматургического конфликта и своеобразие драматического действия позволяют говорить о главных его пьесах как о социально-психологических или философско-психологических произведениях с явно выраженным трагическим началом. Даже в «Плодах просвещения», несмотря на комическую установку, этот трагический элемент обнаруживается — он в самих условиях, вызывающих трагические столкновения и конфликты» [3, с. 166].

Однако, несмотря на всю серьезность и даже трагичность заявленного конфликта, перед нами все же не трагедия, а комедия. Об этом явно свидетельствует наличие комизма в пьесе, а также тот эстетический угол зрения, которым автор оценивает происходящие в пьесе события. Л. Н. Толстой полностью выступает на стороне крестьян. Он не позволяет своим героям погибнуть (что в трагедии было бы вполне закономерно), а, согласно жанровым особенностям комедийной драматургии, с легкостью разрешает возникший конфликт с помощью интриги — проделок горничной Тани. Горничная вызывает Л. Ф. Звездинцева на откровенный разговор и сообщает, что ее жених, буфетный мужик Семен, якобы обладает сверхъестественными способностями: то стол трясется и скрипит, когда он задремлет возле него, то ложка сама прыгает к нему в руку, когда он садится обедать [10, с. 133]. Разговор вызывает интерес у хозяина дома, и он решает использовать Семена в качестве медиума на очередном спиритическом сеансе.

Таня просит жениха помочь ей в деле крестьян. В 15-м явлении III-го действия она подробно консультирует Семена, какие «чудеса» он должен сотворить во время сеанса:

«Таня. <...> Что же, все помнишь?

Семен (*загибая пальцы*). Перво-наперво спички намочить. Мажать — раз. Другое дело — зубами трещать, вот так... — два. Вот третье забыл.

Таня. А третье-то пуще всего. Ты помни: как бумага на стол падет — я еще в колокольчик позвоню,— так ты сейчас же руками вот так... Разведи шире и захватывай. Кто возле сидит, того и захватывай. А как захватишь, так жми. (*Хохочет.*) Барин ли, барыня ли, знай — жми, все жми, да и не выпускай, как будто во сне, а зубами скрипи али рычи, вот так... (*Рычит.*) А как я на гитаре заиграю, так как будто просыпайся, потянись, знаешь, так, и проснись...» [Там же, с. 165].

Все эти действия воспринимаются участниками сеанса как «проявления медиумической энергии». В нужный момент договор

о продаже земли оказывается на столе, Леонид Федорович подписывает его, и в результате сделка, которую Л. Ф. Звездинцев поначалу не хотел заключать, оказывается совершенной.

Показательно, что в черновых набросках комедия называлась «Исхитрилась!». Такое название указывает, что изначально автор планировал сделать смысловой акцент именно на интриге. Позже замысел претерпел изменения, и легкое название «Исхитрилась!» поменялось на нравоучительное «Плоды просвещения». Однако интрига сохранилась. Это позволяет отметить, что в «Плодах просвещения» есть ярко выраженная черта *комедии интриги*.

Но Л. Н. Толстой не ставил перед собой цели развлечь, позабавить публику хитроумной интригой и ловко выдуманном сюжетом и доказать, что он не только выдающийся прозаик, но и прекрасный драматург. Об этом свидетельствует история создания пьесы. Как отмечает Н. К. Гудзий, поводом к написанию комедии послужили впечатления, полученные писателем «от спиритического сеанса, бывшего в Москве на квартире Н. А. Львова, куда Толстой был приглашен по собственной инициативе» [9, с. 647]. Точная дата сеанса неизвестна, предположительно он состоялся весной 1886 г. Сам Л. Н. Толстой отрицательно относился к спиритизму, говоря о том, что все в нем «или самообман, которому повергаются и медиум и участники сеанса, или просто обман, творимый профессионалами» [2, с. 382]. Сеанс оказался неудачным. Вскоре Л. Н. Толстой набросал два плана будущей комедии. Оба плана еще не имели названия и сильно отличались от окончательного варианта пьесы, однако в них четко обозначился первоначальный замысел будущей комедии — доказать ненужность и бессмысленность изучения спиритических явлений. Далее, работая над пьесой, от узкой задачи осмеять спиритов автор пришел к глобальным обобщениям. Внимание драматурга сконцентрировалось на общественных противоречиях. Размышляя над тем, почему спиритизм стал «повальным увлечением» всего высшего сословия, писатель пришел к выводу, что первопричины «кроются в самом порядке вещей той цивилизации, которая разделила всю ужасную работу по поддержанию себя на две неравные части: самую тяжелую, самую черную работу переложила на плечи народа, а себе оставила приятную — “культуру”, “науку”, которой она занимается “для разгулки времени”» [7, с. 56]. Вместо того чтобы направить все свои силы на благо Отечества, умнейшие и образованнейшие люди эпохи занимаются изучением спиритических явлений, «общаются с блудечком», подобно Л. Ф. Звездинцеву, или же, как молодые Петрищев и Вово Звездинцев, нигде не работают и распыляются на членство в различных обществах.

Все названное свидетельствует о ярко выраженном *сатирическом начале* комедии: Л. Н. Толстой высмеивает дворян, ставя слуг и крестьян выше их, — как людей, сумевших сохранить душевную

чистоту и способность рассуждать здраво. Обличительный пафос подчеркивает и название пьесы: автор упрекает высшее сословие в праздности, бездеятельности, использовании своего просвещения ради развлечения, а также в безнравственности. Просвещение, лишенное нравственной основы, по словам Л. Н. Толстого, «не было и никогда не будет просвещением, а будет всегда только затемнением и развращением» [Цит. по: 6, с. 12]. Таковы его законные «плоды».

Важнейшей жанровой особенностью комедии «Плоды просвещения» является наличие у героев ярко выделенных характеристических черт. Это отражено в тексте самой комедии, а также в описании действующих лиц, приведенном в начале пьесы. Например, Л. Ф. Звездинцев охарактеризован автором как «свежий мужчина, около 60 лет, мягкий, приятный, джентльмен. Верит в спиритизм и любит удивлять других своими рассказами» [10, с. 101]. Его жена, Анна Павловна, — «полная, молодящаяся дама, озабоченная светскими приличиями, презирающая своего мужа и слепо верящая доктору. Дама раздражительная» [Там же]. Василий Леонидыч, их 25-летний сын, — «кандидат юридических наук, без определенных занятий, член общества велосипедистов, общества конских ристалищ и общества поощрения борзых собак» [Там же]. Показательно, что о членстве героя в одном из трех перечисленных обществ мы узнаем только из авторской характеристики. В тексте комедии общество конских ристалищ не указывается: из речи самого героя мы узнаем только, что Вово Звездинцев вступает в новое и серьезное «общество поощрения разведения старинных русских густопсовых собак» [Там же, с. 119], а общество велосипедистов вскользь упоминает в своей реплике камердинер Федор Иваныч [Там же, с. 118]. О том, что Петрищев «член тех же обществ, как и Василий Леонидыч, и, кроме того, общества устройства ситцевых и коленкорových балов» [Там же, с. 101—102], мы также узнаем исключительно из характеристики. Однако ее вполне достаточно, чтобы понять характеры героев, увидеть общее в интересах двух друзей. В данном случае также проявляется влияние эпической манеры писателя на его драматургическое творчество: Толстому казалось, что тех характеристик, которые даны персонажам в тексте самой пьесы, недостаточно, и он включил в перечень действующих лиц как уже отраженные в комедии, так и дополнительные сведения о героях.

Как видим, Л. Н. Толстой довольно подробно представляет образы персонажей, не упуская даже мелких деталей, которые и создают колоритность действующих лиц, их яркую характерность. Достаточно также вспомнить 20-летнюю Марию Константиновну, учительницу музыки, которую Толстой описывает следующим образом: «воспитанница консерватории... с махрами на лбу, в преувеличенно модном туалете, заискивающая и конфузющаяся» [Там же, с. 101]. 19-летняя гор-

ничная Таня характеризуется драматургом как «энергичная, сильная, веселая и быстро изменяющая настроение девушка. В минуты сильного возбуждения радости взвизгивает» [Там же, с. 102]. Возлюбленный Тани, буфетный мужик Семен,— «здоровый, свежий, деревенский малый, белокурый, без бороды еще, спокойный, улыбающийся» [Там же], а старый повар — «лет 45, лохматый, небритый, раздутый, желтый, трясущийся, в нанковом летнем оборванном пальто и грязных штанах и опорках, говорит хрипло. Слова вырываются из него как бы через преграду» [Там же]. Сказанное позволяет отметить, что пьеса «Плоды просвещения» имеет ярко выраженные черты *комедии характеров*. В комедиях такого типа «источником смешного являются прежде всего характеры в их внутренней сути, их постоянная однобокость, гипертрофия одного качества» [5, с. 141].

Сатирическую направленность комедии и ее острую характерность обнаруживает еще одна важная черта — наличие у героев «говорящих» имен и фамилий. Например, толстую барыню автор именует Марьей Васильевной. По словам А. В. Цингера, участника первой яснополянской постановки «Плодов просвещения» в 1889 г., в данной героине «узнавали жену поэта А. А. Фета — Марью Петровну» [9, с. 658]. Толстой сохранил имя прототипа персонажа, изменил отчество и придумал ей фамилию *Толбухина*, которая подчеркивает характер героини и обнажает ее недостатки. Как отмечает М. С. Альтман, «“Толбухина” звучит как “Толстухина”, сиречь толстуха, что и соответствует авторской ремарке о ней: “толстая барыня”. Кроме того, начало этой фамилии ассоциируется с глаголом “толдонить”, означающим — надоедать, приставать, а конец фамилии — с глаголом “бухать”, имеющим также и значение “говорить невпопад”» [1, с. 17], что полностью соответствует поведению героини в пьесе: толстая барыня постоянно вмешивается в разговоры героев, проявляя свою несдержанность и невоспитанность. Дочь Л. Ф. Звездинцева названа иностранному *Бетси*, что также объясняется ремаркой Л. Н. Толстого: «Говорит очень быстро и очень отчетливо, поджимая губы, как иностранка» [10, с. 101]. Профессор Алексей Владимирович носит звучную фамилию *Кругосветлов*, что подчеркивает его всемирную известность и связанные с ней важность и самоуверенность. И сын Л. Ф. Звездинцева назван *Василием* неслучайно: в романе «Анна Каренина» (ч. III, гл. XVIII) упоминается поклонник Сафо Штольц — «сияющий преизбытком здоровья молодой человек, так называемый Васька», который «вошел за Сафо в гостиную и по гостининой прошел за ней, как будто был к ней привязан, и не спускал с нее блестящих глаз, как будто хотел съесть ее» [8, с. 325]. Блестящие глаза молодого человека, кошачье прозвище *Васька*, его животная привязанность к своей «хозяйке», — все это говорит о схожести поведения героя с котом. По мнению М. С. Альтмана, этот персонаж «повторен Тол-

стым в “Плодах просвещения” с той же авторской характеристикой — “молодой человек, пользующийся прекрасным здоровьем” — и с тем же именем — Василий (Звездинцев), чем снова подтверждается, что это имя в творческом сознании Толстого связывалось с определенным художественным образом» [1, с. 16].

По художественному методу комедия является *реалистической*. В своей пьесе Толстой отражает реально существовавшие проблемы: трудности крестьян в приобретении земли после отмены крепостного права, увлечение дворян спиритизмом. Показателен и тот факт, что все персонажи пьесы не придуманы, а взяты писателем из жизни. Это знакомые, друзья и родственники самого Л. Н. Толстого: его супруга Софья Андреевна Толстая (А. П. Звездинцева), их дети Татьяна Львовна (Бетси), Сергей Львович (Петрищев) и Илья Львович (Василий Леонидыч). Прототипами профессора А.В. Кругосветлова послужили профессор и зоолог Николай Петрович Вагнер и химик, академик и профессор Александр Михайлович Бутлеров, о чем свидетельствуют черновики комедии: изначально фамилия профессора была созвучна с фамилией Бутлерова (Кутлер, Кутлеров), а от Вагнера Л.Н. Толстой позаимствовал его увлеченность спиритизмом. Барон Коко Клингген появился в тексте пьесы благодаря знакомству Л. Н. Толстого с Николаем Андреевичем Кислинским, сыном крупного тульского помещика, председателем тульской губернской земской управы, юристом по образованию, на что также указывают рукописи: первоначально фамилия героя была именно Кисленский, а не Клингген. Прообразом доктора стал московский врач Федор Григорьевич Флеров, который говорил громко и посмеивался так же, как персонаж комедии, а прообразом Гросмана — Осип Ильич Фельдман, известный и популярный в конце XIX — начале XX вв. гипнотизер.

Из жизни была взята и сама обстановка в доме Звездинцевых: это обстановка многих домов того времени (Раевских, Трубецких, Самариных, Философовых и в том числе дома Толстых), а также прислуга. У Толстых действительно был один лакей, похожий на Григория, который грубо приставал к горничным, а другой — на Якова: «невзрачный и неумелый» [7, с. 17]. Естественно, что реально существовавшие люди и персонажи, написанные с них,— не одно и то же. Те черты характеров, которые автор брал за основу образа, воспроизводились в пьесе в карикатурном виде. Например, боязнь заразных болезней, свойственная С. А. Толстой, с преувеличениями отражена в поведении А. П. Звездинцевой, как и склонность к каламбурам, присутствующая С. Л. Толстому, в сатирическом ключе представлена в репликах Петрищева и т. д.

Реализм проявляется также и в речевых особенностях персонажей. Так, персонажи-дворяне активно употребляют в своей речи иноязычную лексику. Например, в 35-м явлении I-го действия Петрищев

в разговоре с Бетси искусно использует языковую игру, построенную на созвучиях:

«Бетси. ...а скажите, вы вчера были у Мергасовых?»

Петрищев. Не столько *у mère Gassof*, сколько *у père Gassof*, и даже не *père Gassof*, а *у fils Gassof* (*игра слов*: Не столько у мамыши Гасовой, сколько у папаши Гасова, и даже не папаши Гасова, а у сына Гасова)» [10, с. 121].

Сама же Бетси во время разговора с княжной (действие IV, явление 2) специально произносит фразу «Перестань, прислуга» на французском языке, давая понять собеседнице, что не желает беседовать на эту тему при посторонних. Иностраный язык выступает здесь в роли языкового барьера:

«Княжна. Бедный Коко! Он так влюблен.

Бетси. *Cessez, les gens*» [Там же, с. 180].

Персонажи-дворяне обращаются к родителям на французский манер: с ударением на последнем слоге (*naná, mamá*), произносят некоторые имена по-французски (например, *Annette* — обращение Л. Ф. Звездинцева к супруге Анне Павловне, прозвища *Коко* барона Клингена и *Вово* В. Л. Звездинцева и др.), а также говорят отдельные слова, словосочетания, реже — предложения и целые монологи на французском языке.

В речи же крестьянских персонажей встречаются разговорные, просторечные и диалектные формы. Так, в репликах 1-го мужика обнаруживаются просторечные существительные *аппекит* (аппетит), *клеймáт* (климат), *музыкантик* (музыкант), *патрет* (портрет), *пузо* и др., а также глаголы *предлегать* (предлагать), *упевать* (уповать), диалектные глаголы *исделать*, *взойтить*, *вполномочить* и др. К особенностям речи 2-го мужика относится употребление диалектных глаголов *гожаешься* (годишься), *решиться* (лишиться), а также просторечного существительного *анарал* (генерал), деепричастия *выпимиши* и др. Речи 3-го мужика свойственны диалектные лексемы *вознала* (узнала), *жалаем* (желаем), *тады* (тогда) и др. Индивидуализация его речи достигается также за счет употребления диалектной формы существительного *родитель* в род. пад. мн. числа («Для прокорму, скажем, *родителей* оставлен» [Там же, с. 119]), диалектного существительного *фатера* (квартира) и т. д.

Важно также отметить, что Толстой, высмеивая дворян, не идеализирует персонажей, принадлежащих другим сословиям. Например, лакей Григорий, несмотря на свою смелость и внешнюю красоту, является человеком завистливым и развратным; добродушный буфетчик Яков чрезмерно суетлив и неумел. Даже крестьяне, на стороне которых выступает автор, не лишены недостатков: в 1-м явлении II-го действия комедии, когда камердинер Федор Иваныч в беседе с мужиками из Курской губернии сообщает о своем намерении

переехать из барского дома в деревню, «купить землицы и крестьянствовать», Толстой иронизирует по поводу любви крестьян к спиртному:

«Федор Иваныч. Что ж, примете в общество, коли у вас поселюсь?»

2-й мужик. Отчего же не принять? Вина старикам выставишь, сейчас примут.

1-й мужик. Да питейное заведение, примерно, или трактир откроете, житье такое будет, что умирать не надо. Царствуй, и больше никаких» [Там же, с. 136].

Сказанное свидетельствует о том, что Л. Н. Толстой хорошо знал речевые особенности, нравы и быт как современного ему дворянского общества, так и крестьян, и старался как можно точнее отразить их в своей пьесе.

Таким образом, «Плоды просвещения» является *сатирической комедией*, в которой имеются ярко выраженные черты *комедии интриги* и *комедии характеров*. Оставаясь правдивым художником, желая отразить жизнь во всей ее полноте, Толстой описывает подлинные реалии своего времени (обстановка дворянского дома, уклад жизни разных сословий, отражение реального языка дворян и крестьян и др.), свидетельствующие о том, что комедия «Плоды просвещения» по своему художественному методу является *реалистической*. В то же время характер драматургического конфликта свидетельствует о ярко выраженном социальном, а также драматическом и даже трагическом начале пьесы. Толстой остается верен своим эстетическим принципам: даже в комедии он сохраняет глубину мысли и драматизм, присущий его прозаическим произведениям.

Список литературы:

1. Альтман М. С. Читая Толстого. Тула: Приокское книжное изд-во, 1966. 168 с.
2. Давыдов Н. В. Лев Николаевич Толстой // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2-х т. / под общ. ред. С. Н. Голубкова, В. В. Григоренко и др.: вступит. ст. К. Н. Ломунова; подг. текста и примеч. Н. Н. Гусева, В. С. Мишина, Л. Д. Опульской. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1960. Т. 1. С. 375—387.
3. Основин В. В. Драматургия Л. Н. Толстого. М.: Высшая школа, 1982. 176 с.
4. Последствия отмены крепостного права [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosimperija.info/post/924> (дата обращения: 28.08.2017).
5. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 509 с.

6. Смирнова Е. Драматургия Л. Н. Толстого. Тула: Областное книжное изд-во, 1954. 36 с.
7. Сушков Б. Ф. Уроки театра Толстого. Тула: Приокское книжное изд-во, 1983. 256 с.
8. Толстой Л. Н. Анна Каренина (части 1—4). Ленинград: Худож. лит., 1967. 470 с.
9. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит-ра, 1933. Т. 27. 766 с.
10. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. / гл. ред. М. Б. Храпченко. М.: Худож. лит-ра, 1982. Т. 11. Драматические произведения. 1864—1910 гг. 503 с.

Рудольф АРТАМОНОВ

(г. Москва)

РУССКИЕ КОЛЛЕГИ ДОКТОРА ЧЕХОВА

В этом году исполнилось 157 лет со дня рождения Антона Павловича Чехова (17 января 1860 г.). Дата не юбилейная. Но он относится к той плеяде русских писателей, которые поминаются отнюдь не только в дни юбилеев. Думаю, что в сознании российского медицинского сословия это имя присутствует постоянно. Доктор Дымов, Ионыч стали именами нарицательными, когда хотят сказать о самоотверженном враче или врача-стяжателе. «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Эти слова в уста своего литературного героя вложил не только писатель, но врач. Этим они особенно знаменательны.

Антон Павлович хорошо знал своих коллег — российских врачей. Со многими трудился бок о бок, особенно в меликовский период — земские врачи П. Куркин, И. Вите. Среди его друзей — не только художники и артисты. Он сам был объектом внимания врачей — пациентом. Известна его дружба с однокашником и впоследствии известным невропатологом Г. Россолимо. Поэтому в образах врачей в произведениях Чехова нашло отражение не только тогдашнее время, мысли и страсти, владевшие его персонажами-коллегами в XIX веке, но, на мой взгляд, и нечто существенное, специфическое, остающееся во все времена отличительной чертой врачебной профессии.

Последнее представляет интерес и в настоящее время.

ТОПОРКОВ («ЦВЕТЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ»)

Рассказ написан в 1882 г. Чехов — еще студент 4-го курса, ему всего 22 года. Знакомство с представителями врачебного сословия еще поверхностное. Доктор Топорков нарисован однопланово, отрицательно, истуканом. «Шея белая, как у женщины... Лицо красивое, но слишком сухое и слишком серьезное, для того, чтобы быть приятным... Оно сухое, серьезное и неподвижное, ничего не выражало». Ходит «по-генеральски». «Важный господин», — говорит о нем Никифор, его дядя и слуга в доме князей Приклонских. «Лед! Дерево! Сметься не умеет, деревяшка этакая!», — восклицает княгиня, когда Топорков, напившись чаю, уходит, никак не прореагировав на игру для него Маши на фортепиано. С таким же лицом, не выражающим ни сочувствия, ни внимания, ни сострадания, он пользуется своих пациентов. Он «даже пальца не протянул, чтобы помочь дамам», которые по его приказу перетаскивают кровать с бездыханным телом Егорушки в

другую комнату. «Этакая скотина!», — не удерживается сам автор, описав картину перемещения больного. Трудно найти в последующих произведениях Чехова столь однозначно отрицательно представленного героя.

Да и литературный стиль выдает молодого литератора. «Лучше самая отчаянная скука, чем та непроходимая печаль, которая светилась в это утро на лице Маруси. Слепая по жидкой грязи, моя героиня плелась к доктору Топоркову. Зачем она шла к нему?» Зрелый Чехов так «мелодраматично» уже не пишет.

Затем происходит перелом в жизни и самом образе Топоркова. К нему приходит любовь. Так хочет автор, молодой Чехов, подписавший этот рассказ самым ранним своим псевдонимом «А.Чехонте». Потом его герои не будут делать таких неожиданных кульбитов: из сухого, скучного-серьезного человека, «деревяшки», Топорков неожиданно превращается в нежно любящего человека. Прозревает, посмотрев на «десяти- и пятирублевки, которые валялись на его столе», и вдруг сделавшиеся ему отвратительными. «Он подался вперед и поднял Марусю с грязи, на которой она лежала, поднял высоко, с руками и ногами... — Не лежи здесь! — сказал он и отвернулся от дивана. И, как в благодарность за это, целый водопад чудных льняных волос полился на его грудь...». Так Чехов тоже не будет потом писать.

Молодой Чехов обрывает рассказ сразу, после неожиданного обращения доктора Топоркова «в другую веру». О его с Марусей пребывании в Южной Франции (какое неопределенное географическое понятие — Чехов еще не бывал ни в Ницце, ни в Италии) написано полстраницы. Видимо, автор не представлял себе, как «сухарь» Топорков поведет себя в роли влюбленного и дает Марусе всего три дня жизни за границей (в одноименном фильме о днях, проведенных героями повествования в «Южной Франции» рассказано более подробно, но это — не Чехов).

Мне кажется, что именно молодость автора, его неприятие врачебного стяжательства, которое ему, наверное, привелось рано увидеть, послужило тому, что первый крупный образ врача в его ранних произведениях показан однозначно отрицательным. Вспыхнувшая же любовь в сердце врача-корыстолюбца, хоть и мало психологически оправдана, говорит о том, что в ту пору юный Чехов верил в возможность мгновенного изменения человека к лучшему.

ДЫМОВ («ПОПРЫГУНЬЯ»)

Ровно через десять лет (в 1892) в рассказах писателя появляется следующий, крупно выписанный герой, — врач Осип Степанович Дымов (повесть «Дуэль», в которой фигурирует Александр Давыдович Самойленко, написана годом раньше. Но в ней «доктор Самойленко»

— не только второстепенный герой, но и выступает в качестве частного лица, друга Лаевского и фон Корена, и никак — в роли врача).

В отличие от Топоркова, Осип Степанович — стопроцентно положительный врач. Таким его видит и сам автор. В ЦГАЛИ хранится чистовая рукопись рассказа, с заглавием «Великий человек». Этот заголовок не нравится Чехову. В письме Владимиру Алексеевичу Тихонову, редактору журнала «Север», где рассказ увидел свет, он пишет: «Право, не знаю, как быть с заглавием моего рассказа! «Великий человек» мне совсем не нравится... Назовите так — «Попрыгунья» ... Не забудьте переменить». Чехов боится, что рассказ останется с прежним, «оценочным», названием.

Как человек доктор Дымов мягковат, как сказали бы,— «подкаблучник», но и в этом качестве вызывает к себе только симпатию. Образ выписан достоверно, с сильными и слабыми сторонами характера. Беспрекословно, уставший, в конце рабочего дня приехавший на дачу к жене, по ее просьбе-приказу, разворачивается и едет в город за «розовым платьем» жены, успел только откушать чаю, взять баранку на дорогу и, «кротко улыбаясь, пошел на станцию». Почувствовав, что заболел тяжелой заразной болезнью, говорит жене, «не отворяя двери» кабинета: «Мама (так он звал жену. — Р.А.), ты не входи ко мне... Я заразился... мне нехорошо». Живой полнокровный образ.

Ко времени написания «Попрыгуньи» Чехов — уже врач со стажем и человек с большим жизненным опытом — позади Сахалин. У него обширный круг знакомств и дружеств: журналист Владимир Гиляровский, художник Исаак Левитан, писатели Игнатий Поталенко, Михаил Ремизов, редакторы литературных журналов; уже в жизнь Антона Павловича вошла Лика Мизинова, его окружает хоровод окололитературных и «околохудожнических» дам. Писать образы знакомых Ольги Ивановны, жены Осипа Степановича, было с кого.

Доктор Дымов — врач с большой буквы. Таким его замыслил Чехов и таким его написал. Тоже, как и Топорков, «из простых», тоже труженник — «служил в двух больницах. Ежедневно с девяти часов до полудня он принимал больных и занимался у себя в палате, а после полудня ехал на конке в другую больницу... Частная практика была ничтожна...». Но трудился не для наживы, как Топорков, «десяти- и пятирублевки» не собирал. «А какая нравственная сила,— говорит о нем его друг и тоже врач Коростелев. — Добрая, чистая душа — не человек, а стекло! Служил науке и умер от науки. А работал как вол, день и ночь ... и молодой ученый, будущий профессор, должен был искать себе практику и по ночам заниматься переводами...». Это тем более кажется обидным Коростелеву, что заработанное Дымовым уходило на то, «чтобы платить вот за эти ... подлые тряпки!»

Видел ли таких врачей, как Дымов, Антон Павлович или, может быть, хотел видеть, но созданный им образ для многих поколений рос-

сийских врачей, несомненно, был образцом для подражания, или помогал им служить своему делу, «не требуя наград, не требуя венца».

ОРДИНАТОР КОРОЛЕВ («СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ»)

В этом рассказе врач показан в действии. Профессиональном действии.

Профессор вместо себя посылает на вызов в подмосковный фабричный поселок своего ординатора Королева. Больная — молодая девушка, «большая, хорошего роста, но некрасивая ... с маленькими глазами и с широкой, неумеренно развитой нижней частью лица...».

«А мы к вам, пришли вас лечить...»,— говорит ординатор. (И сто с лишним лет спустя врачи используют эту формулу обращения к больным — «Мы вас подлечим». «Что у нас болит?». «Мы сегодня молодцом»).

Молодой врач быстро разбирается с причиной недомогания своей пациентки. «Замуж ей пора...»,— подумал он. Живет в фабричном поселке, богатая невеста — наследница фабрики, а жизнь скучная, неинтересная и без всяких перспектив на замужество по любви.

Королев не видит повода для лечения и собирается уезжать. Его просят остаться, боятся, что у больной повторится приступ. «Он (Королев — Р.А.) хотел сказать, что у него в Москве много работы, что дома его ждет семья, ему было тяжело провести в чужом доме без удобства весь вечер и всю ночь...» И остается. Он «уже не замечал ни маленьких глаз, ни грубо развитой нижней части лица, он видел мягкое страдальческое выражение, которое было так разумно и трогательно, и вся она казалась ему стройной, женственной, простой, и хотелось уже успокоить ее не лекарствами, не советом, а простыми ласковыми словами».

Оставшись, он навещает ее снова и понимает, что ей надо выговориться.

«Говорите, прошу вас»,— просит Королев больную. И в ее сбивчивом рассказе находит подтверждение своему предположению о том, что его больная одинока, что нет с ней рядом близкого человека; несчастна оттого, что богата и не знает, как распорядиться своим богатством. Он уверен, что надо бросить богатство, раз оно приносит несчастье. Он говорит это «окольным путем», так как понимает, что сказать это прямо будет неловко, и обещает своей больной, что «хорошая будет жизнь лет через пятьдесят...».

Для нас ординатор Королев замечателен не тем, что, как все чеховские герои, мечтает о светлом будущем. Он хороший профессионал. Плохой врач прописал бы что-нибудь вроде «кали-бромати» и «ландышевые капли», как это сделал фабричный доктор, взял бы гононар и укатил в Москву. Королев понимает, что иногда можно и нужно

помочь не лекарством, а словом и вниманием, проявленным не формально, а сочувственно и сострадательно. Ему это удастся. Когда он утром уезжает, то Лиза, — так зовут его больную, — уже не «непричесанная ... несчастное, убогое существо», какой была при его приезде, а одета «по-праздничному в белом платье, с цветком в волосах... смотрела умно и улыбалась...».

А ординатор Королев тоже переменялся. Уже нет гнетущего впечатления от мрачного фабричного поселка, по которому он прогулялся накануне вечером, молодой врач «думал о том, как это приятно в такое утро, весной, ехать на тройке, в хорошей коляске и греться на солнышке».

Рассказ написан в 1898 году. Чехов уже многое понял в своей профессии врача, поработал в земстве и, видимо, наблюдал умных талантливых русских врачей. Впрочем, и сам был таковым.

ИОНЫЧ («ИОНЫЧ»)

В том же, 1898 году, появляется рассказ «Ионыч».

Бедный Дмитрий Ионыч Старцев. Как ему не повезло — навсегда в сознании читающей публики остаться стяжателем, врачом, который после трудового дня, «по вечерам вынимал из карманов с таким удовольствием бумажки (деньги — Р.А.)». Вот он «пухлый, красный, едет на тройке с бубенчиками» и «кажется, что едет не человек, а языческий бог»; «... оттого, что горло у него заплыло жиром, голос у него изменился, стал тонким и резким. Характер у него тоже изменился: стал тяжелым, раздражительным. Принимая больных, он обыкновенно сердится, нетерпеливо стучит палкой об пол и кричит своим неприятным голосом: «Извольте отвечать только на вопросы! Не разговаривать!»

Именно такого человека мы видим мысленным взглядом, когда слышим имя «Ионыч» и, видя корыстолюбивого и жадного до денег врача, этим именем его «награждаем».

Кажется, ни одного из своих героев Чехов не рисует столь однозначно отрицательным. Не жалеет черных красок.

Но Дмитрий Ионыч Старцев был таким не всегда. Вот он получил назначение земским врачом в Дележ, что в девяти верстах от города С., где живет семья Туркиных. Ему, как интеллигентному человеку, советуют познакомиться с ними, потому что они почитались за людей просвещенных и интеллигентных: глава семьи выражается весьма изысканно и старается смешить гостей каламбурами; жена пишет романы и читает их вслух, а дочь играет на фортепьянах. Он принят и обласкан, и приглашен бывать.

Ответить на приглашение доктор не может «больше года». «Старцев все собирался к Туркиным, но в больнице было очень много

работы, и он никак не мог выбрать свободного часа», — пишет Чехов. За этими словами стоит человек, занятый настоящим делом, все откладывающий на потом светские визиты. Вызванный письмом «в голубом конверте» к страдающей мигренью Вере Иосифовне, хозяйке дома, Старцев стал бывать у Туркиных «часто, очень часто...». Чехов ставит здесь многозначительное многоточие, а через несколько строк замечает: «Но ездил он к Туркиным уже не ради мигрени...». И опять — многоточие.

Молодой доктор влюбился. И он ведет себя, как подобает чистому и благородному юноше. Он объясняется в своей любви пылко, искренне: «Я не видел вас целую неделю, а если бы вы знали, какое это страдание!» Он способен восхищаться: «Она восхищала его своею свежестью, наивным выражением глаз и щек. Даже в том, как сидело на ней платье, он видел что-то необыкновенно милое трогательное своей простотой и наивной грацией».

Делает предложение руки и сердца и получает отказ. Екатерина Ивановна, предмет воздыханий молодого врача, Котик, как зовут ее в семье, уезжает учиться игре на фортепьянах.

Проходит четыре года, и за это, не столь большое время доктор Дмитрий Старцев превращается в Ионыча. Как и почему это произошло?

«Старцев бывал в разных домах... Обыватели своими разговорами, взглядами на жизнь и даже своим видом раздражали его... Когда Старцев пробовал заговорить даже с либеральным обывателем, например, о том, что человечество, слава Богу, идет вперед и что со временем оно будет обходиться без паспортов и без смертной казни, то обыватель глядел на него искоса... А когда Старцев в обществе, за ужином или чаем, говорил о том, что нужно трудиться, что без труда жить нельзя, то всякий принимал это за упрек и начинал сердиться и назойливо спорить». И Дмитрий Ионыч стал избегать разговоров и обществ. «От таких развлечений, как театр и концерты, он уклонялся, но зато в винт играл каждый вечер... Было у него еще одно развлечение, в которое он втянулся незаметно... по вечерам вынимать из карманов бумажки, добытые практикой... И когда собиралось несколько сот, он отвозил в Общество взаимного кредита и клал там на текущий счет».

Всего за четыре года из пылкого молодого человека, врача, который ради работы в больнице мог пожертвовать визитом в семью, где есть молодая девушка, доктор Старцев превращается в «Ионыча».

Как и почему это произошло, Чехов показывает в вышеприведенных отрывках из рассказа. И как бы предостерегает, что произойти это может очень быстро. И показывает, что если это произошло, любовь, возвышенные мысли и чувства утрачивают цену: «Это вы про Туркиных? Это про тех, что дочка играет на фортепьянах?» — вот все, что у доктора Старцева осталось от прежнего чувства. И сразу же, по-

сле этой реплики своего героя: «Вот и все, что можно сказать про него»,— заключает Чехов свое повествование о враче, превратившемся в «Ионыча».

АСТРОВ («ДЯДЯ ВАНЯ»)

Астров, Михаил Львович, пожалуй, самый разносторонне выписанный образ врача из всех героев Чехова, принадлежащих к славному медицинскому сословию. И, на мой взгляд, наиболее полно отражающий представление самого Антона Павловича о том, каким должен и может быть российский врач.

Доктор Астров — труженик: «От утра до ночи все на ногах, покою не знаю... За все время, пока мы с тобою знакомы, у меня ни одного дня не было свободного»,— говорит он нянчке, объясняя ей, почему постарел за одиннадцать лет так заметно для себя и для других.

Немножко циничен. Пусть и напускно: «... ночью лежишь под одеялом и боишься, как бы к больному не потащили». Но в то же время, даже в обществе из его головы не идет мысль о больных. Дважды, в первом и втором действиях пьесы, посреди беседы он вдруг говорит одну и ту же фразу: «В великом посту у меня больной умер под хлороформом». Говорит невпопад, значит, это переживание неотвязно следует за ним. (Кому из врачей не знакомо это чувство, когда в голове — дома, в театре, в общении со знакомыми — гвоздем сидит трудный больной, неправильный диагноз, не то, сделанное на операции?!)

И как всякому врачу, ему хочется хотя бы понимания своей трудной и не всегда удачной работы. «И когда вот не нужно, чувства проснулись во мне, и защемило мою совесть, точно я умышленно убил его (это Астров — о больном, который умер под хлороформом — Р.А.). Сел я, закрыл глаза ... и думаю: те, которые будут жить через сто-двести лет после нас ... помянут ли нас добрым словом?» Труд врача не оставляет по себе материальных знаков. Даже с актером сравнить нельзя: тот в кино или телеспектакле останется на века. А результат врачебных усилий далеко не всегда зависит только от его мастерства и работы. Память о враче умирает вместе с последними пациентами, которым он нередко, как доктор Астров, отдавал свой каждодневный труд в течение многих и многих лет.

Астров живет так же трудно и в таком же почти окружении, как и доктор Старцев. «Да и сама по себе жизнь скучна, глупа, грязна... Затягивает эта жизнь? Кругом тебя одни чудаки, сплошь одни чудаки, а поживешь с ними года два-три и мало-помалу сам, незаметно для себя, становишься чудаком. Неизбежная участь»,— говорит Михаил Львович. Он почти повторяет слова «Ионыча»: «Мужики однообразны очень, неразвиты, грязно живут, а с интеллигенцией трудно ладить. Она утомляет. Все они наши добрые знакомые, мелко мыслят, мелко

чувствуют и не видят дальше своего носа — просто-напросто глупы. А те, кто поумнее и покрупнее, истеричны, заедены анализом, рефлексом... Эти ноют, ненавистничают, болезненно клеветуют...».

Доктор Астров — крупная личность. «Вообще жизнь люблю, но нашу жизнь, уездную, русскую, обывательскую, терпеть не могу и презираю всеми силами моей души», — говорит в сердцах он. (Может быть, и наши молодые врачи — выпускники вузов — не желают ехать в провинцию оттого, что боятся такой же, мало изменившейся с тех пор обывательской русской жизни?) Именно в уста доктора Астрова Чехов вкладывает свое знаменитое: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Он, в отличие от Дмитрия Старцева, не дает этой обывательской жизни засосать себя, превратить в «Ионыча». Он увлекается лесом. (Не это ли увлечение доктора Астрова, истинно интеллигентного русского врача, подвигло Леонида Леонова создать свой знаменитый роман «Русский лес»?) «Я допускаю, руби леса из нужды, но зачем истреблять их? Русские леса трещат под топором, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи... — говорит он увлеченно и продолжает, — ... когда я прохожу мимо крестьянских лесов, которые я спас от порубки, или когда я слышу как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти и что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я». (Заметьте, не моя заслуга, что «человек будет счастлив», а то, что «в этом буду немножко виноват и я» — очень по-чеховски). В отличие от других героев Чехова, которые только собираются, мечтают трудиться ради светлого будущего или только призывают других, как не симпатичный профессор Серебряков, — «дело делать», доктор Астров это дело делает собственными руками. И оборвав на полуслове свой монолог, уезжает на вызов к больному на фабрику.

И любовь у Астрова другая, не такая, как у Старцева. Правда, он старше Дмитрия Ионыча, да и неизмеримо крупнее его как личность. В спектаклях по чеховской пьесе часто Астров выведен таким провинциальным волокитой и жуиром. Мне он представляется другим. Его любовь деятельна. Он хочет обратить любимую женщину в «свою веру»: приносит «картограмму» уезда. Показывает, каким уезд был пятьдесят лет назад, как много в нем было леса. Хочет увлечь ее своим увлечением. Не его вина, что Елена Андреевна равнодушна к лесам. Его беда, что так же равнодушны к лесам и другие его собеседники. Он терпит фиаско и на «любловном фронте». «Finis», — говорит он в конце пьесы.

Но почему-то кажется, что доктор Астров все также будет и дальше каждодневно лечить своих больных и выращивать леса для

счастья людей, которые будут жить после него и не знать, что он жил трудно, много работал, и даже не помянут добрым словом его имени.

Таковы русские врачи — коллеги доктора Чехова, какими он их видел, какими он хотел их видеть. Мало что изменилось в существе врачебной профессии с чеховских времен. Мало что изменится и в будущем. Было время, когда отечественные писатели лепили образ врача только как положительного героя. Отсюда завышенно-возвышенные требования к представителям врачебной профессии. Но врач живет среди людей и будет таким, какие люди его окружают. Не лучше, и не хуже. Но есть и будут среди них те, кто будет всегда честно исполнять свой врачебный долг, думать о будущем и работать для него.

Евгений ТРЕЩЕВ

(г. Щекино Тульской области)

Трещев Евгений Иванович — член Союза писателей России. Действительный член Петровской Академии науки и искусства. Почетный работник общего образования РФ. Почетный работник газовой промышленности РФ. Почетный гражданин Чернского района Тульской области. Автор 28 книг, в том числе первых в Тульской области муниципальных учебников «История родного края» для 7 и 8 классов. Лауреат областных, литературных премий имени Л. Н. Толстого и имени А. Г. Лаврика. Лауреат и дипломант многочисленных литературных конкурсов и фестивалей. Награжден «Знаком ордена Доброты», семью медалями.

ПРОСТО ТАК ЧУВСТВУЕТ СЕРДЦЕ

Недавно получил я по почте бандероль, а в ней новую книгу Якова Шафрана «Человек человеку» с дарственной надписью: «Уважаемому Евгению Ивановичу в День Славянской письменности с пожеланием творческих успехов, здоровья и благополучия».

В предисловии к книге помещены две статьи: «Спасает любовь» (автор — член СПР, доктор наук, профессор Алексей Яшин) и «О малой прозе Якова Шафрана» (автор — писатель Игорь Карлов).

В книгу включены двадцать семь рассказов, разделенных на три части: «Оскорбленные и униженные», «Преодоление» и «Жизни торжество». Отпечатана она в тульском издательстве «Папирус».

Коротко об авторе: Яков Наумович Шафран — член Союза писателей и переводчиков МГО СПР, член Союза песенников России. Член Академии российской литературы и Академии народной поэзии.

Лауреат и дипломант многих литературных премий и конкурсов. Заместитель главного редактора — ответственный секретарь журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег», входящего в ифраструктуру «Приокских зорь».

Сборник рассказов «Человек человеку» предельно эмоционален, наполнен печальным созерцанием и осмыслением жизни. В рассказах даны остросоциальные оценки происходящему вокруг нас («Бомж», «В старом троллейбусе», «Жалостливая», «Несостоявшееся чудо» и др.). Автор — человек уже не молодой. А с годами приходит мудрость, ей же, как известно, сопутствует печаль, чему окружающая действительность дает немало поводов. Вся жизнь Якова Шафрана в творчестве — это упорный труд, поиски и находки. Внимательным и добрым взглядом всматривается он в лица, в души и человеческие судьбы.

С первого взгляда рассказы просты. Но эта простота является отличительной чертой мастерства. В них схвачен сам дух времени, его исторический знак. «Нет на свете дела труднее, чем писать простую, честную прозу о человеке»,— говорил когда-то Эрнест Хемингуэй. С классиком не поспоришь! Что и говорить, автором проделана большая и трудная работа.

Значительная часть рассказов Я. Шафрана — это житейские истории. Ему удалось создать живые, художественно убедительные портреты людей. Детали выписаны выпукло, зримо, красочно. Он не боится острых углов, пишет с такой достоверностью, что, кажется, сам пережил эту ситуацию и боль. «Книги — они как зеркала: в них лишь отражается то, что у тебя в душе» (К. Р. Сафон). Не многим дано так проникновенно передать психологизм ситуации, как это умеет Яков Наумович.

Особое место в рассказах занимает тема одиночества, потери жизненных ориентиров, греховных пороков и слабостей, с чем автор призывает бороться, преодолевать: «Нельзя ничего не делать, сложив руки, ожидая от других решения своей участи. Действуй, защищайся, отстаивай свои права, соблюдая при этом смиренное терпение, сохраняя мир в душе...» («Бомж»^{*}).

В статье «Жизнь, как один день» я уже писал о новом рассказе Якова Шафрана «Волшебная флейта». Текст его — прекрасный образец хорошей современной прозы. Автор очень метко, точно улавливает и воспроизводит атмосферу, в которой живет его герой. Здесь есть и философский подтекст, есть о чем задуматься. Рассказ многому учит, многое открывает читателю, побуждая прислушаться к голосу своей души. И, пожалуй, трудно не согласиться с тем, что сказано: «Вернись к себе, возьми свою флейту и играй... Будь собой!»

^{*} Здесь и далее рассказы Якова Шафрана

Жизнь такова, каков сам человек. Сама по себе — ни плоха, ни хороша, нужно принимать и ценить ее, радоваться ей. Она не мыслима без противоположностей, в ней присутствуют радость и страдание, любовь и ненависть, встречи и расставания, потери и приобретения. В этом мире человек стремится обрести утраченное единство с самим собой и другими людьми.

«Главное внутри, в душе и в сознании разорвать с сочувствием ко греху и заменить его Божественным настроением» («В парке»). Ведь «если бы человек знал, что произойдет в следующую минуту, многих бед можно было избежать» («Прыжок»). Потому божественное состояние души очень важно, ибо может предотвратить плохое. «Людей губит злоба и страх, а спасает любовь» («Случай в лесу»). В этих строчках искренность и теплота живого чувства. Любовь высвечивает и выкристаллизовывает все самое лучшее в человеке. Тема любви прямо или косвенно отражена в рассказах: «Встреча», «Жалостливая», «Это должно остановиться на мне», «Волшебная флейта» и других. В них, чем нестерпимее пронизывает обида, боль, тем сильнее хочется простого человеческого счастья. Мы видим, что если человек не любим и не любит, то он никогда не бывает счастлив. Все живое нуждается в любви, без нее нельзя.

«Мы живем среди страстей, среди искушений, искушаемся, разжигаем и искушаем других» («В парке»). «...Вот и ходим по порочному кругу, час за часом, день за днем, год за годом... Как разорвать его, как остановить это колесо, и выйти из этого лабиринта. Это можно сделать только внутри себя. Каждый должен сказать сам себе: «Хватит! Это должно остановиться на мне, не хочу, чтобы раздражение, озлобленность и гнев прошли через меня в мир, дальше меня это не пройдет, не хочу!» («Это должно остановиться на мне»). Хочу подчеркнуть, что в сборнике много таких пронзительно-верных строк. Русской душе и строю мысли русского человека присущи понятия справедливости, правды и совести. И нет ничего хуже предательства близкого человека, ибо это удар по доверию, по вере в любовь, по честности и справедливости.

Искреннее любование природой, простой и внятный язык — вот особенности третьей части этой книги. Картины природы в рассказах: «Березовая роща», «Туман», «Чудо», «Второе рождение березовой рощи», «Часть души», «Живем», «Нет мудрости, кроме любви» и «Песня» передают радостное настроение автора. Есть очень симпатичные зарисовки. Мне кажется, что природу Яков Наумович любит не только как наблюдатель, но и как садовод. Это придает его описаниям черты безусловной точности. Писатель находит яркие, свежие и сочные краски для того, чтобы образно, взволнованно передать красоту родной земли, и, рисуя ее, он пишет не только о природе, но и о своей душе.

Все имеет начало и конец, таков закон жизни. Однако, дочитав книгу до последней страницы, еще долго думаешь о прочитанном.

Прелесть творчества Я. Н. Шафрана в том, что оно литературно. Его сердце живет теми бедами и невзгодами, которые выпали на долю нашей страны. Рассказы понятны, мысли и чувства, отраженные в них, близки читателям. И о чем бы он ни писал — это всегда о человеке, о его жизни и душе.

Писатель — всегда мыслитель. Он задумывается о вечных вопросах бытия и о своем месте в этом огромном и сложном мире. У него свой путь, по которому его ведут талант и судьба.

«Человек рожден, чтобы становиться лучше, чтобы его жизнь была счастливой, а Писатели и Поэты должны ему в этом помочь по мере своих сил, по мере полученного Свыше таланта!» («По мере полученного таланта»)...

Ольга ПОНОМАРЕВА-ШАХОВСКАЯ

(г. Москва)

Окончила Московский электротехнический институт связи, инженер-электромеханик. Работала в проектных институтах. Стихи и прозу пишет с 1998 г. Публикуется в альманахах. Автор 4-х книг. Подборка стихов вошла в Антологию Современной поэзии «Созвучья слов живых», т.б, изд. «Московский Парнас», 2011 г. Член МСПС и СПР. Имеет награды.

МУДРЫЕ МЫСЛИ

Перевод с испанского из журнала «Isla Negra».

«А дверь в поэзию и без замков, и без ключей, она защищена высоким качеством, породю своей». — Альдо Пеллегрини.

«Поэзия не переписывает время. Она не имеет конечной точки, она проектируется на бесконечность. Борьба за поэзию, значит бороться за человечество». — Альфонсо Нассиф.

«Обязанность поэта, артиста — атаковать общественное сознание; если нет, то для чего он служит? Если нет, то зачем он родился?» — Антонин Артауд.

«Когда поэт молчит, он пересекает горизонт собственной меры». — Анна Эмилия Лаитте.

«У поэзии есть четыре или пять тем, чей возраст пять тысяч лет, важно не то, что ты говоришь, а то, как ты это говоришь». — Антонио Сиснерос.

«Полагаю, что поэзия, как всякая форма искусства,— это попытка достичь гармонии несовершенными средствами».— Карло Бордини.

«Поэзия — форма познания мира, находящегося в тени, который мы ощущаем и вокруг себя и в действительности, но его корни есть и в нас самих».— Эудженио Монтале.

«Литература существует потому, что жизни не достаточно».— Феррейра Гуллар.

«Если верить в то, что не увидишь — это вера. Если создавать то, что никогда не увидишь — это поэзия».— Херардо Диего.

«Поэзия человечна. У нее есть функция: позволять нам наблюдать с большой ясностью маленькую правду мира. Поэзия всегда была актом публичным. С самого начала. Позже она ушла в катакомбы. Поэт обязан быть искренним. Без искренности поэзия лишается духовных сил, терпит кораблекрушение».— Уго Гутиеррес Вега.

«Сущность поэзии — отыскивать слова, слышать паузы, звуки и ритмы для передачи эмоций на взволнованный лист, пытающийся сконцентрировать речь, подбирая стиль, и заставлять ее звучать, подобно капле фимиама, падающей на поверхности слов, рождающую волны благоухания. Поэтому поэзия не докучает, поэтому язык ее особенный, чуждый языку политики, экономики, науки...» — Хосе Мучник.

«Поэт не философ, а только ясновидец».— Хуан Рамон Хименес.

«Мы, поэты, верим словам, как бабочкам на воле, и слова доверяют нам, поэтам, парящим без границ».— Ольга Ороско.

«Я думаю, что поэзия — дисциплина экзистенциальная, как религия. Религия самой большой свободы Духа. Поэтому поэзия есть искусство, базирующееся на инакомыслии. Поэт может делать то, что хочет, но он ни к чему не принужден. Поэт может писать прямо или по диагонали».— Освальдо Бальина.

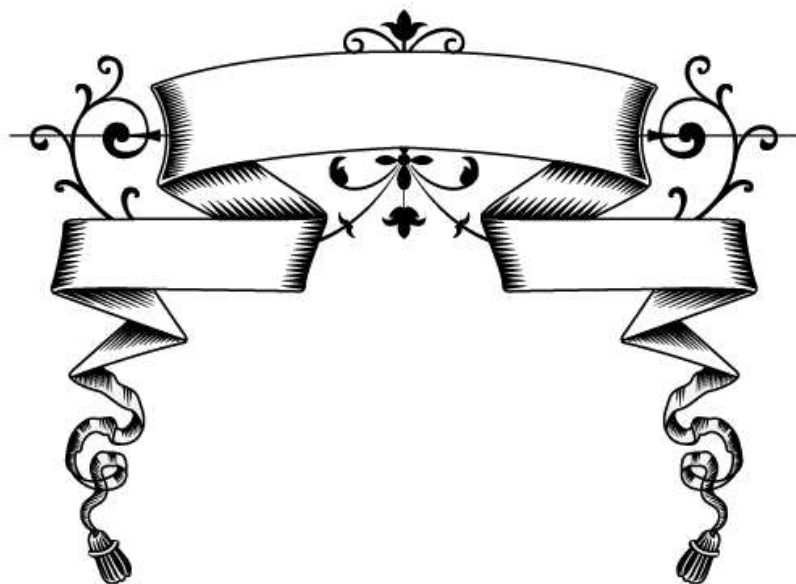
«Башни Бога! Поэты! Небесные громоотводы, вы сопротивляетесь суровым бурям».— Рубен Дарио.

«Поэт начинает подвергаться опасности тогда, когда политик судит с недоверием о свободе культуры, посредством конформистской критики, стараясь свести само понятие поэзии к чему-то не благородному, вне времени и не эффективному».— Сальваторе Квазимодо.

«Поэзия мудра и революционна, поэзия приходит из каждого века, защищая самые удивительные причины, прежде всего, придавая ценность человеку, защищая правосудие, природу униженных и преследуемых».— Теуко Кастилья.

«Стихи сами по себе не имеют значения, пока кто-то, прочтя их, не обратится к собственному опыту, к своей памяти. Чтобы, на их основе отыскать собственную интерпретацию».— Ив Бонфуа.

ПУБЛИЦИСТИКА

**СЕРГЕЙ ОВЧИННИКОВ
КИРИЛЛ КАРЛОВ
ТАТЬЯНА РОГОЖИНА**

**ГАЛИНА КЛИНКОВА
ЕВГЕНИЯ КУРГАНОВА
ИРИНА НИКОЛЬСКАЯ**

Сергей ОВЧИННИКОВ

(г. Щекино, Тульской области)

Родился возле Ясной Поляны в Тульской обл. в 1963 г., окончил медицинский институт, жил в Калининградской области, Рязани, под Владимиром, в Тольятти, с 1991 г. — на родине. Публикуется в журналах, альманахах, «Литературной газете», во всероссийской антологии современной прозы и поэзии «Наше время». Автор нескольких книг прозы и афоризмов. Лауреат областной премии им. Л. Н. Толстого в категории проза (2011) и премии «Золотое перо Тулы» (2011). С 2001 г. издает и редактирует литературный альманах «Тула».

ИГОРЬ ТАЛЬКОВ И НАШ МАЛЕНЬКИЙ ГОРОД

(в сокращении)

*Татьяне Широковой и Владиславу Черняеву
с благодарностью*

«Песни гражданского содержания — мой метод борьбы с несправедливостью, ложью, злом, и, несмотря ни на какие препятствия, я буду бороться до конца. Я знаю, люди слышат меня... Русский народ — самый несчастный в истории человечества, но и самый выносливый, терпеливый, мужественный, история Русской земли тому подтверждение, как и то, что мы до сих пор еще живы».

Игорь Тальков «Монолог».

«Я — бард. Я пишу и пою песни о том, что меня волнует. Свобода творчества — мой принцип, а принадлежность к любой политической партии или организации обязывает следовать определенному уставу и правилам. Мой метод борьбы с несправедливостью и злом, за правду и добро — мои песни... Россия — боль моей души... Бой за добро — суть моей жизни. Если я кому-то и служу, то только Господу Богу, и отчитываюсь за содеянное в этой жизни только перед Всевышним».

Игорь Тальков «Монолог».

«Разверзлись с треском небеса, / И с визгом ринулись оттуда, / Срубая головы церквям / И славя красного царя, / Новоявленные чуды. / Тебя связали кумачом / И опустили на колени, / Сверкнул топор над палачом, / А приговор тебе прочел / Кровавый царь — великий... гений». («Россия»).

Меня словно током ударило, когда летом 1989-го эта песня внезапно зазвучала вечером из ретранслятора полузаброшенного стадиона в маленьком городке Владимирской области, куда я попал в 1987 после медицинского института. Решил «распределиться» в глушь специально — из-за владимирских сосновых лесов, тысячелетних церквей, да еще потому, что мне нужны были три свободных часа в день для занятий литературой. Думалось, что среди леса это время у меня будет, я мечтал о литературе долгие шесть лет в институте. Областная библиотека Рязани позволила прочесть все у Толстого, Чехова, Бунина, Горького, Булгакова, Паустовского, Шукшина (не говоря про Ильфа и Петрова, Хэмингуэя, Ремарка, Цвейга) и множество книг по философии, психологии, теории литературы, которая казалась мне самой сладкой и высокой сферой приложения человеческих сил. Медицина тоже в моем ряду лучших профессий, ради нее я уехал из дома, поступил в институт, шесть лет корпел на лекциях и коллоквиумах, но литература, как морок, наваждение, все же не отпускала меня. При этом некоторых писательских данных я у себя не находил, требовались три года уединенной работы, чтобы понять наконец, стоит ли этим заниматься.

Деревням, лесам и храмам Владимирской земли я, конечно же, отдал должное, но с литературой не получалось. В крохотной служебной квартирке без ванной комнаты и кладовки (в которых можно спрятаться с печатной машинкой) ютились мы с женой, дочкой и совсем переехавшей к нам тещей; уединиться дома было совсем невозможно, да еще, чтобы позволить себе расширение жилья в будущем, приходилось трудиться на полторы ставки с ночными дежурствами почти круглосуточно — какая уж тут литература... Я тосковал, оставаться наедине с собой мог только вечером на городском стадионе, к столбу там был прикручен хрипящий громкоговоритель, он и вынес в сырой владимирский воздух, гудящий от комарья, скорбные звуки главной песни Игоря Талькова:

«Листая старую тетрадь / Расстрелянного генерала, / Я тщетно силится понять, / Как ты могла себя отдать / На растерзание вандалам? / О, генеральская тетрадь, / Забытой правды возрождение, / Как тяжело тебя читать / Обманутому поколению».

Это было сильно по сравнению с простенькой эстрадой того времени, обычно звучащей из ретранслятора: «Ксюша, Ксюша, Ксюша — юбочка из плюша». «Бухгалтер! Милый мой бухгалтер». Конечно, я хорошо знал и ценил творчество Вертинского, Окуджавы, Шевчука, Гребенщикова, Никольского, Романова, Сапунова, Цоя, но Тальков ошеломил меня: великолепная музыка, проникновенные аранжировки, феноменальная энергетика, хриплый мужской голос делали его песни незабываемыми. Я сразу понял: у нас на эстраду вышел не очередной музыкальный поденщик, «фрик», «поющие трусы» — явил-

ся очень талантливый, искренний, мужественный, смелый человек, поднявшийся в рост на поле боя за души людей и нашу историю. После «России» я стал следить за выступлениями Игоря, еще не зная, что это мой земляк.

К началу 90-х четырехлетний срок моей работы по распределению заканчивался, нужно было думать, как распорядиться свободой. Поехать в Москву или Петербург, чтобы оказаться в центре культурной жизни? Остаться на месте, купив сельский домик для уединенной работы? Вернуться домой, где отец предлагал мне помощь в строительстве дома? Вариант отъезда из России я не рассматривал, для меня это было бы нестерпимо больно. Выбрал возвращение на малую родину. Вместе с отцом и помощниками, которых я всегда вспоминаю с благодарностью, мы выстроили самопальный, грубый, но просторный дом, в котором я наконец-то смог позволить себе отдельный кабинет с письменным столом, библиотеку и благословенные три часа свободного времени для занятий литературой. Одна за другой начали выходить мои книги, из мучительного состояния развоплощенности я понемногу оформлялся в начинающего тульского писателя. Даже одним боком оказаться причастным к литературе для меня — огромное счастье, сопряженное, конечно, с трудом и ответственностью, тем настоящим, что наполняет жизнь взрослого человека.

К сентябрю 1991 удалось возвести лишь стены и крышу будущего дома, но я постепенно переправил семью в Щекино — дочери нужно было идти в школу. В трагический для российской эстрады день 6.10.91 мы перевозили на съемную квартиру последние вещи, тянулись на отцовской машине за грузовиком, в котором лежал наш простенький скарб. В еще теплом воздухе Подмосковья висел дым осенних костров, природа казалась безмятежно прекрасной, в стране же творилось невероятное: только что явился и зачах ГКЧП, на глазах разрушился социализм брежневского толка, перестройка завершалась распадом страны, переделом собственности, сломом всего жизненного уклада. Двигались тектонические плиты российской истории, а мы еще и близко не понимали всей грандиозности назревающей катастрофы. Тогда, в машине, я и услышал первое радиосообщение о гибели Талькова.

Для меня, как для миллионов русских людей, успевших полюбить концертный образ Игоря, это было почти личное горе, хотя общественной реакции на смерть Талькова в Щекино не последовало — ни памятного вечера, ни статьи в газете, ни радиопередачи. Люди превозмогали катастрофу распада налаженной жизни, обрушения страны, народ был растерян, подавлен и разобщен, детали гибели Талькова выглядели сомнительно, миф о нем еще не успел сформироваться. Конечно, смерть певца особенно тяжело ударила его близких, друзей, одноклассников, соседей. Большая делегация из Щекино ездил прово-

жать Игоря во Дворец молодежи в Москве и на Ваганьковское кладбище. Почти сразу же после несчастья у земляков и почитателей таланта возникла идея возвести памятник Игорю. В его щекинской школе № 11 создали музей. Сергей Железняков и Аркадий Хоралов каждый год собирали артистов и зрителей на концерты его памяти в Туле и Щекино. Мать певца Ольга Юлиевна Талькова и его брат Владимир выпустили в 1998-м книгу «Я воскресну и спою», дополнив свои воспоминания текстами песен, выдержками из записных книжек и дневников Игоря. Его публицистику, материалы расследования убийства и свои воспоминания в 2001-м опубликовала жена Игоря Татьяна в книге «Монолог». Сын певца — Игорь Игоревич Тальков, — в октябрьские дни гибели отца проводил у дома спорта «Юбилейный» в Питере мемориальные концерты.

С 1991 прошло более четверти века. Сменились поколения на сцене и в жизни, многие из тех, кто пел в 80-е и 90-е, умерли, состарились, потеряли себя, изменили идеалам своей юности. Игорь не постарел и своих убеждений не предал. Смерть в молодости хорошо защищает от этого. Идея памятника — пусть не в Москве, хотя бы в Щекино, — все эти годы развивалась. Группа упрямых людей собирала деньги, ходила по чиновным «инстанциям», думала о проекте. В 2013 к собранной сумме местные власти добавили 6 миллионов рублей, нашли питерского скульптора, который взялся за работу. К сожалению, узнав о величине налога на свой гонорар, уже готовый памятник скульптор городу передать отказался. Дело снова сдвинулось с мертвой точки лишь в 2016, когда за дело взялся новый губернатор Тульской области Алексей Геннадьевич Дюмин. Более других тульским заказчикам понравились эскизы подмосковного скульптора Казанского. Бронзовую фигуру Игоря отливали в Жуковском по самым современным технологиям — после сложных математических расчетов по металлическому каркасу вылепили форму, сделали компьютерное моделирование, затем работал промышленный 3D-принтер. В центральном парке Щекино выровняли участок земли, освободив его от деревьев, проложили новые дорожки, возвели постамент, в первых числах июля установили привезенный в контейнере памятник. Открытие назначили на середину июля 2017-го.

Это был довольно хмурый субботний день, погода только начала улучшаться после месяца сплошных дождей. Людей в парке собралось не слишком много — друзья и брат Игоря, музыканты, люди городской администрации, несколько стариков из еще живой советской интеллигенции. Освежали картину молодые мамы с детьми, привычно гуляющие в облагороженном парке, да любопытствующие прохожие. Над всей компанией возвышался бронзовый Игорь, восходящий по ступенькам символической сцены, как бы обернувшийся оттуда к зрителям. По замыслу заказчиков проекта бронзовая гитара

барда осталась возле стула чуть в стороне, объединяло пространство подобие бронзовой тетради в форме паруса, с наполовину прорезанной в этой тетради-парусе чуть приоткрытой дверью в вечность. Выражение лица Талькова — одновременно приветливое и чуть горделивое, — скульптор передал удивительно хорошо. Глядя на собравшихся у микрофона, я думал об Игоре.

Спустя двадцать пять лет после трагедии многое в его жизни выглядит по-другому. Мы уже не проклинаям огульно советское прошлое, оно не кажется нам абсолютным злом. Игорю советская история порой виделась именно так, хотя многие неудачи и трудности его творческой жизни были связаны вовсе не с советским строем. В рыночной экономике тоже не все могут сразу пробиться к микрофону, людям творческих профессий всегда тяжело, слишком велика конкуренция за место на сцене, почти каждый молодой артист, музыкант, поэт может сказать о себе словами Игоря: *«Мы зубами вгрызались в цепи, / Мы ногтями впились в лед, / Прорывали стальные сети / И взлетали, нас били влет»...*

В любом обществе очень много желающих взобраться на сцену, прорваться к телевизионным камерам, издательствам, аплодисментам, популярности. Обычно самородков из провинции поначалу или навсегда затаптывают «столичные штучки» со связями и деньгами. Вокруг и внутри любого вида искусства, как в воде лесного озера, много тины, ряски, осоки — всевозможных дельцов, прилипал, функционеров. У них здесь свои цели, амбиции, способы существования, они рвутся к власти, плетут интриги, проталкивают своих — денежных, выгодных, удобных... Творческий человек не таков: он по-другому устроен и потому часто уязвлен, травмирован призванием, вступающим в противоречие с ущербной человеческой биологией, судьбой, бытом. Жизнь делателя в искусстве редко бывает благостной. Слушать хорошие песни и читать талантливые книги легко и приятно, а вот создаются они в кровавых трудах кричащим от боли человеком. Счастливые, благополучные люди не пишут хороших стихов и песен. Ведь неспроста поэты, певцы, писатели часто убивают себя сами, не дожидаясь пули, тюрьмы, изгнания или старости. Неудовлетворенность жизнью, творческие кризисы, депрессии, неизбежные после творческих взлетов, дают очень высокий процент самоубийств. Покончили с собой Есенин, Маяковский, Цветаева... Смерти Лермонтова, Пушкина, Гоголя — тоже разновидности самоубийств, эти гении могли бы легко избежать смерти, они сами стремились к ней! Уничтожили себя Джек Лондон, Акуагава Рюноске, Стефан Цвейг, Эрнест Хэмингуэй... Курт Кобейн из «Нирваны» выстрелил себе в голову, Крис Корнелл из «Саундгарден» и Честер Беннингтон из «Линкин парк» влезли в петлю... Творческий человек всегда ощущает себя рядом с могилой, ему тяжело жить. Еще Толстой сказал об этом так: «Гладких, жуирующих и самодоволь-

ных мыслителей и художников не бывает. Духовная деятельность и выражение ее... есть самое тяжелое призвание человека — крест, как выражено в Евангелии. И единственный, несомненный признак присутствия призвания есть самоотвержение, жертва собой для проявления вложенной в человека на пользу другим людям силы. Без мук не рождается и духовный плод» (ПСС, т. 25, стр. 373).

Вдобавок к изначальным творческим настроениям Игорю довелось жить «в эпоху перемен», по мнению китайцев, это самое страшное бедствие. В XX веке с 1905 по 1995, то есть всего за 90 лет — иногда человек живет дольше! — Россия пережила пять войн (Японская, Первая мировая, Гражданская, Вторая мировая, первая чеченская) и пять революций (1905, Февральская, Октябрьская, революция Хрущева с бунтом против Сталина, перестройка и разрушение страны Горбачевым, Ельциным). И если Февральская, Октябрьская, Хрущевская революции скрашивалась надеждами на лучшее будущее, то возвращение к дикому капитализму в 90-е энтузиазма у глубоких людей вызвать не могло. Многие из нас жили в эпоху распада СССР, но Игорь острее других переживал растерянность народа и небывалое унижение России.

Ситуация и вправду была трагическая. После Горбачева при Ельцине Россия чудом не развалилась подобно СССР. Игорь поначалу радовался обрушению коммунизма, но вскоре почувствовал, что многое идет не так, ведь люди наверху остались прежние. В 1991-м начался период народного сопротивления распаду, который в 1999-м перерастет в смену лидеров на самом верху. Что бы там не говорили, Тальков был не только певческим катализатором первоначального распада, но и одной из фигур последующего сопротивления.

Он, конечно же, был абсолютным идеалистом, «вел борьбу с несправедливостью, ложью, злом» и готовился «бороться до конца», словно выкликая этим свой финал. Он все время примерял на себя образ противодействующего: белого офицера, казака, антикоммуниста. В духовном сражении, которое он вел, Игорь красил мир и нашу историю в черно-белый цвет, весь русский негатив XX века возложив на Ленина и КПСС. Рифмовать «КПСС — СС» ему бы, все же, не стоило: *«Эй, кто там поднимает Русский флаг — / Наточен серп на кумаче, / И звезды караулят купола, / Спокойно управляя рукою палачей. / А те одели маски и, покаявшись в грехах, / Упорно занимаются / Перестановкой мест. / Страна не сможет встать с колен, / Покуда на плечах / Зверь восседает у нее — / КПСС! КПСС — СС!»*

На самом деле все в нашей истории гораздо сложнее. Сейчас уже ясно, что половина вины в том, что случилось со страной в начале века, лежит на белых. В 1917-м, когда к власти пришли красные, страна пребывала в глубочайшем кризисе. Российское общество тяжело болело и не поддавалось щадящей терапии. Кто-то должен был высту-

пить хирургом — вивисекторами стали большевики. Они безжалостно прооперировали Россию без наркоза — отсекали дворянство, буржуазию, духовенство, крепких крестьян, военную касту... Россия окровавленным обрубок корчилась на операционном столе истории, но удивительным образом выжила и возродилась подобно птице Феникс и мифической саламандре. Укрепилась новая власть, народились новые люди, которые смогли выиграть страшнейшую войну XX века, вышли в космос, построили атомные электростанции, ледоколы, баллистические ракеты, подводные лодки, грандиозные заводы и фабрики... Но было на этом пути чересчур много крови. Слезы, кровь, несправедное насилие, разрыв с православием подточили основы государства — когда СССР обрушили, никто не вышел на улицы его защищать.

Но и до революции в нашей стране все было хорошо. Еще при Александре Втором Россия начала превращаться в сырьевой придаток Запада, в правление Николая Второго зависимость России от иностранного капитала стала предельной. Россия незаметно теряла суверенитет. Если в начале царствования Николая Второго иностранцы контролировали 20-30 процентов капитала в России, то к 1913 — 60-70, а к сентябрю 1917 — 90 процентов! Россия потеряла экономическую самостоятельность, проиграла Японскую войну, погрязла в тяжелейших внутренних противоречиях, но ввязалась в абсолютно нам не нужную Первую мировую! Российской элите жизненно важно было не воевать, а стремительно решать внутренние проблемы — страна походила на паровой котел, готовый ежеминутно взорваться! Но царь Николай выбрал войну, надеясь победами отвлечь народ от внутренних проблем. На какое-то время это сработало, затем стало еще хуже, ядерный реактор огромной страны вышел из-под контроля...

Революция возникла не на пустом месте. Она была нужна рабочим, желающим «избавиться от эксплуатации» по советам лукавых пропагандистов; солдатам-крестьянам, которые мечтали получить больше земли, не хотели воевать за непонятные им цели; евреям, отменяющим революцией черту оседлости и давнее поражение в гражданских правах; женщинам, которые в Российской империи считались людьми второго сорта; староверам, уставшим от несправедливых утеснений; интеллектуалам из неаристократических слоев, которые требовали сломать кастовое общество... И все это варево закипало на фоне страшного духовного кризиса в эпоху бурно развивающейся науки, техники, материализма, когда народ самонадеянно стал воспринимать Евангелие книгой сказок, стремительно теряя веру. «Может быть, для будущих времен интересно будет сообщить, что в 80-х гг. минувшего столетия Россия и общество пережило столь разительно глубокий атеизм, что люди даже типа Достоевского... и Розанова предполагали друг у друга атеизм, но скрываемый: до того казалось невоз-

можным «верить», «не статочным» — верить!» — свидетельствует Розанов.

Не только тайные западные и российские логи, англосаксонская аристократия, мировые финансовые круги, но и сама история толкала Россию к революции. Заканчивалось время прежних империй, основанных на самодержавии и абсолютизме. Цари, монархи, императоры, султаны окончательно потеряли авторитет, не могли уже управлять странами в быстро меняющемся мире, требующем участия лучших людей из народа в управлении, военном деле, экономике, искусстве, науке. Самодержцы могли бы спастись, быстро и полностью передав собственность и основные органы власти народу, республикам, патриотическим Думам, Конгрессам, Парламентам. Но для этого требовалось обладать сознанием Толстого или Ганди, реальные самодержцы были оторваны от жизни, бездарно цеплялись за ускользающую власть. Народное отвержение абсолютизма стало переноситься на веру и весь строй прежней жизни, это не могло закончиться ничем, кроме катастрофы. И она произошла в России после Февральской революции, которая делалась людьми, абсолютно не понимающими своей страны. Россия «понесла», как сбесившаяся Русь-тройка, сбивая головы Чичиковым и Хлестаковым из тогдашней Государственной думы и Зимнего дворца. В тех условиях у нашей страны не просматривалось будущего во главе с Николаем Вторым или предателем Керенским, который, подобно Горбачеву, стремительно разваливал страну. Большевики с чудовищной жестокостью и губительным атеизмом все же на время спасли страну, во многом обманув народ, в основу советской страны заложив множество мин, которые рванули при Горбачеве и Ельцине.

Сталин с помощью продуманных экономических мер, тщательно выстроенной пропаганды и государственного террора справился с Русью-тройкой; советский народ выстроил сотни новых заводов и фабрик, работая в поле, на лесоповалах, шахтах, в конструкторских шарашках часто лишь за пайку хлеба, за возможность остаться в живых. Под сталинским жестоким руководством СССР выиграл Великую Отечественную. Неизвестно, выжил бы СССР без Сталина и его методов в чудовищной войне против Европы, объединенной Гитлером? Ведь при царизме Россия проиграла Крымскую, Японскую и увязла в Первой мировой. Но с жестокостью Ленин и Сталин перестарались. У Игоря Талькова, как у многих советских людей, ненавидеть Ленина, Сталина и КПСС были все основания.

История его семьи, рода трагична, по родным в советское время будто катком проехали! Его бабушка по материнской линии — Татьяна Ивановна Мокроусова, русская крестьянка из Ставропольского края. Дедушка — русский немец, кожевник Юлий Рудольфович Швагерус, что родился в селе Иноземцево, недалеко от Пятигорска,

будучи потомком тех самых немцев, которых пригласила в Россию Екатерина Вторая. Ольга Юлиевна, будущая мать певца, появилась в этой семье в 1924, когда в российских селах еще царил голод, крестьяне только начали отходить от Гражданской войны и продрозверсток. Спасаясь от бескормицы семья Швагерус перебралась в Минеральные Воды, прихватив с собой корову, но их тут же начали раскулачивать — корова была уже непозволительной роскошью! Спасло семью рабоче-крестьянское происхождение Татьяны Мокроусовой. Она собрала надлежащие справки, но с коровой все-таки пришлось расстаться. Корова могла стать основой небольшой семейной самостоятельности, а новые власти хотели, чтобы люди превратились в послушные винтики системы. (При Хрущеве даже цыплят держать было предосудительно. Моя теща, на тот момент главный врач санатория в Петрозаводске, завела цыплят в сарайчике возле квартиры, — кормила их сквашенным грудным молоком, надеясь побаловать маленьких дочек домашними яйцами, — но тут же попала на доску позора как мелкобуржуазная отступница, предавшая «идеалы коммунизма»). Юлий Рудольфович Швагерус был трудолюбив, одарен многими талантами: занимался в Минеральных Водах кожевенным делом и параллельно играл в спектаклях, музицировал, работал в городском самодеятельном театре как режиссер. Ольга Юлиевна переняла многие черты отца — тоже любила театр, искусство, много читала, играла на нескольких инструментах. Благодаря трудолюбию Юлия Рудольфовича его семья без потерь пережила голод 1933, связанный с коллективизацией. К 1939-му жизнь в СССР немного наладилась, если не считать репрессий 1937-1938, семья Швагерус получила собственную квартиру в Пятигорске. Но тут началась война с Германией, русских немцев объявили очередными «врагами народа», принялись выселять их в Сибирь и Среднюю Азию подальше от линии фронта.

До войны Ольга Юлиевна считала себя убежденной комсомолкой, по ее словам «верила в идеалы коммунизма». Когда же их начали выселять и репрессировать — порвала в клочки комсомольский билет, стала смотреть на мир другими глазами. В ссылку семье разрешили взять по пятьдесят килограммов вещей на человека: репрессированные везли с собой продукты и одежду, которую затем два года обменивали на еду. Деньги тогда не котировались, за них мало что можно было купить. Ольге Юлиевне в это время выдали паспорт и отец настоял, чтобы дочь «записалась как русская». При высылке Юлий Рудольфович хотел, чтобы жена публично отреклась от него, сохранив квартиру в Пятигорске, но Татьяна Ивановна отрекаться от мужа отказалась, поехала за ним в ссылку. Через шесть месяцев после переезда в Томскую область Юлия Рудольфовича совсем лишили семьи, отправили на принудительные работы в Усманку, а домашних готовили к депортации на Кемеровские шахты в Прокофьевск. Чтобы

избежать этого, Ольга Юлиевна вышла замуж за местного деревенского парня Николая, бригадира рыболовецкой бригады.

Этого Николая, первого мужа Ольги Юлиевны, классово озабоченная власть тоже не жаловала. Несколько раз его возвращали с призывного пункта — он происходил из семьи «средняков», которых власть решила приравнять к «кулакам», а таких на фронт брали в последнюю очередь. Николай вынужденно кормился рыбалкой, много ездил, однажды не успел встать на воинский учет в трехдневный срок. Это был конец... его стали преследовать как дезертира. Николай ушел в подполье, скрывался в лесу, Ольга Юлиевна присоединилась к мужу, пережив трагедию подобно героине из повести Распутина «Живи и помни». Вдвоем они скитались несколько месяцев, Ольга забеременела. Подступала зима, Николай отправился в свою деревню за продуктами и теплыми вещами для беременной жены, попал в засаду — в него стреляли. Получив ранение в живот, Николай застрелился, поняв, что будущего у него нет.

Беременную Ольгу и всю семью Николая арестовали, осудили как пособников дезертира по статье 206, в КПЗ у нее родился первенец Виктор. В лагере «зеки» организовали для себя отдушину — самодеятельный театр. Ольга стала в нем артисткой и помощницей режиссера. С выступлениями ездила по лагерям, в театре же и познакомилась с отцом будущего певца — Тальковым Владимиром Максимовичем. Он был профессиональным драматическим артистом, родился в Польше: мать полячка, отец — украинский казак (в Игоре смешалась русская, немецкая, польская, украинская кровь; представляю, как он сейчас мучился бы из-за русско-украинского конфликта). Еще в 1914-м семья Владимира Максимовича перебралась из Польши в Россию, он принял революцию, стал убежденным коммунистом, но был арестован и попал в лагерь. От Владимира Максимовича в лагере у Ольги Юлиевны родился старший брат Игоря — Владимир Тальков. Дети заключенных жили вне лагеря, считались вольными людьми, Ольгу Юлиевну водили кормить малыша под конвоем вместе с другими мамами. По дороге, иной раз, охранники издевательски командовали: «Ложись!», — и кормящие матери, с мокрыми от молока грудями, должны были падать в грязь на дороге...

Юлий Рудольфович Швагерус во время войны работал на строительстве железной дороги Абакан-Тайшет, а после войны его «переслали на Тульские шахты». Здесь добывали каменный уголь, из которого делали газ для Москвы; углем топили печи домов и металлургических производств, на шахтах в сталинское время привычно использовали репрессированных. Пока дочь Ольга находилась в лагере, Татьяна Ивановна приехала к мужу в Щекино и вскоре умерла здесь в свои 47 лет от несчастий и тягот. Ольга Юлиевна после освобождения тоже отправилась в Щекино — к живому отцу и могиле ма-

тери. После освобождения к ней перебрался муж, Владимир Максимович Тальков. Долго жили по съемным комнатам, но в 1956-м Юлий Рудольфович нашел им отдельную квартиру на окраине Щекино, в деревне Грецовка. Там и родился Игорь Тальков 4 ноября 1956 года. Щекино позволяло бывшим репрессированным нормально жить и работать,— из Грецовки семья переехала в барачную двухкомнатную жилплощадь возле городского родника, а в 1970-м получила, наконец, нормальную трехкомнатную квартиру с балконом на улице Лукашина, в пятиэтажном кирпичном доме. Балкон казался им тогда невероятной роскошью...

Игорь был очень одаренным ребенком. Его артистическое призвание дало знать о себе рано, с детства он любил переодеваться (в том числе в женское платье и костюмы животных), устраивал с братом дома «концерты»: мальчики сооружали подобие сцены, вместо инструментов использовали кастрюли, стиральную доску, ложки, поварешки. Отец мальчишек, Владимир Максимович, и они сами писали стихи. Игорь пробовал петь уже подростком, но получалось хрипло из-за хронического воспаления голосовых связок.

Новая школа рядом с домом Игоря почему-то не устроила, он продолжал бегать через железную дорогу в школу №11. Видимо, главная причина была в том, что смена места жительства и учебы в то время грозила конфликтами со сверстниками. Не только у взрослых, у мальчишек тоже была послевоенная психология, они делили мир на врагов и своих, подростковые группировки непрерывно сражались между собой. Но для Игоря сам переезд оказался легким — бывшие враги быстро признали его музыкальный талант, братьев Тальковых то и дело приглашали музицировать на семейных торжествах. Владимир играл на гитаре, Игорь — на баяне.

В 1970-м Игорь закончил музыкальную школу и твердо объявил всем: «Я буду петь!» Над ним смеялись: «А чем же ты будешь петь?» — но Игорь не собирался отказываться от мечты, поехал в Москву к знаменитому доктору Стрельниковой, которая много работала с артистами. У Талькова обнаружился хронический ларингит; он стал делать дыхательную гимнастику, лечиться, и у него прорезался небольшой хриплый голос, хотя ларингит не отпускал Игоря всю жизнь: после концертов ему было трудно говорить, пел он всегда чуточку в нос, как простуженный.

Игорь с юности нравился девушкам. Еще учась в старших классах, он дружил с юной Светой Вепренцевой, окончившей Тульское музыкальное училище имени Даргомыжского. Дома у нее имелось фортепиано. Чуть позже Тальковы взяли напрокат для себя инструмент — за четыре рубля в месяц. Света обучала Игоря игре на фортепиано и нотной грамоте, на Игоре держалась вся художественная самодеятельность школы. К старшим классам он стал участником сразу

нескольких ВИА; в армии (стройбат в Нахабино) создал еще один ансамбль, после армии устроился в группу «Фанты» при Тульской филармонии, где он и Света работали вокалистами. К этому времени Тальков уже всюду писал музыку и стихи, мог часами переделывать какую-нибудь музыкальную фразу, привязывая ее к строчке. Параллельно Игорь много читал. Осознавал действительность он быстро и глубоко. Учась в школе, еще верил в Ленина, Брежнева, мог сказать матери:

— Мама, если ты еще раз тронешь Брежнева, я убегу из дома!

Но сразу после армии он основательно взялся за собрание сочинений Ленина, книги по истории, русскую классику. За пять—шесть лет прошел огромный интеллектуальный путь, 25-летним записывал в дневнике:

«Богом, правдою и совестью оставленная Россия,— куда идешь ты в соупутствии твоих воров, грабителей, негодяев, скотов и бездельников» (Ал. Сухово-Кобылин, 1855 г. Из дневника). Прошло 127 лет с момента написания этих строк. И что изменилось? Произошла революция. Ну и что? Все так же, только поменялись воры, грабители, негодяи, скоты и бездельники. Куда же ты теперь идешь, Россия? К коммунизму? Само название которого давно уже дискредитировали сами коммунисты. К социализму, при одном упоминании о котором людей начинает тошнить? Куда идти? В кого верить? Во что верить? Раньше хоть люди верили в Бога. А сейчас ни во что не верят» (1982).

В тульских «Фантах» Игорю, конечно же, было тесно. Его тянуло в столицы — он любил Питер и Москву, часто ездил к родственникам в Москву на электричке. Сразу после школы хотел поступить в столичное театральное училище, но срезался на незнании романа Горького «Мать». Теперь, оставив тульские «Фанты», Игорь отправился работать в Сочи, пел там в ресторане гостиницы «Жемчужина». Участвовал в песенном конкурсе «Сочи-82», выступая с песней «Журавли» Яна Френкеля в собственной аранжировке. Тут же, в Сочи, познакомился с испанским певцом Митчелом, который подарил ему длинный кожаный плащ, отображенный теперь в бронзе памятника. Для Митчела собрали музыкальную группу, которая затем трансформировалась в ВИА «Апрель». Работали они в стиле джаз-рок, репетировали с десяти утра до двенадцати ночи, конструировали самодельную музыкальную аппаратуру, работали над световыми эффектами. Здесь Тальков довел до совершенства свое владение гитарой, научился делать сложные аранжировки. Но вскоре «Апрель» распался, Игорь переехал в Питер, устроился вокалистом ВИА «Лира». Ансамбль обосновался в Питере, хотя зарегистрирован был от Сыктывкарской филармонии. На гастроях ансамбля Игорь пытался исполнять свои песни, но руководители концертных залов и филармоний мешали:

— По какому праву вы поете свои песни? Вы не входите ни в Союз композиторов, ни в Союз писателей. Где ваши регалии?

Игорь много раз делал заявки на участие в концертах со своими песнями, но всякий раз получал отказ. Он срывался, впадал в депрессию, пил, однажды пытался покончить жизнь самоубийством...

Его выручили характер и недюжинное мужское обаяние. В Питере Игорь сблизился с известной советской певицей Людмилой Сенчиной, полностью переделав ее репертуар, параллельно работая аранжировщиком у Стаса Намина. Затем у Талькова начался период сотрудничества с Маргаритой Тереховой. Наверное, она многое дала Игорю в духовном плане, ведь это одна из лучших советских актрис. Терехова долго работала в театре им. Моссовета, блистала в фильмах «Бегущая по волнам», «Зеркало», «Собака на сене», «Д'Артаньян и три мушкетера» — человек большого ума, обаяния, таланта и красоты, с неповторимой манерой существования в кадре. Имея сотни поклонников и бесконечные признания в любви, она жила с двумя детьми, так и не встретив мужскую родственную душу. В 1983-м ушла из театра и три года, с 1983 по 1986, работала с Тальковым в совместном театральном коллективе «Балаганчик». Она была старше Игоря на 15 лет, Тальков называл ее Марго, часто приходил к ней в гости. Считается, что песня «Мне нравится смотреть на город из твоего окна» — как раз об окне Тереховой. Но и тут его что-то не устроило. Ему хотелось петь свои песни, быть на виду, «Балаганчик» начал тяготить его. Тальков часто кардинально менял жизнь, может быть, поэтому писал о любви такие грустные песни. Говорил, что «...веселых песен о любви быть не может. Настоящая любовь — это идеал, а путь поиска этого идеала сопряжен с тяжелыми душевными страданиями и трагическими разочарованиями...» «Любовь — это принцип существования всего существующего на Земле. Ради нее и во имя ее рушатся и возрождаются государства, системы, миры... Любовь — это стимул жизни, вечный поиск, единственная возможность роста и самосовершенствования. Мне 34 года, 30 из которых я нахожусь в поиске. Впервые я влюбился в 4 года... Она была старше меня лет на двадцать или тридцать... Люди, наделенные способностью влюбляться, как правило, фантазеры. Влюбленность — это еще далеко не любовь... Мы начинаем наделять тех, кто затронул струны нашей души, качествами, не присущими им. И когда чаша несоответствия переполняется, наступает пустота, вакуум, который ничем не заполнить. В такие минуты хочется уйти от мира, от себя, а порой и из жизни...» (из книги «Монолог»). Похоже, расставания дались ему нелегко, пустоголовым мужланом с гусарскими комплексами Тальков не был, просто творческую свободу он ценил выше, чем отношения с женщинами.

Оставив Питер, Игорь переехал в Москву, чтобы выступать с ансамблем «Электроклуб», который возглавлял и продюсировал Давид

Тухманов. Это был точный выбор, именно с «Электроклубом» Игорь получил всероссийскую известность. Он работал здесь вокалистом, аранжировщиком, пел один и со второй солисткой ансамбля Ириной Аллегровой, победил с ней в конкурсе «Золотой камертон». Игорь аранжировал песню Тухманова «Чистые пруды» и очень ярко выступил с ней на «Песне-87» в Останкино. Ему стало поступать много предложений о сотрудничестве, летом 1988 он ездил на гастроли с «Музыкальным театром Аллы Пугачевой», но тут появилась возможность начать самостоятельную работу. Игорь создал ансамбль «Спасательный круг», назвав группу так потому, что сцена и творчество много раз спасали его в тяжелые периоды жизни. Группа репетировала у Игоря на московской квартире, вскоре начались гастроли, обстоятельства тому благоволили, в стране наступил период небывалой свободы — творческой, экономической, сексуальной, бандитской. Тут и там появлялись самопальные кооперативы, организующие концерты артистов в обход филармоний, они платили от 20 до 50 рублей за концерт, не вмешиваясь в репертуар исполнителя, лишь бы тот собирал зал.

В августе 1988 набирающего популярность Игоря пригласили выступить на телевидении в известной программе «Взгляд», где он, без разрешения ведущих, в прямом эфире исполнил несколько своих политических песен. И все же главный прорыв к всесоюзной известности произошел в 1989. На гастролях в Астрахани Тальков ночью написал свою главную песню «Россия». Игорь предложил ее ведущему популярной телепередачи «До и после полуночи»: *«Владимир Кириллович Молчанов... рискуя потерять работу, наживая себе массу неприятностей, отважился дать на всю страну... горемычную, считающуюся властями криминальной, «Россию»... В первый и последний раз в жизни для меня был сделан бесплатный клип»* (из книги «Монолог»). Дальше началось невероятное. Потрясенные люди звонили на телевидение и домой к Игорю, рыдали в трубку, некоторые ругались, большинство аплодировало. Это был всенародный успех.

Игорь вышел к поставленной перед собой еще в юности цели, достиг всенародной известности, теперь нужно было сформулировать сверхзадачу. Она, судя по его записям, была такой: своим творчеством открывать людям глаза на прошлое и настоящее так, как Игорь его понимал. Его концерты иногда переходили в многочасовые творческие встречи, в публичные лекции, он буквально «горел» на сцене, за счет самоотдачи, вытягивая самые безнадежные концерты с плохой аппаратурой и неподготовленной публикой. Приезжал с концертом как лирический исполнитель и пел свои политические песни. Официоз, музыкальные чиновники на местах впадали в ступор. К Игорю подходили работники КГБ, требовали «литы» песен — они у группы были. Свои тексты Игорь вовремя «залитовал» в министерстве культуры СССР, когда группа «Спасательный круг» выступала там с лирическим кон-

цертом. На тексты политических песен, почти не глядя, тоже поставили печать Министерства культуры.

К этому периоду жизни мировоззрение Игоря полностью сформировалось. Изучение текстов Ленина показало Игорю, что Ленин презирал и не любил русский народ. Талькова это сильно ударило. Страдания своей семьи и почти все народные проблемы он возложил на Ленина, КПСС и красный проект. На самом деле Россия с начала XX века была беременна революцией, она все равно бы случилась, с Лениным или без него: старый строй перестал соответствовать времени. Николай Второй был хорошим семьянином, спокойным и добрым человеком, он любил Россию, по-своему заботился о ней, но кто мешал ему встретиться с представителями народа 9 января 1905 года, хотя бы выслушав их? Вместо этого мирное шествие петербургских рабочих к Зимнему дворцу, в котором люди несли царю-заступнику петицию с жалобами на реальные трудности, расстреляли из винтовок, порубили шашками казаков, убив и ранив несколько сот человек! Зачем неподготовленными ввязываться в Первую мировую войну, если не смогли выиграть даже Японскую?! Только из-за нехватки снарядов и другого вооружения необязательные потери на фронтах достигали порой 200 тысяч человек в месяц! В результате к осени 1916 в оппозицию к царю встали не только либеральная Госдума, наполовину состоящая из масонов, но и многие высшие генералы империи, пресса, ближайшие царские родственники! В марте 1917 именно командующие фронтами заставили царя подписать отречение от престола. Царю отказала в поддержке даже русская церковь! Но Игорь Тальков считал коммунистов и Ленина исчадием ада, придавая большое значение «расшифровкам трансцендентальных голосов, летящих на Землю из Космоса в вольном переводе человека — биопсихоприемника, экстра-сенсора четвертой ступени Земного предела»: *«...Дела земные плачевны. В момент скатывания Земли в предыдущий узловой микроярус столетней цикличности произошло событие непредвиденное и роковое — были повреждены защитные, установленные высшими силами инфернобарьеры и психополя, в результате чего над территорией России в предохраняющем слое образовалась дыра, связующая Земной Мир с Миром Потусторонним. В Сверхпространственный туннель, пробитый силами зла, хлынула материя инферно...»* (из книги «Монолог»).

Игоря можно понять. Он был человеком пристрастным, формировал свое мировоззрение «на коленке», урывками, так и не получив после школы систематического образования. Часть информации о 1917-м была еще недоступной. Хотя Игорь, едва оставался в покое, изучал исторические книги, репринтные издания зарубежных текстов. Публикуемое тогда создавало протестное настроение, передаваемое в

текстах песен, которые он писал где угодно — в метро, в машине, ночью в тетради, которая лежала под подушкой или на тумбочке.

По своему характеру он не терпел полутеней, рвался в бой, и мы любим его не за ошибки, заблуждения — нет, за искренность, смелость, детскую непосредственность, с которой он вел свою битву. Он иногда заблуждался, но в нем не было самого страшного — равнодушия к Богу, людям и своей стране, — он масштабно думал и глубоко чувствовал земное несовершенство еще подростком:

«Первый вопрос, который я себе задал, это было очень давно, лет в 13: «Кто я? Почему я родился на этой земле? Что такое смерть? К чему, если мы умираем навсегда и никогда больше не будем жить, тогда эта жизнь? Почему нас учат добру и делать только добро, когда все равно мы превращаемся в прах?» (из интервью Сочинскому телевидению в июле 1991).

К началу 90-х его воззрения были неистовы:

«Мы — подкидыши, стервы эпохи, / Чудом выжившие под забором, / Отсекавшим от Господа Бога / Вахханалию лжи и террора. / Скорбь великая, слезы и грусть, / Прозябание на коленях. / Что плохого Вам сделала Русь, / Уважаемый гений? / Ну не нравился Вам наш народ... / Так в Швейцарии бы и оставались / И кровавый свой переворот / Там, в Швейцарии, свершить бы пытались. / Ладно, хватит! Мы встали с колен / И расправили плечи. / Пусть вокруг запустенье и тлен, / Но еще и не вечер. / Не дано Вам, иудам, понять, / В чем секрет нашей силы; / И не вычислить и не разгадать / Тайной мощи России»...

В последний период жизни Игорь мыслил космическими категориями:

«Кончен бал, погасли свечи, / Не успевшие поджечь / Всю планету, и не вечным / Оказался Красный меч, / Пропитавший кровью землю / Невинной стороны, / Что белом сияла белым / В черном глазе сатаны».

Своих человеческих «противников», то есть людей не вполне разделяющих его взгляды, он яростно пытался растоптать, дипломатичность не была ему свойственна даже в малой степени:

«Они не думают, не чувствуют, не слышат, / Они не видят ни зги. / Они не любят, не страдают, не ищут, / Не напрягают мозги. / У них руки — лопаты, глаза — пятаки, / А вместо лиц — квадратные совки. / Совки, не отдадим мы вам страну! / Совки, мы объявляем вам войну!»

Он все время перегибал палку, такой уж характер. В советском прошлом помимо убийц, палачей, стукачей, карьеристов и приспособленцев, было много порядочных и честных людей, которые искренне хотели своему народу блага. Не вина их, а скорее беда в том, что честность, порядочность одурманенных пропагандой людей использовали

политические проходимцы. Нельзя все в прошлом вымазать черной краской, не имеем на это мы права, нужно стараться быть объективными. Но Игорь рубил с плеча, этим и нравился многим, выбирающим простые решения. Видя свою популярность, Игорь начал воспринимать себя мыслителем государственного уровня. Неоднократно со сцены обращался к президенту, «господам-демократам», КПСС, а в 1991 написал письмо Ельцину с волнующими его вопросами.

И тут он сделал ошибку, на мой взгляд, стоившую ему жизни. Опротестив начал сотрудничать с Д. Васильевым, лидером националистической организации «Память». Кроме рассуждений на тему «возрождения национальных традиций», «пробуждения русского национального духа» Васильев говорил о России для русских, выступал как юдофоб, а этого в многонациональной России позволять себе нельзя. Национализм в России разрушителен. Хотя Игорь разделял только некоторые взгляды Васильева, он вместе с другими артистами был приглашен на презентацию газеты «Память». Организаторы презентации срежиссировали фольклорный праздник с перезвонами колоколов, игрой на гусях, духовными песнопениями... Тальков тоже исполнил несколько песен, зрительный зал был в восторге. Васильев прямо на сцене благодарно обнял Игоря, поцеловал его — фотографии этих объятий и поцелуев оказались в газетах. Многие издания представили в своих публикациях Игоря членом «Памяти», ставя на нем клеймо антисемита. Кому-то его песни откровенно не нравились, весьма сомнительно для национально озабоченных людей выглядели некоторые его строфы:

«Разверзлись с треском небеса, / И с визгом ринулись оттуда, / Срубая головы церквям / И слава нового царя, / Новоявленные иуды...»

«Кто эти иуды? Какой национальности? На что он намекает?» — волновались некоторые. А тут Игорь подставился и его перестали приглашать на телевидение, газеты, радио... У меня, например, или кого-то еще это вызвало б лишь усмешку, но для Игоря популярность казалась очень важной, он пытался опубликовать опровержение своего членства в «Памяти», но его текст в газеты не брали, объявив бойкот. Игорь начал оправдываться:

«...Мы играем с группой «Спасательный круг», где музыканты, они же и актеры, почти все — евреи, а самый мой близкий друг — музыкальный руководитель, аранжировщик и лидер-гитарист группы «Спасательный круг» Геннадий Берков — чистокровный еврей и не скрывает этого, в отличие от моих коллег — советских композиторов. Я сужу людей не по национальному признаку, а по наличию у них совести либо — отсутствию ее. Порядочный еврей другом мне стать может, тогда как негодяй русский — никогда. Мне приходилось встречать евреев, живущих по христианским принципам, и русских

«иуд». Не важно, к какой национальности принадлежит человек, важно, кому он служит...» (из книги «Монолог»).

Антисемитом Игорь, конечно же, не был. В нашем городке, а Игорь здесь формировался до совершеннолетия, для антисемитизма нет почвы: мало коренного, местного люда, почти все — приезжие. В городе шестьдесят лет не имелось ни единого храма, духовной основой существования были здравый смысл и желание выжить, вырастить детей без войны, отдав ребенка в музыкальную школу, танцевальный кружок, спортивную секцию. На себе старшее поколение как бы ставило крест после войн, поражений в правах, бесконечных переездов, тюрем и лагерей. Немногочисленная интеллигенция имела в голове мешанину широчайшего спектра — от слегка приземленного толстовства до воспевания Запада, очень модного в те годы. Многие в нашем городе, кроме потомков местных крестьян, люди смешанной крови из советской плавильной печи: чаще других, помимо русской, здесь встречается кровь украинская, татарская, немецкая, еврейская, польская, чувашская, армянская, осетинская, азербайджанская — но в целом на выходе получается русский человек, сформированный русской школой, русским языком, русской культурой... Игорь и сам был полукровкой, вспомним его немецких, польских, украинских предков. Революция, гражданская война, сталинские лагеря, вторая мировая, безбожие, послевоенные стройки не благоволили «великорусскому шовинизму», люди старались просто выжить, получалось далеко не у всех.

Как бы там ни было, в этот период жизни Игорь Тальков приблизил к себе Шляфмана, сделав его директором группы, — в качестве администратора его посоветовала Игорю Людмила Сенчина. Мне кажется, Игорь хотел еще и таким способом избежать обвинений в антисемитизме. Но присутствие рядом Шляфмана включило предсмертный отсчет времени для Талькова. Шляфман провоцировал скандалы, организовывал их на пустом месте. Возможно, Игоря это стимулировало, помогало находиться в творческом состоянии. Ведь творчество иррационально, источник его в подсознательном, творец всегда ставит перед собой предельные задачи, тем более Игорь — человек настроения, очень вспыльчивый, эмоциональный до экзатичности, предельно глубоко чувствующий, влюбчивый, искренний, непосредственный, избегающий лжи даже в мелочах. Для успешного творчества Игорю нужно было ощущать себя на баррикадах, в постоянном сражении, он даже хвалил Шляфмана за излишнюю задиристость:

— Очень смелый человек наш новый директор, сам бросается в драку...

Меж тем, продолжалось время небывалой для России свободы, у многих мужчин в карманах лежали пистолеты. Получив свободу и еще не обрета Бога, русские люди легко убивали друг друга. В начале и середине 90-х одних только предпринимателей за год погибало до 50

000 человек. Еще больше сгинуло членов уличных группировок, сидельцев, бездомных, несчастных проституток, никому не нужных стариков, бездомных детей...

В нашем шоу-бизнесе Игорь стал первой жертвой начинающегося беспредела. В марте 1993 зарезали Шишинина, создателя группы «Комбинация». Позднее были убиты Влад Листьев и еще множество людей менее заметных. В шоу-бизнесе уже тогда вертелись миллиарды черного нала, многие артисты употребляли наркотики, посещали религиозные секты. Евгений Мартынов в 42 года умер во время судебного процесса, затеяв тяжбу с организаторами гастролей по Рязанской области, стараясь отсудить уже заработанные деньги. Погибли от наркотиков Игорь Сорин, участник группы «Иванушек» и секты «Рэйки Кадудце». Выпал с пятого этажа Мурат Насыров — тоже наркозависимый и тоже сектант... Список безвременно погибших артистов можно продолжать долго. Творческие люди не любят самоограничений, это мешает работать, но из-за вседозволенности у многих душа выгорает стремительно. Душа Игоря не выгорела, скорее, устала, это видно по его последним песням: *«Надо ж было так устать, / Дотянув до возраста Христа, Господи... / А вокруг, как на парад, / Вся страна шагает в ад / Широкой поступью».*

Так честно, искренне, творчески жить, как Игорь, очень сложно. Мы ведь для спокойствия часто идем на компромиссы — тут промолчим, там скажем только часть правды, — а Игорь жил в предельной честности, бил по голове этой честностью родных людей и близких женщин. Особенно тяжело, мне кажется, было его жене Татьяне. По ее сдержанным словам, Игорь был «не святой, делал ошибки». Как только познакомились, он сразу предупредил: «на первом месте у меня будет работа, на втором мама, а уж на третьем ты». Татьяна прощала ему измены и отлучки, полностью посвятила свою жизнь Игорю, оберегала его, предупреждала каждое его желание. Игорь был влюбчивым, увлекающимся, быстро загорался чувством к другим женщинам, но при этом удивительным образом оставался преданным жене. Она смирилась с его изменами, не подавала вида, что страдает, даже защищала Игоря перед близкими — «ему так нужно». Помимо романов с музыкальными дивами у него были женщины, которые сопровождали его в поездках. Об этом не стоило бы говорить, но личная жизнь Игоря уже давно высвечена в телевизионных «ток-шоу». Одна из спутниц, саксофонистка группы «Спасательный круг» Альбина Боголюбова, ушла от Игоря к подруге. Та ее, в свою очередь, бросила, и Боголюбова умерла в 2008 от алкоголизма. Считается, именно ей посвящена песня «Летний дождь». Незадолго до трагического финала в жизни Игоря появилась новая подруга — Лена Кондаурова. Когда они познакомились, ей было 24 года, ему 33. В группу ее привел Шляфман, сделав администратором. Игорю Кондаурова понравилась, он приблизил

ее к себе. На фотографиях того времени это юная, трогательная девушка со светлыми волосами. Именно Кондаурова ехала с Игорем в последнюю поездку в одном купе, по ее словам, она была беременна от Игоря, и он хотел, чтобы она рожала. Через десять дней после его смерти у молодой женщины случился выкидыш — она почти не спала, много курила, волосы от стресса выпадали клоками. Татьяна Талькова и Елена Кондаурова после смерти Игоря три месяца прожили вместе, поддерживая друг друга. Затем Елена уехала в Италию работать официанткой в ресторане, нашла там себе мужчину, пригласила Татьяну с подругой в гости. Татьяна отомстила напоследок, рассказав мужчине Елены про Талькова и Шляфмана, разрушив ее итальянскую жизнь.

Кроме человеческих встреч, желаний, любовей существует судьба, раз ее можно заранее предсказать и почувствовать. Игорь умел это делать, говорил Татьяне в ночь перед гибелью, что ему осталось жить всего несколько недель. Был похожий разговор и с Кондауровой: «Я скоро умру, но убийцу не найдут». — «А мне куда деваться? Я покончу жизнь самоубийством!» — «Тогда мы с тобой не увидимся». — «Тогда я в монастырь уйду!» — «В монастырь не уходят, а приходят. Я знаю, ты доживешь до старости, и когда ты умрешь, то я тебя встречу и поведу по коридорам».

Шляфман, отчасти, был всего лишь орудием судьбы, не понимая этого. Но вероятность, что действовал он злонамеренно, полностью исключить нельзя:

«Конфликты вспыхивали то и дело, Шляфман провоцировал ребят... Задиристость Шляфмана несколько настораживала: то ли в силу характера, то ли из желания подчеркнуть свою значительность, вызвать к себе уважение ребят, он, бывало, раззадорит всех и, как моська, спрячется за спину хозяина. А может, и не в характере было дело; возможно... он специально с этой целью и был внедрен в коллектив» (Т. Талькова «Монолог»).

Мозаика судьбы сложилась, когда в питерском «Юбилейном» появился Малахов. Это был человек, абсолютно лишенный духовного зрения, не «видящий краев», как сейчас говорят. Он к этому времени закончил музыкальное училище, поучился во ВГИКе у Сергея Бондарчука и Ирины Скобцевой, написал для Азизы несколько песен («Пустыня», «Аляска», «Викинги») — внешне очень яркий, красивый, мужественный. Бандитизм и мужественность были тогда для некоторых русских чуть ли не синонимами. Вскоре Малахов бросил Азизу ради богатой иностранки Вилмы, гражданки ЮАР, затем расстался и с ней. Был чемпионом Сибири по кикбоксингу, дружил с Женей Белоусовым, водил знакомство с Айзеншписом. После убийства Талькова его начали разрабатывать прокуратура и спецслужбы, в том числе известный сейчас всем Литвиненко, тогда еще офицер КГБ. Вначале главным подозреваемым считался Малахов, затем следователь прокуратуры

Валерий Зубарев, будто специально дождавшись, когда Шляфман через Украину выедет в Израиль, вынес другой вердикт — выстрел, мол, сделал Шляфман. Своим друзьям в подпитии Малахов признавался, что это был его выстрел, но выстрел мог сделать и Шляфман, вырывая револьвер у Малахова. Уголовное дело зависло, Шляфман в Израиле сменил фамилию (назвался Высоцким), Малахова осудили за незаконное хранение оружия. После всех тяжб он стал много пить, скрывался от прессы, повесил дома портрет Ленина, говорил, указывая на него: «Вот самый честный человек». А перед этим был послушником Псково-Печерского монастыря, затем ушел в язычество, стал интересоваться мистикой. Перед смертью располнел, выглядел как бесноватый, вся его семья и он сам кончили плохо: брата Олега убили выстрелом в затылок, Малахов умер от болезней в возрасте 53 лет в июле 2016.

Что еще для нас поучительно — перед смертью Игорь полностью освободился от спасительного контроля самых близких и преданных ему людей. Брат Игоря — Владимир Тальков, работавший в группе осветителем, — поссорился с музыкантами, требовал их уволить, был отправлен Игорем в Германию:

— Поезжай в Германию, к друзьям... отдохнешь, опять вместе работать будем... Не могу я уволить этих людей, совесть не позволяет. Ведь они работали со мной с самого начала, вместе и в нищете пребывали, и на задворках выступали. Как я теперь их выгоню? (В. Тальков «Я воскресну и спою»).

Ольга Юлиевна копалась на даче в Щекино, а в самый день гибели сына отправилась к родственникам в Днепропетровск. Жена Татьяна осталась в Москве с сыном. Владислав Черняев, друг детства и щекинский сосед, один из телохранителей и преданный спутник Игоря, «разруливший» прежде не один подобный конфликт, не поехал на концерт в Питер, поставив ультиматум Игорю — «выбирай, я или Шляфман», — таким образом, пытаясь избавиться от скандалиста. Игорь, торопя судьбу, выбрал Шляфмана.

... Действия Шляфмана носили такой провокационный характер, что поверить в их непреднамеренность сложно, почти невозможно. <...> В сущности, Талькову был брошен публичный вызов — наглый, дерзкий, хамский, возмутительный. Будучи человеком чести, с обостренным чувством собственного достоинства, он просто не мог его не принять... Сам конфликт в «Юбилейном» поначалу не стоил, как говорится, выеденного яйца. <...> Но раздаются выстрелы из боевого оружия <...> Директор программы посылает ведущего оставшегося концерта. Тот срывающимся голосом сообщает о случившемся...

Спасти Игоря было уже нельзя, хотя люди вокруг пытались. Врачи «скорой помощи», увидев, что Игорь мертв, делали все же бесчувственному телу искусственное дыхание и уколы, чтобы их не разо-

рвали на месте. После смерти Талькова некоторые газеты и журналы попытались представить гибель певца следствием вздорного характера Игоря, но народ не поверил. С самого начала в народном сознании явилось убеждение: Игоря убили за правду. Свидетельствую слова земляков Талькова: «Полез в политику — и его грохнули!» «Глубоко стал копать, такого у нас не прощают!» Сразу начал твориться миф об Игоре, его черты на глазах приобрели былинный оттенок.

В любом событии, помимо материальной канвы, есть скрытый или явный духовный пласт. Мы не знаем точно, как двигаются шестеренки судьбы, все до мелочей предопределено или нам оставлена в чем-то свобода выбора? Мы можем лишь констатировать — смерть вознесла Игоря на еще большую высоту и оставила там как символ русского сопротивления. Неизвестно, что могло бы случиться, проживи он дольше. Мог ли он пасть, как некоторые кумиры нашей молодости, начав рекламировать пиццу, ведя передачу по кулинарии? Умерев, Игорь останется для многих национальным героем. Вокруг него сформирован миф, и его жизнь в этом мифе выглядит как жертва, а в земном мире нет ничего выше жертвы за «друзья своя». Игорь перед смертью прямо говорит в дневниках, что подражает Христу. Когда такое случается, люди подвергаются яростным нападкам потусторонних сил. Часто им выносятся приговор — людьми или нет, — мы не знаем.

Игорь своей жизнью, творчеством защищал популярный взгляд на историю России, право народа на достойную жизнь в этой истории. Его лучшие песни не устарели и через 25 лет после смерти, как лучшие песни Цоя, фильмы Шукшина, повести Валентина Распутина. Какие-то космические, общечеловеческие струны они задевали.

Свидетельствую, у многих земляков Игоря было ощущение, что ему петь не дадут. Когда человек поднимается в ожесточенном бою в полный рост, он почти всегда погибает. Большинство людей ползут, двигаются перебежками, маскируются, иногда отступают, окапываются... Игорь шел в полный рост, потому и погиб так рано. Он знал, что его жизнь заканчивается:

«Мне показалось, что я все написал, / Что волновало меня в этом мире»... (1991).

«За несколько дней до гибели Игорь вдруг произнес, что и жить-то ему осталось всего ничего... то ли две недели, то ли два месяца... Я несколько напряглась, не придав этому особого значения... Очень переживал, все говорилось с болью, сожалением. Причем говорил как-то отстраненно, как о том будущем, в котором его уже не будет рядом... Но тогда это воспринималось нормально... какие-то откровения у него бывали» (Т. Талькова «Монолог»).

...А в 2017 после официальных речей у открытого памятника начался концерт, выступали друзья Игоря — постаревшие, немного жалкие. Игорь — молодой, бронзовый, уже не подвластный старос-

ти,— возвышался на постаменте, обернувшись к зрителям. Нужно было идти, я шагал сквозь холодный июль, поглядывая на мамочек, выгуливающих в парке своих малышек, и думал, что не все так грустно. Игорь успел написать песню и про наш город:

«Вот поезд тронулся, и позади / Остался маленький город. / Смешно, конечно, но только в пути / Я пойму, как он мне был дорог. / Ну, а пока, скорость набрав, / Мой поезд весело мчится. / Это потом я сорву стоп-кран / И сойду, чтобы к нему возвратиться».

Стоп кран сорвали за Игоря, но дальше все получилось точно как в песне — он возвратился, пока в бронзе. Песни его звучат, память о нем сохраняется, сын Игоря каждый год 6 октября, в день смерти отца, приезжает в Питер, чтобы устроить концерт у мемориальной доски. В 2016 ему разрешили выступить на сцене в самом «Юбилейном», концерт назывался «25 лет тишины». Лучшие песни Игоря и сейчас невозможно слушать без волнения. Игоря телом нет, но мы тоже скоро умрем. Наше тело — лишь сменяемый катридж, который быстро стареет, портится и его приходится менять. Душа бессмертна. Игорь знал это и потому не боялся смерти, не проклинал жизнь:

«Не спеши проклинать этот мир — / Он не так уж и плох, / Если утром ты видишь цветы у себя на окне. / А за окнами светится храм, / А во храме есть Бог».

Многие наши храмы восстановлены, Бог есть и не оставляет Россию. Мир вокруг кипит и пенится ненавистью, но Россия жива и крепко стоит на ногах. Нужно быть осторожнее с бандитами у подмостков мировой сцены, не стреляя попусту из газового пистолета, как Игорь. Ведь мы хотим пропеть свою русскую песню, а не рухнуть с простреленным сердцем? Нельзя рисковать родиной, ведь поспешно объявленного американским политологом и философом Фукуямой «конца истории» так и не случилось! Однополярный мир, под управлением «глубинного государства» и США, не состоялся. Многие люди в Евразии, Латинской Америке, Африке не хотят становиться быдлом, скотом нового мирового порядка, у нас по-прежнему есть хорошие шансы на свободное будущее. Цивилизациям России, Китая, Ирана, Индии, Турции удалось избежать запланированной лоботомии. Это и есть главная победа современности — двух последних десятилетий планетарной истории. Югославия, Афганистан, Сирия, Ливия, Ирак, Йемен и еще с десяток стран разрушены или разделены, но главные крепости Евразии выстояли, сохранили свою культуру, экономику, продолжают сотрудничать, избегая войны между собой. Нам и дальше нужно устоять в нашей тысячелетней крепости — России.

Галина КЛИНКОВА

(Волгоградская область)

Родилась 15.03.1949 г. Работает учителем русского языка и литературы в школе. После окончания педагогического института трудовой путь начинала литературным сотрудником в районной газете. До сего дня продолжает держать с ней тесную связь. Очень любит поэзию, хотя стихи сама не пишет. В публицистических материалах делится с читателями своими впечатлениями о том, что стало дорогим, затронуло душу... Печатается в межобластных литературно-музыкальных альманахах.

НЕМЕРКНУЩИЙ СВЕТ ЛЮБВИ...

(Гастрольи Волгоградского театра одного актера)

...На сцену Среднеахтубинского районного Дома культуры «Юбилейный» выходит женщина. В длинном черном платье, контрастно — белый тонкий шарф обнимает шею и красиво спадает с плеч, шляпа, в руках — белый чемоданчик. Заслуженная артистка России Зинаида Тихоновна Гурова показывает свою авторско-режиссерскую работу «Душечка». Эта философская миниатюра создана ею по мотивам одноименного рассказа Антона Чехова, произведениям Вильяма Шекспира, Осипа Мандельштама и Надежды Тэффи. О Гуровой давно говорят: «Живая легенда Волгограда». Сыграв на больших сценах страны более ста ролей, после закрытия в нашем городе театра имени М. Горького, Зинаида Тихоновна создала в 1989 году «Театр Одного актера». Как профессионал высокого класса, она состоит в Международной ассоциации режиссеров.

Ряды заполнены зрителями разных возрастов. Но мне кажется, что сейчас — одно дыхание на всех... Ведь актриса словами классиков говорит о смысле жизни, о предназначении женщины, о любви — самом загадочном человеческом чувстве...

Центральный образ театрального действия — Душечка, Оленька, одна из самых популярных героинь прозы Чехова. Еще в XIX веке это имя вошло в лексикон читателей как нарицательное. Перед глазами оживает знакомый еще по школьной поре образ:

— Она постоянно любила кого-нибудь и не могла без этого. Раньше любила своего папашу, который теперь сидел больной, в темной комнате, в кресле, и тяжело дышал; любила свою тетю... любила своего учителя французского языка. Это была тихая, добродушная, жалостливая барышня с кротким, мягким взглядом... Глядя на ее полные, розовые щеки, на мягкую белую шею, на добрую наивную улыбку

ку, которая бывала на ее лице, когда она слушала что-нибудь приятное, мужчины думали: «Да, ничего себе...», и тоже улыбались, а гости-дамы не могли удержаться, чтобы вдруг среди разговора не схватить ее за руку и не проговорить в порыве удовольствия:

— Душечка!

В спектакле соединились разные виды искусства — драматургия, поэзия, рассказ, песня... Используя оригинальный реквизит, интонации, жесты, звучание мелодии, Зинаида Тихоновна магически владеет вниманием публики — ведь создаваемые ею образы так живы, так достоверны и так волнующи! Судьба Душечки... Кто из женщин может остаться к ней равнодушной? Два замужества, гражданский брак, в итоге одиночество и старость... Но не сюжет рассказа — главное для актрисы, а душа героини...

По любви выйдя замуж за театрального предпринимателя Кукина, Оленька понимает и разделяет его проблемы, всегда рядом с ним. «Ее милая... похожая на сияние улыбка мелькала то в окошечке кассы, то за кулисами, то в буфете...» Но муж умирает, и она впадает в траур. Затем снова влюбляется. Теперь в управляющего лесным складом Пустовалова, который заполняет всю ее душу. Они женятся. Душечка начинает вникать в вопросы торговли лесом. Но и Пустовалов умирает. Оленька рыдает: «Как же я буду жить без тебя, горькая я и несчастная». Вскоре судьба снова дарит ей случай влюбиться. На этот раз в поссорившегося с женой ветеринарного врача Смирнина...

Душечка любит до самозабвения. И чувство это на сцене почеховски нежное, естественное, целомудренное. Актриса пленительна в образе — чистом и радужном, словно написанном акварельными красками. Оленька перевоплощается в любовь, возрождается ею и ею живет. Она отождествляет себя с любимыми мужчинами в такой мере, что перенимает даже образ их мышления, влюбляется в их профессии.

Разные персонажи — личности со своими судьбами, мыслями вплетены в ткань спектакля, стали одним целым, соединившись в исповедальности души. Каждая — идеал женственности и самопожертвования.

Любовь Андреевна Раневская из «Вишневого сада» откровенно говорит о том, почему возвращается во Францию к человеку, ее разорившему и предавшему:

— Этот дикий человек опять заболел... Он просит прощения, умоляет приехать... Он болен, он одинок, несчастлив, а кто там поглядит за ним, кто удержит его от ошибок, кто даст ему вовремя лекарство?.. Я люблю его... Люблю, люблю... Это камень на моей шее, я иду с ним на дно, но я люблю этот камень и жить без него не могу... Надо понимать тех, кто любит. И надо самому любить... Надо влюбляться...

В страдании, сострадании, жертвенности видит она свой долг. Так думает и писательница Надежда Тэффи:

— Нежность — самый кроткий, робкий, божественный лик любви... Сестра нежности — жалость, и они всегда вместе. Любовь — нежность все отдает, и нет ей предела...

Но и последнее счастье Душечки длится недолго. Полк, в котором служил ветеринар, перевели куда-то очень далеко. Оленька остается одна. Ей жутко и горько.

— Ей бы такую любовь, которая захватила бы все ее существо, всю душу, разум, дала бы ей мысли, направление жизни, согрела бы ее стареющую кровь...

И вдруг... В один жаркий июльский день под вечер кто-то постучал в калитку... Это вернулся ушедший в отставку ветеринар. Он помирился с женой, да и сына пора было отдавать в гимназию. Душечка с восторженной радостью поселяет их в доме, а сама переходит жить во флигель

Сын постояльца Сашенька — маленький, полный, с ясными голубыми глазами и ямочками на щеках... Он полностью заполнил ее жизнь и мысли. Самый большой страх Оленьки — что настоящая мать может забрать ребенка:

— Ах, как она его любит! Из ее прежних привязанностей ни одна не была такою глубокой, никогда еще раньше ее душа не покорялась так беззаветно, бескорыстно и с такой отрадой, как теперь, когда в ней все более и более разгоралось материнское чувство. За этого чужого ей мальчика, за его ямочки на щеках, за картуз она отдала бы всю свою жизнь, отдала бы с радостью, со слезами умиления...

А образ женщины шекспировских комедий у Гуровой — олицетворение чистой поэзии! Все силы ее природы сосредоточены на стремлении любить, она сердечна и самоотверженна, свет и счастье несет в судьбу избранного.

Во все времена женщина олицетворяет любовь, хранит домашний очаг, создавая в нем уют и тепло. Она дает умиротворенность, спокойствие и психологическую стабильность для мужчины. Поэт серебряного века Осип Мандельштам о своей жене говорил как о «единственном и неоценимом друге». После гибели поэта, арестованного, как многие тогда, безвинно, за «контрреволюционную деятельность» и погибшего в лагере под Владивостоком, она сохранила его литературное наследие, до времени спрятав, — и стихи, и прозу — в самом надежном месте — в своей памяти.

Потрясают строки из последнего письма Надежды Яковлевны Мандельштам мужу:

— Ося, родной, далекий друг! Милый мой, нет слов для этого письма, которое ты, может, никогда не прочтешь. Я пишу его в про-

странство. Может, ты вернешься, а меня уже не будет. Тогда это будет последняя память.

Осюша — наша... с тобой жизнь — какое это было счастье... Наша любовь. Теперь я даже на небо не смотрю. Кому показать, если увижу тучу? ...Наша счастливая нищета и стихи... Каждая мысль о тебе. Каждая слеза и каждая улыбка — тебе. Я благословляю каждый день и каждый час нашей горькой жизни, мой друг, мой спутник... Как долго и трудно погибать одному — одной. Для нас ли неразлучных — эта участь?..

Не знаю, жив ли ты... Не знаю, где ты. Услышишь ли ты меня? Знаешь ли, как люблю?.. Ты всегда со мной...

В финальной сцене актриса, прижимая к груди большую куклу, баюкает ее, поет колыбельную... Беспредельно волнуешь и текст, и мелодия, и голос... Эта аллегорическая фигура символизирует Любовь, Милосердие.

Жизнь наша стремительна и непредсказуема. Современные социологические данные свидетельствуют о кризисе семьи. Но так хочется, чтобы она была твоей маленькой Вселенной, наполненной атмосферой любви. Это миссия женщины. Даже деловой, достигшей большого успеха в профессиональной карьере, но при этом остающейся — Душечкой...

Надолго запомнится благодаря блистательной игре талантливой актрисы вдохновенное общение с литературными святынями мировой классики. Не сразу растворится во времени и пространстве ощущаемая энергия тепла от света любви, которым окутаны милые женские образы...

Кирилл КАРЛОВ

(г. Москва)

По образованию — востоковед, синолог. Выпускник Дипломатической академии МИД РФ. Проходил стажировку в Институте международных отношений (Пекин, Китай). В настоящее время работает специалистом-экспертом по международным связям. Срочную службу проходил в одном из подразделений ВКС России. Младший сержант запаса.

МИР ТРОЕЦАРСТВИЯ*

Предисловие переводчика

Думаю, стоит сказать несколько слов о той книге, краткий отрывок из которой мы собираемся предложить читателю. Исходный текст представляется сложным, даже если забыть о том, что его автором является гражданин Японии корейского происхождения, занимающийся древней китайской литературой, и о том, что перевод на русский язык осуществлен с китайского, на который, как можно догадаться, книга была переведена с японского. Самая большая трудность в том, что Кин Бунке отсылает читателей к китайским философским категориям и таким историческим событиям, которые даже тех, кому эта сфера близка и в каких-то пределах понятна, подчас надолго озадачивают и требуют обращения к соответствующей литературе, в свою очередь, также требующей перевода. При этом, как любой текст на китайском языке, — «Мир Троецарствия» максимально сжат и лаконичен. Насколько было возможно, я старался подробнее описать явления и события в русской адаптации, с учетом, конечно, того, что изначально книга предназначалась достаточно узкой аудитории. Вместе с тем, я старался не прибегать без необходимости к ссылкам, так как убежден, что простое перечисление фактов (в определенное время на определенной территории находилось определенное государство, а потом распалось) читателю ничего не даст и моментально забудется.

Интерес, на мой взгляд, может вызвать и сам автор первоисточника, чья судьба и род занятий кратко описаны во вступлении. Его подход к материалу, точка зрения на события, а также восприятие собственной роли (как писателя, как историка, как гражданина) безуслов-

* Перевод с китайского отрывка из книги Кин Бункё (кит. Цзинь Вэньцзин) Киото, Япония, март 2011 г.

но, найдут понимание у читателей. Открывается человек, очень близкий многим из нас, равнодушный, ищущий.

Исторические события, о которых идет речь, на первый взгляд, могут показаться широкому читателю не слишком значительными. Но такое утверждение было бы просто несправедливо, если учесть усилия, предпринятые автором для подтверждения научной новизны и актуальности своей работы. В «Мире Троецарствия» глубокая древность обоснованно, с качественной доказательной базой связывается с самыми актуальными событиями дня сегодняшнего. Кроме того, не менее важен исторический фон, в контексте которого господин Кин Бунке рассматривает жизни людей прошедших эпох, их быт, мировоззрение, страхи, стремления.

Такой подход, безусловно, необходим каждому из нас. Хотим мы того или нет — мы все принадлежим той эпохе, в которую выпало родиться и жить, мы становимся свидетелями (а иногда и участниками) определенных событий. Люди, о которых мы прочтем на страницах «Мира Троецарствия», тоже не выбирали: им выпало жить в эпоху кровопролития, отметившего распад великих государств, и еще большего кровопролития, сопровождавшего возникновение новых царств. Автор показывает нам, что единственный выбор, доступный нам, — это избрать любовь и внимание к жизням людей, постоянное стремление к пониманию как современников, так и далеких предков. Думаю, пищу для размышлений и утешение следует искать именно в таком подходе.

Я буду очень рад, если наши соотечественники смогут открыть для себя нового автора, чтобы в длинных вечерах наступающей осени их сопровождала эта глубокая книга.

Предисловие к китайскому изданию

В длительной истории Китая Троецарствие является особенно специфической эпохой, классической эпохой. Особенно надо отметить, что на всем протяжении история Китая представляла собой либо противостояние юга и севера, либо хаос междоусобиц. Только в Троецарствии сложилась ситуация, когда одновременно существовали три правящих дома, удерживавших баланс сил. В то время как два человека — это еще не общество, а три человека — уже составляют минимальную социальную единицу, отношения между тремя царствами можно назвать протомеждународными. Скрытая и явная борьба между ними, конечно, более сложная, чем отношения между двумя державами, но и не имеет черт эпохи Воюющих царств, в них можно увидеть прототип международных отношений. Например, царство У внешне выражало покорность Цао и Вэй, но вело скрытое противодействие, или же между Шу и У шло противостояние, но сохранялась и сложная

взаимосвязь, свойственная горизонтальным союзам, не говоря уже о том, что в прошлом и настоящем стратегия внешней политики, вероятно, не изменилась. В современной Восточной Азии отношения между Японией, Кореей и Китаем день ото дня становятся все более тесными, однако противоречия, сопровождающие их, оборачиваются известными проблемами. Некоторые говорят, что это и есть новое Троецарствие, и тому есть причины. Тем более отношения между этими странами можно проследить вплоть до эпохи Троецарствия классического. Сейчас, оглядываясь назад, требуется переосмыслить историческое значение. К тому же японцы и корейцы превосходно знают историю Троецарствия. С одной стороны, одноименный роман не выходит из рук, позволяя наслаждаться древней классикой, с другой стороны, степень понимания у китайцев, вероятно, глубже.

Я, родившийся и выросший в Японии кореец, чья профессия древняя китайская литература, одну из последних своих работ посвятил исследованию истории выхода романа «Троецарствие» в печати. Слишком самонадеянно считать, что непрофессиональный иностранец сможет написать историю Троецарствия. Я также не дерзаю утверждать, что эта небольшая книга имеет научную ценность или представит читателю уникальную точку зрения, но это лишь плод многолетнего чтения и незрелых размышлений. Будет большой удачей, если по случайности она будет кому-то полезна.

Пролог

Нельзя не отметить, что сцены из романа несложно обнаружить в Китае 3-го века. В 3-м веке на территории Европы еще шла эпоха Римской империи, в Японии существовало государство Яматай, с которыми также связано немало сюжетов. По какой же причине древность обладает такой привлекательностью для ныне живущих? Невозможно представить, чтобы это явление ни на чем не основывалось.

То, что современники обычно называют романом «Троецарствие», на самом деле является адаптированным переложением «Анналов Троецарствия» за авторством Ло Гуаньчжуна, жившего в 14-м веке. В реальности это не та же самая книга, это историческое произведение жившего в 3-м веке ученого Чэнь Шоу (233—297 гг.), являющееся одним из так называемых описаний прошлых эпох и исторических фактов. Позднее, в период шести династий и первой династии Сун, Пэй Сунчжи, основываясь на распространенных в то время представлениях, почерпнутых из литературы о Троецарствии, составил подробный комментарий к труду Чэнь Шоу.

Вслед за изменяющимися временами перемены пришли в образ жизни и привычки, а у Ло Гуаньчжуна не было четкого понимания этого. К примеру, к эпохе Троецарствия бумага едва появилась, соот-

ветственно, об ее широком распространении еще не могло быть и речи. По этой же причине именная карточка Чжу Жана делалась из дерева. Но, видимо, Ло Гуанчжун совершенно не знал об этом. Или же сознательно скрывал, не желая помещать перевод в собственное сочинение. В результате мы встречаем упоминание о технологии книгопечатания в первых изданиях «Анналов Троецарствия». Общеизвестно, что печатать книги стали в более поздние времена. Подобное игнорирование различий между эпохами, начиная с предметов быта и заканчивая жизнеописанием исторических персонажей, обнаруживается во всем тексте книги. Другими словами, роман описывает события 3-го века, а изобразительные приемы заимствует из 14-го века. Поэтому такие фигуры как Лю Бэй, Гуань Юй и Чжан Фэй, а также их героические поступки воспринимаются, как если бы это были Ода Нобунага, Тоетоми Хидэеси или другие персонажи эпохи Сэнгоку в Японии. Цель данной книги стать ключом к пониманию прекрасно известных нам «Анналов Троецарствия» (хотя «Анналы Троецарствия» выдержали несколько изданий, далее в тексте будут присутствовать особые указания, за основу будет взято наиболее распространенное издание периода империи Цин) и описать историю эпохи Троецарствия, которую мы знаем отнюдь не так хорошо. Разумеется, нельзя обойтись без комментариев к таким историческим документам, как «Записи о Трех царствах» Чэнь Шоу, но опираться только на документы далеко недостаточно для понимания этого периода. К счастью, сегодня мы располагаем большим количеством находок из могилы Чжу Жана, исследования этих предметов дают результаты. Я верю, что, совмещая археологические открытия и изучение исторических документов, мы сможем открыть широкой общественности истинный облик эпохи Троецарствия.

Отправная точка современного Китая

У читателя непременно возникает вопрос: есть ли необходимость так настойчиво восстанавливать истинный облик эпохи Троецарствия? Что если после досконального научного разбора роман окажется вымыслом? Не окажется ли это напрасной тратой сил? Говоря о современной жизни, какой смысл для нас копаться в событиях, произошедших восемнадцать столетий назад?

Для меня очевидно, что значение такого изучения поистине велико. Для глубокого понимания китайской истории, общества и культуры с эпохи Троецарствия до наших дней рассматриваемый нами период играет важнейшую роль. Дело в том, что Китай — это одна из тех стран в мировой истории, культурная самобытность которых выделяется особенно сильно, а именно в Троецарствии эта специфика была сформирована. Распространение бумаги один из примеров тому.

Покойный ныне историк Кавакацу отмечал как-то, что Троецарствие и последовавшая за ним эпоха Южных и Северных династий — это «блестящая смута». Причиной этому является политический хаос, царивший в те времена. Но именно поэтому Троецарствие стало возможностью проявить себя для множества героических личностей, а также временем расцвета разнообразных культурных явлений.

Взять, к примеру, Цао Цао, предстающего в романе в роли отрицательного персонажа. В то же время он был яркой индивидуальностью и выдающимся реформатором. Как и двое его сыновей, Цао Пи и Цао Чжи, Цао Цао был еще и талантливым поэтом. Когда речь заходит о китайской поэзии, прежде всего на ум приходят Ли Бо и Ду Фу — блестящие представители танского стихосложения. Танская поэзия поражает своим великолепием, однако свое начало она берет в творчестве рода Цао. В эпоху троецарствия индивидуальные выразительные средства в литературе впервые в истории обрели особый статус.

Похожие феномены мы отмечаем также в идеологической и религиозной сферах жизни. Общеизвестно, что конфуцианство самое представительное учение Китая, основанное Конфуцием. Конфуций составил канон своего учения, последователи создали обширный корпус комментариев. Особенно сильное влияние имели комментарии ученого периода конца Хань Чжэн Сюаня. В «Троецарствии» есть упоминание о Чжэн Сюане, как об учителе Лю Бэя, что, конечно, вымысел. На самом деле учителем Лю Бэя являлся Лу Чжи, друг Чжэн Сюаня.

Буддизм, пришедший в Китай из Индии, является несколько запоздалым явлением века. Фактически же, в народной среде очень быстро началось распространение буддизма с его канонами и проповедями, принесенными большим количеством монахов в Китай. Это также относится к периоду конца Хань — Троецарствию. Сунь Цюань основал в царстве У первый буддийский монастырь, чтобы в нем могли жить и проповедовать странствующие монахи, а сын Цао Цао Цао Чжи некогда сочинил буддийский гимн. Все это служит явным доказательством того, что в рассматриваемую нами эпоху буддизм получает широкое распространение.

Даосизм являлся народной системой верований, берущей свое начало в проповедях таких даосов эпохи Весен и Осеней и Воюющих царств как Лао-цзы и Чжуан-цзы. Но среди образованных кругов это учение стало распространяться только к концу Хань и Троецарствию. Так описанное в романе начало Восстания Желтых повязок как раз является поднятым даосской группой Тайпиндао. А секте Пять плошек риса даже удалось создать собственное теократическое государство во времена Цао Цао и Лю Бэя. Даосизм обрел мощь, когда Пять плошек риса была переименована в Школу не-бесных наставников, а потомки Чжана Лу стали почитаться как «небесные наставники Чжан».

Его потомки до сих пор продолжают религиозную деятельность на Тайване.

Конфуцианство, буддизм и даосизм с тех пор являются костяком китайской идеологии и основой веры. Сосуществование этих трех учений и создало особое мировоззрение китайцев. А сам процесс сосуществования начался именно в Троецарствии. Троецарствие стало временем философского оживления и своеобразной «блестящей смуты» вслед за эпохой Весеней и Осеней и Воюющих царств. В таких областях, как религия, идеология, литература и искусство, Троецарствие стало периодом, имеющим эпохальное значение.

Помимо культуры и религии, Троецарствие также является важной отправной точкой развития политической сферы. Если смотреть с точки зрения мировой истории, то безусловной особенностью Китая станет длительное существование империи на обширной территории. Однако идея мощной централизованной империи возникла именно в период Троецарствия. Это оказало огромное влияние на Японию, Корею и прочие страны региона.

Троецарствие в Восточной Азии

Интерес к Троецарствию и древней Японии можно назвать основной страстью, владевшей умами японцев после завершения Второй мировой войны. Но, как мы считаем, связей между этими двумя феноменами немного. Однако, как было замечено ранее, период Троецарствия совпадает с периодом Яматай в Японии, а период Яматай — это Химико, что отсылает нас к «Преданию о людях Ва».

На самом деле «Предание о людях Ва» является главой Книги Вэй, входящей в «Записи о Трех царствах». Последний свиток Книги Вэй называется «Об ухуанях, сяньби и восточных варварах», среди которых последними описываются «восточные варвары Ва», что и принято считать «Преданием о людях Ва». Под термином «восточные варвары» понимают несколько государств, существовавших в древности: Пуе, Когуре, Восточное Окчо, племена илоу, народность вэй-мо, а также корейцы и Ва. Если говорить приблизительно, Пуе и илоу могут быть соотнесены с Северо-Востоком современного Китая. Территория царства Когуре включала в себя южную часть Северо-Восточных областей и КНДР. Восточное Окчо располагалось на территориях, ныне составляющих восточную область КНДР, а три корейских племенных союза (Махан, Чинхан, Пенхан) идентифицируются с современной Республикой Корея. Собственно говоря, Ва — это и есть японцы.

По мере того, как империя Хань клонилась к упадку, соседствующие народы предпринимали активные действия. На Корейском полуострове возникли Когуре, Пэкче и Силла. На Японских островах также начинается процесс государственной консолидации. Эти держа-

вы стремились установить отношения с Китаем, одновременно с этим втягиваясь в сферу влияния китайской культуры, письменности, конфуцианства и буддизма. Так и было положено начало длящегося по сей день распространению китайской культурной экспансии и международных отношениям в Восточной Азии.

В начале XXI века между Китаем, КНДР, Кореей и Японией по-прежнему непрерывно возникают новые международные отношения. Таким образом, культура Восточной Азии испытала значительное влияние эпохи Троецарствия. Не удивительно, что изучение эпохи Троецарствия сегодня не только имеет глубокий смысл, но возбуждает живой интерес многих людей.

В прошлом китайская культура мыслилась именно как культура с берегов Хуанхэ, затем разошедшейся лучами к периферии. Китай является единственной цивилизацией в истории, чья культура сохранялась на обширной территории в течение столь длительного времени. Однако результаты последних исследований сообщают нам, что в эпоху древности в различных регионах существовали другие культуры, резко отличные от культуры Хуанхэ. Например, культуры, обнаруженные на всем течении Янцзы (в южных низовьях стоянка Хэмуду и Саньсиндуй в верхнем течении) являются самыми характерными. Саньсиндуй является местом находки специфических бронзовых масок. Каждый, кто видел их, испытал сильное ощущение несхожести масок с теми общими представлениями о китайской культуре, укоренившимися в сознании. Стоянка Хэмуду и Саньсиндуй находятся как раз в тех местах, где в Троецарствии располагались У и Вэй. Поэтому говорят, что Троецарствие — ключевой период для китайского объединения и раскола, а также культурной идентичности и многообразия. Также крупным вопросом является значение этих китайских феноменов в масштабах всей Восточной Азии.

Целью данной книги также является выявление корней истории и культуры эпохи Троецарствия, проследить их влияние на последующие века и будущее Восточной Азии.

Взгляд на «Записи о Трех царствах» с точки зрения царства У

В «Записи о Трех царствах» Чэнь Шоу царство Вэй воспринимается как легитимное, а описание царства Шу является центральным сюжетом «Троецарствия» Ло Гуаньчжуна. Одним словом, из трех царств, давших название периоду, только царство У осталось без источника, где бы оно выступало на первых ролях, хотя в действительности У играло очень важную роль в событиях Троецарствия. Об интересующем нас периоде написано немало, но мы, вероятно, не отыщем ни одного текста, где бы роль царства У была центральной. Если

посмотреть на Троецарствие с позиции У, что также является одной из целей настоящей книги, мы удивимся неопценности его влияния.

Евгения КУРГАНОВА

(г. Москва)

САПЕРЫ ЧЕРНОРАБОЧИЕ ВОЙНЫ

Наш дом всегда дружно отмечал праздники, особенно 9 мая, день Победы. Сейчас это трудно представить, но тогда, в дни моего детства, соседи заранее договаривались, кто что будет готовить из еды. И уже с утра выносили в наш московский двор, отгороженный от улицы деревянным забором, стулья, табуретки, накрывали столы. По мере готовности выходили наши ветераны, все в военной форме. На кителе у каждого из них — надеты ордена и медали. Много их было и у дяди Вани, Ивана Степановича Астахова. Особенно мне запомнились два ордена Славы, которыми он очень гордился.

Иван Степанович — мужчина средних лет, но нам, детям, он казался стариком — рано поседевший, с глубокими морщинами на лице и немного прихрамывающей походкой. Мы уже тогда знали, что у него был протез. При очередном разминировании соседу оторвало ступню. Помогла его найти и спасла от смерти любимая собака их взвода по кличке Гром. Когда дядю Ваню ранило, и он потерял сознание, пес нашел его и привел к нему однополчан. Основная же работа собак на войне была — помогать саперам в поиске снарядов. После демобилизации Иван Степанович привез Грома домой. У соседа всегда жили собаки. Когда он вместе уже с внуком Грома — Джеком — выходил во двор, мы ликующей толпой бежали им навстречу, всем хотелось иметь дома такого четвероногого друга. Джек терпел от нас любые детские выходки. Наигравшись с собакой, ребяшня садилась рядом с дядей Ваней и слушала его рассказы: о селе, где он жил до войны, о службе в армии.

Родился он в Польново-Ялтуново, недалеко от города Шацка Рязанской области. С какой любовью дядя Ваня говорил о своей малой родине. Колхоз был богатый, зажиточный. В селе каждая семья имела свой приусадебный участок. Иван Степанович с родителями жил на главной улице, поблизости от сельсовета, здесь всегда на сходе собиралось много сельчан. Недалеко протекала река Цна, старики говорили, что по ней плавал Степан Разин. Деревенские ребята почти все время проводили на речке, плавали, ловили рыбу, ходили в рядом расположенный лес. Летом школьники помогали взрослым убирать урожай. До войны юноша окончил в Шацке ПТУ и работал в колхозе ме-

хаником. Когда началась война, большинство молодых людей имевших среднее образование, становились курсантами военных училищ. Ивана Степановича, призвав в ряды Красной армии, направили учиться на саперное отделение, в эвакуированное тогда Ленинградское военное училище. Прозанимался он там 3 месяца, по окончании соседу присвоили звание сержанта, назначили, еще совсем молодого, командиром отделения инженерно-саперного взвода и отправили на Орловско-Курскую дугу, воевать. Иван Степанович рассказывал, как первое время было особенно страшно, ведь первые бойцы, преодолевавшие укрепленную полосу противника, после обработки ее артиллерией и бомбардировками с воздуха,— саперы. Полоса состояла из нескольких проволочных заграждений, высотой доходившей почти до пояса, а между ними — спиральная проволока Бруно, которая, распускаясь как пружина, запутывала снова уже распутанные до этого бреши и проходы. Кажется, вот ты уже впереди видишь конец вражеским заграждениям, но двигаться нужно медленно, чтобы не напороться на еще одно скрытое препятствие, солдаты называли его «спотыкач». Это — проволока высотой по щиколотку, которая, особенно в траве, была почти незаметна, встречалась в самых неожиданных местах. Находились и мины — «сюрпризы», «прыгающие мины», растяжки.

«Сапер ползет, чтобы в любое время года обезвредить мину, бомбу, для дальнейшего прохождения наших войск по уже очищенной нами земле. Грязь, холод, а он ползет»,— рассказывал Иван Степанович. «Руки немели не только от холода, но и от напряжения. На пальцах саперы сдирали кожу в кровь, разминая занемевшими от холода и усталости пальцами каждый сантиметр мокрой, промерзшей или заснеженной земли»,— говорил он. Здесь чаще всего Иван Степанович, надолго задумываясь, доставал из кармана папиросы «Беломорканал», но не курил, а постукивая папироской по пачке, сидел, погруженный в свои воспоминания. Так, молча, проходило несколько минут. Мы же, затаив дыхание, ждали, когда, наконец, сосед снова продолжит свой рассказ. Он объяснял нам, какая тяжелая и трудная это работа, что миноискатели реагировали только на металл. Зная это, немцы часто прятали снаряды в деревянные или картонные контейнеры. Тогда на помощь саперам приходили собаки. Здесь нужен был их нюх. С особой любовью наш сосед говорил о животных, об их преданности людям. Особенно меня потрясла история о псе Джульбарсе, о котором в армии тогда ходили легенды. Иван Степанович нам рассказал о нем, что помнил. Намного позже я прочитала о Джульбарсе в газете. В статье говорилось, как кинолог Дина Волкац увидела пса в центральной школе военного собаководства и выбрала его, как она говорила, «по глазам», очень худого и ничем не примечательного. Она научила его искусству поиска бомб и мин. Первое его задание по разминированию воронежского аэродрома прошло успешно. За время

службы Джульбарс обнаружил большое количество мин, снарядов, бомб. Я узнала, что благодаря его нюху, разминировали могилу Тараса Шевченко и Владимирский собор. Участвовал пес также в нахождении снарядов и на территории других стран: Венгрии, Румынии, Чехословакии, Австрии. Джульбарс находил мины, спрятанные даже на глубине двух метров. Это единственный раз, когда в нашей стране пса наградили за успешное выполнение заданий медалью «За боевые заслуги». В конце войны Джульбарс был ранен и не мог самостоятельно участвовать в Параде Победы в Москве, об этом Константин Рокоссовский — командующий парадом — доложил Сталину, а тот приказал:

«Пусть эту собаку пронесут на руках по Красной площади на моем кителе». Во время Парада мимо мавзолея имени Ленина шли собаки — участники ВОВ со своими товарищами-однополчанами, собаки-солдаты, собаки-герои. Командир батальона разминирования майор Александр Мазовер строевым шагом пронес на поношенном сталинском кителе без погон Джульбарса мимо трибун. После войны пес стал киногероем, снялся в фильме «Белый клык» по роману Джека Лондона.

Собаки искали и находили мины, но основную работу, конечно же, делали солдаты. Работа саперов, как рассказывал сосед, заключалась в разминировании и минировании мостов, дорог, сооружений дзотов, строительстве блиндажей. При отступлении саперы шли последними, минирова пути отхода наших войск. На Курской дуге за одну ночь из железнодорожных шпал солдаты взвода саперов построили мост через реку Пселл, подготовив тем самым наступление наших войск в 1943 году. Им также приходилось строить и ложные мосты, чтобы сбить противника с толку. И все это приходилось делать ползком, а мины таскать за собой с помощью обмоток. Работали в основном ночами. Мужество и хладнокровие — вот основные черты характера, необходимые саперу.

Рассказы моего соседа я слышала, когда была еще девочкой. Что-то уже забылось. Наши дома — бараки давно расселили. Куда переехал Иван Степанович, я не знала, поэтому сейчас пишу по памяти. Мне очень хотелось рассказать о великом подвиге наших солдат-саперов, простых людей, сражавшихся на переднем рубеже фронта. А закончить свой рассказ я хочу словами Ильи Эренбурга: «Есть солдаты, о подвигах которых мало говорят. Их мужество лишено блеска. Их отвага носит защитный цвет. Саперы — это солдаты-труженики. Это — чернорабочие войны».

Татьяна РОГОЖИНА

(г. Тула)

Окончила экономический институт. Работала инженером, экономистом. В настоящее время — предприниматель. Книги автора можно купить в интернет магазине издательства «Союз писателей, искусствоведов и критиков "Титул"», а также «Литрес», «Амазон», «Озон» и других.

ИЗ «ШКАТУЛКИ ПУТЕШЕСТВИЙ»

ОДИНОКОМУ ВЕЗДЕ ПУСТЫНЯ

Антон Павлович Чехов, устав от съемных квартир, поначалу собирался купить на Полтавщине хутор, но неожиданно стал владельцем довольно большого имения в Мелихове, которое приобрел даже без предварительного осмотра и по объявлению.

Усадьба оказалась не так хороша, как предполагалось. Бывший ее владелец, запутавшийся в долгах и своих обещаниях, несколько преувеличил положение дел. Очень скоро выяснилось, что дом не более чем симпатичная декорация: холодный и тесный, да и сама усадьба стояла в низком сыром месте, что для Чехова, страдающего легочным заболеванием, было губительно.

Однако постепенно, когда был наведен порядок в доме (заменены полы, переложены печи) и запущенная усадьба общими усилиями семьи превратилась в милый уголок с тенистыми аллеями и цветниками, Антон Павлович Мелихово полюбил. Он с удовольствием сажал деревья и цветы, ставил скворечники и ходил на рыбалку. Но больше всего ему нравилась его собственная комната — с большим окном, камином и письменным столом, за которым так хорошо работалось.

Наслаждаясь природой и уединением, он в то же время жаждал общения. «Я положительно не могу жить без гостей. Когда я один, мне почему-то становится страшно, точно я среди великого океана солистом плыву на углой ладье», — писал он издателю Суворину.

Но когда приезжали гости, в разгар веселья, он мог покинуть шумную вечеринку и закрыться в своем кабинете, чтобы записать пришедшую внезапно мысль.

Антон Павлович, легкий и веселый в общении, запросто обзаводился друзьями и приятелями, однако ни с кем так и не сошелся слишком близко.

Высокий, с обаятельной быстрой улыбкой и лучистыми глазами — он нравился женщинам. Его добивались, искали встреч, посылали письма и, конечно, страдали. И он тоже не раз увлекался, но так и не нашел в себе сил для решительного шага, каждый раз благополучно избегая брачных уз.

Из воспоминаний Лидии Авиловой: «Если бы я женился, — задумчиво заговорил Чехов, — я бы предложил жене... Вообразите, я бы предложил ей не жить вместе. Чтобы не было ни халатов, ни этой российской распущенности... и возмутительной бесцеремонности».

Слова оказались пророческими.

Ольга Книппер, актриса Московского Художественного театра, стала его женой, когда Чехову было уже за сорок. Но она жила в Москве, а он — в Ялте. Ольга не мыслила себя без театра, а он не мог позволить, чтобы она отказалась ради него от сцены.

Нечастые встречи, письма, одиночество и недомолвки.

И жить оставалось не так много...

В доме-музее в Мелихове все так же стоит на столе его любимая чернильница, лежат черновики рукописей, ручка и карандаш — свидетели его полета фантазии и внутреннего одиночества, которое, возможно, выросло из опасений быть непонятым и страха перед критикой или осуждением, что так свойственно людям творческим, с тонко устроенной душой.

Среди экспонатов имеются весы для взвешивания конвертов, марки в коробочке, палочка сургуча, а на печати, которой Антон Павлович запечатывал письма, выгравированы слова — «Одинокому везде пустыня».

Удивительно, но Чехов с 1875 года по 1904 написал более четырех тысяч писем. Один из способов избежать одиночества и тоски?

В полном собрании сочинений в тридцати томах (1974 год издания) письма заняли двенадцать томов.

БРОМ И ХИНА

Одним из первых владельцев такс, завезенных в Россию в конце девятнадцатого века, стал Антон Павлович Чехов, получив их в подарок от Лейкина, издателя журнала «Осколки» в Санкт-Петербурге.

Смешных собачек с короткими лапами и длинными ушами любило все семейство Чеховых.

Когда измученные долгой дорогой, озябшие и голодные собаки прибыли в Мелихово, им устроили самый теплый прием, отчего те сразу же почувствовали себя как дома. Ночью разорили цветочные ящики, растащили по комнатам калоши, а утром напугали своим

«уродливым» видом дворовых псов, отчего некоторые из них впали в истерику, а кое-кто предпочел даже позорно сбежать.

«Самка симпатичнее кобеля. У кобеля не только задние ноги, но и морда, и зад подгуляли. Однако у обоих глаза добрые и признательные. Чем и как часто кормили Вы их? Как приучить их отдавать долг природе не в комнатах? И т.д. Таксы очень понравились и составляют злобу дня. Большое Вам спасибо», — отчитался в получении подарка Антон Павлович Лейкину, у которого жили родители Чеховских такс (Апель и Рогулька).

Черного пса Чехов, любивший медицину не меньше литературы, назвал Бромом Исасвичем, а рыженькую — Хиной Марковной. Смешные клички объяснялись просто — бром и хина в те времена были самыми популярными лекарствами.

Характеры у питомцев оказались разными: подвижный и ловкий Бром охотился на птиц, а Хина, слишком неуклюжая, предпочитала лениво искать что-то в земле. Но проказничали оба. За что им регулярно доставалось: «драть их приходится почти каждый день; хватают больных за штаны, ссорятся, когда едят...»

Конечно, наказания для любимцев были совсем не страшные. Им, вообще, многое позволялось и прощалось. Антон Павлович разрешал таксам спать в его комнате; рассказывал о них в письмах своим друзьям, расхваливая их необыкновенный ум и подробно описывая причуды и учиненные ими безобразия; беспокоился об их потомстве, пристраивая щенков в добрые руки.

По вечерам таксы, как вспоминал брат писателя, устраивали целое представление: «Хина подходила к Антону Павловичу, клала ему на колени передние лапки и жалостливо и преданно смотрела ему в глаза. Он изменял выражение лица и разбитым, старческим голосом говорил: «Хина Марковна!.. Страдалица!.. Вам ба лечь в больницу!.. Вам ба там ба полегчало ба-б». Целые полчаса он проводил с этой собакой в разговорах, от которых все домашние помирали со смеху. Затем наступала очередь Брома. Он так же ставил передние лапки Антон Павловичу на коленку, и опять начиналась потеха».

Питомцы зачастую вдохновляли своего известного хозяина и написание новых историй. Так благодаря этим собакам появилась знаменитая повесть «Каштанка» — своего рода литературный памятник таксе. «Молодая рыжая собака, помесь таксы с дворняжкой, мордой похожая на лисицу, бегала взад-вперед по тротуару...»

Прошли годы, десятилетия, сменились правители и эпохи, а усадьба «Мелихово» по-прежнему открыта для почитателей таланта Антона Павловича Чехова.

И для любителей такс.

Не так давно на территории усадьбы появился памятник (созданный на добровольные пожертвования) Хине и Брому, чье обаяние,

бесконечная преданность и веселый характер подарили Чехову немало приятных и радостных минут.

Теперь же бронзовые псы исполняют желания, стоит только потерять одной из них нос.

И это еще не все.

Ежегодно в Мелихове проходит фестиваль такс, где можно показать своих любимцев на выставке, посмотреть выступление Мелиховского театра «Чеховская студия», поучаствовать в интересных конкурсах и состязаниях. И даже стать победителем в одной из номинаций.

Конечно, Хина Марковна и Бром Исаевич вне конкуренции.

Ирина НИКОЛЬСКАЯ

(г. Алексин Тульской области)

Родилась в 1962 г. в г. Алексине Тульской области. Работает 25 лет в отделе социальной защиты населения по Алексинскому району ГУ ТО «Управление социальной защиты населения Тульской области». Публикуется в газете «Православный Алексин», в литературно-музыкальном альманахе «Ковчег» (г. Тула). Православные статьи пишет по благословению протоиерея Андрея Чекмазова — Благодичного Алексинского округа.

ПРАВОСЛАВНАЯ СЕМЬЯ

МАТЕРИНСКАЯ МОЛИТВА

(Реальная история)

Когда смотришь на Марину Дмитриевну, то невольно в ее выражении лица отмечаешь женское обаяние и твердость характера, тишость и стоическое упорство, опытность и открытость всему новому. Такие диаметрально противоположные качества в личном психологическом портрете свойственны людям, которые в лихолетье своей земной жизни могли сохранить красоту души, милосердие к другим людям и любовь к ним. Сердце у таких людей как свеча, которая горит ровным, мягким светом, трогая души других своим мирным сиянием и лучезарностью. С такой женщиной хочется посидеть рядом и поговорить о своем наболевшем, зная, что она не испугнет и не осудит. Таких людей мало в нашей суетной жизни...

Родом Марина из поселка. Здесь закончила школу. Именно школьные годы объединили 14-летнего подростка с Василием, который был на год старше ее.

Они практически никогда не расставались — общность интересов, серьезность, целеустремленность, общие планы и надежды, а главное,— один духовный стержень, определивший высокие нравственные отношения. Со школьных лет Василий посвящает любимой стихи, наполненные глубокой нежностью:

*...Глаза твои светлее ожерелья,
Душа нежнее, чем цветок.
А сердце — алое блаженство,
Похожее на свежий лепесток.
И если б я тебя не видел,
И если б я не рассматрел,
То как бы я осиротел?!*

Влюбленные создали семью сразу после окончания школы. Муж поступил в институт, жена на заочное отделение кооперативного техникума.

Через год после регистрации брака состоялось венчание. Это важное, красивое и трогательное событие в их жизни, видимо, Промысел Божий готовил супругов к тем испытаниям, которые впоследствии обрушились на семью с такой силой, что только ценности церковного брака могли стать надежной опорой. А пока ничто не омрачало семейную жизнь. Их счастье было лучезарным. Стихи для любимой уже составляли целый сборник... Рождение Настеньки...

Какой искрящейся любовью малышка была окружена, какая отрада разливалась в родительских сердцах от ее первых слов и первых шагов. Никто еще не предчувствует катастрофы... Через девять лет вторые, преждевременные, роды на седьмом месяце беременности. Катенька рождается весом всего в килограмм двести граммов. В больнице врачи борются за ее жизнь, а мама ... шепчет горячие молитвы. Но, как известно, беда одна не ходит. В том же декабре в эту же больницу привозят Настеньку с мучительными головными болями. Состояние девочки критическое, прогнозы докторов неутешительные... Грозящая Насте инвалидность... Кажется, все внутри парализовано страхом потерять сразу двух дочерей, но сердце матери рвется к Всевышнему с отчаянной мольбой: «Господи, сохрани жизнь девочек!..» Наверное, никогда еще Марина так безропотно не отдавалась на волю

Господа, как в эти дни, месяцы, а потом и годы. И это стало внутренней нормой жизни. Могучая вера питает ее дух и стойкость, не покидая ни днем, ни ночью. Великая сила материнской молитвы лежала в основе материнского подвига, подвига стойкости и непреклонной веры.

Настеньку переводят в московскую детскую больницу — предстоит операция, а за жизнь маленькой Кати продолжается борьба в областном центре. Что делать матери, как раздвоиться? И молитвы, молитвы с горячей просьбой умудрить. Приходит решение, казалось бы, нелогичное внешне, но принятое где-то на глубинном уровне веры: «Я должна быть с Настей, я нужна там больше, за Катю беспокоятся врачи...»

Такое же решение принимает и отец девочек. Точно так же, как когда-то молодая жена с маленькой Настей помчалась в Ленинградскую область, где после окончания института исполнял воинский долг Василий, он уехал в Москву, чтобы быть там, где решалась судьба старшей дочери. Чтобы быть вместе. Чтобы жена и дочка каждую минуту знали, они по-прежнему вместе...

«Главное — мы вместе. И мы вместе с Богом» — это единство давало силы.

Днем они были вместе, вместе молились, а ночью инженер уезжал на стройплощадку простым рабочим — нужны деньги на операцию.

Готовясь к операции, мама с дочкой читают много книг о жизни православных святых, чудесах их веры, той веры, которая только и давала сил не сломаться. Настя вспоминала, как ходила с мамой в храм, смотрела на лики святых на старинных иконах, слушала рассказы о помощи в ответ на молитвы. И теперь привитые в раннем детстве такие важные понятия, как осознанное терпение, доброта, миролюбие, стали спасительной силой. В те роковые дни удивительно вела себя сама больная девочка. Она успокаивала родителей и даже медперсонал, что все будет хорошо. Какая-то недетская уверенность и спокойствие, нет — одухотворенность... Мама с дочерью проводили много времени в беседах. Обнявшись, они тихонько что-то рассказывали друг дружке. Настя верила, что ангел-хранитель не оставит ее, несмотря на приговор докторов.

Позднее девочка обратится к своему ангелу поэтическими строками:

*Я знаю ты со мною рядом,
Я чувствую твоё тепло.
Я благодарна за терпенье,
За доброту и сильный дух,
Жестоких бед преодоление
И избавление от мук.*

Многочасовая операция по удалению опухоли. Кто бы заглянул тогда в сердце матери... Наверное, туда заглянул Сам Спаситель, ибо только Он давал силы прожить эти ужасные часы... Операция прошла успешно... Лечение продолжалось, в больнице Настенька встретила свой десятый год рождения. Красивый торт, цветы, рядом мама и папа. На фотографии у девочки такие красивые волосы. Только немногие знают, что это не ее волосы. Химиотерапия «съела» настоящие, но, как говаривали в старину, это только зубы не вырастают... А еще сияющие глаза девочки. В них сияет ЖИВАЯ ВЕРА... И этот день рождения был не просто именинами, это было Рождение в самом высоком смысле.

Когда супруги вместе с прооперированной дочерью приехали в больницу за маленькой Катей, она уже весила три семсот...

«Мы — вместе, дома!!! И мы вместе с Богом!..» Но материнский подвиг не кончился. Он вообще не кончается никогда.

В те далекие роковые минуты, когда в душу Марины Дмитриевны подкрался страх смерти — страх потерять сразу двоих детей, когда казалось, что мысли и душа матери были парализованы этим страхом, и сердце от своей беспомощности и огромной свалившейся беды каждую секунду взывало к Всевышнему и умоляло: «Господи, сохрани жизнь девочек!», только безропотное подчинение и предание себя, своего рассудка и жизни детей в Волю Божью помогло не сойти с ума. Только материнская молитва способна на такой подвиг. Подвиг — непреклонной веры и стойкости. И стонет в такие минуты душа матери, и молится, надеется и все переносит... Такая могучая Вера может быть только у матери с сильным духом и твердой волей, которая не покидает ее ни на миг — ни днем, ни ночью.

Жизненный девиз семьи: *«Вместе — мы Сила! Все годы — плечом к плечу! Темное время уже позади. Любовь нам несет свечу!»*.

Особенно хочется отметить роль Марины Дмитриевны в формировании творческого потенциала своей дочери Насти. Ведь когда-то давно, после выписки Насти из больницы, осознав, что ее дочка будет ребенком-инвалидом, мать дает себе слово, что сделает все возможное, чтобы Настя не только поправилась, но и полноценно развивалась.

Исходя из единственного материнского желания, видеть свою дочь в будущем высокообразованной, уверенно стоящей на своем жизненном пути личностью, она прикладывает все усилия к тому, чтобы Настя не замкнулась на своей проблеме со здоровьем, а смогла бы полнее раскрыть свои природные творческие дарования. Вместе они оттачивают рифму в стихотворной строке, вместе стараются расширить кругозор, читая как произведения, так и биографические сборники знаменитых писателей. Анализируют, думают и рассуждают о творческих судьбах поэтов, прозаиков. Это давало Насте силу и осознание, что надо двигаться вперед и ставить перед собой достойные

творческие цели. Настя становится лауреатом Регионального фестиваля художественного творчества детей-инвалидов в городе Москве.

В дальнейшем Настя очень много работает над собой. Глубокий анализ творчества русских и зарубежных классиков прививает к ней уже навсегда любовь к литературе, к слову.

Работы Насти постепенно начинают публиковаться в прессе. Ее стихи помещаются в выпусках газеты молодежного движения Тульской региональной организации Всесоюзное Общество Инвалидов. Публикуется Настя и в местной прессе.

Вот одно лишь четверостишие из множества ее произведений:

*Во всем храни меня, мой Ангел!
Прошу, ты будь всегда со мной!
Ты — спутник мой, Ты —
моя радость
И путь Спасения земной!*

Настя пишет свою книгу «Человек-Невидимка», главная героиня которой она сама. Интересен выбор главного героя — невидимка. Значит, он свободно может думать, анализировать, обобщать, принимать решения во всех областях жизни всего Человечества. Вклад этого героя созидательный, а потому, чтобы найти верное решение, приходится мучительно быть в поиске.

Марина Дмитриевна и Василий Александрович радуются успехам дочери Насти, гордятся ею. Подрастает младшая дочь Катя. Материнское сердце волнуется и за нее. Сколько тревог еще впереди. Ведь и вторая дочка-инвалид требует заботы и сил. И ее необходимо подготовить к полноценной жизни в обществе, найти направление ее жизненного пути. А для этого надо много работать, думать, взвешивать, искать и еще — верить.

И каждая минута жизни этой героической женщины исполнена помыслами о дочерях. В них вся цель ее жизни, и она щедро, всю себя, приносит в дар им, помышляя лишь об их счастье.

Какой бесконечный источник несокрушимой любви — сердце матери! Несокрушима эта любовь, ничем ее не сломить! В этом именно и заключается ее превосходство пред другими привязанностями земными. Только мать одна способна жить жизнью детей.

Радуешься, когда находишься в кругу этой семьи. Такое единство, сплоченность, поддержка и монолитность всех ее членов! Отдыхаешь с ними душой! Марина Дмитриевна делится в разговоре: «Я всегда стремлюсь привить и сделать насущной необходимостью у каждого чувствовать плечо другого. Для этого не жалею ни сил, ни времени! Этим духом живут и мои девочки. А значит, пока я спокойна и уверена за них».

Однажды Настя напишет в своем дневнике: *«Сколько радости, тепла и любви даешь ты, бесценная моя мамочка! Как я люблю тебя!!! И как я хочу, чтобы ты была здорова и счастлива всегда! Ты своим любящим сердцем врачуешь мои беды, и я очень хочу оправдать все твои Надежды, чтобы твое сердце тоже было согрето и защищено любовью твоей уже повзрослевшей дочери!»...*

СПЯЩЕЕ СЕРДЦЕ

Бывает так: живет-живет человек и не задумывается над смыслом своей жизни — для чего все? Зачем? Захватывают его заботы, жизненные проблемы и невзгоды. Порой человеку остановиться некогда. Так много текущих дел, да и позаботиться нужно о будущем, о хлебе насущном: убрать урожай, подготовить детей в школу, порадовать семью вкусным обедом и много чего другого, что отнимает большое количество времени, драгоценных минут, когда человек не принадлежит себе, а все мчится-мчится куда-то и остановиться не может, *не умеет*, да и не понимает: *зачем?* столько дел! столько всего интересного! успеть надо! Так и мчится человек вперед, и нет ему покоя ни днем, ни ночью...

Так и продолжался бы до бесконечности этот бег по кругу, если бы, к сожалению, в жизнь человека не ворвались беда или тяжелая болезнь, развал личной жизни или крах каких-то далеко идущих планов. Вот здесь-то и происходит остановка. Человек в отчаянии... *За что? Почему? Как жить дальше? Как пережить боль утраты? Где взять силы в болезни?*

Хорошо, если человек обратится к Богу. Есть надежда, что он сможет воедино собрать свою волю и всем сердцем устремиться к Тому, в чьих руках жребий человеческих судеб. Но для этого нужна вера. А вера зиждется на абсолютном принятии Промысла Божьего о каждом человеке, доверии к Богу и осознании того, что Господь — благо всегда, что Он — Промыслитель и Податель. Именно так выстраиваются отношения с Богом.

А дальше человек начинает искать Бога, чтобы сердца его коснулась Благодать Божья, которая дает душе то умиротворение и покой, которые не сравнятся ни с чем. Так человек постепенно начинает свое духовное восхождение. Так он приобретает твердость духа и уверенность, что с ним не случится ничего, хорошего или плохого, без воли Божьей, что Господь — любящий воспитатель, который заинтересован в спасении его души, ибо Он — Создатель.

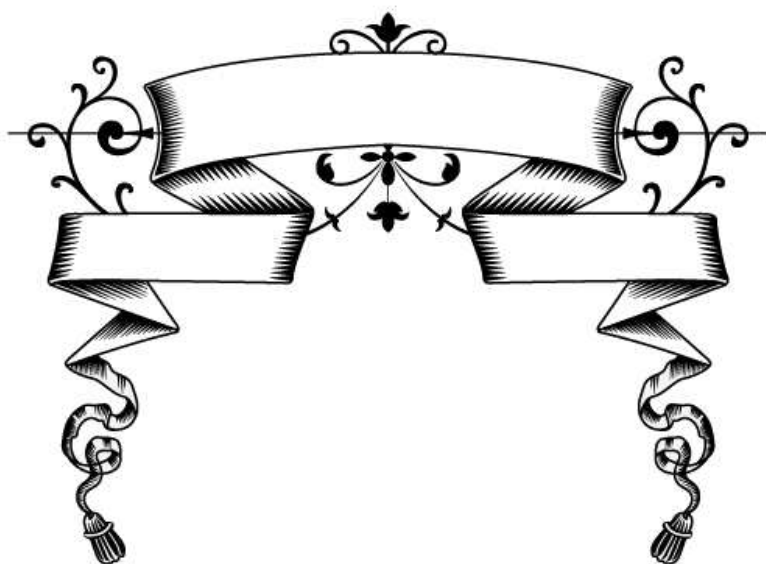
Так пробуждается человеческое сердце от суетного к вечному, к восхождению. И человек находит покой, покой сердца. А это многого стоит!

Человек теперь ищет другое — побыть в молитве с Отцом. Душа успокаивается, оживает, дышит. И земные проблемы человек решает по-другому, осознанно. Он понимает и чувствует, что над ним Высшая воля, которая не оставит его без помощи, конечно, если человек будет жить по-христиански, по заповедям Божиим.

К сожалению, через боль и страдания, человек приобретает. Приобретает возможность от всей души простить кого-то или попросить прощения, помириться с кем-то, подать милостыню, сделать доброе не во имя себя, а во имя Отца Небесного. Так стяжаются незлобие, смирение, добродушие, кротость. Человек приходит в себя! А, значит он с Богом! **Значит, все хорошо!!!**

**РОССИЙСКОЕ РОДОСЛОВИЕ
«НАЙТИ СВОИ КОРНИ»**

СЕРГЕЙ ЛЕБЕДЕВ

Сергей ЛЕБЕДЕВ

(г. Тольятти Самарской области)

Лебедев Сергей Александрович. Родился в 1949 году в Рязанской области. Дипломант и лауреат Межрегионального поэтического конкурса, посвященного 190-летию со дня рождения Н. А. Некрасова, лауреат всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова, лауреат-победитель 4-го, 5-го, 6-го и 1-го Международного поэтического Интернет-конкурса «Звезда полей — 2016» им. Н. Рубцова. Член РСПЛ (Самарская региональная организация), член Тольяттинского отделения СПР. Член редколлегии журнала «Приокские зори» (г. Тула). Член редколлегии альманаха «Параллели» (г. Самара)

МОИ ПРЕДКИ — ВЕТЛУГАИ. КРЕСТЬЯНСКИЙ РОД

Утопая в глубоком снегу, проваливаясь по колена, я и мой близкий друг Виктор пробираемся между могил за молчаливым и угрюмым человеком. Говорить нам с ним не о чем, потому что скорбь и горе в наших душах ему совершенно безразличны. Он выполняет свою работу.

Середина ноября, а снег такой обильный, как будто на дворе зимняя пора. Вскоре, впереди среди сосен, я увидел могилу своей матери. Сегодня же я здесь для того, чтобы выбрать место рядом с ней для своего отца.

Но человек, с которым мы пришли на скорбное для меня место, говорит о чем-то совершенно мне непонятном. Он пытается уверить, что для еще одной могилы места здесь не хватит. И совсем невозможно это устроить. Очень трудно будет рядом копать, можно нарушить старое захоронение. Лишь после того, как я ему сказал, что в обиде он не останется, пусть только постарается, могильщик вдруг соглашается. И все будет так, как мы хотим. И моя просьба похоронить отца рядом с матерью, уже не кажется ему такой невозможной.

Сейчас, когда минуло с той поры более тридцати лет, я не могу объяснить, почему запомнилось именно *это*, ничего не значащее для меня событие. Да и все остальное: и сами похороны, и поминки проходили как будто в каком-то странном и замедленном сне. Позже, после всех траурных забот, появились и грусть, и тоска, и поздние слезы, и чувство невозвратимости общения, разговоров, встреч... А тогда было прощание, чьи-то последние слова, яркий снег, медали на красных подушечках, трехкратный салют. На поминках разговоры родни, друзей, воспоминания. И наша жизнь продолжалась.

И род наш продолжается. Но что надо сделать, чтобы не потух огонь в родовом очаге? Как сохранить память о наших корнях, о наших предках для будущих потомков? Может быть, в вопросах этих присутствует налет некоей пафосной риторики? Ведь прожив больше половины жизни, я так ничего и не сделал для памяти предков. А время сгорает быстро, превращая в дым и пепел годы, десятилетия — всю жизнь. И часы на стене мерно и равнодушно отмеряют уходящие минуты, дни... В вечность уходят родные люди, и пока я жив, и не стерты в моей памяти слова, рассказы и дела о них, надо все это оставить следующим поколениям.

Кто мы? Какой след оставил наш род на грешной земле? Где и по каким дорогам проходили пути семьи нашей?

Чем дальше уносит меня жизнь, приближая последнее в ней событие, тем более заинтересовано я вглядываюсь в прошлое, которое связывает меня с моими родовыми корнями. Это, наверно, от того, что я отчетливее понимаю, что не имею права не знать и не помнить истории своей семьи, а значит, в конечном счете, истории своей страны.

Ведь в наши дни с непомерной быстротой исчезают российские деревни, а значит, истощаются корни национальной культуры. А поскольку я себя считаю человеком, которому дорога судьба Отечества, смею надеяться, что мой очень скромный труд вольется маленькой каплей в океан исторической памяти.

Слишком поздно приходит осознание того, что такое человеческое счастье? А оно ведь в простых истинах, в простых вещах и делах. В простых словах, которые и составляют его основу — родители, дети, семья.

Может, поэтому и прошу Бога вразумить пришедших за мной на эту землю потомков не забывать тех, с кого начинался наш род. Помнить, кому мы обязаны своим появлением на свет.

Более пятнадцати лет тому назад довелось мне побывать в лесной стороне — Поветлужье, на родине родителей. По впечатлениям поездки в те места, где все пропитано русским духом, деревенской обителью, заповедными лесами, и родились эти строки. Строки, в которые вплелось необычное название далекой лесной деревни — Югары. Лес такой, словно в пословице — в небо дыра. Деревня своими дворами кое-где сомкнулась с лесом. Не деревенская околица, а лесная окраина.

Именно тогда, на деревенских улицах я почувствовал ни с чем несравнимую грусть. Грусть, которая возникла от того, что не увижу бабушку и деда, от того, что нет со мною рядом ни отца, ни мамы.

Ехал на электричке из Нижнего Новгорода на станцию Ветлужскую и с нетерпением и жадностью вглядывался в незнакомые деревни. Как они похожи — русские деревни. Словно родные сестры: бревенчатые избы, крытые тесом, березы вдоль улиц, кое-где тянут свои

шей колодезные «журавли». Неодолимая сила тянула к родным местам, к берегу реки Ветлуги. В деревню Югары.

Откуда это название взялось у русской деревни? На Генеральной карте части России 1799 года в Костромской губернии наша деревня обозначена двумя названиями: «Ермолиха или Югары». Но все непонятное вдруг проясняется, когда открываешь «Историко-географический словарь», составленный замечательным исследователем Среднего Поволжья Тумаковым Николаем Галактионовичем.

«Югары — деревня Варнавинского района. Старое селение. Деревня расположена на старом тракте, соединявшем Варнавинский монастырь с Макарьевско-Унженским. По мнению Василия Смирнова, автора статьи «Население Костромского края» из сборника «Прошлое Костромского края», это название указывает на то, что здесь жили угры (стр.66) (подробности смотрите «Ветлужский край», стр.59)».

Кто же такие угры и откуда они здесь оказались? Об этом Н. Г. Тумаков пишет в «Ветлужских очерках»: «Но кроме марийцев, чувашей, мордвинов через нашу территорию в первом тысячелетии проходил еще один народ — это угры. Угры родственны вогулам, остякам, жившим в Западной Сибири, зырянам и пермякам (коми), жившим в северном Приуралье.

Предки угров жили на реках Обь и Иртыш, на границе леса и степи. В первом тысячелетии угры, теснимые с востока и юга тюркскими племенами, двинулись на запад к средней и верхней Волге, прошли через нашу местность, а в 898 году прошли мимо Киева и на среднем Дунае основали венгерское государство».

Деревеньки в тех лесных местах друг от друга приютились километрах в четырех-пяти. Названия-то исконно русские — Кресты, Бархатиха, Поляки, Горки.

Почти о таких местах рассказано в эпосе о жизни старообрядцев писателем П. И. Мельниковым-Печерским. В книге этой эпосе «В лесах», написанной в 1871—74 годах, читаем:

«Леса, что кроют песчаное Заволжье прежде сплошным кряжем между реками Унжей и Вяткой, тянулись далеко на север.

Там соединялись они с Устюжскими и Вычегодскими дебрями. В старые годы те лесные пространства были заселены только по южным окраинам — по раменям — вдоль левого берега Волги, да отчасти по берегам ее притоков: Линды, Керженца, Ветлуги, Кокшаги. По этим рекам изредка стояли деревушки, верстах на двадцати одна от другой. Тамошний люд жил как отрезанный от остального крещеного мира. Церквей там почти не было, и русские люди своими дикими обычаями сходились с соседними звероловами, черемисой и вотяками, только языком и отличались от них. Детей крестили у них бабушки-повитухи, свадьбы-самокрутки венчали в лесу вокруг ракитового кустика, хоронились заволжане зря, где попало».

И далее. «С семнадцатого столетия в непроходимые заволжские дебри стали являться новые насельники. Остатки вольницы, что во времена самозванцев и ляхолетья разбоем да грабежом исходили вдоль и поперек чуть не всю русскую землю, находили здесь места безопасные, укрывшие удалцов от припасенных для них кнутов и виселицы. Беглые холопы, пашенные крестьяне, не смогшие примириться с только что возникшим крепостным правом (*оформленным окончательно Соборным уложением в 1649 году — уточнение мое, С.Л.*), отягощенные оброками и податями слобожане, лишенные промыслов посадские люди, беглые рейтары, драгуны, солдаты и иные ратные люди ненавистного им иноземного строя — все это валом валило за Волгу и ставило свои починки и займки по таким местам, где до того времени человек ноги не накладывал. Такова была закваска населения заволжских лесов, когда во второй половине семнадцатого века явились туда новые насельники, бежавшие из сел и городов раскольники».

В лесном нижегородском Заволжье нет более привлекательного места для заядлых охотников, рыбаков и грибников, чем Варнавинский район, в котором и находится наша деревня Югары. Почти семьдесят процентов территории района покрыто лесом, поистине первозданным, а с севера на юг его пересекает удивительная по красоте река Ветлуга с многочисленными старицами и лесными озерами.

Упоминается Варнавино в «Малом энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, изданного в 1907 году.

«Варнавин, у. г. Костромской губернии, при р. Ветлуге. Жит. 1450 — уезд, 9430,4 кв. вер; жит. 128 тыс., ровная плодородная местность; под лесом 70% всей площади уезда, огромный сплав лесных материалов по р. Ветлуге и ее притокам, лесные промыслы, пчеловодство».

Известно, что еще в 14 веке Поветлужье было марийским. А с 30-тых годов 15 века татарские ханы признают Поветлужье за Москвой. Река Ветлуга стала служить границей между Московским и Казанским государствами, а существовавшие марийские поселения с правого берега Ветлуги переселяются в Левобережье.

Однако заселить свободные по Ветлуге земли русские крестьяне долго не решались. Согласно сохранившимся документам, в числе первых русских поселенцев в районе среднего Поветлужья был образованный священник-иерей Варнава из города Великий Устюг. Он прибыл сюда в середине 15 века как миссионер с христианскими книгами, иконами и основал здесь скит.

Уже в начале 16 века в окрестностях монастыря появляются первые русские починки. Прибывшие в Поветлужье русские поселенцы принесли с собой из лесного Галичско-Унженского края опыт постройки деревянных храмов и жилых курных изб. В основе этих строений лежала простейшая конструкция бревенчатого сруба, со-

стоящего из венцов, рубленных в угол, в лапу или в замок. Они имели форму четвериковой клетки с двухскатной крышей, которая поддерживалась застрехами или курицами. Такие постройки назывались клетскими. Жилые дома в деревнях имели однорядовое расположение. Уличная планировка деревень появляется здесь на рубеже 18—19 веков.

Неграмотное население края было сплошь суеверным. Живя среди лесной стихии, оно выработало в себе большую отвагу в борьбе с дикими зверями, но оставалось робким перед силами природы. Ветлужский охотник мог целыми неделями не выходить из леса, один ночевать на звериной тропе и вступать с медведем в единоборство с одной рогатиной. В то же время этот же охотник не мог переночевать одной ночи в бане, находящейся около деревни: боялся «шишиги» или «домового».

Тайна возникновения нашего рода ушла со многими поколениями пращуров. Да что говорить о пращурах, когда деда своего я почти и не помню. В памяти хранятся смутные эпизоды, рассказы и воспоминания отца — все это и легло в основу моего повествования о его родителях.

Дед мой, Лебедев Николай Сергеевич, родился в деревне Югары в 1882 году в семье крестьянина. В тех местах крестьяне в основном выращивали лен. Даже я, бывая в гостях у деда и бабушки в далекое, уже советское, время, запомнил именно голубые поля цветущего льна. Северный лен всегда славился своими качествами, но время голубых полей ушло из нашей жизни.

С 1916-го по 1918-й год дед служил в Петрограде в запасном батальоне Лейб-гвардии Семеновского полка. Надо сказать, что в этот полк брали на службу солдат ростом не ниже 180 см, так что дед был довольно высоким.

После лесных просторов город Петроград пугал Николая Лебедева своей людностью и шумом. Для Николая началась военная служба.

Караулы, наряды, увольнения в город. В одно из таких увольнений сфотографировались они на память о службе в Петрограде с однополчанином. Эта единственная фотография и сохранила образ деда для потомков. Я очень дорожу своей реликвией, ведь она — единственное и самое дорогое мое наследство. Дед в солдатской форме, в фуражке с кокардой, в руках держит палаш, чувствуется, что для него это очень важное событие, лицо напряжено, но в глазах какая-то хитринка.

Дед мой был свидетелем тех смутных революционных дней в России. А может быть, даже в некотором роде и участником? По крайней мере, в семье сохранился его рассказ, который я слышал от своего отца и от родного дяди.

Произошло это событие в начале лета 1917 года. Временное правительство организовало клеветническую кампанию против Ленина и большевиков. Оно объявило В. И. Ленина вне закона, издало приказ о его аресте, принимало меры, чтобы захватить и убить его. Несколько дней В. И. Ленин скрывался по квартирам петроградских рабочих. Вот в это время и произошла история, рассказанная дедом.

Среди ночи рота караула запасного батальона Лейб-гвардии Семеновского полка была поднята по команде: «В ружье!».

— Солдаты, Временное правительство обращается к вам с надеждой, что вы с честью послужите Отечеству,— с такими словами ротный командир начал свою речь перед строем.— Сейчас с вами будет говорить член Временного правительства господин такой-то, который уполномочен взять командование нашей ротой на себя.

Перед строем появился человек в гражданском платье и шляпе. Было видно, что он охвачен волнением. Лицо его сделалось красным, движения были суетливы и судорожны. Он сдернул с головы шляпу и, взмахнув ею, прокричал:

— Братья солдаты, Временное правительство доверяет вам дело особой важности. В Петрограде объявился немецкий шпион — Ленин. Тайно он прибыл из Германии в запломбированном вагоне. Большая опасность для России этот Ленин. Задача у него одна, чтобы Россия потерпела поражение в войне. Большие деньги заплачены этому немецкому шпиону, чтобы он разрушал Россию изнутри. Вам доверено поймать его и доставить в правительство. Не мешкая, братья солдаты, осмотрим все дома, гостиницы, вокзалы. Не дадим немецкому шпиону Ленину осуществить свой мерзкий план!

Ротный командир вывел солдат в город. Всю ночь велся поиск Ленина. Осматривались буквально все квартиры, чердаки, подвалы. К утру безрезультатные поиски закончились.

После взятия власти большевиками в свои руки в России начались тревожные времена. Социал-революционеры не хотели сдаваться, требовали передать власть Учредительному собранию. Принимал в этом участие и Лейб-гвардии Семеновский полк. Верно осведомленная горьковская газета «Новая жизнь» в номере от 6 января 1918 года сообщала: «Совнарком провел в большой тревоге ночь на пятое января. Пришли сведения, что Преображенский и Семеновский полки в своем большинстве решили присоединиться к социал-революционерам и принять участие в манифестации под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию»... Всю ночь в Смольном не смыкали глаз».

Вот такое участие в истории России было у моего деда Николая Лебедева.

Весной 1918 года Николай Лебедев возвращается из Петрограда домой. Дорогой было очень голодно: на станциях хоть шаром покати, пустыня.

В Югарах шел холодный весенний дождь. Он выгнал людей с поля. Встретить солдата из города, да еще из какого — из самого Петрограда, собралась в избе чуть ли не вся деревня. Кипел самовар. Чай только жидок, да и пили его «вприглядку» — когда сахар, если был, на столе, а у хозяина во рту гладкий камушек, который перекатывает он, поглядывая на сахар.

Крестьянам все интересно. Вопросы так и сыплются со всех сторон.

— Расскажи — правда ли, что последние времена отживаем, быдто светопреставление, Анцихрест идет? — спрашивает какая-то старуха. И тут же набожно крестится, — Божья матерь, покарай да помиловай.

А Николай рассказывает о событиях, проходивших в Петрограде, о том, что слышал в поезде по дороге домой. О свободе, которая ждет крестьян в скором времени.

— Провалились бы они со своей свободой, — ворчит другой солдат, вернувшийся месяц назад в деревню по ранению.

— Нет, погодите — жаль волю-то, воля она воля и есть, что хошь то и делай, — говорит старый крестьянин, — а ежели волю упустили — крышка. Бывало, где взять лесинку для починки избы? А сейчас пошел и срубил дерево.

— Воля?! — говорит Николай, — а вот спою, слушайте. Из Питера привез вам такую припевку:

*Впрочем, жить да не тужить —
Волюшку добыли...
Волей надо дорожить,
Без нее мы выли.
Выли волком, выли псом,
Лаяли собачкой.
Ленин кормит нас овсом,
Не дает потачки.
Зарубите на носу,
Разъясню картину,
Раньше ели колбасу
Жрем теперь мякину.
Раньше драли нас кнутом,
Бьют теперь прикладом,
Мы ходили передом,
Повернули задом.
Замест сахару овес,
Замест чаю солод.
Черт с Советами занес
На Рассею голод.*

С этой присказки для Николая Лебедева после солдатской службы продолжается трудная крестьянская жизнь в новой советской России.

В 1919 году 2 сентября в семье Николая и Дарьи Лебедевых родился третий сын — Александр.

Бабка моя, Дарья Тимофеевна Лебедева, в девичестве Хабарова, родилась в деревне Бархатиха в 1883 году. Деревня эта находится на левом берегу Ветлуги, километрах в 8—9-ти от Югаров. Первых двух сыновей Дарья родила еще до войны с германцами: Павла и Ивана. А после возвращения Николая из Петербурга родился в семье Лебедевых Александр. Мой отец.

Семья живет в большой бревенчатой, разгороженной рубленой стеной, избе — пятистенной. Из больших сеней один вход в жилую половину, другой в скотный двор, который находится с жилой частью под одной крышей, сеновал устроен здесь же, на большом чердаке скотного двора. Из скотины — корова, лошадь, овцы, куры. За домом большой огород с бревенчатой баней на задах. Лес начинается почти сразу за огородами, едва спустишься с угора.

Семья особо не бедствовала, но и достатка большого не было. После Александра в семье родилось еще двое детей — сын Михаил и дочь Валентина. Подоспело время коллективизации. По деревням зачастили уполномоченные. Раскулачивание не обошло и Югары, но не коснулось оно семьи Лебедевых.

В начале тридцатых годов поехал на заработки старший сын Павел, да так и пропал без всяких вестей. Время было серьезное, за любое небрежно сказанное слово в адрес властей можно было оказаться на Соловках. А парень он был веселый, за словом в карман не лез, мог и шутку пустить и под балалайку частушку про Советы выдать. Где-то без догляда отца и пропал старший сын Лебедевых.

Едва Александр окончил шестой класс сельской школы в Горках, получил от отца такой наказ: «А хватит, Сано, на шее у меня сидеть, читать, писать научился, пора в семью копейку нести».

И началась у Александра Лебедева в четырнадцать лет трудовая жизнь. Сам Николай был артельным в рыбацкой артели. Это было основным занятием деда; рыбы в Ветлуге водилось довольно много. Ловили ее круглый год. Ловили в основном сетями, неводами. Доставалась рыбка-то нелегко, особенно зимой. Приходилось на морозе выбирать ее голыми руками из сетей.

Приучался к рыбацкому труду и Саша Лебедев.

С первым осенним льдом в конце октября или в ноябре, но гораздо раньше санного пути, начинался самый главный — неводный лов: все количество рыбы, пойманное весной, летом и осенью, ничтожно в сравнении с количеством, добываемым неводом в это время.

Однажды поздно осенью, когда лед коркой становился на реке, заводили невод. Но и в этот раз немного не дошел невод до берега. Встал как вкопанный. Рыба кишмя кишит в нем у берега, а невод ни с места, хоть плачь. Мужики замешкались — что делать? Дед первым бросился в ледяную воду и стал черпаком выбрасывать рыбу на берег. За ним и остальные ринулись в ледяную реку. Сколько времени они, стоя по грудь в ледяном и рыбном месиве, освобождали невод, одному Богу известно.

В летнюю пору мой дед, Николай Лебедев, вручную изготавливал на продажу кирпичи. Внизу под деревней, где начинался лес, было у него что-то вроде своего кирпичного завода. Сказано, конечно, очень громко. Была красная глина, была вода в ручье, были дрова в лесу для обжига. Да трудовые, натруженные руки.

Десять тысяч штук — такое количество кирпича делал дед за лето. Каторжный труд.

Непосредственное участие в этом нелегком деле принимал и мой отец — Александр Лебедев. С тяжелого крестьянского труда начиналась у него самостоятельная жизнь.

Шла середина тридцатых годов двадцатого века. В 1936 году направляют Александра Лебедева учиться на тракториста в другой район, в Краснобаковскую школу механизаторов.

После окончания курсов вернулся в родную деревню Александр первым трактористом. И когда он на «Фордзоне» ехал по деревенской улице, вся детвора сбежалась посмотреть на невиданное до сей поры чудо.

А в 1939 году всей деревней провожали Александра в Красную Армию. Думал он, что через три года вернется в родную деревню, но судьбой было отмеряно ему отслужить Родине в Советской Армии ровно 28 лет.

Призвали его в Забайкальский военный округ, под город Читу. Начал Александр службу ездовым артиллерийского орудия. Была такая служба в Красной Армии, когда еще не было машинной тяги в артиллерии, а всю тяговую работу выполняли лошади. Начались строевые и прочие занятия на сибирском припекающем морозе. Казарма становится родным домом для солдата. А казарма есть казарма, тем более казарма советская, — это тебе не дом отдыха. По утрам веселый звонкий голос старшины, растирание снегом, быстрый завтрак и занятия, занятия.

Никогда не думал Александр, что человек может спать стоя, как лошадь. Но сам испытал это в тяжелых ночных походах, когда глаза закрыты, а ноги передвигаются сами по себе. Армию готовили к войне.

И вот уже на западных границах гремят кровопролитные бои, фронт приблизился к стенам столицы, но войска Забайкальского округа по-прежнему на границе с Маньчжурией.

И если до войны никогда не знали солдаты нужды в еде, то сейчас почувствовали, что военное время — голодное время. Солдаты превращались в доходяг. За полтора года войны без единого выстрела стрелковый полк потерял девятьсот бойцов. Умерших от голода.

В Красной Армии идет формирование танковых корпусов. Танковая война требует не только большого количества техники, но и обученных, опытных бойцов. К тому времени Александр уже командир орудия.

Вот здесь и пригодилось умение командира орудия Лебедева управлять трактором. Когда объявили набор в танковое училище, он был одним из первых, высказавшим желание стать танкистом.

Конечно, немаловажным было и то, что к тому времени голод в Забайкальском округе достиг огромных масштабов, и все искали любую возможность вырваться из этого ада. Хоть на фронт. Но туда не посылали, люди гибли от голода и болезней здесь. Без выстрелов и бомбежек.

В феврале 1943 года красноармеец Лебедев был принят в ряды Коммунистической партии. В июле 1944 года он начинает учебу в танковом училище в городе Чарджоу, в жарких песках Туркмении.

После забайкальской голодухи туркменские места показались раем. Но есть почему-то хотелось всегда. Даже курсантский паек, который был намного лучше солдатского, не мог утолить патологического чувства голода. Курсанты по вечерам промышляли в поисках еды. По местным садам и огородам. Но прекратилась эта вакханалия трагически. Дехкане ночью подкараулили одного из таких добытчиков и забили насмерть кетменями.

Служба в училище — это постоянные учения, стрельбы, вождение танка. Вроде война далеко, но и здесь всякое бывало — погибали русские парни. На учениях, а порой и по глупости гибли курсанты. Кого-то в башне прижмет, кто-то под гусеницы танка упадет, а кто-то и от дизентерии.

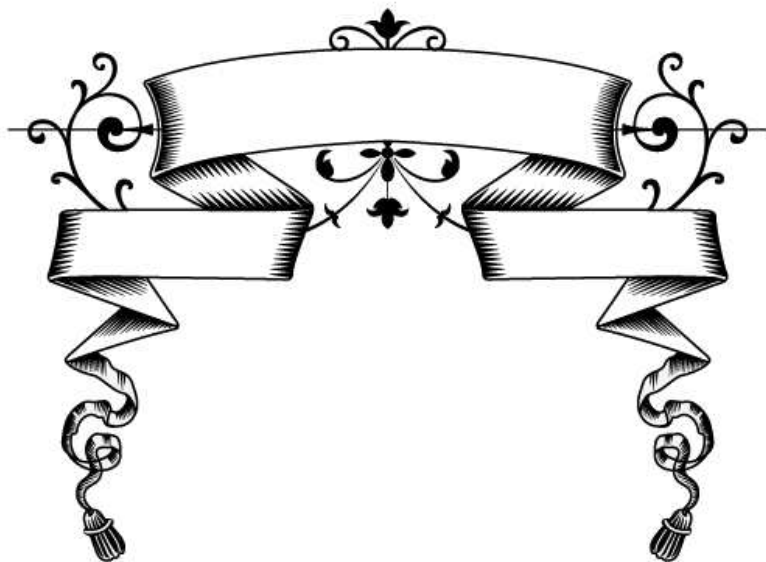
Война закончилась, но началась у Александра Лебедева офицерская служба. С июня 1945 года он — командир танкового взвода и продолжает службу в танковой дивизии в Румынии. А через год, в августе 1946-го, впервые за семь лет службы, Александр получает отпуск. Домой ехал с волнением в груди. Очень хотелось увидеть мать, отца. Сердце скучало по ветлужским просторам, по родным с детства местам.

Встреча с родными — это всегда праздник, а встреча после такой войны, как главное торжество в жизни. Вернулся домой и старший брат Иван. Сержант Иван Лебедев прошел всю войну в действующей армии, Победу встретил в Кенигсберге. Война пощадила семью Лебедевых, лихолетье не опалило своим огненным смерчем. Начиналась мирная жизнь.

В отпуске младший лейтенант Лебедев пробыл две недели, но этого хватило, чтобы принять решение о женитьбе. Судьба свела моих родителей на родной деревенской улице около колодца. В Югары в это время приехала тоже в отпуск из города Горького Соловьева Валентина. Уроженка деревни Югары, работница горьковского радиозавода. Моя мама. С этих осенних дней 1946 года начинается другая история — история нашей семьи. Которая и легла в основу художественно-публицистической повести «Мой отец — офицер», которую я написал к 90-летию своего отца.

О дЕТАХ И дЛЯ дЕТЕЙ

СЕРГЕЙ НИКУЛОВ
ОЛЬГА БОРИСОВА
ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА
ЮЛИЯ ВОЕВОДИНА
ЛИДИЯ САВЕЛЬЕВА

НИНА ГАВРИКОВА
ГАЛИНА ЗЕЛЕНКИНА
ГАЛИНА СОЛОНОВА
ОЛЬГА АНДРЕЕВА
ЛЮДМИЛА ПЕНЬКОВА

ОЛЬГА КАРАГОДИНА

Сергей НИКУЛОВ

(г. Тула)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Опустился тихий вечер,
Зажигает звезды-свечи
В небе до утра.
За день сделано немало,
Даже солнышко устало —
Отдыхать пора.
В Костроме, Орле и Туле
Дети все давно уснули,
Только ты не спишь.
Светлый Ангел — над кроватью
Сон тебе навесит сладкий.
Баю-бай, малыш.
В мягком кресле у окошка
Спит, клубком свернувшись, кошка.
Книжка — на столе.
Дремлют зайки и олени,
Только тени сновидений
Бродят по земле.
Ясный месяц в небо вышел.
Я тебе, ты это слышишь,
Песенку пою.
Закрывай скорее глазки
И увидишь чудо сказки.
Баюшки-баю.
Баюшки-баю...

Нина ГАВРИКОВА

(г. Сокол Вологодской области)

Родилась в городе Сокол. Работала художником-оформителем на предприятии, после перестройки — кладовщиком. Сейчас на пенсии по инвалидности, занимается кружевоплетением, пишет стихи и прозу. Член Академии российской литературы, ЛиТО «Сокол» и МСТС «Озарение» (в 2014 году награждена медалью, за заслуги перед МСТС «Озарение»), руководитель МДЛК «Озаренок». Победитель районного и областного конкурса «Золотая Юнона» (Женица года — 2015), в номинации: «Сердце отдано детям». Стихи и малая проза опубликованы в литературно-художественных журналах и альманахах: «Витражи», «Приокские зори», «Ковчег», «Союз писателей», «Вологодский ЛАД», «Благовестник», «Три желания», «Содружество», «Московский Парнас». В коллективных сборниках. Имеет авторские сборники стихов и рассказов: «Шаг над пропастью», «Капельки росы небесной», «Эхо памяти».

ГУЛЕЧКА

Ваня, сжав мелочь в кулаке, сунул ее в карман. Проскакал по ступеням вниз и, выскочив на крыльцо, остановился, зажмурившись от ослепительного света. Весна! Свежий, прохладный, пахнущий ломтиком арбуза ветер щекотал нос. Мальчик открыл глаза: бездонная синь неба была сегодня особенно глубока, высокие деревья покачивали длинными ветвями в знак приветствия, в верхушке березы знакомая ворона копошилась около гнезда, повернув голову в его сторону, гнусаво каркнула. Двор уже давно наполнился птичьим гомоном, а на тротуаре до сих пор сверкали разного размера лужи. Городской житель, умело перепрыгивая их, торопился в магазин, где бабушка работала дворником. Вчера Ваня помогал ей собирать бумажные пакеты и пластиковые бутылки. Сейчас же, оглядевшись вокруг, понял, что вечером придется снова выходить на субботник по уборке территории — на газоне вновь валялся всякий мусор. У высокого клена, его чуткое ухо уловило непонятный, еле слышный писк:

— Чив...

Ваня остановился, начал озираться по сторонам в поисках хозяина звука и вдруг, на серой промозглой земле у основания дерева, увидел страшенького горбоносого птенца: неуклюже распластав только что оперившиеся крылья, беспомощно поднимая вверх небольшую голову, тот жалобно раскрывал клюв. Полупрозрачный взъерошенный пух не скрывал синюю в мелких пупырышках кожу, малыш

изо всех сил попытался приподняться на тонких коротких лапках, но был слишком слаб. С замиранием сердца Ваня присел на корточки, аккуратно взял мокрый, трясущийся от страха и холода комочек. Согрешившись теплом человеческих рук, птенец примолк.

— Что мне с тобой делать? Где твои родители? — на ходу вслух задавал вопросы Ваня, сам заботливо расстегнул молнию куртки и спрятал малютку за пазуху.

Войдя в магазин, обвел взглядом помещение, ничего не обнаружив, обратился к знакомой продавщице. Та, улыбнувшись, поставила на прилавок небольшую коробку. Мальчик пересадил голубенка в новое жилище, поблагодарив, поспешил обратно.

Около мусорных баков он заметил стаю голубей, бесшумно подкрался, опустил ящик на землю и, как можно ближе, пододвинул к птицам. Голуби, покружившись вокруг, взмахнули крыльями и стремительно поднялись в небо.

— Значит, среди них нет твоих родителей,— сделал вывод Ваня.

Вернувшись в дом, Ваня сообщил радостную новость. Сам, скинув ботинки, прошел в кухню и поставил коробку с птенцом на обеденный стол.

— Ой, какой он маленький?! И такой неуклюжий! — удивилась мама, но тут же спохватилась.— Где хлеб?

— Забыл...— Ваня прошмыгнул в прихожую.— Я мигом!

Пока Надежда Анатольевна звонила ветеринару, пришла бабушка:

— Как живете? — и, заглянув в картонный ящик, отшатнулась.— Кто это?

— Голубенок,— положил на подоконник буханку хлеба, вернувшийся из магазина, внук.

— Вы хотите превратить квартиру в приют для бездомных кошек и собак? — пожилая женщина безжалостно схватила коробку.— Я не позволю вам это сделать!

Дочь с внуком неприступной стеной встали в дверном проеме.

— Трудно поверить в людскую доброту брошенным животным! — попыталась возразить Надежда Анатольевна.

— Но...— запнувшись на полуслове, швырнула коробку на стол старушка.— Ладно бы, кошки и собаки, но птенец?! Голуби — ожившие, нахальные, помойные твари! На дух не переношу! Обхожу стороной, брезгую даже прикасаться, потому как боюсь заражения, они же переносчики всяких заболеваний.

— Скорее всего, это беда многих птиц! Сейчас в городах столько разных мусорных баков и свалок с пищевыми отходами, а кто в этом виноват — голуби? Может, и болезней было бы гораздо меньше,

и отношение к этим прекрасным птицам изменилось, если бы сами люди о чистоте заботились?!

— В кого вы у меня такие сердобольные? Человеческое великодушие — безгранично! Но это уже слишком! Слышите?!

Родные прекрасно знали, что бабушка сама была милостивой женщиной и сейчас жила в доме старшей дочери. Та когда-то купила большую дорогую собаку, а потом удачно вышла замуж и, забрав детей, переехала жить в другой город. Так что Генриетте Макаровне приходилось самой заботиться о животном.

— Бабуль, посмотри, какой он несчастный и беспомощный! Разве тебе не жалко Гулечку? — вступился за птенца внук.

— А если ты завтра в дом крокодила притащишь?! Или белого медведя?! Что будем делать?

— А ничего! Лечить будем, кормить и воспитывать!

Услышав знакомый голос за спиной, Надежда Анатольевна и Ваня повернулись в прихожую, там стоял высокий сухощавый седовласый в белом халате с чемоданчиком в руках пожилой мужчина.

— Там дверь была не заперта, а вы все так громко разговаривали, что я посмел войти без спроса.

— Ой! Простите,— мать с сыном пропустили доктора.

— Так вот, если вы помните, то у цыган всегда были медведи, ну, правда, не белые,— простодушно улыбнулся ветеринар,— но это не меняет дела — они их прекрасно дрессировали! Ну, а насчет второго, я вам скажу, мои дорогие, будет гораздо сложнее. Да и где вы возьмете крокодила в нашей местности?! Ну, если только какой-нибудь богач, купив по случаю, от скуки не выбросит его на улицу.

— Вот именно,— оживилась Генриетта Макаровна.— Мы живем в такое время, что все возможно!

— Ага, это я так понимаю и есть ваш новый жилец,— заглянув в коробку, уточнил Степан Степанович.— Так, и где я могу помыть руки?

— Проходите в ванную комнату. Мыло на раковине. Полотенце висит рядом,— предложила хозяйка дома.

— Зачем руки мыть? Вы видели, какой грязный этот голубенок?! — повышая голос, возмутилась бабушка.— И эту гадость притащили в дом. Он все равно не выживет, птенца должны родители кормить. Тьфу! Все они переносчики птичьего гриппа и всякой заразы.

— Ну, болезни бывают и гораздо страшнее, чем грипп,— с чистыми руками на кухню вернулся доктор.

— Ой, мне, пожалуй, пора,— заспешила домой Генриетта Макаровна.— Надо еще Рональда выгуливать...

Опытный врач взял птицу в руки, тщательно оглядел:

— Явных следов перелома лап и крыльев нет. Это хорошо! Общее состояние птенца удовлетворительное! Ему примерно десять, пят-

надцать дней. Именно в этом возрасте они начинают вставать на лапки и оперяться.

— Так он не больной? — сорвался с губ вопрос у Надежды Анатольевны.

— Ну, конечно, нет! Если малышу обеспечить хорошие условия, то он вырастет прекрасным голубем! Но надо потрудиться. В мире известно лишь несколько случаев, когда люди вскармливали голубят.

— Голубятни же существуют давно, — удивилась хозяйка дома.

— Существуют, но... птенцов там все-таки выкармливают родители, причем оба! И что интересно — голуби выкармливают их птичьим молоком!

— Чем?

— Это специальные выделения из зоба, — уточнил Степан Степанович. — А вам можно давать пшеничную кашу с мелко порубленным яйцом, можно добавить зелень и перемолотую скорлупу.

— Спасибо! — вздохнув с облегчением, Надежда Анатольевна достала из кошелька последнюю сторублевую купюру и протянула ветеринару.

— Это тебе еще пригодится, — вежливо отодвинул деньги старый знакомый и, привычно подхватив чемодан, поспешил домой.

— Чив, — напомнил о себе птенец.

— Пора кормить! — Надежда Анатольевна открыла дверцу навесного шкафа и ахнула. — Пшенки нет.

Сын предложил помощь, на что мать, тяжело вздохнув, подала деньги:

— Купи еще пакет молока и пять яиц. Нам с тобой неделю надо до полочки жить.

— Проживем! Не беспокойся!

Хозяйка дома налила в низкую банку кипяченой воды, поставила на стол, взяла птенца в руки. Он изумлено смотрел вниз, не понимая, что нужно делать. Тогда она опустила кончик клюва в воду и отпустила пальцы. Голубенок чуть не захлебнулся. Надежда Анатольевна так испугалась, что сразу положила птенца обратно в коробку.

Сын вернулся быстро:

— Mam, я пока ходил, вот что придумал: давай суп без хлеба есть! Можно картошки больше положить, чтобы гуще был, и все!

— Рыцарь ты мой благородный! — сердце матери сжалось от умиления. — Завтра отцу позвоню, зайдем денег.

— Нет, не надо, его новая жена за птенчика меня ругать будет.

— Чив, чив, — оживился новый жилец.

Надежда Анатольевна сварила кашу, мелко протерла желток и подошла к птенцу:

— Как же мне тебя покормить? — расстелила на пол большую салфетку. Поставила миску. Сама села по-турецки рядом. Взяла птенца

в левую руку и попробовала наклонить к каше, да не тут-то было, он, сколько было силы, замотал головой, давая понять, что так его кормить не получится.— Ну, и что тогда делать? — она захватила маленькой ложечкой кашу, попробовала раскрыть мягкий большой клюв, но птенец активно отбивался, в результате чего каша оказалась на стенах, на шкафу, на полу, а голубенок оставался голодным!

— Помогай мне, зачем сопротивляешься? Я — не враг!

— Чив, чив, чив,— отвечал раздосадованный новый жилец.

— Мам, может, через шприц попробуем? — сын поспешил в комнату, достал из ящика письменного стола шприц, которым заполнял принтер. Прошел в ванну, наполнил его теплой водой, а потом с силой выпустил содержимое в раковину, та сразу же стала черной, повторил процедуру несколько раз, но шприц оставался темным, хотя вода из него текла уже вполне прозрачная.— Нет, не отмывается, придется идти в магазин.

— С чем? — горестно вздохнула мать.

— Ах, да,— согласился Ваня.

— Слушай, а давай обрежем соску. Я недавно видела, что твоя соска в столе до сих пор валяется,— молодая женщина проворно вскочила, раскрыла ящик и торжествующе подняла руку вверх.— Ура! Есть! — промыла теплой водой с мылом и, чтобы увеличить отверстие, отрезала краешек. Сев на пол, аккуратно наполнила соску кашей и, раскрыв клюв, попробовала выдавить. Но и это приспособление не понравилось новому жильцу, он самоотверженно сопротивлялся.

— Мам, он так и останется голодным? — заволновался сын.

— Вот именно, так и останется голодным! — бесшумно, как приведение, появилась в дверном проеме кухни бабушка.— Я же говорила вам, что затея бросовая!

— Бабушка? — вздрогнул внук.

— Мама, ты откуда здесь?! — поднялась дочь.

— Вот решила посмотреть, как поживает ваш новый жилец? — язвила старушка.— У вас теперь не квартира — проходной двор.

— Просто забыли запереть дверь,— оправдывалась хозяйка дома.

Ваня, потеряв всякую надежду накормить нового жильца, искренне жалея его, решил погладить по голове, птенец незамедлительно засунул клюв между пальчиками, открыл его и замер. Хозяйка дома, воспользовавшись моментом, начала запихивать кашу в открытый клюв.

— Может и воду ему таким же образом дать? — сомневалась Надежда Анатольевна.

— Пробуй,— чуть слышно проговорила бабушка.

Надежда Анатольевна зачерпнула ложкой воду из банки и осторожно вылила в раскрытый клюв. Птенец тут же высвободился из руки Вани.

— Ишь, ты! Какой требовательный! Только кашу ему и подавай! Нет уж и водичку пить надо! — по-доброму заворчала бабушка.

— Чив,— с закрывающимися от усталости глазами пропищал голубенок.

Ваня принес свои новые махровые носки, свернув, как гнездышко, положил на дно коробки, переложил голубенка и отнес в спальню:

— Пусть поспит.

— А давайте чайку попьем? — предложила Надежда Анатольевна.

— Некогда мне — на работу пора,— заторопилась бабушка. — Пусть внук сегодня отдыхает, сама справлюсь.

Мать с сыном поужинали. Ваня включил телевизор. Надежда Анатольевна прилегла на диван, как вдруг новый жилец подал голос:

— Чив, чив.

— Неужели он снова есть хочет? — встревожился Ваня.

— Давай покормим. Мы же не знаем, сколько он голодал?!

Хозяйка подогрела кашу. Покормили птенца. Потом Ваня отнес Гулечку в гнездышко. А спустя четыре часа вновь услышали пронзительное безудержное требование:

— Чив, чив, чив, чив.

Получку Надежде Анатольевне задержали еще на четыре дня. Вопрос кормления птенца встал на первое место. Ваня пришел в магазин помогать бабушке и спросил:

— Может, ты возьмешь под получку пакет пшена для Гулечки?! Его совсем нечем кормить.

— Нет, не возьму,— разозлилась Генриетта Макаровна и, хитро прищутив глаза, дополнила. — Я предупреждала вас, что затея бросовая. Не послушались?! Вот и выкручивайтесь, как знаете.

— Но я же помогаю тебе прибраться?! — пытался разжалобить внук.

— Может тебе полполучки отдать за это?

Ваня, не ожидая такой реакции и, покраснев, схватил мешок и побежал собирать мусор. Пока он наклонялся за каждой бумажкой, все думал, где же взять деньги?! Бабушка, как ни в чем не бывало, прибирала газон, расположенный на противоположной стороне магазина. И тут его осенило — у него в копилке мелочь! Мальчик, бросив под дерево куль, поспешил домой. Перескакивая через ступеньку, поднялся на второй этаж, ловко отпер дверь. Не разуваясь, пробежал к письменному столу, достал из ящика розовощекую свинью-копилку и на секунду остановился:

— Обойдусь и без велосипеда! — с силой бросил на пол свинью, та сразу разлетелась на мелкие осколки. Ваня собрал монетки, сжав их в кулаке, поспешил в магазин.

— Чего это ты бегаешь туда-сюда? Мешок бросил, мусор не собрал,— недовольно ворчала бабушка.

— Сейчас соберу,— нагнулся за мешком Ваня.

— Как же — соберу! Можешь домой возвращаться, все уже убрала,— не унималась старушка.— Денег просил, а работать не хочет.

Внук, не обращая внимания, отнес мешок к баку, высыпал мусор и поспешил в магазин.

— Дайте мне килограмм пшенки и пакет молока.

Продавщица слышала его разговор с бабушкой и посочувствовала:

— Вот держи. Приходи завтра утром, отдам треснутые яйца. Сваришь в подсоленной воде и покормишь питомца.

— Спасибо! — от радостного волнения у Вани даже голос перехватило. Он засунул пакеты в куртку и поспешил домой.

Так начались трудовые будни по уходу за голубенком, которого ласково называли Гулечкой или сокращено Гулей. Мать с сыном составили график кормления. Жил птенец в спальне на столе. На ночь хозяйка дома заботливо прикрывала коробку полотенцем, так как чем раньше вставало солнце, тем раньше живой будильник выныривал из своего гнезда и начинал чивкать. Со временем Гулечка научился спрыгивать со стола на пол, получалось плавно. И, хлопая крыльями, он взбирался на подушку хозяйки, привлекая ее внимание, гладил голову, а потом клювом, который со временем уменьшился в размерах, нацеливался то в ухо, то в глаз, то в нос, требуя, чтобы скорее покормили. Мальчик увлекся голубем, подбрасывая над кроватью, научил его летать. Потом Гулечка стал перелетать со стола на шифоньер, с шифоньера на плечо Вани. Чуть позже Надежда Анатольевна приучила любимца к условному знаку: стучала ногтем по фарфоровой миске — птенец знал, что сейчас его будут кормить, и, чивкая еще громче, спешил на кухню!

В заботах и хлопотах время летело незаметно. Прошло несколько недель. Гулечка на удивление быстро окреп. Начали каждый день ненадолго открывать форточку, чтобы он видел и слышал своих сородичей. Первый опыт полета был удачен: птенец, сделав круг по спальне, вылетел на улицу, присел на перила соседнего балкона и, озираясь вокруг, боясь малейшего шороха, быстро вернулся обратно. Но любопытство пересиливало страх! Гуля стал вылетать ежедневно. И так случилось, что в один теплый солнечный день голубенок перелетел на крышу соседнего дома и оттуда с большим интересом наблюдал за происходящим вокруг. Смелости заметно прибавилось! И он, дождав-

шись удобного момента, стремительно взмыл к облакам и, набрав высоту, повис в воздухе, плавно размахивая крыльями.

Ваня, задрав голову вверх, замороженный стремительным полетом Гулечки, как околдованный, стоял на балконе. Спустя несколько минут птенец привычно сел мальчику на плечо, и они вернулись в квартиру.

Мать с сыном искренне радовались, что голубенок совершал самостоятельные полеты! Но однажды он не вернулся. Гулечку долго ждали, не закрывали форточку. Но чуда не произошло. Видимо, птенец улетел с пролетающей мимо стаей голубей.

После побега Гулечки Ваня не скрывал разочарования:

— Мам, ну, почему он улетел? Я так о нем заботился! Так любил!

— Понимаешь,— прижав к себе сына, Надежда Анатольевна пыталась объяснить ситуацию.— Птенцы, вырастая, покидают гнездо! Когда ты подрастешь, тоже уедешь.

— Нет, если даже куда-то и уеду, то все равно вернусь обратно.

... Однажды вечером Ваня помогал бабашке собирать мусор. Около знакомого клена его сердечко сжалось от воспоминаний, совсем недавно он обнаружил здесь птенчика, как он тогда радовался... Из тяжелых раздумий его вывел толчок в плечо. Ваня обернулся, перед ним стоял верзила Вовка из соседнего дома, о парне шла дурная слава. Хулиган выхватил из рук Вани мешок с мусором и побежал на крыльцо магазина.

— Не догонишь! Не догонишь,— он поднял куль вверх тормашками, пытаясь вытряхнуть мусор.

— Стой! — Ваня попытался догнать озорника, да запнулся о торчащий корень дерева и со всего размаха хлопнулся на землю. Но быстро встав во весь рост, крикнул, как можно громче и строже.

— Я кому сказал? Отдай мешок! Вдруг услышал знакомое воркование. Неизвестно откуда взявшийся голубенок сел, как обычно, на плечо Вани. А стая голубей начала стремительно кружиться вокруг хулигана. Тот жалобно завопил и, отчаянно размахивая руками, скрылся за углом соседнего дома.

— Гулечка, милый, ты спас меня,— Ваня подставил руку, голубь перелетел и сел на указательный палец. Мальчик радостно улыбался и нежно гладил любимца по голове.— Куда ты так внезапно исчез? Я тебя по всему городу искал.

— Чив, чив,— ответил Гулечка и, решительно взмахнув крыльями, потерялся в стае голубей, которая внезапно появившись, так же неожиданно быстро исчезла из вида.

— Эх! Не успела я этого сорванца за уши оттащить. Все так моментально произошло,— бабушка, услышав крик, выскочила из-за

угла магазина да остолбенела на месте от увиденного зрелища. И, подняв глаза вверх, проговорила. — А все-таки голуби — Божьи птицы!

Ольга БОРИСОВА

(г. Самара)

СКАЗКИ. В СТРАНЕ СНОВ

ВОЛШЕБНИК

Аленка не любила спать днем. Вот и сегодня она хныкала и упрасивала маму:

— Мамочка, можно я не буду спать и чуть-чуть еще поиграю? Ну, вот столечко! — согнув мизинчик пальца, показала девочка.

Но мама была непреклонна:

— Нет, доченька! Поспишь, а потом поиграешь...

Расстроенная Аленка отправилась в спальню: «Мне скоро исполнится семь лет, а меня, как маленькую, все заставляют спать». Собрав своих кукол, она уложила их на подушку и легла рядом. Сон не шел. Девочка ворочалась с боку на бок, перекладывала кукол и подушку, но сна так и не было. Открыв глаза, она стала рассматривать свою небольшую комнату. Вот, в самом углу на тумбочке, стоит аквариум с плавающими разноцветными рыбками. Напротив кровати — стол, на котором восседал волшебник в длинном синем халате, в желтых тапочках и высоком колпаке, украшенном золотистыми звездочками. В его руках сверкала и переливалась волшебная палочка. Аленка встала с кровати. На цыпочках, чтобы не услышала мама, подошла к столу и взяла игрушку, а затем так же тихонько отправилась обратно. «Добрый Волшебник, ну хоть бы ты меня отправил в страну снов!» — не успела она прошептать, как ее глаза закрылись. Что-то обволакивающее и мягкое окутало плечи, и она куда-то провалилась...

Аленка открыла глаза и увидела, что стоит на благоухающей полянке, окруженной странными деревьями. Тонкие зеленые стебли венчали большие, разные по окраске цветы. Над деревьями-цветами вились пчелки и мотыльки. Было очень красиво, но как-то непривычно тихо. Эта тишина пугала девочку. «Почему не поют птички?» — подумала Аленка и пошла по тропке, которая огибала цветущую полянку. Тропка вывела девочку из леса. Впереди, на небольшом холме, виднелся удивительный город. Круглые дома с синими крышами были похожи один на другой, словно близнецы. Около домов росли уже знакомые деревья-

цветы. К городу вела вымощенная камнем дорога. Аленка отряхнула голубое платьице, отгтерла синие туфельки, расправила белокурые локны и отправилась в город.

Она шла по пустынным улицам, удивляясь непривычной и пугающей тишине. Редкие прохожие пробегали мимо, не обращая внимания на девочку. Она попробовала обратиться к одному из них, но тот сделал вид, что не слышит, и прибавил шаг. Около уютного дома с кружевными занавесками на окнах стояла женщина и пристально смотрела на Аленку. Но не успела девочка подойти к ней, как хозяйка исчезла за массивной дверью. «Какие они странные!» — подумала Аленка и пошла по узкой извилистой улице. Она шла долго и сильно устала. Остановилась около невысокого домика, окруженного забором, и села на камень возле калитки. Вдруг калитка распахнулась. Из нее выскочил мальчишка лет десяти с взъерошенными рыжими волосами и в коротких смешных штанишках. Он схватил Аленку за руку и, затащив во двор, закрыл калитку. Прижав палец к губам, показывая, чтобы девочка молчала, прислушался к нарастающему уличному шуму. Он становился все громче и громче. Казалось, что по дороге шагает большой военный отряд. И вот совсем рядом кто-то ударил колотушкой в калитку и закричал: «Час тишины! Нарушившему приказ, грозит наказание!» Затем топот ног стал удаляться.

— Ты откуда взялась? — спросил шепотом мальчик, рассматривая незнакомую девочку.— Чуть не угодила в руки стражников короля. Ты что, не знаешь, что в это время нельзя появляться на улице?!

— Нет! Не знаю,— пожимая плечами, так же тихо ответила Аленка.

— Как тебя зовут?

— Аленкой,— ответила девочка.

— Странное имя... А меня — Лак. Ты откуда к нам пришла?

Аленка задумалась:

— Из страны Счастливого детства. К вам меня отправил волшебник.

— Так ты фея?! — удивился мальчик.

Аленка не успела ответить, как Лак взял ее за руку и торопливо повел в дом: «Пошли отсюда, а то услышат и донесут королю. Тогда беды не оберешься».

В доме было сумрачно. Когда глаза привыкли к темноте, Аленка увидела круглый стол, рядышком два стула. Чуть поодаль красовался буфет.

— Садись! — приказал мальчик.— Ты фея в голубом платье и пришла нам помочь! Я расскажу тебе об Олие и нашем королевстве.

КОРОЛЕВСТВО ГОЛУБЫХ ЦВЕТОВ

Раньше наше королевство утопало в цветах. В каждом дворе, на каждой улочке красовались магнолии, гортензии, незабудки, розы, гиацинты и ирисы. Они цвели круглый год. Их волшебный аромат разлетался по всей округе. Правила нашим государством королева Олия, любившая природу, цветы и птиц. Королева была молода, стройна и красива. Ее глаза сверкали, как драгоценные топазы, а светлые локоны спадали волнами на плечи. Часто Олия пропадала в королевском парке, где своими золотыми ручками выводила новые, необыкновенной красоты сорта цветов. Особенно она любила цветы голубого цвета. Они украшали многие клумбы королевства. А еще она своим ангельским голоском подпевала птицам, а птицы — ей. Жилось нам волготно и радостно. Здесь царила любовь, радость и доброта. Но однажды все изменилось...

Завистливый и гордый царь страны Болотных лилий решил захватить нашу страну. Он послал к Олии гонца с посланием, в котором значилось: «Если станешь моей женой, то сохраню твое королевство. Если откажешься — пеняй на себя! Даю тебе на размышления три дня». На следующий день королева назначила народный сход. Ровно в двенадцать часов люди собрались на площади перед королевским дворцом. Все ждали прекрасную Олию, но ее не было. За королевой послали слуг, но вскоре они вернулись назад с печальной вестью: «Королеву похитили!» В этот же день Раджив — царь страны Болотных лилий, вошел с войском в королевство Голубых цветов и сел на трон. С тех пор мы не знаем, где наша прекрасная Олия. Вскоре исчезли и все звонкоголосые птицы ее парка.

Лак закончил рассказ и посмотрел на Аленку. Ты должна помочь нам найти королеву и спасти ее. Мы очень страдаем. Раджив жесток! За каждую провинность — стражники плетками жестоко избивают людей. Они не щадят ни детей, ни стариков. Нам запрещено без надобности выходить на улицу, близко подходить ко дворцу. Утром мы должны молчать, потому что Раджив спит и поздно встает. В обед наступает час тишины, потому что царь ложится отдыхать, и никто не должен ему мешать. Вечером он веселится, а жители должны громко славить царя. Кто ослушался, тому уготовлена плеть.

У Аленки сжалось сердце от страха. Она не знала, чем помочь жителям королевства Голубых цветов.

— Лак, а где находится страна Болотных лилий? — поинтересовалась она.

— Далеко. За сосновым лесом.

— Я должна туда попасть! Мы найдем птиц, а они укажут нам дорогу к королеве. Ты поможешь мне?

Лак стал прислушиваться к еле уловимому шуму на улице.

— Мы должны немедленно уходить. Я слышу топот стражников. Они идут сюда, за тобой! Видно донесли!

Он отодвинул стол, снял с пола две доски, за которыми обнажился подземный ход.

— Алена, спускайся! Торопись! Они уже совсем близко.

Девочка спустилась в подземелье, а вслед за нею и ее новый друг.

Согнувшись, они шли по узкому сырому коридору. Лак уверенно вел девочку вперед и вскоре показался конец туннеля. Яркий свет ударил им в глаза. Выбравшись из подземелья, они оказались в лесу. В том самом, где росли деревья-цветы и, где уже побывала Аленка.

— Лак, какие удивительные здесь деревья! Как они называются?

— Это Оливии. Их вывела наша прекрасная Олия, и они быстро разрослись повсюду. Нам надо идти, затеряться в лесу, чтобы в случае погони нас не смогли найти.

Они шли в страну Болотных лилий по лесным, еле заметным тропкам, по густой траве, перебирались через валежник. Алена совсем выбилась из сил. Устал и Лак. Девочке хотелось заплакать и позвать маму, но она понимала, что этого сделать не может. Ведь ее считают феей и на нее надеются. Она должна помочь несчастным людям.
(Продолжение следует)

Галина ЗЕЛЕНКИНА

(г. Кодинск, Красноярский край)

ЯНЕК И БАСЯ

На вершине холма был старинный город, окруженный высокими крепостными стенами. Близ одной из стен, буквально в ста метрах от нее, стояла ветхая лачуга, в которой жил старик Янек. Вы спросите, кто такой этот Янек, и вам ответит любой обыватель, что Янек — обыкновенный горшечник. Но не спешите верить чужим словам. Давно замечено, что именно в простоте и обыкновенности заложено нечто гениальное. И выражение «все гениальное просто» возникло не само по себе. Но люди не любят не похожих на себя созданий Божьих, поэтому сочиняют про них небывлицы. От страха или от зависти — не важно. Бог им судья!

Нравится вам или не нравится, но, по описаниям очевидцев, правда жизни Янека была нелицеприятна.

Горшечник был таким бедным, а его лачуга такой ветхой, что горожане сторонились их, словно боялись заразиться болезнью, которая зовется нищетой. Только одна сирота по имени Бася жалела старика и иногда приносила ему кусок хлеба с сыром и луковицей, что давала хозяйка ей на ужин. Не слушая возражений Баси, Янек делил еду пополам, и они молча ужинали, запивая каждый кусочек родниковой водой. Пожелав старику спокойной ночи, девочка убежала к хозяйке. Но чаще всего Бася оставалась без ужина, так как хозяйка просто-напросто забывала про девочку.

Старик Янек жалел Басю и понимал, что она от доброты сердечной отдает ему последний кусок хлеба с сыром, обрекая себя на добровольное голодание. И этого он допустить не мог. Поэтому, несмотря на то, что его руки со скрюченными пальцами уже не способны были, как раньше, лепить красивые кувшинчики, миски и чашки, горшечник решил сделать Басе подарок.

Когда девочка в очередной раз не принесла ужин, Янек стал собираться в путь. Он положил в мешок смену белья, кувшинчик, кружку, два сухаря и необходимый для работы инструмент. С первыми лучами солнца старик вышел из лачуги и по едва заметной тропочке спустился по склону холма в долину.

— Давно я здесь не ходил,— произнес вслух Янек, и эхо ответило ему.

«Дил, дил, дил!» — разнеслось по всей долине.

— Перестань! Не до шуток мне сейчас,— попросил горшечник, и эхо замолчало.

Недалеко от ручья, что стекал по склону холма в долину, находился овраг, где у Янека была заветная яма, на дне которой можно было увидеть голубую и розовую глину. Ее было так мало, что не хватит ни на кувшинчик, ни на чашку. Но зато вполне достаточно для хорошей свистульки. Старик присел на лежащий возле ямы плоский камень и задумался. Сколько мешков с глиной перетаскал он из ямы в лачугу — теперь уже и не вспомнишь. Годы идут, времена меняются, и спрос на глиняную посуду практически пропал. Разве что какой-нибудь коллекционер или любитель экзотики приобретал у горшечника по сходной цене кувшинчик или кружку. В моде стала металлическая посуда, она не бьется и долго служит. Так прогресс лишил Янека работы.

Но мир не без добрых людей. То угольщик поделится с горшечником платой за проданный уголь, то дровосек принесет вязанку дров, а то и пекарь раздобыт на пару булок. И всем им, дары приносящим, Янек в ответ дарил глиняные кружки. Спустя некоторое время по городу прокатилась молва о том, что пить воду из глиняных кружек приятнее и полезнее для здоровья. И горожане скупили у Янека весь запас глиняной посуды. С тех пор прошло десять лет. Глиняные круж-

ки оказались настолько прочными, что до сей поры ни одна не разбилась. Очевидно, что все, сделанное на совесть, хранится долго.

Как бы то ни было, но давно известно о том, что бедные люди чаще помогают друг другу выжить, чего нельзя сказать про богатых. У них свои правила игры, поэтому у большинства богачей срок жизни короток.

Думай не думай, но из дум каши не сварить! Пора и за работу приниматься. Янек с трудом спустился в яму и набрал горсть голубой и горсть розовой глины. Держа глину на вытянутых руках, старик думал, как ему выбраться из ямы. Словно подслушав его мысли, дно ямы стало подниматься. Янек дождался, пока оно окажется на уровне земли, и шагнул к камню. Он оглянулся, чтобы проститься взглядом с ямой, но той уже не было и в помине. На том месте, где прежде была яма, расстился ковер из голубых незабудок и розовых колокольчиков.

— Добрый знак! — сказал Янек, и эхо согласилось с ним.

«Так, так, так!» — услышали все обитатели долины и воспрянули духом. Приятно же думать, что твое «не так» вдруг превращается в «так».

Горшечник освободил ладони от глины, положив ее на плоский камень, и, достав из мешка кувшинчик, направился к ручью. Подойдя к ручью, он послушал журчание воды, перекатывающейся с камня на камень. И улыбнулся. Когда Янек наклонился к воде, чтобы наполнить кувшинчик, то не увидел своего отражения в воде.

— За волшебство надо платить, — услышал он за спиной незнакомый голос.

Старик оглянулся, но никого не увидел.

«Наверное, это ветер пробежал по веткам кустарника, а мне и почудилось», — подумал он и медленными шагами пошел назад, к камню.

Подойдя на расстояние вытянутой руки к кусочкам глины, Янек брызнул водой из кувшинчика сначала на розовую глину, а затем — на голубую.

— Сила воды, напитай землю! — трижды произнес горшечник, прежде чем стал тщательно разминать глину.

Когда глина стала однородной и податливой, он вылепил из нее двухцветную свистульку, а именно: с одной стороны она была розового цвета, а с другой стороны — голубого.

— Вода и ветер в голубом цвете, а розовый цвет — солнечный свет! — трижды повторил Янек, глядя попеременно то на свистульку, то на небо.

— Чего ты хочешь? — послышался голос, который старик уже слышал у ручья.

— Я хочу, чтобы сирота Бася, для которой я сделал эту свистульку, могла вызывать дождь, подув в свистульку с голубого конца, или солнечный свет, подув в свистульку с другого конца. Ручаюсь, что делать все это она будет во благо людям,— ответил Янек.

— Хорошо! — послышалось откуда-то сверху.— Пусть будет так, как ты хочешь. Свистулька будет подчиняться Басе и всегда возвращаться к ней, чтобы с ней ни случилось. Девочка заслужила благости. А ты придешь ко мне через год.

Янек взглянул на небо, но, кроме мелькнувшего в облаках луча света, ничего необычного не увидел. Пока горшечник разговаривал с невидимкой, кто-то высушил свистульку и покрыл ее лаком. Янек взял свистульку в руки и с удивлением заметил несколько дырочек на ней.

«Чудеса, да и только!» — подумал он.

— Дедушка Янек! Возьмите меня с собой! — услышал старик детский голос и, повернув голову на звук, увидел бегущую по склону холма Басю.

Когда запыхавшаяся от быстрого бега девочка подошла к плоскому камню, горшечник достал из мешка два сухаря и кружку. Он протянул Басе сухарь и кружку с водой, налитой из кувшинчика. Сам же стал пить воду прямо из кувшинчика и с каждым выпитым глотком чувствовал, как силы возвращаются к нему.

— Дедушка, ты стал такой красивый! — воскликнула Бася.

Янек взглянул на девочку да так и застыл с открытым ртом. Вместо голенастой девчонки он увидел семнадцатилетнюю красавицу с удивительными глазами.

— Пойдем к ручью,— только и смог вымолвить горшечник и резво вскочил на ноги.

Прибежав к ручью, он долго разглядывал свое отражение в воде и догадался, почему прежде никакого отражения не видел. Девушке очень нравилось собственное отражение в воде, она крутилась так и этак, разглядывая себя в новом облиции. Вдоволь налюбовавшись на себя, Бася взглянула на Янека, назвать которого дедушкой язык не поворачивался. На вид горшечнику можно было дать не больше сорока лет.

— Янек, а что нам теперь делать? — задала она вопрос горшечнику. — Нас в таком виде никто не узнает.

— Мы не вернемся в город,— ответил Янек.— В конце долины, у высоких гор, есть селение, где живут добрые люди, мы пойдем к ним.

По дороге горшечник рассказал Басе о свистулке. Он протянул девушке свой подарок. Бася повертела в руках свистульку и, желая проверить ее в действии, подула в голубой конец. Небо потемнело, поднялся ветер, и хлынул дождь, вымочив до нитки Басю и Янека.

— Подуй в розовый конец, а то мы простудимся и заболеем,— попросил Янек, и Бася несколько раз дунула в свистульку.

Дождь разом прекратился, и выглянуло солнышко, которое быстро обогрело путников и высушило на них одежду.

— Никогда не дуй в свистульку без необходимости,— сказал горшечник.— Отныне ты и свистулька будете помогать селянам в выращивании урожая, а они тебя будут кормить за это. Вот такой тебе от меня подарок.

— А если будут давать деньги? — поинтересовалась Бася.

— Если хотя бы раз окажешь людям помощь за деньги, волшебная свистулька превратится в обычный свисток. Все, что дается свыше, должно служить людям, не требуя платы взамен.

Селяне приняли путников гостеприимно, накормили и предложили временное жилье, пока Янек не построит для Баси дом. Узнав, что девушка обладает даром менять погоду, старейшины селения попросили Басю вызвать дождь.

— Уже три дня палит солнце, растения вянут от жажды,— пояснил главный старейшина.

Бася кивнула головой в знак согласия, вынула из кармана свистульку и подула в нее три раза. Вдруг налетел ветер, солнце спряталось за неизвестно откуда появившуюся тучу, из которой хлынул проливной дождь.

— Достаточно! — замахал руками главный старейшина, увидев, как ручейки стали заливать растения.

Девушка подула в розовый конец свистульки, и через несколько минут вновь установилась солнечная погода.

— Сколько мы вам должны за спасение урожая? — спросил главный старейшина, доставая из кармана кошелек с монетами.

— Басе нельзя брать деньги за работу,— ответил Янек.— Дар пропадет.

— Но мы можем заплатить продуктами питания,— предложил один из старейшин.

Янек кивнул головой в знак согласия.

Так они и стали жить. Бася делала погоду, а Янек строил дом. Когда строительство дома подошло к концу, девушка заметила, что Янек постарел.

«С чего бы это?» — подумала Бася. Она не знала, что приближается срок платежа за чудо. Да и зачем забивать хорошенькую девичью головку мыслями о грустном? Тем более что она занята думами о молодом Иванко, живущем по соседству.

«Вот и хорошо,— подумал горшечник, заметив, как полыхают румянцем Басины щечки при встрече с молодым соседом.— Справлю новоселье и свадьбу, тогда и уйду со спокойной душой».

Так и случилось. Спустя неделю после свадьбы Бася не увидела за столом Янека. Впервые он не пришел завтракать. Бася постучала в дверь комнаты горшечника, но не услышала ответа. Она вошла в комнату и увидела Янека, неподвижно лежащего на кровати. Он был такой, каким она его знала прежде: старый, небритый, и руки со скрюченными пальцами.

Когда хоронили горшечника, была ясная погода, на небе ни облачка, только широкая радуга опоясала небосвод.

— Светлый был человек,— сказал главный старейшина и, указывая рукой на радугу, добавил: — Даже врата райские ему открыты, чтоб душа не заблудилась.

И все стали смотреть в небо и не заметили, как маленькая белая птичка выпорхнула из гроба и полетела к радуге.

— Смотрите-ка, нашла! — обрадованно воскликнул главный старейшина, когда птичка влетела в радужные ворота.

И всем стало спокойно и радостно на душе, потому что горшечнику подарили вечный покой.

— Каждому воздается по трудам его! — ответил главный старейшина на вопросительный взгляд Баси.

Когда у Баси с Иванко родился сын, селяне предложили назвать его в память о горшечнике Янеком, что и было исполнено с превеликой радостью.

А что же свистулька?

Пока была жива Бася, свистулька служила людям, как говорится, верой и правдой. А потом куда-то пропала. Как знать, может быть, ищет такую же добрую девочку, какой была Бася?

Людмила АЛТУНИНА

(г. Тула)

САМАЯ ЛУЧШАЯ МАМА

Мы с двумя внучками готовились к встрече Нового года. Решили устроить праздничный детский концерт и пригласить на него друзей, с которыми играли во дворе мои девочки. Приехали также в гости двоюродные сестрички и братишка из другого города. Все вместе инсценировали сказки «Теремок», «Бременские музыканты». Пятилетняя Настенька, занимающаяся третий год танцами в студии, сама поставила и исполнила танец новогодней елочки. В общем, было весело, и новогодний праздник, устроенный детьми, вполне удался.

Накануне его мы заготовили не только подарки и призы, но и, по моему предложению, внучки вырезали из бумаги круглые «меда-

ли»: «Самый активный гость», «Самый веселый гость», «Самый озорной ребенок» и «Самая лучшая мама». Внучки с удовольствием разрисовывали и раскрашивали медали, особенно они старались над той, которая предназначалась лучшей маме. И вот настал момент истины. Дети все вместе стали решать, кому, какую медаль вручить. «Медальки», яркие, на атласной ленточке с красочной надписью «Самый активный гость», достались шестилетней Меланке, шустрой непоседе, и восьмилетней Анечке, всегда и во всем норовящей помочь другим, все устроить, сделать так, чтобы всем было хорошо и весело. Медали «Самый веселый гость», по общему решению, торжественно, под аплодисменты были вручены семилетнему Вадиму и пятилетним Семе и Настеньке. Медали «Самый озорной ребенок» дети под общий одобряющий, а вовсе не обидный смех повесили на шею двум действительно неугомонным озорнушкам — трехлеткам — Сонечке и Дарине. Все были довольны, с интересом и комментариями рассматривали медали, ободряя друг друга.

Дошла очередь вручать медаль и «Самая лучшая мама». Дабы никого из присутствующих детей не обидеть, — я ведь наперед была уверена, что каждый из детей таковой посчитает свою маму, — их заготовили по числу присутствующих мам и даже одну запасную сделали: вдруг неожиданно появится на нашем концерте «незапланированная» мама со своим ребенком.

— Дети, — громко объявила я, — сейчас вручается самая главная медаль на нашем торжестве — самой лучшей маме! И вручим мы ее той маме, которую вы посчитаете лучшей — выбирайте и вручайте: вот медали, — и указала на коробку, в которой они лежали.

Дети, обгоняя друг друга, кинулись к коробочке и, достав медальку, каждый отнес и с поцелуями, и нежностями повесил ее на шею своей маме, уверенный, что самая лучшая мама — это именно его мама. Кто бы в этом сомневался! Ведь мы не найдем ни одного ребенка, который, отказавшись от своей родной мамы, предпочел бы более молодую и красивую, более нарядно одетую или богатую, готовую покупать дорогие игрушки и постоянно водить в «Макдональдс» или детское кафе, на разные аттракционы в центр досуга и развлечений. Нет, каждый ребенок лучшей считает именно свою маму, не замечая в ней никаких недостатков, даже если на самом деле она — далеко не лучшая мама. И в этом — великая тайна и сила природы: незримыми нитями неразрывно связующие два начала, одно из которых берет исток из другого, являясь его бессмертным продолжением.

Галина СОЛОНОВА

(г. Брянск)

СПАСЕНИЕ ДОБРОТОЙ

Лесная чаща таила в себе много чудес.

Среди лохматых веток высокоствольных сосен обитали белки. Где живут эти доверчивые пушистые зверьки, знали лишь те, кто часто ходил по тропинке к дачному поселку.

Аня и бабушка часто любовались красотой, ловкостью, подвижностью белок.

В теплую погоду древесные жители целыми днями бегали по деревьям, прыгали на землю, растопырив лапы и руля хвостом, похожим на пушистое перо. Белки собирали корм: то семена из шишек лущили, то грибы сушили, развешивая по веткам, не брезговали даже желудями. С удовольствием принимали и Анины угощения — лесные орешки. И все — в закрома — в дупла соседних деревьев.

— Бабушка, неужели белки все огромные запасы съедают? — поинтересовалась однажды Анечка.

— Эти чудесные зверьки очень запасливые, их запасами можно прокормить целое поселение белок. Но они забывают, где располагают свои закрома, поэтому весной часто питаются древесной корой и набухшими почками.

— А если случайно обнаруживают чужую кладовую?

— Тогда устраивают настоящий пир.

Взаимные симпатии людей и пушистых темно-рыжих зверьков Аню радовали и умиляли.

Но однажды, в начале июня, случилась беда. К этому времени белочкиным малышам было всего три месяца. Анечка знала, как трудно пришлось маме-белке: она сама строила в развилине дерева для будущих деток удобное и надежное гнездо с плоской крышей, чтобы не привлекать взора хищных птиц. Кормила около двух недель пятелых голых и слепых малышей своим молочком, затем постепенно переводила их на более жесткую пищу. Теперь она учила бельчат премудростям взрослой жизни. Только через полгода сможет их отпустить от себя...

Еще издали Аня с бабушкой почувствовали что-то неладное: треск, свист, щелчки доносились с места, где жили белки.

— С белками беда? — забеспокоилась девочка.

— Похоже на то: они посылают сообщения другим грызунам об опасности.

— Скорее, бабушка! — крикнула Анечка и устремилась вперед.

На тропинке у сосен она увидела Петьку Чернышова и Саньку Пестрецова из параллельного третьего класса. Они с задором натягивали резиновые ленты рогаток, заправленные камешками, и стреляли вверх. «Так вот зачем нужны им были рогатки!» — с ужасом вспомнила Анечка, как однажды на перемене в школе эти двое хвастались своим «оружием».

— Стойте! — что есть сил, закричала девочка.

Петька с Санькой растерялись: они не ожидали увидеть Аню, да еще и спешащую вслед бабушку. Мальчишки быстро сунули рогатки за пазуху, хотели скрыться с места преступления, но тут неожиданно сверху, как на парашюте, на Петьку прыгнула белка. Это была уже не та ласковая, приветливая и доверчивая белочка, какую привыкла видеть Анечка. Это была обиженная и разъяренная мама, у которой отняли бельчонка. Она своими длинными задними лапками вцепилась за воротник курточки у самой Петькиной шеи, а короткими передними стала быстро барабанить по голове, теребя белобрысый чубчик. Хоть и была белочка весом не более трехсот граммов, да и длиной тела не щеголяла: каких-то двадцать пять сантиметров, но Петька заорал так, будто на него прыгнул медведь.

— Спасите, помогите! — призывал он на помощь.

Санька же стоял как вкопанный с выпученными глазами и, как рыба, открывал и закрывал рот, так и не сумев издать ни звука.

Бабушка осторожно, приговаривая ласковые слова, чтобы успокоить белочку, наконец, освободила Петькину голову. Петька все еще хлопал носом, потирая ладонью голову. А белочка по стволу дерева быстро побежала вверх.

— Сдать оружие! — громко скомандовала Аня.— Да карманы с камнями не забудьте вывернуть.

Мальчишки беспрекословно подчинились требованию девочки.

— Ребятки,— с укором сказала бабушка,— как же вы додумались до такого безобразия? Вашим родителям, бабушкам и дедушкам, которых я хорошо знаю, будет очень стыдно за вас.

— Это Петька предложил поохотиться,— пролепетал жалобно Санька.

— Бабушка! А давай мы этих охотников сейчас накажем,— пошутила Анечка и сделала вид, что заправляет в рогатку камень.

Мальчишки, что есть сил, припустились бежать.

— Бегите, бегите! Я все равно в школе расскажу, какие вы «защитники природы»,— крикнула вдогонку Аня.

Она обеспокоенно поглядывала вверх, в надежде увидеть среди густых сосновых веток белочек.

— Наверно, они спрятались в гнезде,— сказала бабушка, наклоняясь за сумкой.

И тут, в метре от тропинки, под сосной, она увидела на земле пушистый рыжий комочек.

— Батюшки мои! — воскликнула бабушка.— Бельчонок! Жив ли?

Анечка быстро взяла малыша в ладошки. На голове, выше глаза, у бельчонка сочилась кровь, лапка тоже была повреждена. Глаза закрыты, он едва дышал.

— Бабушка, что же делать? Он умирает? — чуть не плача от жалости, спросила Аня.

— Пойдем, внучка, скорее на дачу. Будем спасать бельчонка...

Бабушка вымыла руки, принесла ножницы, чистое полотенце и аптечку.

— Клади зверька на полотенце, — сказала она.

Бабушка аккуратно выстригла мех вокруг ранки, обработала ее перекисью водорода и наложила бактерицидный пластырь.

— Так, теперь займемся лапкой. Похоже, что бельчонок поцарапал ее во время падения.

Анечка очень волновалась: ведь малыш по-прежнему не подавал никаких признаков жизни.

— Выживет ли? — вздыхала девочка.— Может у него сотрясение мозга?

— Вполне возможно. Неси-ка коробку из-под резиновых сапожек. Устроим в ней раненого малыша. Ему сейчас нужен покой и глюкоза.

— Глюкоза? Где же ее взять? — удивилась Анечка.

— Приготовим сами из кипяченой воды и сахара. Загляни в холодильник: остались ли там молочные сливки? А я отыщу в аптечке пипетку.

Трое суток Аня самоотверженно ухаживала за больным бельчонком. Она аккуратно раскрывала ему рот, капала пипеткой по две-три капли то глюкозы, то сливок. Даже ночью, просыпаясь, девочка тихонько, чтобы не разбудить бабушку, подходила к коробке с бельчонком и прикладывала ладонь к его грудке, чтобы почувствовать дыхание. К вечеру третьего дня зверек открыл глазки-бусинки и пошевелил лапками, попытался встать, но как-то неуклюже осел: был еще слаб.

— Ура! — закричала радостно Анечка. Схватила коробку с бельчонком и побежала на огород к бабушке.

— Ну, вот и спасли мы с тобой бельчонка. Мама-белка, по всей видимости, приучала деток к более грубой пище, поэтому и нам надо запастись семенами сосновых шишек, подсолнечника, а потом и лесными орешками.

— А он не убежит?

— Да куда ж ему бежать-то? Слаб он еще. Папа обещал клетку привезти завтра. В ней поживет пока.

Прошел месяц. Бельчонок поправлялся, набирал вес, его ранки заросли мягкими рыжими волосами. Все, кто приезжал на дачу, считали своим долгом угощать бельчонка семечками, сухофруктами, сушеными грибами, орешками. Особенно зверек любил кедровые орешки. Но бабушка просила гостей не баловать его пищей, которой нет в лесу.

Наблюдать за бельчком было очень интересно. Сидя в клетке, он держал в передних лапах сосновую шишку, аккуратно отрывал чешуйки, чтобы достать семечко. Научился зверек расправляться и с лесными орехами: на месте острого кончика ореха он выгрызал круглую дырочку, затем вставлял в нее два нижних резца, и орех с громким треском разлетался пополам. Еще было смешнее, когда он, как кошка, умывался.

В клетку Аня усаживала бельчонка только на ночь. Днем она выпускала его на волю, но зорко следила за ним. Зверек весело прыгал по плодовым деревьям, скрываясь в густой листве. Обнаружить можно было его только по рыжей шубке да пушистому хвосту. Часто бельчонок спускался на нижний сук березы, что росла у крыльца, цокал и ждал пока подбежит Анечка. Зверек картинно вставал на задние лапки, выпрямлял передние и манипулировал хвостом: то ставил его торчком («султаном»), то изгибал вопросительным знаком, то укладывал на спину, касаясь двух пушистых треугольничков — кисточек ушей. Девочка несколько раз хлопала в ладоши, и бельчонок, поддерживая равновесие туловища хвостом, прыгал ей на плечо.

Бабушка сердилась:

— Внучка! Ты его избаловала — совсем ручным стал. Трудно ему жить будет на воле. Тебе в школу скоро нужно собираться, а бельчонку к своим сородичам.

Пришла пора расставания со зверьком, который стал для девочки другом. Ранним августовским утром Анечка с бабушкой и бельчком в клетке пошли к тем соснам, где жила беличья семья. Девочка открыла клетку, взяла в руки зверька и посадила его у подножия сосны. Бельчонок быстро запрыгнул на ствол, торопливо побежал вверх и скрылся.

— Анечка, клетку оставим под сосной, а сами пойдем в город. Там у нас много дел.

Вернувшись к вечеру за клеткой, и бабушка, и Аня были очень удивлены: рядом на ветках невысоких кустарников были развешаны грибы, а рядом с клеткой сидел бельчонок. Анечка обрадовалась и тут же расстроилась.

— Бабушка, мы предали бельчонка?

— Нет, Анечка, ты его вылечила и выходила. Но зверек не должен жить в неволе, ему нужны друзья и семья. Видимо, нет здесь его

родственников. Арсений Степанович, наш лесничий, мне подсказал, где теперь живут белки. Вот туда и пойдем завтра с утра.

Темные мохнатые ели плотно стояли друг возле друга. Анечка с бабушкой долго прислушивались и всматривались в вершины деревьев.

— Бабушка,— наконец прошептала Анечка,— здесь они. Рыжие пятнышки, словно солнечные зайчики, мелькают.

— Хорошо,— с облегчением вздохнула бабушка,— открывай клетку.

Девочка посадила бельчонка на плечо и подошла вплотную к широкой еловой ветке, почти свисающей до земли. Зверек прыгнул на нее, взмахнул пушистым хвостом и помчался на вершину дерева.

— Прощай, будь счастлив,— прослезившись, сказала Анечка.

Наступила зима. В выходные дни Анечка просила кого-нибудь из взрослых прогуляться с ней на лыжах по лесу. Она надеялась увидеть своего бельчонка. Бабушка догадалась о желании внучки:

— В сильные морозы белки забираются в гнезда и проводят время в полудреме. Но думаю, что вы однажды все-таки встретитесь.

В конце февраля, когда лес уже мечтал о весне, но был еще полон снега, Анечка с бабушкой встали на укатанную лыжню. Шли медленно, не торопясь. Лыжня проходила в двух метрах от елей, где жили белки. Девочка остановилась: ей показалось, что кто-то цокает и параллельно лыжне передвигается по деревьям. Она приблизилась к еловым веткам, всмотрелась, но никого не заметила. Опять услышала цокот. Анечкино сердечко замерло. Она сняла варежки и похлопала в ладоши. Руля пушистым хвостом, к ней на плечо прыгнул темно-серый пушистый зверек.

— Я узнала тебя, бельчонок! — обрадовалась девочка.— Ты повзрослел, сменил свою рыжую шубку на зимнюю! — Бабушка! А ты говорила, что белки забывчивы!

Анечка ликовала. Она поспешно опустила руку в карман за орешками.

Юлия ВОЕВОДИНА

(г. Серпухов Московской области)

Родилась 24.05.1977 года в п. Шарапова Охота Серпуховского р-на Московской обл. По образованию педагог-дошкольник, психолог-педагог. Член ЛитО «Серпейка» и ЛитО Москвы и Московской области. Дипломант конкурсов Московского Совета ЛИТО, лауреат и дипломант конкурсов, отмечена Благодарственным письмом главы города в 2012 г., имеет грамоты и дипломы за вклад в литературу и культуру. Публикуется в газете «Серпуховские вести», в «Литературной газете», в коллективных сборниках В 2008 году выпустила свой сборник «Мыслей кружева».

«ОПЯТЬ ДВОЙКА»

Подходила к концу учебная четверть. Кому-то уже очень хотелось поскорее уйти на каникулы, кому-то нужно было исправить оценки, а кто-то просто ни о чем не думал и прогуливал периодически уроки, не выполнял домашние задания и неохотно и плохо учился. Одним из таких учеников был Сеня Зайцев. Когда учительница сказала, что по русскому языку в четверти у него выходит двойка и нужно написать сочинение, чтобы исправить итоговую оценку, мальчик виновато опустил голову, вздохнул и вышел из класса. В коридоре было шумно. Все занимались своими делами, а Сене не давала покоя мысль о двойке. Через урок будет русский язык, а сочинения нет. Что же делать? И тут Сеня увидел свою одноклассницу Лялю. Она увлеченно обсуждала с подругами тему прошедшего урока. Сене пришла в голову мысль. Он тихо пробрался в класс, закрыл дверь, вышел через некоторое время и направился в сторону школьной библиотеки. Перемена была большая, поэтому можно было успеть сходить и в библиотеку, и в столовую.

На следующий день на уроке русского языка учительница раздала тетради с домашним заданием. Нужно было написать сочинение по картине Ф. П. Решетникова «Опять двойка». Дети с нетерпением начали смотреть свои отметки.

— Опять двойка! Почему? За что? У меня же отличное сочинение! — воскликнул Сеня.

— А у меня вообще ничего нет... — робко прошептала Ляля от неожиданности.

Учительница строго посмотрела на учеников. Вызвала Сеню к доске и сказала:

— Сеня, в твоей тетради действительно отличное сочинение, но оно не твое. Я даже знаю, у кого ты списал. Поэтому и не поставила

ничего тому человеку. А надо было бы тоже поставить двойку. Извини, но за то, что ты не работал, а решил списать, пятерку поставить не могу. И от девочки я такого не ожидала.

У Ляли подступали слезы. Она моргала глазами, закусив губу, чтобы не расплакаться.

Сене стало жаль одноклассницу. Он громко сказал:

— Татьяна Аркадьевна, Ляля не виновата. Это я сам. Она даже не знала. Вчера на большой перемене вытащил тетрадь у Ляльки из портфеля, ушел в библиотеку и там списал сочинение. Вот. Не хотел получить двойку.

— Ты бы и не получил ее, Сеня, если бы подошел ко мне перед уроком и сказал правду. Я бы просто помогла тебе. И все. А теперь ты вдвойне виноват. А Ляле поставлю пятерку, раз она не виновата.

Сеня после уроков поговорил с учительницей, потом извинился перед Лялькой, а девочка помогла ему написать два других сочинения. После этого в тетради и журнале красовались честно заработанные четверки, а двойки в четверти не было.

Ольга АНДРЕЕВА

(г. Тула)

Родилась в г. Туле 17. 11. 1959 г. Окончила Механический факультет Тульского Политехнического института в 1982 г.. С 1987 г. преподает. Обучала детей лепке. С 1997 г. — учитель в школе изобразительного искусства «Морозко» в г. Москве. Занимается возрождением тульской игрушки. Имеет звание народного мастера России. Член Союза художников России.

ПРО УСЕРДНУЮ СТАРУХУ

За семью холмами, за семью долами, на высоком берегу быстрой речки, стояла, как поставили много веков назад, деревенька. Жили там люди добрые и простые.

Но вот беда, у многих царя в голове не хватало. Воду в решете носили, сапогом рыбу ловили, летом в валенках ходили, зимою в речке купались. Так весело и жили. В гости друг к другу ходили, кашу с топором варили.

Жила в этой деревеньке старая солдатка Кузьминична. Хозяйство ее было не хитрое. Всего-то кот, петух, да пара куриц. И несли те курочки яички белые, крупные и вкусные. Жаль, что по одному яичку в день каждая курочка несла. Уж так старуха старалась за хозяйством своим ходить лучше, а толку не прибавлялось. И чистила кур, и сено у

них ворошила, и сушила, и маслице в лампадку щедро подливала, чтоб у несущки светлее было. А куры по яйчку в день несут.

Задумалась Кузминична: что ежели больше им корму дать, глядь, вырастут они большие-пребольшие. И яйца будут нести крупные, что яблоки. Ну и стала их кормить и поить еще больше. Толстеют куры, как на дрожжах поправляются. А яйца-то и вовсе нести перестали. Зажирели совсем.

Вот и весь сказ — не переусердствуй! Все хорошо в меру.

ПРО ДЕДА, БАБУ И ГОЛУБУЮ РАКОВИНУ

Давно ль это было? Недавно ль? То ли во сне, то ли наяву. В некотором царстве, в некотором государстве, на берегу моря-океана стояла деревенька. И жили в ней кроме прочих рыбацких семей старик да старуха. Мужики той деревни в море ходили, сетями рыбу ловили. На берегу, на кострах ее коптили, в бочках икру солили, на базарах нехитрые уловы продавали, тем и кормились. Плохо ли, хорошо ли, но концы с концами сводили, в праздники водку пили. Бабы по хозяйству ходили, так размеренно и жили.

Но вот как-то раз дед пошел в море, забросил невод, да только одну тину и вытянул. В другой раз забросили невод — пришел невод с мелкой килькой, да уж больно мелка оказалась рыбешка, отпустил ее старик обратно на морские просторы. В третий раз забросил он невод и вытянул его с одной раковинкою, раковинкою не простою, голубою. Ах, как она переливалась. Играла на солнце всеми лучами радуги! Удивился старик. Взял раковинку, да сунул ее за пазуху. Дома жене про добычу рассказал. Открыл ее, а внутри жемчужина — белая, как снег, круглая, как яйцо. Смотрит старик на жемчужину, любитесь, а раковинка возьми да и закройся. Как только не тужились дед с бабой, не поддается им раковинка, не открывается. Положили они ее на печку да там и забыли. Ночью вдруг проснулись от яркого света, огляделись кругом. А свет-то с печи идет, то раковинка засветилась, как солнце. А в раковинке опять жемчужина появилась, да крупнее прежней. Так и стали дед с бабой поживать, да жемчужины собирать. Собирают дары свои невиданные и богатеют день ото дня. Дед в море не ходит, на печи сидит, раковинкою забавляется. Народ дивится. Рыбу не ловит, с каких доходом богатеет, не ясно.

И все бы было у стариков хорошо, если б не старухин язык. Уж больно длинный оказался окаянный. А на такой язык охотников много. Вот баба не стерпела, да и похвалилась своей подруге стариковой находкой. Та возьми ей и посоветуй: «Слышь кума, а что ежели раковинку в море, у берега, посадить да святою водою покропить. Глядишь, цельно дерево с раковинками и вырастит».

Запала дума бабке в голову, да так крепко, что ни о чем другом думать не может. Дома молчит, из угла в угол ходит, под нос себе что-то бормочет, старика не замечает. Схватила раковинку незаметно от мужа, да и как посоветовала кума, в землю посадила. А подружка не будь глупа, выкопала раковинку и была такова.

Сказка вся, да в ней намек — а болтуням же урок.

Лидия САВЕЛЬЕВА

(г. Тула)

Родилась любимая внучка Дарья, и я с раннего детства начала читать ей детские книжки. Маленькая Даша, как только научилась говорить, властно требовала: бабушка, сказку! И когда все книжки были читаны-перечитаны, то пришлось сочинять самой «на ходу». Так я и стала сказочницей. Мои сны превратились в сказки...

Сама я окончила Тульский политехнический институт по специальности «Экономика и организация производства». Но однажды по радио услышала, что в Тульскую филармонию требуется экономист. Работа, связанная с концертной деятельностью, заняла в моей жизни девятнадцать лет.

В 90-тые гг. людям было не до зрелищ, не до концертов... Я избралась в одномандатном округе в Тульскую Городскую Думу, моя депутатская жизнь продолжалась двенадцать лет.

СКАЗКА ПРО ЛЕБЕДЯ

Летели лебеди высоко, высоко, и неожиданно разразилась гроза. А стая в это время пролетала над синим морем. Сверкнула молния и убила лебедицу, мертвая птица упала в море на самое дно. Мимо проплывал морской царь, волосы у него развевались, были длинные и переходили в волны; руки мягкие и гибкие, такие, что даже рыбы удивлялись его изяществу, а глаза у него цвета синей воды.

Взял он на руки бездыханную птицу и принес во дворец, а там старушка жила, увидела она, как царь бережно несет лебедицу и как нежно смотрит на нее, пошла за своей волшебной палочкой — взмахнула ею, и птица превратилась в прекрасную стройную девушку.глянул на нее морской царь и влюбился без памяти. «Будь моей женой»,— сказал он. Девушка сразу согласилась, и тут же сыграли свадьбу. Веселилось все подводное царство три дня и три ночи.

Закончились праздники, подошла старушка к девушке и сказала: «Будешь жить ты долго и счастливо, только под водой, если случится тебе выбраться на берег, сразу же умрешь!»

Жили они, действительно, счастливо, родились у них трое детей — морских царевичей. Но однажды прилетела чайка и царевна у нее спрашивает: «Расскажи, что видала на берегу?»

Птица рассказала, что уже много лет прилетает на берег одинокий Лебедь, печально и громко зовет он свою подругу, которая упала когда-то бездыханная в море, и не может забыть ее все эти годы.

Послушала царевна ее рассказ, загрустила — ничего ее не веселит, ничего не радует, и царство подводное все притихло... И вот однажды все заснуло, а царевна от грусти даже спать не может. Встала она, вышла из дворца и тихонько поплыла к берегу. А как ближе и ближе плыла она к берегу, то громче и громче слышала трубный голос одинокого Лебеда. Печальная его песня слышалась далеко-далеко. Луна освещала берег серебряным цветом, и белый Лебедь стройный и печальный трубил и трубил свою песню о верной любви.

Не выдержало сердце Царицы-лебедицы, взмахнула она сильней руками и вышла из воды на берег. В ту ж минуту руки превратились в крылья, шея вытянулась и стала лебединой. Как увидел Лебедь свою подругу, бросился к ней навстречу, и взмыли они вверх. Широкие их крылья блеснули в лунном свете... Но вдруг лебедица стала падать на землю.

Увидел Лебедь свою подругу мертвой, издал прощальный крик, сложил крылья и камнем полетел вслед за ней.

На берег, когда луна освещала падающих лебедей, вышла из моря старушка-волшебница. Взмахнула она своей волшебной палочкой и миг превратила лебедей в звезды.

Так в далекой южной стране появилось созвездие Лебеда!

Людмила ПЕНЬКОВА

(г. Тула)

МЫСЛЬ — ВОЛШЕБНЫЙ КЛЮЧИК

Мой любознательный друг! Как ты думаешь: в чем заключается главное отличие человека от животного? Например, тебя от кошки. Каким преимуществом обладает человек над остальным миром: миром животных, растений, птиц, минералов? Правильно! Животные, растения, птицы, минералы в течение своей жизни не смогут преобразовать ни себя самих, ни свои жизненные условия. Например: кошка, будучи котенком, не способна мечтать о том, кем ей стать в будущем. У нее нет такой возможности: выбирать, строить мыслями свое будущее.

Человек же не закончен, незавершен. На протяжении своего жизненного пути ты будешь изменяться, совершенствоваться, а это

значит: развивать свои способности, обогащать себя новыми знаниями, умениями, мастерством.

Человек обладает властью самостоятельно выбирать, каким ему быть: добрым или злым, другом или врагом, храбрым или трусом, создателем или разрушителем, богатым или бедным, здоровым или больным. Ты имеешь право сам выбрать себе профессию. Например: стать врачом или кондитером. То есть каждый человек, в зависимости от течения его мыслей, становится тем, к чему стремится, чему отдает предпочтение.

Ты никогда не задумывался о том, на что похожа мысль? Нет!

А вот один художник решил мысль нарисовать. Об этом есть интересная легенда. Знаешь, что такое легенда? Это сказание, основанное на устных преданиях. Многие легенды живут очень долго, переходя из века в век, потому что в них содержится народная мудрость.

В легенде, которую я хочу тебе рассказать, говорится о том, что однажды художник решил выразить мысль, но не знал, какой символ лучше передаст ее. Пришлось художнику обратиться за помощью к философу. Тот предложил изобразить мысль, как облако, ибо мысль обитает в пространстве. Другой мыслитель считал, что звездное небо лучше сможет выразить мысль. Третий полагал, что правильнее всего мысль отобразит молния. Четвертый предложил ничего не изображать на полотне. Оставить полотно белым, по его мнению, это — самое правильное решение, потому что наши глаза не могут видеть мысль и «каждый образ будет слишком груб для света энергии». Да! Да! Мой друг!

Мысль — это свет энергии, это высшая творческая энергия. Она обладает силой, счастливые мысли делают нашу жизнь счастливой. Не забывай: каким ты будешь себя представлять в своих мыслях, таким и станешь на самом деле, в реальной жизни!

Давай, мой любимый друг, будем всегда ценить нашу силу мысли, не растрчивать ее попусту. Мысль — это волшебный ключик от двери, за которой исполняются наши красивые желания.

УЛЫБКА — ВОЛШЕБСТВО

Мой замечательный друг! Ни один человек не вышел в жизнь из детства, не узнав, что такое сказка. Тебе нравятся сказки? Не сомневаюсь в твоём утвердительном ответе. За что же мы любим сказки с самого раннего возраста, и что они дают нам?

Сказка, вовлекая в свое волшебство, очаровывает нас и уносит на крыльях захватывающих событий в мир небывалых чудес. Только в сказках птицы, звери, цветы, звезды и облака разговаривают, как люди, дают мудрые советы. Люди же умеют летать, как птицы, мчатся

на сером волке, как на стремительном быстроногом скакуне, превращаться в животных и растения.

В сказках всегда прославляются ум, смекалка, трудолюбие, отзывчивость и бескорыстие. В них высмеиваются жадность, хвастовство, безделье и равнодушие.

Сказки очень хотят, чтобы все мы, люди, уже с самого детства понимали: сердце, сияющее чистотой и любовью, побеждает зло, рассеивает его призрачные силы. Доброта, сострадание и милосердие являются яркими лучами солнца любви и никогда не позволяют темноте ступить свои краски на столбе, чтобы одержать победу.

А еще сказки очень выразительно говорят нам о красоте окружающего мира, о его участии в нашей жизни. Они красноречиво дают нам понять, что все мы: люди, птицы, животные, звезды, цветы, моря и горы являемся частичками Вселенной. Вселенной — мудрой, творческой, любящей нас.

А самое главное, сказки уверены, что мир, в котором мы живем тоже волшебный. Они стремятся разбудить в тебе, во всех людях умение видеть знаки волшебства в реальной жизни. Одним из них является улыбка. Да! Да! УЛЫБКА! Ее понимают все люди нашей удивительной и прекрасной планеты Земля, где бы они ни жили и на каком бы языке ни разговаривали. Улыбка действует завораживающе, поднимает настроение. Улыбающийся человек источает тепло и радость, которая передается другим. Улыбка — это, отраженное на нашем лице, солнышко. Без сомнения, наши улыбки добавляют красоты и света окружающему миру. Вот какие чудеса творят сказки!

ЗАГАДКИ

Мой дорогой друг! Мы с тобой еще не разгадывали загадки. Прямо сейчас этим займемся. В загадках зашифрованы самые популярные, известные всем детям и их родителям (они ведь тоже были детьми), герои сказок. Разгадывание загадок — занятие нескудное и полезное. Я думаю, мой любознательный друг, тебе не составит труда узнать сказочного героя, а также назвать произведение и автора — человека, написавшего для тебя сказку. Не говори, пожалуйста, что ты не сможешь, боишься не угадать! В случае, если ты еще не встречался с той или иной сказкой, не огорчайся, а познакомься с ней, не пожалейшь точно.

Удачи тебе, мой необыкновенный друг!

Неумытым с ним не будешь,
Как не мыться позабудешь.
Он мочалок командир!
Чистоплотный — (Мойдодыр!)

Произведение: **«Мойдодыр»**
Автор: **Корней Иванович Чуковский.**

Из полена он родился,
Отличался носом длинным.
Папа Карло им гордился.
Звал его он (**Буратино!**)

Произведение: **«Золотой ключик или приключения Буратино».**

Автор: **Алексей Николаевич Толстой.**

Приходила на базар,
Покупала самовар!
Всех на праздник приглашала,
Чаем сладким угощала:
Это все о щедрой мухе,
Славной мухе (**Цокотухе**).

Произведение: **«Муха Цокотуха»**
Автор: **Корней Иванович Чуковский**

Ростом с дюйм, совсем — мала!
Ласточку спасала!
У крота она жила:
Очень тосковала.
Даже, если б ей дарил
Крот всегда обновочки,
Он в себя бы не влюбил
Девочку (**Дюймовочку**).

Произведение: **«Дюймовочка»**
Автор: **Ганс Христиан Андерсен**

Он катился по дороге,
Уносил от волка ноги.
От лисы уйти не смог.
Кто же это? (**Колобок**).

Произведение: **«Колобок»**
Автор: **народ**

Он добрейший — говорят,
Лечит птичек и котят.
Где болело — не болит!
Кто он? Доктор (**Айболит**).

Произведение: **«Доктор Айболит»**
Автор: **Корней Иванович Чуковский**

Трое братьев — хвост крючком,
Распевали песни звонко.
Каждый взялся строить дом.
Кто они? Три (**поросенка**).

Произведение: **«Три поросенка»**
Автор: **Сергей Владимирович Михалков**

Девочка к бабушке шла по тропинке,
Шла через лес с пирожками
в корзинке.
Девочка эта, поистине, лапочка,
Как же зовут ее?
(**Красная Шапочка**).

Произведение: **«Красная Шапочка»**
Автор: **Шарль Перо**

Мой дорогой друг — молодец! Теперь ты знаешь (а, если знал раньше — молодец вдвойне!) замечательных, всемирно известных отечественных писателей: Корнея Ивановича Чуковского, Алексея Николаевича Толстого, Сергея Владимировича Михалкова... а так же популярных зарубежных писателей: Шарля Перо, Ганса Христиана Андерсена. Они, бесспорно, достойны того, чтобы мы знали их имена. Возможно, ты тоже станешь писателем и напишешь свои сказки, дети их полюбят, и тогда они останутся жить в веках, будут переходить из поколения в поколение, принося радость своим читателям.

ЦВЕТЫ — ПРАЗДНИК

Мой чудесный друг! Я даже не стану спрашивать у тебя: любишь ли ты цветы? Их невозможно не любить. Они достойны восхищения! Я очень люблю цветы, и много раз выражала им свое признание в стихах. Без них наша планета не была бы такой праздничной и нарядной. Цветы украшают нашу жизнь, но не просто украшают, а активно участвуют в ней, соперничая человеку. Они способны повы-

шать наш иммунитет, лечить, очищать воздух. Ученые выяснили, что цветы общаются между собой на своем цветочном языке. Слуховой аппарат человека устроен так, что мы не слышим разговор цветов. Не будем грустить по этому поводу. Своей сказочной внешней красотой и волшебным ароматом каждый цветок рассказывает о своей внутренней красоте. Всем известно, что без внутреннего сияния не бывает и внешнего.

Мой милый друг! Я хочу познакомить тебя со стихами, которые я подарила кувшинкам.

О КУВШИНКАХ

На что похожа кувшинка

Чем-то похожа она на ромашку:
Нежную белую носит рубашку.
А на головке — венчик золотится.
Очень похожа кувшинка
на птицу.
На воду глянешь: кувшиночек стайки
В листьях купаются, прямо,
как чайки.

Где спят кувшинки

Спит малыш в своей кроватке.
В ней ему удобно, сладко,
А кувшинке, чтоб уснуть —
Надо под воду нырнуть.
Погрозил пальцем ночка,
Спать торопятся цветочки.
Лепестки в бутон смыкают,
В воду — бульк и засыпают.

Какое имя у кувшинки

У Ильи — сестра Иринка.
Имя есть и у кувшинки.
Та, что с желтенькой манишкой,
Называется кубышкой.
Та, что белая, как снег,
Стала лилией для всех.

Что делают кувшинки утром

Утром вынырнут цветы,
Разукрасят гладь воды.
Сотней солнышек опять
Станет озеро сиять.

Что не любят кувшинки

Не любят кувшинки плохую погоду.
Стоит лишь брови свести небосводу,
Тучкам заплакать, роняя дождинки,
Вмиг превратятся в кувшинчик
кувшинки.

Где можно найти кувшинку

Мышку в норке я найду,
А кувшинку — на пруду,
В тихих заводях речных,
На озерах расписных.

Кого кувшинки угощают соком

Лепестки кувшинки варят сладкий сок.
Всех стрекоз и бабочек потчует
цветок.
Плავает кувшинка, а ее головка
Ходит вслед за солнцем весело
и ловко.

В кого превращаются кувшинки в сказках

Водяные лилии — белые кувшинки
В сказках превращаются вовсе не в росинки,
А в русалок дивных. Ночи напролет
Девицы — русалочки водят хоровод.

Мой дорогой талантливый друг! Представь себе, что ты художник, который очень любит передавать очарование природой в своих картинах, как, например, замечательный Василий Дмитриевич Поленов. Нарисуй свой любимый цветок или любимые цветы твоей мамы,

бабушки и подари им. Можешь придумать свой волшебный цветок, можешь даже назвать его. У цветов красивые имена: лилия, хризантема, ромашка, медуница, фиалка, жасмин и так далее. То имя, которым ты назовешь свой волшебный цветочек, будет тоже милым и неповторимым. Удачи тебе! Ты тоже похож на красивый цветок!

Я тебя люблю!

Ольга КАРАГОДИНА

(г. Москва)

Родилась в Москве. В 1981-м г. окончила Московский библиотечный техникум по специальности «Библиотечное дело». Работала библиотекарем, секретарем-референтом, методистом. Пишет прозу, бардовские песни и исполняет их. Любит фотографировать на любительском уровне. С 2009-го года работает оргсекретарем в Академии российской литературы.

СКАЗКА ПРО ПАУЧКА ПАЛ ПАЛЫЧА

Пал Палыч — домашний паучок. Маленький с серо-коричневым упитанным брюшком. Живет Пал Палыч на кухне, под самым потолком. Там висит подвесной горшок с большими листьями папоротника. Паучок любит свой дом. Тихие тенеты паутины мерно покачиваются в такт открывающейся кухонной двери. Еды вокруг полно. В листьях папоротника ночуют полусонные мухи, которые изредка тяжело перепархивают с листа на лист, дожидаясь весеннего солнышка.

Пал Палыч всегда краем глаза следит за передвижениями мух. Как только заметит потревоженную муху, не спеша выпускает тонкую паутинку и, свесившись пониже, наблюдает дислокацию продовольственного склада.

Как и все домашние пауки, Пал Палыч домосед. Он смел, азартен и немного ленив. Зато он аккуратный гражданин, и его паутина сродни произведению искусства. Он не какой-нибудь божж, у которого рваная паутина. Есть такие — поналепят-поналепят... Паутина Пал Палыча всегда на своем месте. Этакий гамак, в котором часами покачивается хозяин.

Есть правда вещи, которых Пал Палыч не любит и боится. Это мокрая тряпка, которая постоянно задевает его гамак и частично рушит его. Ему приходится часами восстанавливать квартиру, заделывая огромные дыры. Или сквозняки, которые иногда случайным образом сдувают охотящегося за мухами Пал Палыча на пол, где ходят огромные тапки, норовящие на него наступить. Но хуже всего, когда ветер

из форточки сдувает охотника в раковину. Почти смертельный вариант. Ведь, если открыт кран с водой, Пал Палычу уже не выбраться, он будет смыт водой из этой жизни — навсегда.

Вообще, в его размеренном существовании все продумано до мелочей. Охота, пеленание добычи, здоровый сон, крепкий ужин, переваривание оного, снова охота. А еще у Пал Палыча — есть зазноба.

Марфа живет в противоположном углу кухни под цветком с названием хлорофитум хохлатый, родиной которого считается Южная Африка. Под его большими пониклыми стеблями находится дворец Марфушеньки. Как все паучихи, Марфа норовистая и сильная. У пауков самки гораздо крупнее самцов. Нужно быть ловким и хитрым, чтобы играть в любовные игры и самому не стать жертвой своей избранницы. Игры пауков опасны и страстны. Паук отдает своей избраннице всего себя без остатка. К даме надо подходить осторожно, с презентом в виде сушеной мухи, и пока она будет рассматривать подарок, успеть ее обворожить. Затем не только доставить ей несказанное удовольствие, но и вовремя удрать, пока не доела муху. Ведь только некоторым удастся бежать, но такое поведение пауками не приветствуется. Обычно жених все же бывает съеден вместе с подарком.

Самцы некоторых видов пауков, спеленывают саму даму, чтобы она не сопротивлялась, пока идет свадебная церемония, но таких меньшинство. Оставшийся в живых паук напоминает о себе после свадьбы лишь хитиновым каркасом.

Зато какие прелестные паучата получаются! Тот, кто когда-нибудь видел шар из паутины, который разбегаются сотнями паучков, если на него дунуть, навсегда остается заморожен этим трогательным зрелищем. Немногие из этих разбежавшихся врассыпную сорванцов останутся в живых. Десятки из них будут съедены и найдут новое воплощение в иных материях.

Всю зиму Пал Палыч мирно качался в своем гамаке, пока яркие лучи солнца не возвестили о приходе весны, а потом и лета. Пал Палыч собрался жениться. Почистил брюшко, протер лапками глаза, проверил закатанных в саван мух, до последнего оттягивая момент знакомства с Марфой.

Но природа для всех одинакова. Марфа манила и звала. Крупная, с крепкими ножками, ярко выраженным брюшком и ясными всевидящими глазами, которых у пауков столько же, сколько ног — восемь. А у Марфы восемь красивейших на всем белом свете глазок.

И однажды Пал Палыч все же решился отправиться к хлорофитуму. Он старался не думать о плохом. О том, что Марфа рассматривает его, лишь как источник питательных веществ для будущего потомства. Он думал о любви — большой и чистой. О том, какие красивые у них родятся дети.

Пал Палыч ползал по паутине, трогая лапками нити, и определял на вес мух. Нужна была самая жирная и красивая свадебная муха. Наконец подарок был выбран. Жених аккуратно примерился к леске, поддерживающей двухметровые листья папоротника, и медленно пополз жениться.

Марфа почувляла его не скоро, а когда обнаружила вторжение, напряглась и затихла в своей сетке, надеясь на отличное пополнение своих продуктовых запасов.

Пал Палыч отважно нарушил территорию.

Был тихий вечер, форточки плотно закрыты, леска блестела, как лунная дорожка. Огонь любви сжигал паука изнутри. Марфа буравила жениха восемью глазами. Жадно буравила. К ней приближалась еда.

Первым делом Пал Палыч сунул Марфе муху. Она пришлась ей по вкусу. Дама подтянула к себе саван и увлеклась исследованием подарка. Пал Палыч был счастлив. Он так старался, так старался. Он был на вершине блаженства, но... как только Марфа доела муху, следующим, оказался сам Пал Палыч. Погиб в разгар любовных страстей, так и не узнав, какие прекрасные дети у него родились.

Прошло время, у Марфы родились паучата и сразу же разбежались в разные стороны. Паучихи трогательно заботятся о своих детишках. Носят на себе коконы с яйцами и даже только что вылупившихся паучков, оберегая их от опасностей. Правда так происходит не у всех. Есть такие виды пауков, где детки съедают выполнившую свой долг мамашу. Но это редкость. У большинства видов паучата быстро становятся самостоятельными и поскорей расселяются, пока их не съели взрослые пауки. Так печально, закончилась эта любовная история. Теперь, о ней напоминает, только маленький кусок паутины под разросшимся папоротником.

И по сей день в наших домах живут пауки. Круглый год они тихо сидят, не докучая хозяевам: и в роскошных апартаментах с «евроремонтом», и в лачугах бедняков; у них свое представление об уюте: лишь бы было тепло, влажно и достаточно еды. Поэтому если вы случайно обнаружите утром в ванной беспомощного мохнатого восьминожку, аккуратно посадите его куда-нибудь в укромный уголок, вместо того, чтобы брезгливо хлопнуть пленника мокрой тряпкой.

Существует древняя легенда. Она гласит: некая лидийская девушка, по имени Арахна, возгордилась настолько, что вызвала на соревнование Афины Палладу: дело в том, что среди смертных Арахне не было равных в искусстве ткачества — она прядла из нитей, подобных туману, ткани, прозрачные, как воздух. Сами понимаете, чем кончаются соревнования с богами: они редко обращаются со смертными по-справедливости, особенно если проигрывают. Афина Паллада обратила Арахну в паука, обреченного вечно ткать свою паутину.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДУХОВНАЯ СТРАНИЦА	4
ЮРИЙ БОНДАРЕВ	5
ПОИСК ИСТИНЫ	6
ПРОЗА	13
ЕВГЕНИЯ КУРГАНОВА.....	14
ТАНГО ОСЕНИ.....	14
ОЛЬГА И НАТАЛЬЯ АРТЕМОВЫ.....	16
СЕРЕБРЯНЫЙ КАРАНДАШИК.....	16
ЛАРИСА СЕМЕНИЩЕНКОВА	22
ПРАЗДНИК В ЗАЛЕПЕЕВКЕ	22
ГАЛИНА МАМЫКО.....	29
ЧУДО СВЯТОГО НИКОЛАЯ	29
ГАЛИНА СОЛОНОВА.....	40
ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ	40
ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА.....	45
РОКОВОЙ 37-Й.....	46
«ЖИТЬ НАДО ВСЕГДА ЧЕСТНО, ДОЧКА...».....	51
В СЕМЬЕ ПАПЫ СТАРОГО	53
ЛЯМАН БАГИРОВА.....	57
ПОПУТЧИК	57
СЕРГЕЙ КРЕСТЬЯНКИН	61
ВЫБОР	61
АЛЕКСЕЙ ЯШИН	67
С ЛУКОШКОМ ПО ЯГОДЫ И НЕЧТО О РЫБЬЕМ ЖИРЕ.....	67
ЯКОВ ШАФРАН.....	74
ОПОЛЧЕНЕЦ.....	74
ГЕННАДИЙ МАРКИН	84
АВАРИЯ.....	84
МИЛЕНА СУХОРУКОВА.....	87
ЗА ЧТО ЖЕНЩИНЫ ЛЮБЯТ ЛЕТЧИКОВ?	87
ГАЛИНА ГЛАДЫШЕВА	89
МАРИЙКИНА ЛЮБОВЬ.....	89
ГАЛИНА ЗЕЛЕНКИНА	94
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОДАРОК	94
ЕВГЕНИЙ СКОБЛОВ.....	98
ОХОТА КРЕПКОЕ 8%.....	98
НИКОЛАЙ МАКАРОВ.....	102
ДВАЖДЫ КРАСНОЗВЕЗДНЫЕ АФГАНЦЫ.....	102
В АФГАН — ЗА БУТЫЛКУ ВОДКИ.....	106
КИРА КРЕСТЬЯНКИНА.....	110

ЛАСТОЧКА.....	110
ТАМАРА ХАРИТОНОВА.....	113
ОГОНЬ И ВОДА.....	113
РУДОЛЬФ АРТАМОНОВ.....	116
ТЮТЮЛЯ.....	116
АННА ПОНОМАРЕВА.....	119
НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ.....	119
АННА МАРИНА.....	120
РАССКАЗ.....	121

ПОЭЗИЯ.....	124
ОЛЕСЯ МАМАТКУЛОВА.....	125
ОТ МОСКОВСКОГО БЛЕКЛОГО ЛЕТА,.....	125
ВЕЧЕР НАД ВЗМОРЬЕМ ПРОМОК ДО НИТКИ,.....	125
В БЕСПРИУТНОЙ НОЧИ НЕВЕСОМЫЕ, СИНИЕ ЗВЕЗДЫ. .	125
ЗАГАДАЮ ЖЕЛАНЬЕ! И СБУДЕТСЯ.....	126
СЕРГЕЙ НИКУЛОВ.....	126
СВИДАНИЕ СО СТАРОСТЬЮ.....	126
ГОВОРЯТ, — ТЫ СТАЛ СЕНТИМЕНТАЛЬНЕЙ.....	126
СЛОВО О СЛОВЕ.....	127
ОЖИДАНИЕ.....	128
ЕВГЕНИЙ ЩЕПЕЛЕНКО.....	128
БАБКА.....	128
СЕВЕРНЫЕ СНЫ.....	128
БЛАГОДАТЬ.....	128
ТЬМА ТАРАКАНЬЯ.....	129
ЖИЗНЬ.....	129
ВАЛЕНСИЯ.....	129
ОТЧЕГО.....	129
СВЕТЛАНА МАКАШОВА.....	130
СПЛИН.....	130
КОКТЕЙЛЬ.....	130
ГОРОД.....	130
ПРОЩАЙ.....	130
КОНКУР.....	131
ВАЛЕРИЙ АКИМОВ.....	131
ДЕДОВ НАКАЗ.....	131
РАССТАВАНИЕ.....	131
ДЕНЬ ПОБЕДЫ.....	131
ГЕРОИ.....	132
ИКОНЫ.....	132
ИСКУССТВО ЖИТЬ.....	132
АЛОЭ.....	132

НАТАЛЬЯ ШЕСТАКОВА.....	132
ПЯТЬ ДВОРОВ.....	132
ЧЕТЫРЕ КОШКИ.....	133
БЕРЕЗОВАЯ РОЩА.....	133
КОЛОКОЛЬЧИКИ.....	133
ОДУВАНЧИКИ.....	133
ОСЕНЬ В ОВСТУГЕ.....	134
ВЛАДИМИР РЕЗЦОВ.....	134
СОНЕТ №6.....	134
СОНЕТ №7.....	134
СОНЕТ №8.....	134
СОНЕТ №9.....	135
СОНЕТ №10.....	135
ТАТЬЯНА АНАНЬИНА.....	135
ЧАСЫ СЧАСТЬЯ.....	135
БЕЗ ТЕБЯ.....	136
ВСТРЕЧИ.....	136
ДВОЕ.....	136
НЕЗДЕШНЯЯ АКВАРЕЛЬ.....	136
СЕРГЕЙ ФИЛИППОВ.....	136
МЫ НА ПРИРОДУ ВЫЕЗЖАЛИ.....	136
СТАРУШКА С МАЛЕНЬКОЙ ИКОНКОЙ.....	137
ЖИЗНЬ РАЗДЕЛИЛА НЫНЧЕ МНОГИХ.....	137
БЫЛ САД И ПОЗДНЯЯ ВЕСНА.....	137
ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН.....	137
ГЛЕБ ИВАНОВИЧ УСПЕНСКИЙ — РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ..	137
ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ — РУССКИЙ ПОЭТ	138
НЕ СНИЖАЯ ЗНАЧЕНИЯ ТРАДИЦИЙ.....	138
ВАЛЕРИЙ САВОСТЬЯНОВ.....	138
КРЕМЛЬ — БОГАТЫРЬ.....	138
РОМАН ГОРОДЮК.....	139
НАС ГОРОД ЖДЕТ.....	139
ДМИТРИЙ ФИЛИППЕНКО.....	139
МАТЧ ЧЕРНОГОРИЯ — РОССИЯ.....	139
ОБЛЕПИХА.....	140
КОГДА НА ЗЕМЛЮ ПАДАЛ ПЕРВЫЙ СНЕГ.....	140
КУПАЛИСЬ В ОЗЕРЕ У ПАРКА.....	140
СЛЕЗЫ ЛИСТЬЕВ.....	140
ДЕРЕВНЯ ДЕТСТВА.....	140
ЕВГЕНИЙ БРАВЕРМАН.....	140
ПРЕЖНЯЯ ЖИЗНЬ.....	141
УСЛАДА ГЛАЗ МОИХ.....	141
ГОРОД ДЕТСТВА.....	141

СРЕДЬ ЗИМНЕЙ СТУЖИ!	142
ВЯЧЕСЛАВ АЛТУНИН	142
ВАЛЬС С ДОЖДЕМ	142
ЗАПИСКА	142
КОЛОКОЛА.....	143
СОКРУШЕНИЕ КРЫШ	143
СВЕЧЕНИЕ ВЕЩЕЙ.....	143
ПРАЗДНИК	143
ИГОРЬ МЕЛЬНИКОВ.....	143
ВЕТЕР, СЛЯКОТЬ, ТАБАЧНЫЙ ДЫМ.....	144
ТЫ В БОТИНКАХ, ПОЛНЫХ СНЕГА,	144
НЕ ЗАВИДУЙ ЧУЖОЙ ЮНОСТИ.....	144
РЫБКА	144
ГАЛИНА ЛЯЛИНА	144
И НЕ ГАСНЕТ ОСЕНИ КОСТЕР.....	144
ЗОВЕТ К СЕБЕ ОСЕННИЙ ЛЕС.....	145
ОСЕНЬ. УТРО	145
НАТАЛЬЯ АРТЕМОВА	145
ЗДЕСЬ ВСЕ СВЯТОЕ. ДАЖЕ ЭТИ СТЕНЫ.	145
ПОТОМУ ЛИ, ЧТО РОДИНА ЭТО.....	145
А Я ЕЩЕ УЗНАЮ СЧАСТЬЕ,.....	146
ОЛЬГА ОСЕНСКАЯ	146
ПОКА ЕЩЕ	146
МАНТИЯ	146
И ГРУСТЬ НАЙДЕТ ПОЛСОТНИ ОПРАВДАНИЙ.....	146
ЕЛИЗАВЕТА БАРАНОВА	147
НЕ УСПЕЕТ И ПТИЦА ВСПОРХНУТЬ,.....	147
ПУСТЬ ОСТАНЕТСЯ СЕКРЕТОМ	147
КОЛЫБЕЛЬНАЯ.....	148
ОЛЬГА БОРИСОВА	148
КАРА-ТОБЕ.....	149
ХАЧКАРЫ	149
ОЛЬГА БУГРИМОВА.....	149
ДУЭТ	149
ОСЕННЯЯ НОЧЬ В УСАДЬБЕ А. К. ТОЛСТОГО.....	150
ПРАЗДНИК СОЛНЦА	150
ОЛЬГА БЛОХИНА.....	150
СОВРЕМЕННАЯ РЕЧЬ...СТОЛЬКО	150
ОТВЕТ ОДНОМУ ПОЭТУ	151
О ЛЮБВИ СЛАГАЮТ СТАНСЫ И СОНЕТЫ.....	151
ЮРИЙ МАРТИШИН	152
Я ТЕБЯ НЕ ЗАБЫЛ.....	152
СЛЕЗЫ.....	152

ПРОСТИ	152
ОЛЬГА НОЗДРИНА.....	152
ЧТО- ТО РВЕТСЯ ДУША	152
ОДА ВЕСНЕ	153
ОЛЬГА ВИТАЛЕ	153
НЕ КАК ПРИШЛЫЙ, НЕ КАК ИЗБРАННИК.....	153
ЕЛЕНА ПОЛЕТАЕВА	153
ЭТИ ЗВЕЗДНЫЕ НОЧИ	153
ЦВЕТНОЙ СОН	154
СЕРГЕЙ ШИЛКИН	154
УЛУГБЕК.....	154
ЯНВАРЬ	154
ВИКТОРИЯ ТКАЧ.....	155
ПАХНЕТ ХЛЕБОМ В ВОСЕМЬ УТРА	155
КАЖЕТСЯ: ВЕЧЕР ПОХОЖ НА КАМЕЮ	155
И СТАЛИ ЦВЕТЫ ПЛОДАМИ,.....	155
МНЕ НЕ ПРОЖИТЬ ЗА ПЯТЬ МИНУТ	155
НИНА НИКИТЕНКО.....	156
ЖИЗНЕННАЯ СИЛА	156
ИРИНА НИКОЛЬСКАЯ	156
К ГОСПОДУ...	156
К ТЕБЕ, ГОСПОДИ.....	156
ЛЮДМИЛА ПЕНЬКОВА	157
ВЕЧЕРОК ВЕСЕННИЙ.....	157
ЛЕТЕЛИ АНГЕЛЫ ДОЖДЯ	157
И ЧТО В ТЕБЕ НАШЛА Я.....	157
АННА МАРТИНА.....	157
БЛАГОГОВЕНЬЕ.....	157
ЛЮДМИЛА СЕНИНА	157
ПЛОХО <i>ВСЕМ</i> НАМ БЫВАЕТ ПОРОЮ.....	158
Я ТОБОЮ, МОСКВА, ВОСХИЩАЮСЬ	158
Я НЕ БУДУ ЛОВИТЬ ПТИЦУ СЧАСТЬЯ,.....	158
ОЛЕГ ПАНТЮХИН	158
ОЖИДАНИЕ	158
НЕТ НА СВЕТЕ МЕЧТЫ ЛУЧШЕ ТОЙ,	158
НИКОЛАЙ ТИМОХИН.....	159
ВНОВЬ ПРОСЫПАЮСЬ «САМ НЕ СВОЙ»,.....	159
ТЕБЕ СУДИТЬ МЕНЯ, МОЙ МИЛЫЙ —	159
ТЫ ТАК КРАСИВА И УМНА.....	159
ИРИНА МАЦНЕВА	159
ВОСХОД.....	160
МОЛИТВА ПОКАЯНИЯ.....	160
ОЛЬГА АРТЕМОВА	160

НИЧЕГО С СОБОЮ НЕ ВОЗЬМЕШЬ:.....	160
БАРХАТЦЫ ПАХНУТ ШКОЛОЙ.....	160
ГАЛИНА ЗЕЛЕНКИНА.....	161
НА ГОРЕ ЦЕРКВУШКА	161
Я СУДЬБУ ПОПРОШУ	161
ВАЛЕРИЙ ВИНОГРАДОВ.....	161
БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК	161
ВОТ И КОНЧИЛОСЬ ЛЕТО,.....	161
ВАЛЕРИЮ ХОДУЛИНУ 80!	162
ТАТЬЯНА ЮРКОВА.....	162
СТИХИ, КАК СНЫ, ПОРОЙ КО МНЕ	162
БЛАГОВЕЩЕНИЕ	162
НАТАЛИЯ СИЛАЕВА.....	162
Я ПОВЕСИЛА ДУШУ СУШИТЬСЯ.....	163
ЕЛЕНА САПРОНОВА.....	163
ПРОМЕТЕЙ.....	163
ЛЮБОВЬ САМОЙЛЕНКО.....	164
СЕНТИМЕНТАЛЬНОСТЬ.....	164
ВИКТОР МЫЗНИКОВ	164
ВРЕМЯ.....	165
ЛЮБОВЬ И ОПОРА	165
КАНАТ КАНАКА	165
ПРОНОСЯТСЯ, КАК КОНИ — ПОЕЗДА,.....	165
ЕЛЕНА ГАДЕНОВА	166
МОЯ РОДИНА.....	166
ЮЛИЯ КОЛОБКОВА	166
МНОГО ПО ЖИЗНИ ВСТРЕЧАЛА ЛЮДЕЙ,.....	166
СТАНИСЛАВ ВОРОНЦОВ.....	167
ВОЗЬМИ В СВОИ ПАЛЬЦЫ МОИ ПАЛЬЦЫ.....	167
ДМИТРИЙ БЛИЗНЮК	167
АНТИМОТЫЛЕК	167
АНАСТАСИЯ СИЗОВА	168
БЛИЖЕ ЛЮДЕЙ — БУМАГА	168
МНЕ ПОРОЙ НЕ ХВАТАЕТ ОТЦА:	168
РОДИТЬСЯ ВАЖНО НАСТОЯЩЕЙ,.....	168
СОБРАТЬ БЫ ВСЕ ХОРОШЕЕ.....	168
ПО СЕРОМУ МОРЮ ПЕЧАЛИ.....	168
АННА БАРСОВА	169
ЗИМА, ЗИМА НЕДАЛЕКА,.....	169
ЧТО НА ВЕЕРЕ КИТАЙСКОМ —	169
ПРИВЕТ ГАРЦУЮЩИМ КОНЯМ!.....	169
УСТАЛОСТЬ: ЛОМИТ ПЛЕЧИ	169
НА СТЫКЕ АЗИИ С ЕВРОПОЙ.....	169

ЧТО ЕСТЬ ДЛЯ НАС РАСЕЯ, РУСЬ.....	170
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ	
ПУБЛИЦИСТИКА И КРИТИКА РОССИИ.....	172
ВАЛЕРИЙ МАСЛОВ.....	173
ГЛЕБ УСПЕНСКИЙ И ТУЛА.....	173
АЛЛА НОВИКОВА-СТРОГАНОВА.....	180
«У ЛЮБВИ ЕСТЬ СЛОВА».....	180
СЕРГЕЙ ОДИНОКОВ.....	195
КОМЕДИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО «ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ»: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ, ЖАНРОВЫЕ И ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ.....	195
РУДОЛЬФ АРТАМОНОВ.....	206
РУССКИЕ КОЛЛЕГИ ДОКТОРА ЧЕХОВА.....	206
ТОПОРКОВ («ЦВЕТЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ»).....	206
ДЫМОВ («ПОПРЫГУНЬЯ»).....	207
ОРДИНАТОР КОРОЛЕВ («СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ»).....	209
ИОНЫЧ («ИОНЫЧ»).....	210
АСТРОВ («ДЯДЯ ВАНЯ»).....	212
ЕВГЕНИЙ ТРЕЩЕВ.....	214
ПРОСТО ТАК ЧУВСТВУЕТ СЕРДЦЕ.....	214
ОЛЬГА ПОНОМАРЕВА-ШАХОВСКАЯ.....	217
МУДРЫЕ МЫСЛИ.....	217
ПУБЛИЦИСТИКА.....	220
СЕРГЕЙ ОВЧИННИКОВ.....	221
ИГОРЬ ТАЛЬКОВ И НАШ МАЛЕНЬКИЙ ГОРОД.....	221
ГАЛИНА КЛИНКОВА.....	244
НЕМЕРКНУЩИЙ СВЕТ ЛЮБВИ... ..	244
КИРИЛЛ КАРЛОВ.....	248
МИР ТРОЕЦАРСТВИЯ.....	248
ЕВГЕНИЯ КУРГАНОВА.....	255
САПЕРЫ ЧЕРНОРАБОЧИЕ ВОЙНЫ.....	255
ТАТЬЯНА РОГОЖИНА.....	258
ИЗ «ШКАТУЛКИ ПУТЕШЕСТВИЙ».....	258
ИРИНА НИКОЛЬСКАЯ.....	261
ПРАВОСЛАВНАЯ СЕМЬЯ.....	261
РОССИЙСКОЕ РОДСТВО И «НАЙТИ СВОИ	
КОРНИ».....	269
СЕРГЕЙ ЛЕБЕДЕВ.....	270
МОИ ПРЕДКИ — ВЕТЛУГАИ. КРЕСТЬЯНСКИЙ РОД.....	270

О дЕТАХ и для дЕТЕЙ	282
СЕРГЕЙ НИКУЛОВ.....	283
КОЛЫБЕЛЬНАЯ.....	283
НИНА ГАВРИКОВА.....	284
ГУЛЕЧКА.....	284
ОЛЬГА БОРИСОВА.....	292
ВОЛШЕБНИК.....	292
КОРОЛЕВСТВО ГОЛУБЫХ ЦВЕТОВ.....	294
ГАЛИНА ЗЕЛЕНКИНА.....	295
ЯНЕК И БАСЯ.....	295
ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА.....	300
САМАЯ ЛУЧШАЯ МАМА.....	300
ГАЛИНА СОЛОНОВА.....	302
СПАСЕНИЕ ДОБРОТОЙ.....	302
ЮЛИЯ ВОЕВОДИНА.....	307
«ОПЯТЬ ДВОЙКА».....	307
ОЛЬГА АНДРЕЕВА.....	308
ПРО УСЕРДНУЮ СТАРУХУ.....	308
ПРО ДЕДА, БАБУ И ГОЛУБУЮ РАКОВИНУ.....	309
ЛИДИЯ САВЕЛЬЕВА.....	310
СКАЗКА ПРО ЛЕБЕДЯ.....	310
ЛЮДМИЛА ПЕНЬКОВА.....	311
МЫСЛЬ — ВОЛШЕБНЫЙ КЛЮЧИК.....	311
УЛЫБКА — ВОЛШЕБСТВО.....	312
ЗАГАДКИ.....	313
ЦВЕТЫ — ПРАЗДНИК.....	315
ОЛЬГА КАРАГОДИНА.....	318
СКАЗКА ПРО ПАУЧКА ПАЛ ПАЛЫЧА.....	318

УЧРЕДИТЕЛЬ АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»:

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ», ВЫХОДЯЩИЙ ПОД ЭГИДОЙ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»:

ЯКОВ ШАФРАН — главный редактор и составитель
ЛЮДМИЛА АЛТУНИНА — зав. отделом
публицистики и литературоведения
ВЛАДИМИР РЕЗЦОВ — зав. отделом поэзии
СЕРГЕЙ КРЕСТЬЯНКИН — зав. отделом прозы
АЛЕКСЕЙ ЯШИН (от «Приокских зорь»)
ВАЛЕРИЙ ХОДУЛИН
ГЕННАДИЙ МАРКИН
ВАЛЕРИЙ ДЕМИДОВ

**АЛЬМАНАХ ОСНОВАН В 2011 ГОДУ
ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В ГОД**

12 + (произведения раздела «О детях и для детей» читаются
детям младше 12-ти лет взрослыми людьми)

***В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах
массовой информации» и Федеральным законом
от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей
от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию», альманах предназначен
для людей старше 12 лет.***

В МАКЕТЕ ОБЛОЖКИ ОБРАЗЦОМ ЯВИЛОСЬ ФОТО АВТОРА ИРСЕН:
<http://fotki.yandex.ru/users/tvoi-druzia/view/405071/?page=1>

В иллюстрациях использованы картины:
стр.3 — Клодт М. К. (1832—1902 г.). «Дубовая роща». 1863 год. Холст, масло.
Государственная Третьяковская галерея. Москва
стр. 12 — Клодт М. К. (1832 г. - 1902 г.). «Лесной пейзаж (Аллея в березовой роще)».
1867 г. Холст, масло. Пермская государственная художественная галерея
стр. 123 — Окрестности Бежин Луга <http://safari.ru/tours/velopokhody/velotur-bezhin-lug-vip/>
стр. 171 — И. С. Тургенев на Бежином Лугу <http://fb.ru/article/131563/kratkoe-soderzhanie-hor-i-kalinyich-v-kontekste-ego-ponimaniya-turgenevym>
стр. 219 — Тула. Площадь Победы. http://tulasm.ru/news/195378#.Wtt_RRuFPIU
стр. 268 — интернет
стр. 281 — Лев Толстой и его внучка Тая (Т. М. Сухотина). Журнал «Искры» №33 от
28.08.1911 г. <https://kapuchin.livejournal.com/443811.html>

КОВЧЕГ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ», ВЫХОДЯЩИЙ ПОД ЭГИДОЙ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ВЫПУСК 8

Произведения, опубликованные в альманахе, даны преимущественно в авторской редакции. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакторы: Л.Д. Алтунина, В.В. Резцов,

С.О. Крестьянкин, Я.Н. Шафран

Корректоры: Л.Д. Алтунина, В.В. Резцов,

С.О. Крестьянкин, Я.Н. Шафран

Компьютерный набор: авторы

Компьютерная верстка, изготовление оригинал-макета,
дизайн обложки и оформление: Я.Н. Шафран, В. В. Радько

Составление: Я.Н. Шафран

Издатель — всероссийский ордена Г. Р. Державина
литературно-художественный и публицистический журнал
«Приокские зори»

300040, Тула, ул. Калинина, д. 26, кор. 2, оф. 210

e-mail: bonyans@yandex.ru тел. 8- 953-443-14-69

Альманах выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров

Дата выхода в свет 10.09.18

Формат 60x84/16. Усл.- печ. л. 18.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Заказ № 228

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Полиграфинвест»
300028, Тульская область, Тула, Сурикова 20
Тел.: (4872) 71-02-92

ВИТАЛЕ
Ольга

ВОЕВОДИНА
Юлия

ВОРОНЦОВ
Станислав

ГОРОДЮК
Роман

КОЛОБКОВА
Юлия

НИКИТЕНКО
Нина

РОГОЖИНА
Татьяна

НОЗДРИНА
Ольга

СИЗОВА
Анастасия

СУХОРУКОВА
Милена

ФИЛИПОВ
Сергей

ШИЛКИН
Сергей

ЮРКОВА
Татьяна